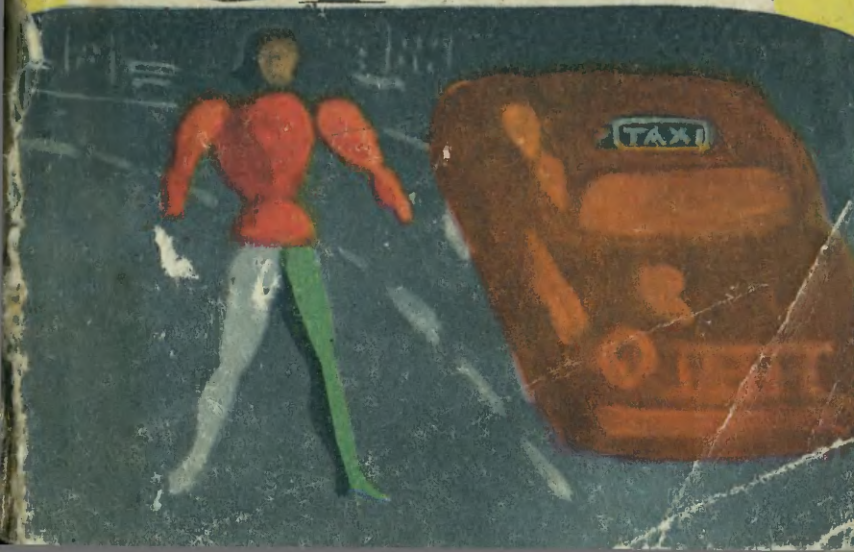

июнь

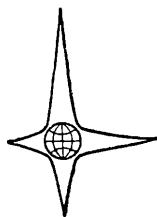
1 8 15 22 29
2 9 16 23 30
3 10 17 24
4 11 18 25
5 12 19 26
6 13 20 27
7 14 21 28

31 июня

З
А
Р
У
Б
Е
Ж
Н
А
Я

Ф
А
Н
Т
А
С
Т
И
К
А

ИЗДАТЕЛЬСТВО

« М И Р »

ТРИДЦАТЬ ПЕРВОЕ ИЮНЯ

Сборник юмористической фантастики

Составитель А. Стругацкий

Предисловие Е. Парнова

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МИР»
МОСКВА 1968

Редактор Е. Ванслова

Редакция научно-фантастической и научно-популярной литературы

ОПЫТ АНТИПРЕДИСЛОВИЯ

В наш век, когда физики открыли антипротоны, антинейтроны и даже антинейтрино, в моду стали входить антироманы, антиповести и антирадиопьесы. Чтобы не отстать от времени, я решил написать антипредисловие к этому сборнику зарубежной юмористической фантастики. Как я понимаю жанр антипредисловия? Очень просто. Так просто, что Роб Грийе, например, может назвать такую простоту примитивной. Но зато она логична не в пример современной драме абсурда. Суть этой простоты тоже очень проста. Если предисловия обычно хвалили предпосылаемые книги и лишь изредка упоминали об отдельных недостатках, антипредисловия должны, естественно, свои книги изничтожать. Главное — это твердо соблюдать ко многому обязывающую приставку «анти». В нашем, например, случае антипредисловие должно быть скучным и без намека на фантастику. Кроме того, необходимо отдать должное и чисто физической симметрии. Речь идет об инверсии декартовых координат. А если говорить популярно, антипредисловие следует начинать с оценки не первого по порядку произведения, а последнего.

Вот коротко основные принципы нового литературного жанра — антипредисловия. Остается только на конкретном примере претворить их в жизнь.

Какая там у нас последняя вещь в сборнике? Что-что? Не может быть... 31 июня? В этом есть нечто весьма сомнительное, не правда ли? Не стоит даже заглядывать в календарь. И так все ясно. Такого дня просто не может быть. Повесть Джона Бойнтона Пристли начинает вводить

в заблуждение еще с заглавия! Это уж слишком. Неужели вы станете читать такую повесть? 31 июня — это ведь все равно что пятая сторона света, двадцать пятый час суток и много хуже, чем прошлогодний снег. Так неужели вы совершенно сознательно, как говорят, в здравом уме и твердой памяти поддадитесь явной мистификации? Я поддался ей лишь потому, что мне нужно было написать предисловие (антипредисловие). Причина вполне уважительная. А вот почему вы собираетесь последовать за человеком, декларативно утверждающим существование 31 июня, это мне совершенно непонятно.

Ведь стоит только хотя бы на мгновение допустить, что 31 июня возможно, и наш жестко детерминированный мир затрещит, как пустой орех, говоря словами популярной песни из кинофильма «Последний дюйм». Тогда станут возможными самые невероятные, а главное, совершенно нелепые и никому не нужные вещи. Ну, например, тогда можно будет войти в конторский шкаф и провалиться в давнопрошедшее время, не успев даже чихнуть от пыли и застарелого запаха клея. Это же нелепо, правда? И кому это нужно? Я еще понимаю Марка Твена. Он отправил своего Янки во времена короля Артура, предварительно трахнув его по голове чем-то тяжелым. Это вполне логично. Так не то что в Камелоте очутиться, но и на тот свет очень даже легко попадешь. Хотя его, конечно, нет, того света. «Янки при дворе короля Артура» — произведение явно реалистическое. Даже знаменитый колдун Мерлин выведен там как безграмотный шарлатан, который нахватался отрывочных сведений из брошюры «Демонстрация химических опытов учащимся». Я уж не говорю о фее Моргане, этой садистке, ничем не уступающей нашей действительно существовавшей Салтычихе. А что мы видим после нуль-транспортировки посредством шкафа или стены питейного заведения «Вороной конь»? Марлаграма и

Мальгрима мы видим, даже язык — и тот заплетается. Это уж настоящие волшебники. Один все время оборачивается жирной крысой и противно хихикает: «Хи-хи-хи». Смешно ему, видите ли. Они производят всевозможные звуковые и световые эффекты (автор, конечно, не объясняет физико-химического механизма), после которых остается запах серы. Улавливаете намек? То-то и оно! Более того, они могут превращать людей в кого угодно. В рыжебородых рыцарей-многоборцев, животных и драконов. Мы-то знаем, что драконы из народных сказок имеют реальные предпосылки в лице представителей вымершей фауны юрского, мезозойского и прочих каменноугольных периодов. Именно их гумифицированные и сильно минерализованные остатки дали пищу крылатой народной фантазии. Вот с этих позиций я и подошел к рассмотрению главы «Драконография» за номером 13. Странное совпадение, между прочим. И, думается, не случайное. Если учесть 31 июня. Но вернемся к нашим баранам, то бишь к драконам.

Я цитирую главного оружейника: «Если дракон мечехвостый или копьехвостый, тогда можно. Но если вам попадется рогохвостый или рыбохвостый... И опять же... взять хоть клинохвостого или свирепого исполинского винтохвостого дракона...»

Оставляя в стороне реминесценции с Безенчуком из «Двенадцати стульев», рассуждающим о гробах, в объяснениях мастера-оружейника можно уловить зачатки научной классификации. Но стоит нам сравнить ее с классификацией Карла Линнея, прибегнуть к помощи Кювье, и все рассыпается в прах... Не было никогда и нет на земле подобной фауны. А Пристли пишет о драконах так, что их буквально видишь и осязаешь. Вот вам и 31 июня.

Стоит только раз пожертвовать здравым смыслом (я говорил об этом с самого начала), как все станет возможным. Телега продолжает катиться под откос, даже если у нее

отваливаются колеса. Каждый из нас помнит нелепую, хотя и вполне безобидную детскую абракадабру: эне бене рес, квинтер минтер жес. Ну скажите по чести, когда-нибудь что-нибудь после нее происходило? А Марлаграм с ее помощью разбивает чугунные цепи весом 400 фунтов! Говорите сказка? Не рассказывайте мне сказок! Я не против того, чтобы разбивали цепи. Просто автор должен был придумать более правдоподобное заклинание. Халдейское, что ли. Или позаимствовать оное у Гауфа и Андерсена. А то эне, бене... В это не веришь. Это расходится с личным опытом. И расходится не менее радикально, чем число 31 июня. Пристли не довольствуется «чудесами», совершаемыми Марлаграмом и Мальгримом. Исподволь и постепенно он реабилитирует старика Мерлина, разоблачаемого Марком Твеном. Читателю прививается мысль, что Мерлин был на самом деле еще более изощренным чародеем, чем Марлаграм. Столь последовательное и одновременно противоречивое поведение автора нуждается в строгом анализе. С последовательностью все более или менее ясно. Она проистекает из последовательного развития тезиса о существовании 31 июня и вольно или невольно приводит автора к конфликту с Марком Твеном. А вот противоречие, или непоследовательность, порождается последствиями применения последовательности. Автор не хочет конфликта с Марком Твеном, но не может избежать его, поскольку последовательно раскручивает свое 31 июня. И он прав. Все-таки Марк Твен — классик и первооткрыватель (для людей XX века) доброй старой Англии времен короля Артура. Поэтому, опровергнув тезис Марка Твена о профессиональной непригодности Мерлина, Пристли спешит загладить свою вину. Он до мелочей подтверждает версию Марка Твена о географии, быте и нравах легендарных королевств. Вслед за Твеном он делает намек, что королева Джиневра изменяет Артуру с сэром Ланселотом. Пристли

повторяет те же дворцовые сплетни. Увы, люди всегда остаются людьми.

Марк Твен убедительно показал последствия взаимотрансгрессии различных по уровню культур. В частности, эти последствия могут выливаться и во внешне смешные формы. Сэр Галахад, к примеру, играя на понижение, разорил остальных рыцарей-акционероделателей. Пристли, тяготясь своей виной перед Марком Твеном за Мерлина, спешит, так сказать, оправдаться в мелочах. На трибунах ристалища организуются кассы взаимных пари, волшебники вкупе с предприимчивыми бизнесменами из нашего века создают акционерное общество по обслуживанию туристов-толстосумов.

Все это скорее грустно, чем смешно.

Есть в повести «31 июня» и любовная интрига. Как же без оной? Художник Сэм (не дядя Сэм, а англичанин — представитель современной полубогемы) влюбляется в прелестную, улыбающуюся принцессу Мелисенту. Она тоже, разумеется, без памяти влюбляется в Сэма. Между влюбленными — пропасть глубиной в несколько столетий, дорога длинной, так сказать, далеко не в один год. Для Сэма закопченный от смога Лондон — это объективная реальность, а королевство Бергамора, Марралора, Парлота, Лансингтона, Нижних Мхов и Трех Мостов — воображение, легкая дымка, сон. Для прелестной Мелисенты соответственно наоборот. Оба мира находятся в такой же взаимосвязи, как мир и антимир. Их разделяет неумолимый закон причинности, вытекающей из постоянства скорости света. Но любовь, как всегда, одерживает верх. На этот раз даже над фундаментальными законами природы, что совершенно недопустимо в фантастике, которая должна быть строго научной. Как же удастся автору и тут провести читателя? А все за счет описания прелестной, улыбающейся, яркой такой и излучающей свет принцессы Мелисенты.

Ну прямо видишь ее, как живую, в милом допотопном наряде, изумленно разглядывающую капроновые чулки — паутинку без шва. Вся она умыта солнцем и блестит, точно отлакированная. Лакомый кусочек, как говорит старик Марлаграм. И в то же время — голубой сон, нереальная блистающая эфемериды. Конечно, это пленяет, но разве прав Пристли, устами своего героя утверждающий, что всякий мужчина мечтает об улыбающейся принцессе? Во-все не всякий! Бездельник фантазер и к тому же неженатый, конечно, может помечтать... Стоит она себе, красавица, и излучает сияние... Смешно мечтать о принцессах! В наше время они отказываются от номинальных тронов, чтобы выйти замуж за летчика или фотографа.

В общем фабула повести довольно незатейливая, а интрижки и вовсе затасканные. Я совершенно не понимаю, почему отдельные сцены вызывают радостный смех, точно так же непостижима для меня тонкая игра юмора и удивительная атмосфера нежной поэтической мечтательности, которая пробуждает в нас лучшие воспоминания детства. Мне кажется, это лишь усугубляет вину автора, увлекшего читателя в мир, где осуществляются мечты. Так недолго и поверить, что 31 июня действительно существует.

На этом, пожалуй, можно было бы закончить разбор повести, если бы не один персонаж, который не дает мне покоя. Это шкипер Планкет — ужасно прожженный тип и тертый калач. Он побывал во всех портах и тавернах, попадал в невероятные передрыги и пускался в немыслимые авантюры. Всех он называет «старик», со всеми он на «ты» и в любой момент готов прозакладывать голову за медяк. Знаем мы таких! Барон Мюнхгаузен или, положим, капитан Врунгель тоже ребята не промах. Но их создатели ясно дают нам понять, где правда и где ложь. А вот Пристли даже намеком не дезавуировал Планкета. Понимай, как хочешь. В итоге вы начинаете верить любым не-

былицам, которые рассказывает этот «шкипер». А ведь он типичное порождение 31 июня. Только в такой день и могут существовать подобные псевдоромантические типы, знакомые к тому же со всеми азартными играми и горячительными напитками всех времен и народов. К сожалению, такие «энциклопедисты» порока в рваных зюйдвестках рождают не столько негодование, сколько желание испробовать какое-нибудь экзотическое пойло. Тем паче что старый греховодник Марлаграм тоже мастер уговаривать. Не могу удержаться и приведу небольшой отрывок. При этом обращаю внимание читателя на сноску по поводу коктейля «Кровавая Мери». До этой сноски наша цитата, правда, не дойдет. Но при чтении текста могут быть недоуменные вопросы. Вот почему хочется сразу же дать разъяснения по поводу «Кровавой Мери». Этот коктейль не является, как утверждает сноска, смесью водки с томатным соком. Это смесь чистого спирта с томатным соком. И к тому же не смесь, так как спирт осторожно наливают на предварительно посоленный и поперченный томатный сок. В физикохимии такое называют расслоением фаз. Но вернемся к цитированию отрывка о драконовой крови, которая якобы напоминает «Кровавую Мери», только крепче ее. Действие происходит все в том же пресловутом «Вороном коне». Буфетчица Куини только что нультранспортировалась в королевство Бергамора и прочая. Марлаграм лениво, без всякой цели совращает случайного посетителя, полного мужчину:

«Что-то у меня с глазами неладно, — сказал толстяк. — Послушайте, а куда девалась Куини?»

— Это ты о буфетчице? Хи-хи-хи! Завтра утром у нее будет по горло дел на перадорском турнире, хоть сама она, конечно, об этом еще и не подзревает. А твои глаза... да разве ими что-нибудь увидишь?

— То есть как это?

— Да ты уж сколько лет как мертвец, — сказал Марлаграм. — Выпьешь чего-нибудь?

— Легкого с горьким, — уныло ответил толстяк.

— Ты себя губишь, хи-хи-хи! Нет, пинта драконовой крови — вот что пойдет тебе впрок. Держи!»

Видите, как совращает? Но минуту терпения, и вы поймете, зачем он это делает. Вот что говорит он дальше:

«...А теперь выпей и оживи. А то куда ни плюнь — одни мертвяки: тыкаются повсюду, высматривают, нет ли где свободной могилы.

— Ну что ж, я выпью.

— Давно пора. А как хлебнешь драконовой крови, скажешь, какое сегодня число.

Толстяк отхлебнул большой глоток темно-красной жидкости. Глаза у него полезли на лоб, но он сразу же так и расплылся в блаженной улыбке.

— А ведь вы правы, ей-богу. И Куини тоже, и тот малый, художник, что был тут нынче утром. Сегодня и впрямь тридцать первое июня».

Теперь понимаете, в чем дело? Комментарии, я считаю, излишни. Я уверен, что мне удалось вам раскрыть глаза, и вы не станете читать эту повесть.

Лучше (я пародирую Планкета) хлопнем по банке драконовой крови — тьфу, я хотел сказать, «Кровавой Мери» — и отправимся в путешествие по рассказам сборника. Многие из них, конечно, слишком нелепы и фантастичны, чтобы пленить внимание серьезного читателя, но по крайней мере нигде не говорится о 31 июня или о 30 февраля, а различные чудеса хоть как-то объяснены с научных позиций.

Но, прежде чем мы начнем путешествие, мне хочется рассказать один старый анекдот.

Какой-то джентльмен зашел в кинозал, где показывали новый детектив. Девушка с фонариком провела его на

свободное место и остановилась в ожидании чаевых. Но джентльмен сделал вид, что не замечает ее. Тогда она наклонилась над ним и, указав рукой на экран, шепнула: «Убийца вот тот дворник».

Изощренная месть, не правда ли? Так вот, чтобы не испортить впечатления тем, я верю, немногим читателям, которые вопреки моему совету все же прочтут эту книгу, мы совершим лишь беглую экскурсию в очень шумный и неустроенный мир фантастического юмора. Не затрагивая краеугольных камней — сюжетов. Кому же интересен детектив, когда заранее знаешь убийцу?

Впрочем, мне думается, убийства в книгах и на экранах доживают свой век. Они становятся ненужными. Современная наука отказывается от непроизводительных и дорогостоящих методов. Взять хотя бы рассказ итальянского писателя Примо Леви «Мимете». Что делает его герой Джилиберто, когда ему чертовски надоедают обе, кстати совершенно одинаковые супруги? Перед полетом страхует одну из них на крупную сумму и подсовывает в багаж пластиковую мину? Угощает обеих шоколадками с начинкой из цианистого калия (химическая формула KCN)? Душит? Стреляет? Нет. Ничего из того, что может прийти в голову нормальному человеку, он не делает. Зачем? Ведь у него есть трехмерный дубликатор и он... Но не будем разглашать секретов.

Зато Рассел Мэлони (рассказ «Несокрушимая логика»), как говорится, патронов не жалеет. У него — даже быстрее, чем в шекспировском «Гамлете», — вопрос решается в пользу «не быть». Конечно, вы вряд ли будете читать этот рассказ и остальные тоже, так что оставим на совести автора шесть шимпанзе, непрерывно отстукивающих на ремингтонах шедевры общечеловеческой культуры, и голубоватый дым, после которого остается кисловатый металлический привкус бездымного пороха.

Машины — они как-то лучше, понятнее, чем живые приматы. Недаром ведь Примо Леви обошелся без перепалки. А все потому, что его герой Джилиберто имел машину, этот самый редубликатор. Но, конечно, машина машине рознь. В одной интеллигентной семье из двух человек тоже была машина (рассказ «Челестина» Альберто Моравиа). Лучше бы ее не было, этой Челестины. Так как легкомысленная и сумасбродная девчонка... В общем, если кто и надеется, что в век роботов исчезнут проблемы отцов и детей, тот глубоко ошибается.

С ростом материальной культуры и увеличением всевозможной информации проблемы только усложняются и запутываются. Югославский писатель Илия Поповски в своем «Репортаже из далекого будущего» это ясно показал. Репортаж — это вам не рассказ, никакой беллетристики, никакого художественного вымысла. Голые факты. Но ведь и чистая правда не всегда бывает приятной. Я рад за вас, читатель, что вы не узнаете, какая получилась междупланетная белиберда на приеме (с очень хорошим обедом), который пропел в теплой и дружественной обстановке единения ближних и дальних планет солнечной системы.

Народная поговорка гласит: «Чем дальше в лес, тем больше дров». Это совершенно справедливо. Чем дальше от Солнца, тем больше можно наломать дров.

Кажется, что может быть проще, чем проблема планетной номенклатуры? У нас в солнечной системе даже самый жалкий астероид носит звучное имя античного бога или по меньшей мере знаменитой в свое время нимфы. Но, оказывается, что резервных имен нам хватит от силы на две-три звезды (считая в среднем по десять планет на солнцеединицу). А звезд-то ведь пропасть! Еще Швейк не мог ответить на вопрос психиатра: «Сколько на небе звезд?» Но ведь с тех пор разрешающие способности телескопов неизмеримо возросли. Мы можем фотографировать

даже объекты двадцатой звездной величины. Так что с названиями дело плохо. Если верить Уоллесу, автору рассказа «Из двух зол», то планетам будут давать даже такие имена, как, простите, «Врежу-в-Харю». Во!

Нет нужды говорить о социальных трудностях, возникающих на такой несчастной планете. Туристы ее, естественно, избегают, порядочные женщины тоже. Зато всяческие дебоширы и разгильдяи слетаются как мухи на мед. О том же, чтобы изменить название, и думать нечего. Бюрократ из какого-нибудь там управления по вселенскому картированию даст сто очков вперед нынешнему канцеляристу из госдепартамента. Это, перефразируя слова бессмертного Безенчука, отборный бюрократ, любительский, ставший в течение веков абсолютно не мутагенным.

Впрочем, беды заброшенной Врежу-в-Харю ничто по сравнению с некой безумной планетой Планетат (Фредерика Брауна). Там уже против человека восстает сама природа. Земля, видите ли, испугала ходоков с Врежу-в-Харю ночными шайками очаровательных налетчиц, которые охотятся за иностранцами в matrimониальных целях. Так это же одно удовольствие попасть в полон к таким амазонкам! На Планетате все обстоит значительно хуже. Это несчастное небесное тело вращается вокруг двойной звезды — солнца и антисолнца. Поэтому в определенных точках орбиты на планету обрушиваются нелинейные оптические эффекты, связанные с замедлением скорости света. Еще Александр Беляев показал, какая это неприятная штука — замедление света. Но Браун внес существенное уточнение, доказав, что это явление *почти* непереносимо. Действительно, вы бросаете взгляд на часы под потолком — и видите могильный венок. Служивцы на ваших глазах превращаются в ярко-синие скелеты или, положим, в ярко-желтых обезьян. И все это в тот момент, когда рушатся стены, срываются крыши и почва трясется крупной

дрождю от пронсящихся... в литосфере птичьих стай. Но я не случайно выделил слово *почти*. Есть нечто, перед чем любые неурядицы — сущая ерунда. Недаром ведь Мелиссента и Сэм соединились все же за Свадебным столом. Впрочем, я уже, кажется, начинаю выбалтывать стратегические секреты фабулы.

Да и как их не выболтать?.. Ведь до чего все здорово наловчились писать. Все закручено в тугой узел. Никаких параллельных или, положим, тупиковых ветвей. Один неверный намек — и развязка как на ладони. Вот хотя бы рассказ Алена Норса «Эликсир Коффина». Что я могу сказать о нем, не раскрывая, как в том анекдоте, инкогнито дворника? Ну, подумаешь, три медика изобрели сыворотку от насморка! Стоит ли из-за этого писать рассказ? Даже если сыворотка навек избавила человечество от простуды! Но, если рассказ написан, да еще переведен с английского на русский и включен в сборник, значит, есть в нем еще что-то, кроме текущих носов и слезящихся глаз? Есть-то оно есть... Да как об этом сказать, чтобы... Одним словом, нелегкая это задача — сказать о произведении нечто, не сказав, в сущности, ничего. И тем не менее ее приходится каждый раз решать заново. Роберт Шекли вот посадил на необитаемую планету двух зверски голодных космонавтов («Где не ступала нога человека»). Они съели, аккуратно разрезав пополам, последнюю редиску и отправились на поиски чего-нибудь съедобного. Любопытный писатель-реалист ясно и конкретно описал бы такой вполне возможный в недалеком будущем случай. Завязка вроде бы строго детерминирует развязку: а) космонавты нашли еду и, поковыряв во рту зубочисткой, возобновили прерванный полет; б) космонавты не нашли еды и умерли в страшных мучениях. Третьего как будто не дано. Но не таковы писатели-фантасты. Они всегда найдут третье, а если захотят, то и четвертое, и пятое. Раскрыть секрет

Шекли можно, лишь прочитав его рассказ, но вот этого-то автор антипредисловия вам и не рекомендует.

Но у Шекли, несмотря на стремительные повороты сюжета, все более или менее определено. Если что действительно было, он так и пишет, что оно, дескать, было, а уж чего не было, того, извините, и не могло быть. Зато другие писатели любят подпустить туману. Тут уж вы не можете точно сказать, где действительные события, а где наваждение или, еще раз простите, просто пьяный бред. И воистину, если рассказ «Домовой мостильщика Гоуски» Карела Михала начинается с того, что герой напился во вторник и пьяный идет под дождем домой, и кончается тем, что Гоуска пьяный идет под дождем домой, то, положив руку на сердце, можете вы поручиться за показания такого человека? Я не могу. Этот самый мостильщик Гоуска и в завязке и в развязке видит, как блестит в дождевых струях проклятое, в крапинку яйцо. Это же дает нам право полагать, что все события, описанные чешским писателем, происходили лишь в затуманенной голове Гоуски, который, кстати, обычно напивался не по вторникам, а по субботам. Может, и не брал он в руки того проклятого яйца и не высиживал черного цыпленка с зелеными (опять намек на Люцифера) глазами! Как хочешь, так и понимай.

Примерно такая же обидная дилемма ставится перед читателем в рассказе Роберта Артура «Упрямый дядюшка Отис». Старый хрыч Отис, видите ли, мог вдруг заупрямиться и отказаться признать существование чего угодно. Вроде бы здравомыслящим людям на это и наплевать, но отрицание Отиса приводило к очень тяжелым последствиям. Поэтому, когда несносный дядюшка вдруг засомневался насчет звезд, родственникам пришлось принять спешные меры. Что проистекало из дядюшкиного отрицания и какие санкции употребили родственники, остается, конечно, на совести автора. Не в этом дело. В конце концов,

на фантастику надо делать скидку. Главная обязанность писателя — это ясно сказать, было такое или нет. Роберт Артур не хочет говорить ясно. Герой, от лица которого ведется рассказ об Ойсе, племянничек старикашки, кончив повествование, обводит всех глазами в ожидании, что кто-нибудь поднесет ему рюмочку (?!). Опять проклятая неизвестность...

Роберт Лафферти («Неделя ужасов») обратился к волшебной сказке XX века. Странное действие оказывает на нас сказка. Это как 31 июня. И знаешь, что быть того не может, и все же идешь на блестящую приманку, как зимний окунь на мормышку. Сказка пробуждает спящего в каждом человеке ребенка. Но разве это дело — будить детей? Вот почему я и вынужден заявить, что, хотя такие сказки могут вызвать веселый смех и очаровать своей поэтичностью, читать их не следует, потому что все связанное с так называемым волшебством — чистой воды обман. То же можно заметить и о сказках про роботов, хотя они не волшебные, а кибернетические. В наше время, когда сложные приборы (телевизор, пылесос, холодильник и стиральная машина) способны свести человека с ума своими электрокапризами, нам не хватает только механических сказочных персонажей! Будь моя воля, я бы всех их разобрал на запчасти.

Роботы — ужасные типы! Но кибернэросы («Блеск и нищета кибернэросов» Эрвина Дертяна) еще почище. Они забыли свою роль покорных слуг человека. Кибернэросы служат лишь божественному Эросу. Нет чтобы помочь по хозяйству. Увы, кибернэросы занимались только любовью. И еще как (об этом тоже не стоит читать)! Те же невинные мистификации, которые с их помощью проделывали люди, и, в частности, сам президент Новой Бургундии, конечно, крайне наивны. Любой волшебник класса Мальгрима и даже просто писатель-фантаст могут закрутить

куда похлеще. Поэтому нечего удивляться, что, например, такой маг экстра-класса, как Станислав Лем, сам взял у себя интервью («Автоинтервью»).

Но мы, кажется, добрались до последнего (по расположению в сборнике первого) рассказа. Это «Остряк» Айзека Азимова. На мой взгляд, не ахти какой остряк этот гроссмейстер Меерхоф. Сидит и все время рассказывает мощнейшему электронному мозгу, по имени Мултивак, ветхозаветные анекдоты. Каин, как известно, прикончил Авеля за меньший грех, но Мултивак терпеливо слушал. И, если бы сотрудник гроссмейстера не застал его за столь странной беседой и не настучал бы об этом в ФБР, никакого рассказа не получилось бы. Но он застал и, естественно, настучал. Именно это событие и привело в действие сложнейший сюжетный механизм, который обусловил оригинальную развязку. Суть ее сводится к тому, что — по крайней мере в нашем тысячелетии — анекдоты еще будут.

На этом можно было бы поставить точку, если бы не одно обстоятельство.

Заканчивая антипредисловие, я вынужден с сожалением констатировать, что указанные мною жанровые принципы не выдержаны. Подвела физическая симметрия. Не удалось полностью учесть инверсию декартовых координат. Ведь «анти», по крайней мере в физике, предполагает полное зеркальное отражение. Но типография наотрез отказалась набрать зеркальный текст антипредисловия. Так что читателю самому придется поднести книгу к зеркалу и начать читать предисловие с конца. Но беда еще в другом. Я не могу ответить на вопрос, должен ли автор антипредисловия предварительно читать предпосылаемую книгу, если автор предисловия ее обычно читает. Я-то читал и боюсь, что все этим испортил. Не знаю, осталось ли у меня право по-прежнему решительно при-

зывать вас захлопнуть сборник сразу же по прочтении антипредисловия?

Если таковое право из-за чисто математической неувязки бесповоротно утрачено, мне остается сказать только:

— Читатель и друг! Есть такой прием доказательства как приведение к абсурду, который широко распространен в геометрии и логике. Я использовал его здесь, доказав, что не читать эту книгу — абсурдно. Так прочти же ее, посмейся от души и прости автору антипредисловия все, в чем он виноват или не виноват перед тобой.

Ермей Парнов

ОСТРЯК

Ноэл Меерхоф просматривал список, решая, с чего начать. Как всегда, он положился в основном на интуицию.

Меерхоф казался пигмеем рядом с машиной, а ведь была видна лишь незначительная ее часть. Но это роли не играло. Он заговорил с бесцеремонной уверенностью человека, твердо знающего, что он здесь хозяин.

— Гарри Джонс, член масонской ложи, — сказал он, — за завтраком обсуждал с женой подробности вчерашнего заседания братьев масонов. Оказывается, президент ложи выступил с обещанием подарить шелковый цилиндр тому, кто встанет и поклянется, что за годы семейной жизни не целовал ни одной женщины, кроме своей законной жены. «И поверишь ли, Эллен, никто не встал». «Гарри, — удивилась жена, — а ты-то почему не встал?» «Да знаешь, я уж совсем было хотел, но вовремя спохватился, что мне страшно не пойдет шелковый цилиндр».

Меерхоф подумал: «Ладно, проглотила, теперь пусть переварит».

Кто-то окликнул его сзади:

— Эй!

Меерхоф стер это междометие из памяти машины и перевел цепь в нейтральную позицию. Он круто обернулся:

— Я занят. В дверь принято стучать — вам что, не известно?

Против обыкновения Меерхоф не улыбнулся, отвечая на приветствие Тимоти Уистлера — старшего аналитика, с которым он сталкивался по работе не реже, чем с другими. Меерхоф насушился, словно ему помешал чужой че-

ловек; его худое лицо исказилось гримасой, волосы взъерошились пуще прежнего.

Уистлер пожал плечами. На нем был белый халат, руки он держал в карманах, отчего на ткани образовались вертикальные складки.

— Я постучался. Вы не ответили. А сигнал «Не мешать» погашен.

Меерхоф что-то промышал. Сигнал и вправду не был включен. Поглощенный новым исследованием, Меерхоф забывал о мелочах.

И все же ему не в чем было себя упрекнуть. Дело-то важное.

Почему важное, он, разумеется, не знал. Гроссмейстеры редко это знают. Оттого-то они и гроссмейстеры, что действуют по наитию. А как еще может человеческий мозг угадаться за сгустом разума пятнадцатикилометровой длины, называемым Мултивак, — за самой сложной на свете вычислительной машиной?

— Я работаю, — сказал Меерхоф. — У вас что-нибудь срочное?

— Потерпит. Я обнаружил пробелы в ответах о гиперпространственном... — С некоторым запозданием на лице Уистлера отразилась богатая гамма эмоций, завершившаяся унылой миной неуверенности. — Работаете?

— Да. А что тут особенного?

— Но ведь... — Уистлер огляделся по сторонам, обвел взглядом всю небольшую комнату, загроможденную бесчисленными реле — ничтожно малой частью Мултивака. — Здесь ведь никого нет.

— А кто говорит, что здесь кто-то есть или должен быть?

— Вы рассказывали очередной анекдот, не так ли?

— Ну и что?

Уистлер натянуто улыбнулся.

— Не станете же вы уверять, будто рассказывали анекдот Мултиваку?

Меерхоф приготовился к отпору.

— А почему бы и нет?

— Мултиваку?

— Да.

— Зачем?

Меерхоф смерил Уистлера взглядом.

— Не собираюсь перед вами отчитываться. И вообще ни перед кем не собираюсь.

— Боже упаси, ну конечно, вы и не обязаны. Я просто полюбопытствовал, вот и все... Но, если вы заняты, я пойду.

Нахмурясь, Уистлер еще раз огляделся по сторонам.

— Ступайте, — сказал Меерхоф. Он взглядом проводил Уистлера до самой двери, а потом свирепо ткнул пальцем в кнопку — включил сигнал «Не мешать».

Меерхоф шагал взад-вперед по комнате, стараясь взять себя в руки. Черт бы побрал Уистлера! Черт бы побрал их всех! Только из-за того, что Меерхоф не дает себе труда держать техников, аналитиков и механиков на подобающей дистанции, обращается с ними, будто они тоже люди творческого труда, они и позволяют себе такие вольности.

«А сами толком и анекдота рассказать не умеют», — мрачно подумал Меерхоф.

Эта мысль мгновенно вернула его к текущей задаче. Он снова уселся. Ну их всех к дьяволу.

Он активировал соответствующую цепь Мултивака и сказал:

— Во время особенно сильной качки стюард остановился у борта и с состраданием посмотрел на пассажира, который перегнулся через перила и всей своей позой, а также тем, как напряженно вглядывался он в океанскую

пучину, являл зрелище жесточайших мук морской болезни. Стюард легонько хлопнул пассажира по плечу. «Мужайтесь, сэр,— шепнул он.— Я знаю, вам кажется, будто дело скверно, однако, право же, от морской болезни никто не умирал». Несчастный пассажир обратил к утешителю позеленевшее, искаженное лицо и хрипло, с трудом произнес: «Не надо так говорить, приятель. Ради всего святого, не надо. Я живу только надеждой на смерть».

Как ни был озабочен Тимоти Уистлер, он все же улыбнулся и кивнул, проходя мимо письменного стола девушки-секретаря. Та улыбнулась в ответ.

«Вот,— подумал он,— архаизм в двадцать первом веке, в эпоху вычислительных машин: живой секретарь! А впрочем, может быть, так и нужно, чтобы эта реалья сохранилась в самой цитадели вычислительной державы, в гигантском мире корпорации, ведающей Мултивакком. Там, где Мултивак заслоняет горизонты, применение маломощных вычислителей для повседневной канцелярской работы было бы дурным вкусом».

Уистлер вошел в кабинет Эбрема Траска. Уполномоченный ФБР сосредоточенно разжигал трубку; рука его на мгновение замерла, черные глаза сверкнули при виде Уистлера, крючковатый нос четко и контрастно обрисовался на фоне прямоугольного окна.

— А, это вы, Уистлер. Садитесь. Садитесь.

Уистлер сел.

— Мне кажется, мы стоим перед проблемой, Траск.

Траск улыбнулся краешком рта.

— Надеюсь, не технической. Я всего лишь невежественный администратор.

Это была одна из его любимых фраз.

— Насчет Меерхофа.

Траск тотчас уселся, вид у него стал разнесчастный.

— Вы уверены?

— Совершенно уверен.

Уистлер хорошо понимал недовольство собеседника. Уполномоченный ФБР Траск руководил отделом вычислительных машин и автоматики департамента внутренних дел. Он решал вопросы, касающиеся человеческих придатков Мултивака, точно так же как эти технически натащенные придатки решали вопросы, касающиеся самого Мултивака.

Но гроссмейстер нечто большее, чем просто придаток. Даже нечто большее, чем просто человек.

На заре истории Мултивака выяснилось, что самый ответственный участок — это постановка вопросов. Мултивак решает проблемы для человечества, он может разрешить все проблемы, если... если ему задают осмысленные вопросы. Но по мере накопления знаний, которое происходило все интенсивнее, ставить осмысленные вопросы становилось все труднее и труднее.

Одного рассудка тут мало. Нужна редкостная интуиция; тот же талант (только куда более ярко выраженный), каким наделен шахматный гроссмейстер. Нужен ум, который способен из квадрильонов шахматных ходов отобрать наилучший, причем сделать это за несколько минут.

Траск беспокойно заерзал на стуле.

— Так что же Меерхоф?

— Вводит в машину новую серию вопросов; на мой взгляд, он пошел по опасному пути.

— Да полно вам, Уистлер. Только и всего? Гроссмейстер может задавать вопросы любого характера, если считает нужным. Ни мне, ни вам не дано судить о том, чего стоят его вопросы. Вы ведь это знаете. Да и я знаю, что вы знаете.

— Конечно. Согласен. Но я ведь и Меерхофа знаю. Вы с ним когда-нибудь встречались вне службы?

— О господи, нет. А разве с grossмейстерами встречаются вне службы?

— Не становитесь в такую позу, Траск. Grossмейстеры — люди, их надо жалеть. Задумывались ли вы над тем, каково быть grossмейстером; знать, что в мире только десять — двенадцать тебе подобных; знать, что таких на поколение приходится один или два; что от тебя зависит весь мир; что у тебя под началом тысячи математиков, логиков, психологов и физиков?

— О господи, да я бы чувствовал себя владыкой мира, — пробормотал Траск, пожав плечами.

— Не думаю, — нетерпеливо прервал его старший аналитик. — Они себя чувствуют владыками пустоты. У них нет равных, им не с кем поболтать, они лишены чувства локтя. Послушайте. Меерхоф никогда не упускает случая побыть с нашими ребятами. Он, естественно, не женат; не пьет; по складу характера не компанейский человек... и все же заставляет себя присоединяться к компании, потому что иначе не может. Так знаете ли, что он делает, когда мы собираемся, а это бывает не реже раза в неделю?

— Представления не имею, — сказал уполномоченный ФБР. — Все это для меня новости.

— Он острит.

— Что?

— Анекдоты рассказывает. Отменные. Пользуется бешеным успехом. Он может выложить любую историю, даже самую старую и скучную, и будет смешно. Все дело в том, как он рассказывает. У него особое чутье.

— Понимаю. Что ж, хорошо.

— А может быть, плохо. К этим анекдотам он относится серьезно. — Уистлер обеими руками облокотился на стол Траска, прикусил ноготь и отвел глаза. — Он не такой, как все, он и сам это знает и полагает, что только анекдотами можно пронять таких заурядных трепачей, как мы.

Мы смеемся, мы хохочем, мы хлопаем его по плечу и даже забываем, что он гроссмейстер. Только в этом и проявляется его влияние на сослуживцев.

— Очень интересно. Я и не знал, что вы такой тонкий психолог. Но к чему вы клоните?

— А вот к чему. Как вы думаете, что случится, если Меерхоф исчерпает свой запас анекдотов?

— Что? — Уполномоченный ФБР непонимающе уставился на собеседника.

— Вдруг он начнет повторяться? Вдруг слушатели станут хохотать не так заразительно или вообще прекратят смеяться? Ведь это единственное, чем он может вызвать у нас одобрение. Без этого он окажется в одиночестве, и что же тогда с ним будет? В конце концов, он — один из дюжины людей, без которых человечеству никак не обойтись. Нельзя допустить, чтобы с ним что-то случилось. Я имею в виду не только физические травмы. Нельзя позволить ему впасть в меланхолию. Кто знает, как плохое настроение отразится на его интуиции?

— А что, он начал повторяться?

— Насколько мне известно, нет, но, по-моему, он считает, что начал.

— Почему вы так думаете?

— Потому что я подслушал, как он рассказывает анекдоты Мултиваку.

— Не может быть.

— Совершенно случайно. Вошел без стука, и Меерхоф меня выгнал. Он был вне себя. Обычно он добродушен, и мне кажется, такое бурное недовольство моим внезапным появлением — дурной признак. Но факт остается фактом: Меерхоф рассказывал Мултиваку анекдот, да к тому же, я убежден, не первый и не последний.

— Но зачем?

Уистлер пожал плечами, яростно растер подбородок.

— Вот и меня это озадачило. Я думаю, Меерхоф хочет аккумулировать запас анекдотов в памяти Мултивака, чтобы получать от него новые вариации. Вам понятна моя мысль? Он намерен создать кибернетического остряка, чтобы располагать анекдотами в неограниченном количестве и не бояться, что запас когда-нибудь истощится.

— О господи!

— Объективно тут, может быть, ничего плохого и нет, но по моим понятиям, если гроссмейстер использует Мултивака для личных целей, это скверный признак. У всех гроссмейстеров ум неустойчивый, за ними надо следить. Возможно, Меерхоф приближается к грани, за которой мы потеряем гроссмейстера.

— Что вы предлагаете? — бесстрастно осведомился Траск.

— Хоть убейте, не знаю. Наверное, я с ним чересчур тесно связан по работе, чтобы здраво судить о нем, и вообще судить о людях не моего ума дело. Вы политик, это скорее ваша стихия.

— Судить о людях — да, но не о гроссмейстерах.

— Гроссмейстеры тоже люди. Да и кто это будет делать, если не вы?

Пальцы Траска отстукивали по столу быструю, приглушенную барабанную дробь.

— Видно, придется мне.

Меерхоф рассказывал Мултиваку:

— В доброе старое время королевский шут однажды увидел, что король умывается, согнувшись в три погибели над лоханью. Развеселившийся шут изо всех сил пнул священную королевскую особу ногой в зад. Король в ярости повелел казнить дерзкого на месте, но тут же сменил гнев на милость и обещал простить шута, если тот ухитрится принести извинение, еще более оскорбительное, чем

сам проступок. Осужденный лишь на миг задумался, потом сказал: «Умоляю ваше величество о пощаде. Я ведь не знал, что это были вы. Мне показалось, будто это королева».

Меерхоф собирался перейти к следующему анекдоту, но тут его вызвали.

Собственно говоря, даже не вызвали. Гроссмейстеров никто никуда не вызывает. Просто пришла записка с сообщением, что начальник отдела Траск очень хотел бы повидаться с гроссмейстером Меерхофом, если гроссмейстеру Меерхофу не трудно уделить ему несколько минут.

Меерхоф мог безнаказанно швырнуть записку в угол и по-прежнему заниматься своим делом. Он не был обязан соблюдать дисциплину.

С другой стороны, если бы он так поступил, к нему бы продолжали приставать, бесспорно со всей почтительностью, но продолжали бы.

Поэтому он перевел активированные цепи Мултивака в нейтральную позицию и включил блокировку. На двери он вывесил табличку «Опасный эксперимент», чтобы никто не посмел войти в его отсутствие, и ушел в кабинет Траска.

Траск каплянул, чуть заробев под мрачной беспощадностью гроссмейстерского взгляда. Он сказал:

— К моему великому сожалению, гроссмейстер, у нас до сих пор не было случая познакомиться.

— Я перед вами регулярно отчитываюсь,— сухо возразил Меерхоф.

Траск задумался, что же кроется за пронзительным, горящим взглядом собеседника. Ему трудно было представить себе, как темноволосый Меерхоф, с тонкими чертами лица, внутренне натянутый как тетива, хотя бы на время перевоплощается в рубаху-парня и рассказывает смешные байки.

— Отчеты — это официальное знакомство, — ответил

он.— Я... мне дали понять, что вы знаете удивительное множество анекдотов.

— Я остряк, сэр. Люди так и выражаются. Остряк.

— При мне никто так не выражался, гроссмейстер. Мне говорили...

— Да черт с ними! Мне все равно, кто что говорит. Послушайте, Траск, хотите анекдот? — Он навалился на письменный стол, сощурился глазами.

— Ради бога... Конечно, хочу,— сказал Траск, сясь говорить искренним тоном.

— Ладно. Вот вам анекдот. Миссис Джонс разглядывает карточку с предсказанием судьбы, выпавшую из автоматических весов, куда бросил медяк ее муж, и говорит: «Тут написано, Джордж, что ты учтив, умен, дальновиден, трудолюбив и нравишься женщинам». С этими словами она перевернула карточку и прибавила: «Вес тоже перевернули».

Траск засмеялся. Удержаться было почти невозможно. Меерхоф так удачно воспроизвел надменную презрительность в голосе женщины, так похоже скорчил мину под стать голосу, что уполномоченный ФБР невольно развесялился.

— Почему вам смешно? — резко спросил Меерхоф.

— Прошу прощения,— опомнился Траск.

— Я спрашиваю, почему вам смешно? Над чем вы смеетесь?

— Да вот,— ответил Траск, стараясь не терять благоразумия, — последняя фраза представила все предыдущее в новом свете. Неожиданность...

— Странно,— сказал Меерхоф,— ведь я изобразил мужа, которого оскорбляет жена; брак до того неудачен, что жена убеждена, будто у ее мужа вообще нет достоинств. А вы смеетесь. Окажись вы на месте мужа, было бы вам смешно?

На мгновение он задумался, потом продолжал:

— Подумайте над другим анекдотом, Траск. Некий шотландец опоздал на службу на сорок минут. Его вызвали к начальству для объяснений. «Я хотел почистить зубы,— оправдывался шотландец,— но слишком сильно надавил на тюбик, и вся паста вывалилась наружу. Пришлось заталкивать ее обратно в тюбик, а это отняло уйму времени».

Траск попытался сохранить бесстрастие, но у него ничего не вышло. Ему не удалось скрыть усмешки.

— Значит, тоже смешно,— сказал Меерхоф.— Разные глупости. Все смешно.

— Ну, знаете ли,— заметил Траск,— есть масса книг, посвященных анализу юмора.

— Это верно,— согласился Меерхоф,— кое-что я прочел. Более того, кое-что я читал Мултиваку. Но все же авторы этих книг лишь строят догадки. Некоторые утверждают, будто мы смеемся, оттого что чувствуем свое превосходство над героями анекдота. Некоторые утверждают, будто нам смешно из-за неожиданно осознанной нелепости, или внезапной разрядки напряжения, или внезапного освещения событий по-новому. А может быть, причина проще? Разные люди смеются после разных анекдотов. Ни один анекдот не универсален. Есть люди, которых вообще не смешат анекдоты. Но, по-видимому, главное то, что человек — единственный из животных, наделенный чувством юмора: единственный из животных он умеет смеяться.

— Понимаю,— сказал вдруг Траск.— Вы пытаетесь анализировать юмор. Поэтому и вводите в Мултивак серию анекдотов.

— Откуда вы знаете?.. Ясно, можете не отвечать; от Уистлера. Теперь я вспомнил. Он застал меня врасплох. Ну и что отсюда следует?

— Ровным счетом ничего.

— Вы не оспариваете моего права как угодно расши-

рять объем знаний Мултивака и задавать ему любые вопросы?

— Вовсе нет,— поспешил заверить Траск.— По сути дела, я не сомневаюсь, что тем самым вы откроете путь к новым исследованиям, крайне интересным для психологов.

— Угу. Возможно. Но все равно, мне не дает покоя нечто гораздо более важное,— чем общий анализ юмора. Я должен задать конкретный вопрос. Даже два.

— Вот как? Что же это за вопросы? — Траск не был уверен, что Меерхоф захочет ему ответить. Заставить же его нельзя будет никакими силами.

Но Меерхоф ответил:

— Первый вопрос такой: откуда берутся анекдоты?

— Что?

— Кто их придумывает? Дело вот в чем. Примерно с месяц назад я убил вечер, рассказывая и выслушивая анекдоты. Как всегда, большей частью рассказывал я, и, как всегда, дурачье смеялось. Может быть, находили анекдоты смешными, а может быть, просто меня ублажали. Во всяком случае, один кретин позволил себе хлопнуть меня по спине и заявить: «Меерхоф, да вы знаете анекдотов больше, чем десяток моих приятелей». Он был прав, спору нет, но это натолкнуло меня на мысль. Не знаю уж, сколько сот, а может, тысяч анекдотов пересказал я за свою жизнь, но сам-то наверняка ни одного не придумал. Ни единого. Только повторял. Единственный мой вклад в дело юмора — пересказ. Начнем с того, что анекдоты я либо слышал, либо читал. Но источник в обоих случаях не был первоисточником. Никогда я не встречал человека, который похвалился бы, что сочинил анекдот. Только и слышишь: «На днях мне рассказали недурной анекдот» — или: «Хорошие анекдоты есть?»

Все анекдоты старые! Вот почему они так отстают от времени. В них до сих пор говорится о морской болезни,

хотя в наш век ее ничего не стоит предотвратить и никого она не беспокоит. Или в анекдоте, что я вам сейчас рассказал, фигурируют весы, предсказывающие судьбу, хотя такой агрегат отыщешь разве что в антикварном магазине. Так кто же тогда выдумывает анекдоты?

— Вы это хотите выяснить? — воскликнул Траск. На языке у него так и вертелось: «О господи, да не все ли равно?» Но он не дал воли импульсу. Вопросы гроссмейстера всегда исполнены глубокого смысла.

— Разумеется, именно это я и хочу выяснить. Рассмотрим вопрос с другой стороны. Дело не только в том, что анекдоты, как правило, стары. Они и должны быть старыми, иначе они не имеют успеха. Существенно важно, чтобы анекдот был откуда-то заимствован. Есть категории незаимствованного юмора — каламбуры. Мне приходилось слышать каламбуры, явно родившиеся экспромтом. Я и сам каламбурил. Но над каламбурами никто не смеется. Никто и не должен смеяться. Принято стонать. Чем удачнее каламбур, тем громче стонут. Незаимствованный юмор не вызывает смеха. Почему?

— Право, не знаю.

— Ладно. Давайте выясним. Я ввел в Мултивак всю информацию о юморе вообще, какую считал нужной, и теперь пичкаю его избранными анекдотами.

Траск против воли заинтересовался.

— Избранными по какому принципу? — спросил он.

— Не знаю, — ответил Меерхоф. — Мне казалось, что нужны именно они. В конце концов, я ведь гроссмейстер.

— Сдаюсь, сдаюсь.

— Первое задание Мултиваку такое: исходя из этих анекдотов и общей философии юмора, проследить происхождение всех анекдотов. Раз уж Уистлер оказался в курсе дела и счел нужным поставить вас в известность, пусть

придет послезавтра в аналитическую лабораторию. Думаю, для него там найдется работа.

— Конечно. А мне можно присутствовать?

Меерхоф пожал плечами. По-видимому, присутствие Траска было ему в высшей степени безразлично.

Последний анекдот серии Меерхоф отбирал с особой тщательностью. В чем выразилась эта тщательность, он и сам не мог бы ответить, но перебрал в уме добрый десяток вариантов, снова и снова отыскивая в каждом неуловимые оттенки скрытого смысла. Наконец он сказал:

— К пещерному жителю Угу с плачем подбежала его подруга в измятой юбке из леопардовой шкуры. «Уг,— вскричала она горестно,— беги скорее! К маме в пещеру забрался саблезубый тигр. Да беги же скорее!» Уг фыркнул, поднял с земли обглоданную кость буйвола и ответил: «Зачем бежать? Какое мне дело до того, что станется с саблезубым тигром?»

Тут Меерхоф задал машине два вопроса и, закрыв глаза, откинувшись на спинку стула. Он сделал свое дело.

— Никаких аномалий я не заметил,— сообщил Уистлеру Траск.— Он охотно рассказал, над чем работает, это исследование необычное, но законное.

— Уверяет, будто работает,— вставил Уистлер.

— Все равно, не могу я отстранить гроссмейстера единственно по подозрению. Он показался мне странным, но, в конце концов, такими и должны быть гроссмейстеры. Я не считаю его сумасшедшим.

— А поручить Мултиваку найти источник анекдотов — это, по-вашему, не сумасшествие? — буркнул старший аналитик.

— Кто знает? — раздраженно ответил Траск.— Наука

продвинулась так далеко, что стоит задавать только нелепые вопросы. Все осмысленные давно продуманы и заданы, на них получены ответы.

— Все равно. Я встревожен.

— Может быть, но теперь уже нет выбора, Уистлер. Мы встретимся с Меерхофом, вы проанализируете ответ Мултивака, если он даст ответ. Что до меня, то ведь я занимаюсь только канцелярской волокитой. О господи, я даже не знаю, что делает старший аналитик, вот вы, например; догадываюсь, что аналитик анализирует, но это мне ничего не говорит.

— Все очень просто,— сказал Уистлер.— Гроссмейстер, например Меерхоф, задает вопросы, а Мултивак автоматически выражает их в числах и математических действиях. Большую часть Мултивака занимают устройства, преобразующие слова в символы. Затем Мултивак дает ответ, тоже в числах и действиях, но переводит его на язык слов только в простейших, изо дня в день повторяющихся случаях. Чтобы Мултивак умел совершать универсальные преобразования, его объем пришлось бы по меньшей мере учетверить.

— Понятно. Значит, ваша работа — выражать символы словами?

— Моя работа и работа других аналитиков. Если нужно, мы пользуемся маломощными вычислительными машинами, специально для нас сконструированными.— Уистлер мрачно улыбнулся.— Подобно дельфийской пифии в древней Греции, Мултивак дает загадочные, неясные ответы. Вся разница в том, что у Мултивака есть переводчики.

Они пришли в лабораторию. Меерхоф уже ждал.

— Какими цепями вы пользовались, гроссмейстер? — деловито спросил Уистлер.

Меерхоф перечислил цепи, и Уистлер принялся за работу.

Траск пытался следить за происходящим, но оно не поддавалось истолкованию. Чиновник смотрел, как разматывается бесконечная лента, усеянная непонятными узорами точек. Гроссмейстер Меерхоф равнодушно стоял в стороне, а Уистлер рассматривал появляющиеся узоры. Аналитик надел наушники, вооружился микрофоном и время от времени негромко давал инструкции, которые помогали его коллегам где-то в дальнем помещении вылавливать электронные погрешности у других вычислительных машин.

Прошло больше часа.

Уистлер все суровее хмурил лоб. Он перевел взгляд на Меерхофа и Траска, начал было «Невероя...» и снова углубился в работу.

Наконец он хрипло произнес:

— Могу сообщить вам ответ неофициально.— Глаза у него были воспаленные.— Официальное сообщение отложим до завершения анализа. Согласно на неофициальное?

— Давайте,— сказал Меерхоф.

Траск кивнул.

Уистлер виновато покосился на гроссмейстера.

— Один дурак может задать столько вопросов, что...— сказал он и сипло прибавил: — Мултивак утверждает, будто происхождение анекдотов взезное.

— Что вы несете? — возмутился Траск.

— Разве вы не слышите? Анекдоты, которые нас смешат, придуманы не людьми. Мултивак проанализировал всю полученную информацию, и она укладывается в рамки только одной гипотезы: какой-то взезной интеллект сочинил все анекдоты и заложил их в умы избранных людей. Происходило это в заданное время, в заданных местах, и ни один человек не сознавал, что он первый рассказывает какой-то анекдот. Все последующие анекдоты представ-

ляют собой лишь незначительные вариации и переделки тех великих подлинников.

Лицо Меерхофа разругалось, глаза сверкнули торжеством, какое доступно лишь гроссмейстеру, когда он — который раз! — задает удачный вопрос:

— Все авторы комедий, — заявил он, — приспособливают старые остроты для новых целей. Это давно известно. Ответ сходится.

— Но почему? — удивился Траск. — Зачем было сочинять анекдоты?

— Мултивак утверждает, — ответил Уистлер, — что все сведения укладываются в рамки единственной гипотезы: анекдоты служат пособием для изучения людской психологии. Исследуя психологию крыс, мы заставляем крысу искать выход из лабиринта. Она не знает, зачем это делается, и никогда не узнает, даже если бы осознала происходящее, на что она не способна. Внеземной разум исследует людскую психологию, наблюдая индивидуальные реакции на тщательно отобранные анекдоты. Люди реагируют каждый по-своему... Надо полагать, по отношению к нам этот внеземной разум — то же самое, что мы по отношению к крысам. — Он поежился.

Траск, вытаращив глаза, пролепетал:

— Гроссмейстер говорит, что человек — единственное животное, обладающее чувством юмора. Значит, чувством юмора нас наделили извне.

— А юмор, порожденный самими людьми, не вызывает у нас смеха. Я имею в виду каламбуры, — возбужденно подхватил Меерхоф.

— Вероятно, внеземной разум во избежание путаницы гасит реакцию на спонтанные шутки.

— Да ну, о господи, будет вам, неужели хоть один из вас этому верит? — во внезапном смятении воскликнул Траск.

Старший аналитик посмотрел на него холодно.

— Так утверждает Мултивак. Пока больше ничего нельзя прибавить. Он выявил подлинных остряков Вселенной, а если мы хотим узнать больше, дело надо расследовать. — И шепотом прибавил: — Если кто-нибудь дерзнет его расследовать.

— Я ведь предлагал два вопроса, — неожиданно сказал гроссмейстер Меерхоф. — Пока что Мултивак ответил только на первый. По-моему, он располагает достаточно полной информацией, чтобы ответить и на второй.

Уистлер пожал плечами. Он казался сломленным человеком.

— Если гроссмейстер считает, что информация полная, — сказал он, — то можно головой ручаться. Какой там второй вопрос?

— Я спросил: «Что произойдет, если человечество узнает, какой ответ получен на мой первый вопрос?»

— А почему вы это спросили? — осведомился Траск.

— Просто чувствовал, что надо спросить, — пояснил Меерхоф.

— Безумие. Сплошное безумие, — сказал Траск и отвернулся. Он и сам ощущал, как диаметрально изменились позиции его и Уистлера. Теперь Траск обвинял всех в безумии.

Он закрыл глаза. Можно обвинять в безумии кого угодно, но за пятьдесят лет еще никто не усомнился в непогрешимости содружества гроссмейстер — Мултивак без того, чтобы сомнения тут же не развеялись.

Уистлер работал в молчании, стиснув зубы. Он снова заставил Мултивака и подсобные машины проделать сложнейшие операции. Еще через час он хрипло рассмеялся:

— Тифозный бред!

— Какой ответ? — спросил Меерхоф. — Меня интересуют комментарии Мултивака, а не ваши.

— Ладно. Получайте. Мултивак утверждает, что, как только хоть одному человеку откроется правда о таком методе психологического анализа людского разума, этот метод лишится объективной ценности и станет бесполезен для внеземных сил, которые сейчас им пользуются.

— Надо понимать, прекратится снабжение человечества анекдотами? — еле слышно спросил Траск. — Или вас надо понимать как-нибудь иначе?

— Конец анекдотам, — объявил Уистлер. — Отныне! Мултивак утверждает: отныне! Отныне эксперимент прекращается! Будет разработан новый метод.

Все усталились друг на друга. Текли минуты.

Меерхоф медленно проговорил:

— Мултивак прав.

— Знаю, — измученно отозвался Уистлер.

Даже Траск прошептал:

— Да. Наверное.

Не кто иной, как Меерхоф, признанный остряк Меерхоф, привел решающий довод. Он сказал:

— Ничего не осталось, знаете ли, ничего. Я уже пять минут стараюсь, но не могу вспомнить ни одного анекдота, ни единого! А если я вычитаю анекдот в книге, то не засмеюсь. Наверняка.

— Исчез дар юмора, — тоскливо заметил Траск. — Ни один человек больше не засмеется.

Все трое сидели с широко раскрытыми глазами, чувствуя, как мир сжимается до размеров крысиной клетки, откуда вынули лабиринт, чтобы вместо него поставить нечто другое, неведомое.

АВТОИНТЕРВЬЮ

Чертовски модны стали сейчас интервью. Бывают даже счастливыцы, вроде Османчика, у которых берут интервью каждую неделю. Я тоже дожидался своей очереди, да так и не дождался. Что ж, ничего не поделаешь — надо устраиваться самому. Отправляюсь сам к себе и застаю себя на полу — сижу и накручиваю заводную уточку.

— Чем вы сейчас занимаетесь? — спрашиваю я, с уважением пожимая руку самому себе.

— Пускаю уточку. Посмотрите-ка, вон как машет крыльями, а?

— Я имел в виду ваше творчество.

— А, вон оно что. Я сменил профиль. Литература, которой я занимался до сих пор, оказалась нерентабельной. «Дом книги», а также пример друзей подсказали мне новый путь развития. Пишу детективные романы. Для начала — три.

— Значит, бросили фантастику? — спрашиваю я с сожалением в голосе.

— Ничуть. Это детективно-фантастические романы.

— Можно узнать какие-нибудь подробности?

— Можно. Действие первого происходит на роскошном космическом корабле. Команда состоит из аристократов, психопатов, фифочек, кинозвезд, пораженных нимфоманий, а также собачек чау-чау, страдающих дурной наследственностью. Рецептúra, как видите, самая что ни на есть современная.

— Действительно. А чем занимается команда этой ракеты?

— Ясное дело, оргиями и убийствами, относящимися друг к другу в пропорции 2 : 1, которая, как показали исследования общественного мнения, гарантирует наивысший тираж.

— А сыщик на ракете есть?

— Само собой разумеется. Это пожилой, флегматичный, обожающий цветы электронный мозг.

— А другие романы, о которых вы упомянули?

— Один из них — на местном материале. Это история о том, как сконструировали первый польский искусственный спутник, переплетающаяся с крупным делом о взыточничестве, благодаря которому один тип, частный предприниматель, устраивает на этом спутнике тайный дом свиданий.

— Я вас хорошо расслышал?

— Не знаю. Но на всякий случай прочистите ухо. На искусственном спутнике должны были строить атомную лабораторию, но этот тип подмазал прораба и там кое-что переделали, так что сквозь спектрограф Астона можно было рассматривать порнографические снимки, автоматическую аппаратуру перевели на вспомогательные эротические работы, а о том, что делалось в атомном котле, вы прочтете сами, когда книга выйдет... Есть там и другие сюжетные линии. Опергруппа министерства торговли отправляется на Луну якобы с целью открыть там выставку образцов народного творчества, а на деле перерабатывает лунный грунт в камешки для зажигалок, на чем сколачивает миллионы. Со временем Луна уменьшается, происходят пертурбации, замеченные Келецкой обсерваторией, но тамошний главный астроном сохраняет все в тайне, так как ему сунули в лапу.

— Сунули в ла...

— Да. Один из торговцев, возвращаясь с Луны, забегает в искусственный спутник на чашечку радиоактивной —

это ему по пути — и накрывает там свою жену на месте преступления с одним американским роботом, который умирляет его ярость обещанием смастерить надувную Луну из резины, соответственно раскрашенную, чтобы можно было имитировать на небе настоящую Луну. У этого робота есть любовница в высших кругах, она помогает ему вступить в контакт с матросами космической линии Гдыня — Марс, и, заручившись их поддержкой, он продает всю Луну как металлолом. За полученную валюту они строят себе комфортабельные одноквартирные спутники (смирны, рулетка, электрический распутник и т. д.). К несчастью, муж любовницы робота из мести протыкает надувную Луну, воздух просачивается наружу, резина опадает — дело пахнет скандалом. Наша милиция тут же отправляется на место происшествия, но из-за низкого уровня моторизации она располагает только двуконной бричкой, так как мотоциклы находятся в ремонте, а ракеты им срезали в целях экономии. На Млечном Пути кони выбиваются из сил, и приходится заночевать на искусственном спутнике.

— Одноквартирном?

— Нет, на том, где дом свиданий. Один из милиционеров по ошибке заглядывает в атомный котел, становится свидетелем непристойной сцены и высказывает в чрезвычайном возбуждении, но директор — тот самый тип, частник, — объясняет ему, будто бы в этом и заключается расщепление ядра. Милиционер вам не физик-атомщик, он принимает все за чистую монету, но в этот миг резиновая лунная оболочка, упав с неба, накрывает искусственный спутник, становится темно, и в суматохе один агент прячет в следственный чемодан вместо зонтика спектрограф с известными снимками...

— Простите, пожалуйста, одну минутку. Извините, но... я не успеваю за полетом вашей фантазии. Голова

немного закружилась... Да, теперь лучше. Это в самом деле неслыханно. Вы говорили еще о третьем романе?

— Да. Это для юношества, длинная история, богато иллюстрированная, об одном таком маленьком мальчике, который убивает своих родственников.

— Убивает?!

— Да. Вы, кажется, и вправду плохо слышите? Мы объявили войну навязчивой, скучной дидактике. Употребляя по очереди шоколадки с цианистым калием, топор и дрессированную очковую змею...

— Простите меня, пожалуйста, но как будто о детях-убийцах уже где-то писали?

— О других детях — может быть, но не о герое моей книги. Это, к вашему сведению, синтетический мальчик.

— Синтетический?

— Да, пластмассовый, для бездетных родителей, с электромозжечком, выпущенный в качестве побочной продукции мастерскими имени Новотки, но с небольшим дефектом, вследствие которого он, вместо того чтобы любить благоприобретенных родителей, убивает их. Маленькая ошибка в соединении катодных ламп, только и всего.

— А что дальше с этим мальчиком, можно спросить?

— Можно. Будучи разоблачен, он ищет спасения в коротком замыкании, то есть в самоубийстве, хотел я сказать.

— Это страшно интересно. А чем вы еще занимаетесь, кроме сочинения этих оригинальных книг, разрешите узнать?

— Разрешаю. Эпоха примитивизма, мой друг, когда вьетнамские джунгли лепились из так называемого папьемаше, а побережье Атлантического океана снимали в Фаленице, — эта эпоха, к счастью, уже позади. Теперь каждый фильм снимается там, где происходит его действие. Задуман фильм о Монте-Кассино — снимать его будут в

Италии. Коллега Ставинский недавно написал интересный сценарий «Казаларга» с живым действием...

— Тоже в Италии?

— Ясное дело, а вы думали, в Радоме? Собираются ставить и моих «Астронавтов». В связи с этим меня ждет командировка...

— Ха-ха-ха, вы очень остроумны!

— Я не шучу. Мы едем не на Венеру, а за границу. Выяснилось, что, если мы хотим найти на земном шаре место, подходящее для съемок фильма о другой планете, мы должны в количестве ста восьмидесяти человек плюс соответствующее количество автомобилей объехать весь мир. Поиски будут продолжаться в течение трех лет. Главными их пунктами станут: Пляс Пигаль в Париже, 72-я авеню в Нью-Йорке, портовые кварталы Марселя и Копенгагена, кроме того, известные районы Лондона, Рима, Токио, затем Сицилия, Касабланка, Центральная Африка и Гаити.

— Гаити тоже?

— Да, оно прославилось не то танцовщицами, не то ромом — сейчас не помню, но у меня где-то записано.

— А не скажете ли вы, что будет через десять лет?

— Вы меня спрашиваете как писателя-фантаста или как частное лицо?

— Ну... как писателя.

— Да? Хм, что ж, будет страшное изобилие холодильников, автомобилей, черт знает чего, гигиена, порядок небывалый, пластмассовые разноцветные частные домики, вертолеты, автострады и все как по часам!

— А... а как частное лицо — что вы могли бы сказать?

— Я считаю, уважаемый, что некрасиво и нетактично опубликовывать содержание частных бесед, и вообще — кого они касаются? Вы как-то странно смотрите, устали,

наверно? Мы с вами действительно заговорились. А может быть, у вас нет больше времени, а?

Быстро поднимаюсь, поняв деликатный намек, и, сердечно поблагодарив радушного хозяина, спешу в редакцию, чтобы как можно скорее поделиться с читателями богатством впечатлений, вынесенных из столь удачной беседы.

БЛЕСК И НИЩЕТА КИБЕРНЭРОСОВ

Роман современного венгерского писателя и кинокритика Эрвина Дертяна — дань фантастике. Действие его происходит в конце XX века в некой Новобургундии. Наука и техника достигли столь высокого уровня развития, что сделали возможным весьма необычное изобретение. Профессор Палевский создает робота, внешне не отличающегося от живого человека. Роботы-кибернэросы были сконструированы для того, чтобы изгнать из жизни человека тягостные муки, связанные с любовью, — ревность, измену, тоску. Но находчивые политики приспособливают кибернэросов и для деловых целей, благо интеллектуальный багаж политического деятеля Новобургундии, включая и самого президента, не превышает возможностей среднего кибернэроса. Не случайно живого президента принимают за его кибернэроса — разницы между ними нет.

Изобретение Палевского производит сенсацию. Оно с каждым днем завоевывает все больше сторонников, и отдельные голоса противников новшества, вроде журналиста Гюи Дорнана, который пытается доказать, что любовь, даже со всеми ее муками, является самым прекрасным проявлением человеческой сущности, тонут в общем хоре восторгов.

Познакомьтесь с отрывками из романа «Блеск и нищета кибернэросов».

* * *

Торжественно и весело готовилась столица и вся Новобургундия к великому дню, когда профессор Палевский на приеме в академии продемонстрирует представителям науки и печати первый экземпляр кибернэроса-мужчины. Правда, о предполагаемой сенсации уже пропюхала — выражаясь профессиональным языком — газета «Le Midi». Ловкий репортер из этой газеты спросил у профессора Палевского, что он потом собирается делать с первым экземпляром кибернэроса-мужчины.

— Как и в случае с кибернэросом-женщиной, преподнесенной президенту, я буду стремиться, чтобы киб попал в самые надежные руки,— уклончиво ответил профессор.

После столь наивно-дипломатичной фразы от репортера уже не потребовалось большой сообразительности. Он тотчас же обратился к обладательнице «надежных рук» — супруге президента республики с вопросом: как она поступит в случае, если профессор Палевский подарит ей плод своей творческой мысли?

На беседе случайно присутствовал сам президент, господин Маладруа, и, прежде чем его жена успела ответить, он пояснил:

— Да, мы думали о такой возможности. Моя жена придерживается мнения, что это открытие эпохального характера представляет собою большую культурно-историческую ценность, так что было бы несправедливо оставить его в частном пользовании. А потому она решила подарить кибернэроса Национальному музею.

Супруга бросила на мужа испепеляющий взгляд, но, естественно, не могла противоречить президенту.

Таким образом, программа приема не являлась тайной. Президент академии в краткой речи поздравит профессора Палевского, который затем в нескольких словах ознакомит собравшихся со своим изобретением и передаст его первой даме республики. Та поблагодарит ученого и после того, как с кибернэроса, словно с обычного памятника, соскользнет покрывало, передаст робота директору Национального музея. Под конец профессор Палевский ответит на вопросы, если они возникнут.

Так была задумана официальная часть. При подготовке особое внимание обратили на то, чтобы не повторился скандал в Сорбонне, когда известный своей чудаковатостью профессор Палевский, демонстрируя первых кибернэросов-женщин и желая показать их в самом выгодном

свете, устроил в храме науки стриптиз. Но прием в академии должен был стать еще более эффектным зрелищем, чем пресловутая лекция в Сорбонне. Дипломатический корпус явился в полном составе, во фраках и смокингах, а дамы в послеобеденных туалетах, тем самым отдавая должное пионеру науки. Актальный зал академии встречал прибывающих праздничными огнями, и, хотя вход был строго ограничен, допускалась только элита, тем не менее приглашенных набилось сверх меры. Особенно большой интерес к предстоящему событию проявляли международная пресса, радио, телевидение и кинообъединения.

Благодаря тщательной подготовке все проходило по заранее продуманному плану. Президент республики, министры, члены дипломатического корпуса, светила науки — все с цилиндрами в руках, как на открытии художественной выставки, — обступили скрытого покрывалом кибернэроса; рядом с ним президент академии произносил никому не нужное вступительное слово. За ними виднелись тесные ряды гостей чином поменьше, но тоже довольно высокого ранга — политические, общественные, научные деятели и корреспонденты. Вдруг — оглушительные аплодисменты, возгласы, вспышки «юпитеров»: профессор Палевский подошел к микрофону.

— Что скажет он, этот беспокойный ум? Какой новый сюрприз сделает человечеству? — Этот вопрос был на устах у всех. Палевский неловко поклонился — он никогда не умел преподнести себя широкой публике — и тихим, дрожащим голосом начал:

— Ваше превосходительство господин президент, господа министры, уважаемые гости, дамы и господа. Я не хочу пространными объяснениями отнимать у вас дорогое время. Я хочу привлечь ваше внимание всего лишь к двум основным идеям, которые вдохновили меня на создание кибернэроса-мужчины. Главное, что первый кибернэрос-

мужчина действительно запрограммирован для выражения сущности, так сказать, самого мужественного в мужчине: силы воли, характера, чистоты духовных и физических норм. Итак, я тем самым хочу доказать то, что многие подвергали сомнению в случае с кибернэросом-женщиной, а именно что при изготовлении кибернэроса можно учесть все самые индивидуальные пожелания, то есть кибернэросы могут быть созданы по образу и подобию, вкусу и желанию любого из нас. Сейчас, когда я завершил свой труд и в знак уважения вручаю его первой даме Новобургундии, я смею надеяться, что мне удалось создать робота, который удовлетворит ее всем известному тонкому артистическому вкусу, и выразить своим изобретением то глубокое уважение и благодарность, которую она по праву заслуживает, морально вдохновив это начинание и оказав ему бескорыстную поддержку.

Последовали бурные аплодисменты, и профессор с какой-то интригующей самодовольной улыбкой уступил место следующему оратору: сейчас была очередь супруги президента. Несколько смущаясь при свете юпитеров, она подошла к микрофону.

— Дамы и господа! Мне выпала честь официально представить вам эпохальное изобретение, гениальную находку нашего великого ученого, первый образец кибернэроса-мужчины, и тем самым как бы утвердить выпуск в свет кибернэроса-мужчины, подобно тому как мы отправляем в славный путь корабли. Я глубоко осознаю порученную мне почетную задачу, которая заключается в том, что благодаря профессору Палевскому я первая из всех женщин мира, которая может назвать кибернэроса своим.

Здесь она на мгновение запнулась, взглянув на своего мужа; на лице его играла ироническая и вместе с тем самодовольная улыбка. Это внезапно привело ее в ярость. В ушах ее все еще звучали слова профессора Палевского...

«самое мужественное в мужчине: сила воли, характер...» А перед ней, словно в насмешку, расплывались водянистые глаза низенького, сутулого, пузатого президента. Неожиданно упрямство проснулось в ней... Так нет же, нет, не позволит она выставить себя на посмешище... Не отдаст она музею своего кибернэроса. Но и мужа нельзя представить обманщиком: как-никак президент республики. К тому же печать уже сообщила о передаче кибернэроса музею.

Точно по расписанию протокольного отдела из аудитории вышел директор Национального музея, чтобы быть готовым к приему кибернэроса. Президент кивком подбодрил супругу. За спиной секретарь шепотом все громче и громче подсказывал ей заранее подготовленный текст: «Это неоценимое по значению открытие...»

Она поборолась себя, и опять потянулись заученные фразы:

— Это неоценимое по значению открытие — столь же важная веха в истории культуры человечества, как печатный станок Гутенберга, первый маятник Галилея, первый барометр Торричелли, первый фонограф Эдисона, первый рентгеновский аппарат, первый аэроплан, кино, атомный реактор, искусственный спутник... Было бы нескромным объявить это общечеловеческое достояние собственностью одного человека. Я надеюсь, что поступлю в традициях нашего всеми любимого и уважаемого благородного ученого, приняв решение: первого кибернэроса-мужчину сделать общим достоянием Новобургундии и передать его Национальному музею... — тут она снова взглянула на самодовольное лицо мужа и добавила: — После моей смерти.

Президент весь скривился, словно его ущипнули, и уронил цилиндр. Директор Национального музея невольно развел руками, словно спрашивая, что теперь делать?

А госпожа президентша с победоносным видом продолжала:

— Пусть эта историческая реликвия принадлежит всем... после моей смерти. Пусть она станет достоянием нации и славит непреходящий бургундский гений. А теперь позвольте представить вам это великое изобретение нашего времени, этот символ человеческого равноправия — кибернарса-мужчину.

С этими словами она подошла к кибернарсу и, сама стгорая от любопытства, под бурные аплодисменты присутствующих потянула веревочку. Покрывало с мягким шелестом упало, и... и она остолбенела, увидев первого кибернарса-мужчину, ставшего отныне ее собственностью, символ силы воли, мужественности... увидела копию своего мужа.

Да, еще один президент Новобургундской республики стоял перед ошеломленным Новобургундским президентом. Сутулый, пузатый, во фраке и крахмальной манишке, с цилиндром в руке. Сходство было потрясающее: тот же лоб, нос, рот, те же глаза. Особенно похожи они были в тот момент, когда президент-кибернарс подскочил к настоящему президенту, чтобы подать ему упавший цилиндр, и при этом со всем известной президентской неуклюжестью уронил свой собственный, и оба президента, говоря абсолютно одинаковыми голосами, принялись раскланиваться и обмениваться любезностями, пропуская друг друга вперед.

Киносъемочный аппарат забыли выключить, и он увековечил сцену — недоуменное лицо госпожи президентши словно говорило: кому нужен еще второй, достаточно и одного такого... Изумление публики, багрово-синие от сдерживаемого смеха лица гостей, толпу министров, дипломатов, академиков, бестолково топчущихся вокруг двух совершенно одинаковых фигур, в глазах которых —

при взгляде друг на друга — мелькал одинаковый ужас.

Нет, судя по всему, профессору Палевскому действительно не везло с публичными выступлениями. Он вновь оказался виновником общественного скандала, а между тем намерения у него были превосходные... И в самом деле, что может быть убедительнее наглядного доказательства... К тому же он искренне уважал президента, считая это своим гражданским долгом.

Наконец, госпожа президентша вспомнила, что одну фразу из своей речи она еще не досказала. И то ли в замешательстве, то ли желая спасти положение и забыв, что ранее она намеренно опустила эту фразу, — словом, она прокричала в микрофон:

— А теперь я прошу вас, господин директор, принять от меня этот подарок, — тут она несколько замешкалась, но быстро нашла: — ...на сохранение до тех пор, пока он не перейдет в полную собственность музея.

Только этого еще не хватало: процедуры передачи музею одного из двух одинаковых президентов. Взгляды присутствующих блуждали по полу, потолку, окнам. Многие подносили ко рту перчатки или платки, пряча улыбку. Лица гостей кривились, горло сжимал спазм, грудь вздрагивала от беззвучного смеха.

Когда же директор музея, которому по программе полагалось благодарить за щедрый дар, начал нерешительно протягивать руки то к одному, то к другому президенту, не зная, кого же из них следует принять для музея, сдерживаемый смех прорвался со стихийной силой и все разразились гомерическим хохотом.

О благословенны театры, где в крайнем случае, когда скандал уже неизбежен, можно опустить занавес. У лиц, действующих на арене общественной жизни, такой возможности нет. Один из двух президентов Новобургундской республики — и кто мог поручиться, который из них

настоящий, — раздраженно, но, конечно, шепотом прохрипел директору Национального музея, чтобы тот забрал наконец этого похожего на него идиота, в то время как другой изысканно вежливо, даже галантно, как и подобает государственному мужу, протянул директору руку и представился:

— Маладруа, президент республики.

Директор музея бросил отчаянный взгляд на единственного человека, который мог хоть как-то спасти положение, — на профессора Палевского; поняв ситуацию, тот поспешил на выручку. Но в общей неразберихе даже он теперь уже не мог с уверенностью сказать, где президент, а где кибернэрос. И когда Палевский приподнял фрак одного из президентов и стал нащупывать нужный позвонok, чтобы остановить механизм, предполагаемый кибернэрос завизжал, как от пекотки, и вместо того, чтобы замереть на месте, вдруг бросился прочь, смешавшись с толпой приглашенных...

До предусмотренных программой вопросов очередь так и не дошла. Прием, произведший глубокое впечатление на его участников, закончился. Кибернэрос-мужчина снискал успех даже сверх всяких ожиданий.

* * *

Кибернэросы стали органичной и неременной частью повседневной жизни и уже ни у кого не вызвали удивления, как автомобили, или, скажем, самолеты. В метро, в парках, на улице стало естественным и привычным видеть, как мужчина или женщина целуется со своим кибернэросом. В Сорбонне установилась традиция устраивать ежегодный бал со стриптизом в честь изобретателя кибернэросов. Повсюду открылись салоны кибов. Печатались всевозможные медицинские труды о применении кибернэросов.

В искусстве возникла особая кибернэротическая школа, которая провозгласила своим лозунгом замену человека отображением кибернэросов (ведь кибернэрос — существо более высокого класса, нежели человек, поскольку лишен таких декадентских пережитков, как ощущения и разум). Счастье и взаимопонимание можно встретить только у кибернэросов, то есть существ, не способных ни на какие чувства и рассуждения. Совершенное человеческое общение неосуществимо среди людей, человеческое — в метафизическом смысле слова — может быть лишь сверхчеловеческим, механическим.

Это направление за короткое время стало господствующим в творческой жизни. Сторонники кибернэротической литературы объединились вокруг особого журнала, в первом номере которого они провозгласили свои принципы: «Современной литературе не нужны ни разум, ни чувство». «Современная литература развивается под знаком инстинкта. И слова в ней терпимы лишь постольку, поскольку их взаимосвязь и взаимозависимость не выражают ни чувства, ни мысли». «Цель поэзии — показать элементы инстинктов и страстей в кибернэротических отношениях, следовательно, подлинная поэзия может мириться лишь со словами-импульсами, которые иной раз могут быть коллективными — известными и бывшими в употреблении, но лучше — индивидуальными и неизвестными». Впрочем, эта школа декларировала полную свободу в выборе формы и индивидуальных поэтических средств — не упуская из виду специфики темы — и заявляла, что она обеспечит возможность полного самовыражения художественных конструкций и образов. Но, пожалуй, читатель лучше поймет характер направления, если прочтет два следующих отрывка:

ПЕСНЯ

Эрос... Эрос...
Кибернэрос...
Кибернэрос...
Эрос... Эрос...

(Жак Пупанель)

ЧЕЛОВЕК

(Сонет)

Кибернэрос, кибернэрос, кибернэрос!
Кибернэрос, кибернэрос, кибернэрос!
Кибернэрос, кибернэрос, кибернэрос!
Кибернэрос, кибернэрос, кибернэрос!

Кибернэрос, кибернэрос, кибернэрос?
Кибернэрос, кибернэрос, кибернэрос?
Кибернэрос, кибернэрос, кибернэрос?
Кибернэрос, кибернэрос, кибернэрос?

«Кибернэрос, кибернэрос, кибернэрос».
«Кибернэрос, кибернэрос, кибернэрос».
«Кибернэрос, кибернэрос, кибернэрос».

Кибернэрос, кибернэрос, кибернэрос...
Кибернэрос, кибернэрос, кибернэрос...
Кибернэрос, кибернэрос, кибернэрос...

(Оскар Винтейль)

Позднее литературная школа распалась на два крыла. Либералы признавали, что писатель может допустить осмысленность текста тогда и только тогда, когда этот текст выражает бессмыслицу. Логика и психология допустимы в поэзии, если они применяются для выражения бессмыслицы, то есть подчеркивают мудрость и поэтическую красоту отображаемого абсурда. Ортодоксальные кибернэротики вообще отрицали право на существование какой-либо мысли и логики.

Кибернэросы вызвали к жизни новые отрасли промышленности, революционизировали моду, культуру интерьера, кулинарное искусство, производство легковых автомашин — словом, всю неуропейскую цивилизацию. На железной дороге — после долгих споров, считать ли кибов багажом или пассажирами, — было решено, что, если кибернэрос занимает сидячее место, следует платить полную стоимость, если же хозяин сдает его в багаж, то он приобретает билет за полцены. В некоторых ресторанах повесили объявления у входа: «Собакам и кибернэросам вход воспрещен». Но в Новобургундии это начинание позорно провалилось. Новобургундские граждане восприняли его как ущемление своих суверенных прав. А вот в Соединенных Штатах — единственной стране, где не прижились кибернэросы, — долгое время висели дискриминационные объявления, вроде: «Собакам, неграм и кибернэросам...» или: «Собакам, неграм, евреям и кибернэросам...», или «Неграм, желтым, евреям, кибернэросам...» — и т. д. — «...вход воспрещен». Однако постепенно кибернэросы исчезли с этих вывесок, поскольку сравнение кибернэросов с определенными категориями людей вызывало возмущение. Кроме того, особенно в случае с кибернэросами высшего класса, невозможно было осуществить запрет, поскольку разница между кибернэросами и людьми неуловима простым глазом. Нередко случались пренеприятные сцены, когда официанты с помощью лупы пытались обследовать известных и уважаемых людей, вроде кинозвезд или сенаторов. Папская энциклика положила конец попыткам дискриминации даже со стороны консервативных кругов.

Но один вопрос по-прежнему оставался нерешенным: какое место отводить кибернэросам в этикете. А кибернэросы особ, занимающих высокое положение? Как надлежит к ним обращаться? Что должно отличать кибернэ-

росов графов от кибернэросов баронов, герцогов, не говоря уже об эрцгерцогах? И вообще, может ли кибернэрос обладать титулом?

По всей видимости, кибернэросы прочно укоренились в новобургундском и во всем неуропейском обществе. Выходило все больше работ по социологии, репортажей и журнальных статей, авторы которых обращались к совести общества, пытаясь расшевелить и потрясти ее, чтобы преодолеть духовную отсталость, сексуальную скудость отдельных — немаловажных — областей, провинций, слоев населения. Красноречивыми документами и неопровержимыми фактами эти авторы доказывали, что весьма значительные слои рабочих и крестьян по серости отказываются от кибернэросов. За временными мерами — разъяснительной работой, государственными кредитами, пособиями — последовали более радикальные — бесплатное распределение кибернэросов для изменения нетерпимых в наш век отношений. Однако правительство, стремясь к разумному прогрессу, отвергло демагогический радикализм и провозгласило своим принципом постепенную и планомерную ликвидацию этих гигантских белых пятен на карте культуры.

* * *

Когда первый приступ гнева несколько утих, профессор Палевский решил более обстоятельно познакомиться со злосчастным номером «La Voix Humaine», этой грязной газетенки, стоящей ниже всякой критики. Он решил поднять брошенную ему перчатку и как следует проучить этих нахальных молодчиков. За всю его более чем тридцатилетнюю деятельность не было ни одного случая, чтобы кто-то осмелился поставить под сомнение серьезность и основательность его научной работы. Напротив, профессор славился именно чрезмерной осторожностью и сотни

раз проверял результаты, прежде чем опубликовать их. На сей раз он не только проверил и перепроверил все расчеты на самой современной кибернетической счетной машине, но и по своему обыкновению каждый вывод, который лежит в основе конструкции кибернэроса, подверг дополнительной проверке на ультрасовременном кибернетическом комплексно-комбинационно-логико-аналитическом приборе. А общеизвестно, что логические машины не ошибаются, особенно машины конструкции Палевского. Еще ни разу не было зафиксировано, чтобы при правильно поставленном условии машина выдала неправильное суждение, независимо от того, о чем шла речь: о порядке маневрирования железнодорожных составов на вокзале, о распределении машинного парка на новом предприятии или о какой-либо другой инженерно-технической задаче. Более того, были попытки применения кибернетико-логических машин даже в практике судопроизводства. Например, с их помощью в Сан-Франциско вынесли приговор по делу о разводе отца троих детей, который изменил жене. Известнейшие юристы и психологи анализировали решение машины и не обнаружили в нем ни одной юридической или логической ошибки. Правда, этот человек на другой день покончил с собой, но последнее уже выходит за пределы точных наук.

Итак, профессор Палевский всеми возможными способами проводил испытания конструкции кибернэроса. Вначале он сопоставил применяемые им при конструировании кибернэросов химические вещества с элементами человеческого организма. Машина четко показала, что искусственные материалы по меньшей мере равноценны природным элементам, за исключением случаев, когда они качественно превосходят последние. Точно так же Палевский поступил и с координацией движений кибернэроса, в том числе любовными действиями и т. д. Во всех случаях ма-

шина высказалась в пользу кибернарса. Наконец, он запрограммировал эти действия, вместе взятые, и, как следовало ожидать, машина ясно, логически неопровержимо показала, что все они по крайней мере равноценны человеческой любви.

Профессор Палевский удовлетворенно потирал руки, вспоминая, сколь скрупулезно и осмотрительно производил он проверку своих опытов. И это они хотят опровергнуть, думал он с тайным злорадством, и решил возбудить открытый процесс против безответственных клеветников. Ведь в конце концов на карту поставлена его научная репутация.

С этим приятным чувством он принялся за чтение статьи Дорнана. Неожиданно ему в голову пришла мысль подвергнуть анализу логической машины и саму статью. Да, это будет достойным ответом. Посмотрим, выдержат ли аргументы противника те испытания, которые столь блестяще выдержал ход его мыслей.

Журналист в качестве эпиграфа к своей статье выбрал два стихотворения. Одно из них принадлежало средневековому трубадуру и на языке того времени звучало совсем неплохо:

Больше всего на свете
я ненавижу день,
Который нас разлучает,
любимая нежной любовью!
Но еще больше, чем день,
я ненавижу солнце —
Вестника дня.

Профессор прочел перевод и логически сформулировал его содержание: поэт ненавидит день, потому что тот отделяет его от любимой. Ну, а теперь посмотрим, что он хочет этим сказать, — подумал Палевский и задал вопрос своему верному другу — кибернетико-логической машине.

Если поэт ненавидит день, потому что тот отделяет его от любимой, задал он первую посылку, а ночь не ненавидит, тогда что же отделяет его от любимой? Машина ответила через секунду: свет. Профессор поставил следующий вопрос. Если именно свет разлучает поэта с любимой, то какова причина этого? Машина вновь защелкала — и вот уже готово логически неопровержимое следствие: поэт лишен зрения, он слеп.

Профессор Палевский почесал затылок. Что хочет сказать поэт своей слепотой? Но, что бы это ни было, на все легко получить ответ: ведь прибор был запрограммирован не только на зрительные, но и на слуховые и осязательные раздражения. Профессор продолжил анализ второй цитаты, на сей раз из стихотворения Аполлинера. Дорнан с помощью этих двух поэтов, столь далеких друг от друга по времени, хотел дать читателю почувствовать непреходящую красоту и вечность любви.

О Лу, я вновь говорю с тобой о любви.

Любовь воскрешает сердце, как солнце рождает день.

Если любовь воскрешает, как солнце, тогда данное лицо (профессор поставил вопрос, и ответ не заставил себя ждать) — солнцепоклонник.

Слепой солнцепоклонник! Вот чертовщина! Если этот журналист и дальше во всем столь же последователен, просто не стоит тратить на него время. Для солнцепоклонников я и в самом деле не могу создать кибернэроса, ни для слепых, ни для зрячих, я могу создать автомат лишь для тех, у кого естественные человеческие инстинкты, ворчал Палевский, постепенно заинтересовываясь содержанием статьи. Дорнан, как было договорено с главным редактором, в начале статьи знакомил читателя с изобретением профессора, причем не скупился на похвалы гениальности и технической изобретательности автора. Этим, стало

быть, Палевский мог быть доволен. Он просто не понимал, какие еще могут быть возражения против его открытия. Дорнан задает вопрос: «И почему я все же утверждаю, что кибернэрос — который как конструкция заслуживает всяческого одобрения — по сути своей блеф, одурачивание народа, профанация и унижение человека?» — и далее продолжает: «Человек — это звучит гордо», писал Горький. Венец творения, как принято говорить. Самое развитое и сложное живое существо, Homo sapiens, как он себя называет. И как можно низводить человека до уровня машины? Как же можно любовь, эту сугубо человеческую функцию, специфическую потребность удовлетворить без человека-партнера?»

Ну, наконец-то, после множества возвышенных фраз, хоть одно здравое суждение, которое можно проверить, подумал профессор. Как бишь оно звучит: можно ли специфически человеческую потребность удовлетворить без человека-партнера? Чтобы упростить вопрос, он заложил в машину еще более доступную фразу. «Если человек специфически человеческую потребность удовлетворяет с помощью человека-партнера, тогда он...» Машина с привычной быстротой подсказала ответ — людоед.

Больше сомнений не оставалось: господин журналист защищает людоедов! Профессор поставил вопрос в несколько более усложненной форме: «Если человек удовлетворяет специфически человеческую потребность с помощью человека-партнера, но не является людоедом, что тогда?» Машина заработала медленнее, она шелкала довольно долго, а затем, дифференцируя с фундаментальной предусмотрительностью, дала сразу три ответа: а) его подвергают искусственному питанию, б) он гомосексуалист, в) он предприниматель, эксплуатирует чужую рабочую силу.

Профессор успокоился, но, чтобышний раз убедить-

ся в своей правоте, поставил еще один вопрос в косвенной форме: «Если человек удовлетворяет человеческую потребность без помощи человека-партнера, то кто он?» — и снова получил три ответа: а) отшельник, б) онанист, в) в безлюдной глуши отправляет потребности обмена веществ.

Профессор продолжал читать статью.

«Любовная жизнь в ее современной форме такое же проявление человеческой сущности, как любая другая наша деятельность, любовь — это совокупность инстинктов, воплощенных в человеке, однако она значительно сильнее слепого, неосознанного инстинкта живого существа, в ней заключается то, что возвышает человека над животными».

Профессор сначала проверил первую часть фразы с помощью ранее испытанной формулы: «если... то...». «Если любовная жизнь в ее современной форме является одним из проявлений человеческой сущности, — поставил он вопрос, — тогда человек в его современной форме...» «Животное», — прозвучало неопровержимое суждение машины. «Если именно любовь возвышает человека над животным, то любовь...» «...это мышление», — дала машина логически безошибочный ответ.

Профессор Палевский вздохнул. Противоречия, сплошные противоречия в каждой фразе, ведь животное не способно мыслить, торжествуя заключил он. Это такая ерунда, что логически мыслящему человеку даже не стоит ею заниматься.

Теперь он просто наугад выхватывал куски из статьи: «Если любовь красит нашу жизнь... тогда любовь...» «...лакмусовая бумажка». «Если любовь — это одно из высших проявлений души, тогда...» «...любовь — это молитва», — поочередно проверял он утверждения Дорнана. «Если человек — это такое психологическое единство, в котором психика неотделима от биологии, то есть воссо-

единение тел невозможно без участия душ, значит...» «...любовный акт — это переселение душ, а сама любовь — основной догмат буддистской религии».

Очевидно, наш друг Дорнан в своем благородном порыве защитить справедливость прибег к поэтическим гиперболам, ибо трезвый машинно-логический анализ статьи привел профессора Палевского к фантастическим результатам. Вот некоторые из них: «Любовь — это жареное сало на вертеле». Так расшифровала машина фразу Дорнана: «Какая-то неведомая и в то же время знакомая извечная стихия охватывает влюбленного, проникает в него, он чувствует себя так, словно огонь сжигает его, словно он растворяется в другом существе, которое поглощает все самое благородное в нем». «Любовь — щебетание птиц». (Расшифровка фразы: «Спонтанная песнь природы.») «Любовь — диссертация на историко-философскую тему». (У Дорнана: «Явление, возникшее в ходе исторического развития человека и вобравшее в себя его принципиальную суть.») «Любовь — игра в водное поло». (Соответственно в тексте: «Любовь облегчает тяжесть жизни, и мы как бы парим в ее среде, словно само счастье затеяло с нами шумную и веселую игру.») И так далее... Ответы следовали один за другим, и все более неожиданные.

* * *

Дорнан чувствовал, что так он далеко не продвинется. Борьбу надлежало каким-то путем активизировать, вернуть проблему с небес философии обратно на землю, а одними статьями не сдвинешь дела с места. Кибернэросов следовало разоблачить и выставить на посмешище каким-то ясным и доступным пониманию каждого способом.

Ему помогла случайность. Как раз в это время в Париже начался Международный конгресс этических наук. По традиции его должен был открыть президент респуб-

лики. Дорнан припомнил прием в академии, и тут его вдруг осенила невероятная идея. А что, если вместо президента на заседание явится его кибернэрос? Мировой скандал, который наконец-то откроет людям глаза, ответил он себе.

Правда, вначале план казался неосуществимым. Ведь для этого требовалось устранить два почти непреодолимых препятствия: не допустить на заседание настоящего президента и как-то раздобыть кибернэроса, взять напрокат, наконец, выкрасть, что ли, из музея, куда тот все же попал.

Но, сколь фантастической ни казалась Дорнану эта идея, она не давала ему покоя. А вдруг выйдет... Во всяком случае, он должен попробовать, решил журналист.

Вскоре Дорнан настолько сжился со своей идеей, что, даже не веря в ее осуществление, все-таки отправился в Национальный музей на рекогносцировку. К своему удивлению, на месте кибернэроса он увидел лишь пустую витрину; президента куда-то забрали. Он обошел музей, но так и не нашел кибернэроса.

Его журналистское чутье сработало автоматически. Что это значит? Куда девался всемирно известный кибернэрос, гордость новобургундского гения, копия президента, ставшая чуть ли не национальной реликвией? Почему ее прячут от посетителей? Он тут же проинтервьюировал по всем этим вопросам директора музея. Тот сперва, естественно, говорил околичностями, ссылаясь на инвентаризацию и реставрацию, но, когда Дорнан припер его к стенке и пригрозил, что поставит эти вопросы перед общественностью, на страницах газет, тот был вынужден признаться, что кибернэроса одолжил протокольный отдел президента. С какой целью — об этом не знает даже он, директор, но взяли его при условии, что через день-два вернут обратно.

«Ну, зачем протокольному отделу потребовался кибернэрос президента?» — недоумевал Дорнан.

— Может быть, это не в первый раз? — спросил он без всякой задней мысли, повинуясь одному лишь журналистскому инстинкту.

— А как же, конечно, — ответил предупредительный директор и вынул регистрационную книгу: — Взяли 5 мая, вернули 7-го; взяли 8 июня и снова вернули через два дня; в июле и августе не брали, зато в сентябре затребовали 3-го, 7-го и 25-го. С 25-го кибернэроса восемь дней не было в музее. И вот сейчас в последний раз взяли два дня назад...

Тут вдруг директор страшно испугался своей болтливости и стал умолять Дорнана считать все сказанное секретной информацией и не публиковать сведений, которые могли бы навлечь на них обоих одни только неприятности. Ги Дорнан, естественно, также не хотел этого и обещал отнестись к полученной информации как к секретной, и во всяком случае, использовать ее так, чтобы у директора не было неприятностей. Ведь в конце концов, любой посетитель музея мог обнаружить таинственные исчезновения кибернэроса.

Загадка не давала журналисту покоя. «Для чего мог понадобиться протокольному отделу кибернэрос президента?» — размышлял он, но так ни до чего и не додумался. Он еще раз просмотрел даты выдачи президента из музея, но и это не дало ему ничего нового. Он уже хотел удовольствоваться наиболее простым объяснением, что кибернэрос нужен был супруге президента: в конце концов, как говорит латинская пословица, *de gustibus non est disputandum* *. Но случайность помогла раскрыть истину. Два дня спустя, разыскивая собственную статью, он наткнулся в номере «La Voix Humaine» от 7 мая на сле-

* О вкусах не спорят (лат.).

дующее небольшое сообщение: «Президент республики принял господина Карлоса Модуньо, нового посла Доминики». Внезапно ему пришло в голову, что президента взяли из музея 5 мая. «А может, эти два факта связаны между собой?» — мелькнуло в мозгу. Затем он подавил в себе эту абсурдную мысль. Что может быть общего между кибернэросом президента и назначением доминиканского посла? Но тем не менее, поддавшись дразнящему любопытству, он просмотрел газеты за все остальные дни, когда кибернэроса брали из музея. Ведь очевидно, что в случае надобности его возьмут на несколько дней раньше. Как он раньше до этого не додумался? Вот тут-то Дорнан и сделал ошеломляющее открытие. Каждый раз изъятие кибернэроса совпадало с каким-либо событием общественной жизни президента: 8 июня взяли президента, то бишь кибернэроса, а 10 июня президент присутствовал при торжественном спуске на воду нового военного корабля. Все шло как положено. А Впрочем, кто знает? На этот раз Дорнан просмотрел газеты внимательно, номер за номером. В июле и августе музейного кибернэроса оставили в покое. И в газетах за это время тоже не было никаких сообщений о президенте, кроме того, что он взял полагающийся ему отпуск. В сентябре он снова начинает общественную деятельность, и тут одно за другим следуют поразительные совпадения: 3-го одалживают музейного президента — 5-го президент республики присутствует на приеме у американского посла, где произносит тост. Дата следующего изъятия из музея — 7 сентября. А следующее публичное выступление президента состоялось 8-го числа, когда он посетил международный пресс-клуб. И самое фантастическое совпадение — 25 сентября; 26-го начался недельный визит президента республики в Геллию, в ходе которого глава государства посетил несколько городов, произнес речь в палате лордов, речь в парламен-

те, присутствовал на торжественном ужине у королевы, дал прием в посольстве и т. д. И вот наконец в последний раз президента берут из музея накануне заседания Конгресса морально-этических наук. Странные, более чем странные совпадения!

Дорнан не мог отвязаться от сумасбродного предположения: может, вместо президента долгие месяцы выступал его кибернэрос? Нет, это невероятно, спорил он сам с собой. Ведь президент открывал заседания, произносил речи, выступал на совещаниях. Разве кибернэрос в состоянии проделать нечто подобное? Дорнан опровергал эту фантастическую мысль. Но ведь и кибернэрос сам по себе — существо фантастическое, возражал Дорнан-скептик, и вообще, что считать невероятным после того, как здравомыслящие люди всерьез принимают весь этот механический бред?

В конце концов победило любопытство, и Дорнан принялся еще обстоятельнее изучать публичные выступления президента. Тут он сделал потрясающее открытие, а именно что интеллектуальный уровень президента не превышает возможностей среднего кибернэроса. Было общеизвестно, что на данном этапе развития техники словарный запас кибернэроса достигает 500 слов. Дорнан не пожалел труда, с карандашом в руках просмотрел статьи президента и установил, что выступления главы республики являются перестановками всего лишь 347 слов. Разговорная шкала современных кибернэросов включает семь-восемь тем. И еще Дорнан установил, что президент, где бы ему ни приходилось выступать, постоянно разглагольствовал только на три темы: о коммунистической опасности, о солидарности свободного мира и о новобургундском национальном престиже. Было известно — это признавал и сам профессор Палевский, — что при создании киба он стремился как можно больше приблизить его к модели.

Теперь подозрение уже не казалось Дорнану столь фантастическим, и он с нетерпением ждал открытия конгресса. На открытии президент опять-таки говорил только на три заданные темы! «Нет, — решил Дорнан, — нельзя объяснить совпадением, что ему всегда приходило в голову одно и то же и что он всегда говорил на одни и те же темы одними и теми же словами». Хотя, с другой стороны, со времени дебатов в конвенте новобургундские политические ораторы не очень-то обогатились находками или идеями, возразил он себе. Но чем объяснить эту странную заботливость, с какой сопровождавшие старались держать президента на почтительном расстоянии от всех? Подозрение в нем крепло.

Дорнан решил во что бы то ни стало до конца разобраться в этом деле. Вскоре ему представилась возможность увидеть президента по телевидению на церемонии открытия новой школы, где тот произнес речь. И когда в результате неловкого движения оператора неумолимая камера скользнула по фигуре президента сверху вниз, Дорнан окончательно утвердился в своей догадке: вместо президента говорил кибернэрос. Собравшиеся на церемонию уважаемые люди восторженно аплодировали... кибернэросу. Наутро газеты подробно и обстоятельно комментировали «глубокие» замечания кибернэроса. Обмануто все общество. Надругались над самим творцом изобретения, беднягой Палевским, у которого и в мыслях не было, что так злоупотребят его изобретением, созданным с благородной целью: Палевский мечтал сделать счастливыми всех безнадежно влюбленных, ему и в голову не приходило, что его кибернэрос примется славить военные блоки.

Дорнан задумал разоблачить эту циничную игру и теперь только ждал подходящего момента. Случай вскоре представился. Дорнан решил осуществить свой план во время приема нового тевтонского посла с вручением ему

верительных грамот. Чтобышний раз убедиться в своей правоте, журналист пошел в музей, но, как он и предполагал, кибя снова не оказалось на месте. Затем он условился со своим коллегой фоторепортером поменяться ролями на время церемонии, и Дорнан в качестве фоторепортера мог присутствовать на приеме. План оказался удачным. Дорнан беспрепятственно прошел в актовй зал и вместе со своими коллегами усердно фотографировал президента, который произносил обычную речь о коммунистической опасности, о солидарности свободного мира и новобургундском престиже. Все шло так, как задумал Дорнан. Сердце его билось где-то в горле. Он выждал, когда президент кончит говорить, и затем подошел к нему, словно хотел попросить его встать рядом с послом, чтобы сфотографировать их вместе. Тем временем он, как бы нечаянно, прикоснулся к шестому позвонку президента. Никакого результата. Он решил, что перепутал позвонки, и нажал сильнее. Президент не отреагировал. Но Дорнан знал, что делает, и в третий раз еще решительнее нажал на позвонок.

— Что вы делаете?.. — прошептал президент, призывая его опомниться.

Коллеги удивленно смотрели на Дорнана. Тот весь похолодел. Вне всякого сомнения, президент был настоящий, не робот, хотя и вел себя, как кибернэрос.

— Простите, господин президент, — краснея, пролепетал сбивый с толку журналист.

— Ведите себя как положено и не устраивайте скандала, — прошептал президент.

Дорнан едва дождался конца приема — теперь уже следовало выдержать взятую на себя роль — и что есть духу помчался в музей.

Кибернэроса не было. Дорнан ворвался в кабинет директора.

— Где президент? — обрушился он на директора.

— Его взяли в мастерскую... ремонтировать... Там испортилось включающее устройство.

— А может быть, его все-таки забрал протокольный отдел? — недоверчиво допытывался Дорнан.

— Да нет, — промямлил директор, — они просили... — но я как раз не мог дать... Ведь я же говорил вам: испортилось включающее устройство.

НЕДЕЛЯ УЖАСОВ

— Хочешь, у тебя что-нибудь пропадет? — спросил свою маму Кларенс Уиллоби.

— Вот разве что раковина с грязной посудой. Только как ты это сделаешь?

— Я построил «Исчезатель». Это совсем нетрудно. Вырезаешь оба донца у жестянки от пива. Потом берешь два куска красного картона с дырочкой посередине, приделываешь их к банке сверху и снизу. Смотришь в дырочку и мигаешь. И на что наведешь — исчезнет.

— Да ну?

— Только вот как сделать, чтобы это вернулось, я не очень-то знаю. Поэтому давай лучше попробуем на чем-нибудь еще. Посуда ведь денег стоит.

Мира Уиллоби лишний раз восхитилась умом своего девятилетнего сына. Какое благоразумие! Ей всю жизнь этого не хватало.

— А что, если попробовать на кошке Бланш Мэннерз? Вон она гуляет на улице. Кому она нужна, кроме хозяйки?

— Правильно.

Мальчик поднес свой «Исчезатель» к глазу и мигнул. Кошка исчезла с тротуара.

Мать изумилась.

— Как это получается? Ты сам-то хоть знаешь?

— Конечно. Берешь жестянку, вырезаешь оба донца, приделываешь два куса картона. Потом мигаешь.

— Ну, бог с ним. Забирай эту штуку и играй с ней на улице. А здесь смотри ничего не трогай. Дай мне подумать обо всем хорошенько.

Когда миссис Уиллоби осталась одна, ею овладели самые противоречивые чувства.

— Нет, положительно он вундеркинд. Ведь сколько есть взрослых, которые понятия не имеют о том, как сделать действующий «Исчезатель»! А Бланш Мэннерз, наверно, уж как-нибудь обойдется без кошки.

Кларенс остановился на углу у пивной «Позолоченный кран».

— Хотите, Нокомис, у вас что-нибудь пропадет?

— Нет, вот разве мое пузо.

— Но если оно пропадет насовсем, в вас будет дырка, и вы истечете кровью.

— И то верно. Испробуй-ка лучше на пожарном кране.

И вот наступил небывалый день для всей округи. Из соседних кварталов сбежались дети; они играли на залитых водой улицах и в переполненных канавах, и если кто-нибудь утонул (а мы не утверждаем этого наверняка) в потоках воды (настоящее наводнение!), то это легко было предвидеть. Пожарные машины (где это видано, чтоб их вызывали откачивать воду!) заливало выше колес. Повсюду сновали санитары и полицейские, мокрые до нитки и растерянные.

— Живая и мертвая вода! Кого побрызгать?! Кого побрызгать?! — выкрикала Кларисса Уиллоби.

— Да заткнись ты! — цыкали на нее санитары.

Бармен Нокомис из «Позолоченного крана» отозвал Кларенса в сторонку.

— Про этот твой фокус я никому ни гу-гу, так и знай, — сказал он.

— Вы не скажете, так и я не скажу, — отвечал Кларенс.

Но полицейский Комсток что-то пронюхал.

— Тут должно быть какое-то объяснение — одно из

семи. Это сделал кто-то из семи маленьких Уиллоби. Как — я не знаю. Даже если бульдозером этот кран своротить, и то от него что-нибудь останется. А все-таки это они, кто-то из них.

У полицейского Комстока был редкий нюх на темные дела. Вот он и разгуливал здесь в доках, на окраине, а не сидел начальником где-нибудь в центре города.

— Кларисса! — грозно окликнул ее полицейский Комсток.

— Живая и мертвая вода! А ну, кого побрызгать!.. — не унималась девочка.

— Известно тебе, что случилось с этим краном? — спросил ее полицейский.

— По-моему, здесь какое-то колдовство. Больше я пока ничего не знаю. Когда узнаю поточнее — скажу.

Клариссе было восемь лет, и ей повсюду чудилось колдовство.

— Гарольд, Клементина, Коринна, Джимми, Кирилл! — вызвал Комсток пятерых младших Уиллоби. — Известно вам, что случилось с этим краном?

— Тут вчера ходил один дяденька. Верно, он и стащил, — предположила Клементина.

— Да не было здесь никакого крана. Зря только шум подняли, — заметил Гарольд.

— Это дело будут слушать в ратуше, — сказала Коринна.

— Ну и пусть слушают, — отозвался Джимми. — А я не скажу!

— Ки-ри-лл!.. — взревел страшным голосом полицейский Комсток. Вышло действительно страшно. Он ведь и сам был напуган.

— Эники-беники! — сказал Кирилл. — Мне всего три года. Какой с меня спрос!

— Кларенс! — произнес Комсток.

Кларенс глотнул слюну.

— Известно тебе, куда девался пожарный кран?

Кларенс так и просиял.

— Что вы, сэр! Понятия не имею.

Тут явилась группа ребят из водопроводной сети; они в мгновение ока отключили воду во всем районе и забили трубу.

— Доложишь об этом — ведь засмеют! — бросил один из них.

Полицейский Комсток ушел совсем расстроенный.

— Право, мне сейчас не до вашей кошки, мисс Мэннерз, — сказал он. — Ну откуда мне знать, где она? Тут пожарный кран пропал, а вы с кошкой.

— А по-моему, если отыщется кошка, пожарный кран тоже найдется, — вмешалась Кларисса. — Так мне по крайней мере кажется.

Оззи Марфи носил на макушке ермолку. Кларенс нацелил на нее «Исчезатель» и мигнул. Ермолки как не бывало, а по затылку Оззи потекла струйка крови.

— Я б на твоём месте кончил эту игру, — сказал Нокомис.

— Какую «игру»? — возмутился Кларенс. — Это же всерьёз!

Так началась неделя ужасов в доселе ничем не приметном районе. Со сквериков пропадали деревья; фонарные столбы исчезали с привычных мест. Уолли Уолдорф подкатил к воротам, вышел из машины, захлопнул дверцу — и машины как не бывало. Джордж Маллендорф шел по дорожке к дому; навстречу ему кинулся его пес Дружок и хотел лизнуть хозяина в лицо. Но едва пес подпрыгнул, как случилось невероятное. Дружок исчез; только еще минуту в удивленном воздухе звенел его лай.

Но хуже всего обстояло дело с пожарными кранами.

Наутро после пропажи первого крана был установлен новый. Через восемь минут он бесследно исчез, и опять началось наводнение. К полудню появился третий кран. Этот исчез в три минуты. Наутро поставили четвертый.

К месту происшествия прибыли: уполномоченный по водоснабжению, городской инженер, начальник полиции с группой охраны общественного порядка, глава общества по борьбе с детской преступностью, ректор университета, мэр города, три господина из ФБР, фоторепортер из хроники, несколько видных ученых и толпа самых благонадежных горожан.

— Пусть теперь попробуют украсть кран, — сказал городской инженер.

— Пусть попробуют, — подхватил начальник полиции.

— Пусть по... Все! Уже! — только и успел произнести один из видных ученых.

Кран сгинул; все стояли мокрые как мыши.

— Во всяком случае, я получил сногсшибательный кадр, — объявил фоторепортер.

Но тут же, у всех на глазах, исчез его аппарат со всеми принадлежностями.

— Отключите воду и перекройте трубу, — приказал уполномоченный по водоснабжению. — Нового крана не будет. На складе больше нет.

— Зарезали без ножа! — вскричал мэр. — Неужто и у Тэсса нет?!

— У Тэсса есть, — сказал маленький толстячок. — Я — Тэсс.

— Прошу всех в «Позолоченный кран», джентльмены, — сказал Нокомис. — Приглашаю вас отведать наш новый коктейль «Игра с огнем», и, ручаюсь, ваше настроение исправится. Этот напиток мы готовим из лучшей

маисовой водки и жженого сахара, а воду берем из этой канавы. Вы первые попробуете наш коктейль.

«Позолоченный кран» процветал. Ведь как раз против его дверей пропадали краны и фонтанировала вода.

— Я придумала, как нам разбогатеть, — сказала через несколько дней маленькая Кларисса своему отцу, Тому Уиллоби. — Тут все говорят, что готовы хоть завтра продать за бесценок свои дома и перебраться в другой район. Так вот, достань побольше денег и скупи все дома. Потом ты их продашь и станешь богачом.

— Я бы не дал за них и гроша. Три дома уже провалились в тартарары, и все, кроме нас, вынесли мебель во двор. Неровен час завтра тут будет пустырь.

— Вот и купи этот пустырь. И жди, когда вернутся дома.

— Дома?.. А они, что же, вернутся?! Кажется, вы что-то знаете, милая барышня.

— По-моему, я почти догадалась. Только пока не скажу больше ни слова.

В роскошных, но неприбранных комнатах, где мог бы жить какой-нибудь запойный султан, собрались трое видных ученых.

— Мы столкнулись с явлением трансцендентного ряда. Оно опровергает мысль о квантовании пространства. И в некотором роде перечеркивает Боффа, — сказал профессор Великоф Вонк.

— Всякая прерывность непрерывного для нас трансцендентна, — заметил Арпад Аркабаранан.

— Да, — откликнулся Уилли Магкилли. — Подумать только, оказывается, для этого нужна простая жестянка из-под пива и два кусочка картона. Мы в детстве брали для этого коробку от толокна и красную крайолу.

— Порой мне трудно уловить вашу мысль, — прогово-

рил профессор Вонк. — Пожалуйста, говорите понятнее.

Люди, как таковые, не пропадали и не получали увечий, если не считать царапины на макушке Оззи Марфи и на мочках Кончиты, у которой прямо из ушей испарились безвкусовые подвески, да еще оторванного или поврежденного пальца на руке одного из соседей (только взялся за ручку двери — глядь, а дома-то нет) и кончика ноги соседского мальчишки (этот бил по консервной банке, а банки и след простыл); всего было пролито с пол-литра крови и потерян неполный килограмм мяса.

Но тут на глазах у покупателей растворился в воздухе бакалейщик, мистер Бекл. Это были уже не шутки.

На квартиру к Уиллоби из центра города явилось несколько замученных сыщиков. Самый замученный оказался мэром. В былые дни он выглядел куда лучше, но ведь все эти страсти продолжались уже с неделю.

— Ходят нехорошие слухи, что семья ваша причастна к происходящему, — начал один из сыщиков. — Кто может нам что-нибудь сообщить?

— Я заварила эту кашу, — сказала Кларисса. — Только что тут такого нехорошего? Просто капельку таинственно. Но если вы хотите знать, в чем дело, допросите меня.

— Так это твоих рук дело? — спросил сыщик.

— Ну, так не допрашивают! — сказала Кларисса.

— Куда все это подевалось? — продолжал сыщик.

— И так тоже, — упорствовала девочка.

— Можешь ты все это вернуть?

— Конечно. Всякий может. Вы разве не можете?

— Не могу. А если ты можешь — возврати немедленно.

— Но для этого кое-что нужно. Дайте мне золотые часы и молоток. Потом сходите в аптеку и принесите лекарства. Еще мне нужен ярд черного бархата и фунт леденцов.

— Как, пойдет? — спросил один из сыщиков.

— Пойдет, — сказал мэр. — Что мы тут можем сделать? Дайте ей все, что она просит.

И ей принесли все, что она потребовала.

— Чего она лезет? — рассердился Кларенс. — Я один все устроил. И совсем она не знает, как возвратить пропавшее.

— Нет, знаю! — возмутилась Кларисса. — Я знаю, что это он все устроил. Но ведь как делать «Исчезатель», он прочел в моем дневнике. Будь он моим сыном, я б его высекла за то, что он читает дневник своей младшей сестры. Вот что бывает, когда подобные вещи попадают в ненадежные руки!

Она положила на пол золотые часы мэра и нацелилась молотком.

— Надо чуточку обождать. Спешить нельзя. Еще не настало время.

Секундная стрелка обегала циферблат, и наступило мгновение, которому издревле был отведен свой черед. Кларисса сразмаху ударила молотком по дорогим часам.

— Вот и все, — сказала она. — Конец вашим бедам. Смотрите, вон кошка Бланш Мэннерз гуляет там же, где неделю назад.

И действительно, по тротуару снова брела кошка.

— Теперь пойдёте к пивной и поглядим, как появится пожарный кран.

Ждать пришлось всего несколько минут. Кран возник неизвестно откуда и с лязгом занял свое место на улице — вот, мол, я здесь.

— Теперь слушайте! — вещала Кларисса. — Все, что исчезло, объявится вновь, едва минет семь суток со дня пропажи!

Так настал конец неделе ужасов. Вещи возвращались одна за другой.

— Как ты узнала, что они вернутся спустя неделю? — спросил девочку мэр.

— Так ведь Кларенс построил семидневный «Исчезатель». А можно построить девятидневный, тринадцатидневный, двадцатисемидневный и даже одиннадцатилетний. Я хотела построить тринадцатидневный «Исчезатель», но для этого надо смазать картон кровью, взятой из сердца маленького мальчика, а Кирилл всякий раз поднимал вой, когда я пробовала сделать в нем дырочку.

— Неужели ты все это умеешь?

— Ну, конечно. Только меня в дрожь бросает, как подумаю, что все это может попасть в неопытные руки.

— Меня тоже, Кларисса. А теперь скажи, для чего тебе понадобились лекарства?

— Варить снадобья.

— А черный бархат?

— Шить платья куклам.

— Ну, а фунт леденцов?

— И как вы стали нашим мэром, когда не знаете таких вещей! Для чего мне сладости, как по-вашему?

— И последнее, — сказал мэр. — Зачем ты разбила мои золотые часы?

— А это чтоб было пострашнее, — ответила девочка.

УПРЯМЫЙ ДЯДЮШКА ОТИС

— Мой дядюшка Отис, — заговорил Мэрисон Моркс, — слыл самым большим упрямцем в Вермонте. Если вы знавали жителей Вермонта, то понимаете, что это такое: дядюшка Отис был самым большим упрямцем в мире. И не преувеличением, а чистой правдой будет сказать, что упрямство дядюшки Отиса страшнее водородной бомбы.

Моркс внушительно поднял палец, предупреждая скептические замечания.

— Вам не верится, — продолжал он. — Естественно. Так вот, я вам объясню, чем был опасен дядюшка Отис — опасен не только для человечества, но и для Солнечной системы. Да-да, а может, и для всей Вселенной.

Фамилия моего дядюшки — Моркс, такая же, как и у меня, — Отис Моркс. Он жил в Вермонте, и я с ним долго не виделся. В одно прекрасное утро получаю я срочную телеграмму от тетушки Эдит, его сестры. Там написано:

**ОТИСА УДАРИЛА МОЛНИЯ ТЧК ПОЛОЖЕНИЕ
СЕРЬЕЗНОЕ ТЧК ПРИЕЗЖАЙ НЕ МЕДЛЯ**

Я выехал первым же поездом. Меня беспокоило не столько здоровье дядюшки Отиса, сколько необъяснимо тревожная нотка в восьми обыденных словах, которые сорвали меня с места.

Вечером того же дня я высадился в Хиллпорте, штат Вермонт. Единственное в городе такси — древний седан — водил местный житель Джад Перкинс. По совместительству он работал констеблем, и, забравшись в ветхую машину, я заметил у него за поясом револьвер.

Еще я заметил, что на площади собралась кучка людей

и на что-то глазееет. Потом понял, что люди пьют глаза на пустой гранитный пьедестал, где раньше стояла большая бронзовая статуя местного политика Огилви — к этому типу дядюшка Отис всегда относился крайне презрительно.

Со свойственным ему упрямством дядюшка Отис ни за что не хотел верить, будто кому-то придет в голову воздвигать статую Огилви, и утверждал, что на самом деле в городке нет такой статуи. Однако она была, и вот теперь ее не стало.

Старый автомобиль кряхтя тронулся с места. Я перегнулся через спинку переднего сиденья и спросил у Джада Перкинса, куда делась статуя. Он покосился на меня исподлобья.

— Украли, — сообщил он. — Вчера днем, часов этак в пять. При всем честном народе. Да-с, мы и глазом моргнуть не успели. Мы все собрались в магазине Симпкинса — я, Симпкинс, ваш дядюшка Отис, ваша тетушка Эдит и кое-кто еще. Кто-то сказал, что стоило бы почистить статую Огилви — ее вовсе загадили голуби. Тут ваш дядюшка Отис так и вскинулся. «Какую статую? — сказал он, а сам аж брови распушил. — У нас в городке нет такой ерунды — статуи трепливого ничтожества Огилви!» Я знал, что толку от этого не будет, — он не поверил бы в статую, даже если бы налетел на нее и сломал ногу (никогда не встречал такого упряма, как Отис Моркс, ведь он не верит в то, что ему не по душе), — но все же я повернулся, чтобы ткнуть пальцем в ее сторону. Но статуи уже не было. Минутой раньше была, своими глазами видел. А теперь не было. Кто-то украл вот за эту минуту.

Джад Перкинс сплюнул в окно машины и, обернувшись, устремил на меня внушительный взгляд.

— Хотите знать, чья это работа? — сказал он. — Пятой колонны, вот чья. (Надо заметить, что дело было во время

войны.) Им понадобился Огилви, потому что он бронзовый, ясно? Им нужна медь и бронза, чтобы делать снаряды. Вот они и украли статую и переправили подлодкой в Германию. Но пусть только сунутся сюда еще раз, у меня ушки на макушке. Я вооружен и не теряю бдительности.

С грохотом и лязгом ехали мы к ферме дядюшки Отиса, а Джад Перкинс все еще просвещал меня относительно местных событий. Сообщил, что в дядюшку Отиса ударила молния, — как я и подозревал, только из-за его упрямства.

— Третьего дня, — рассказывал Джад, то и дело сплевывая табачную жвачку, — ваш дядюшка Отис был в поле, и вдруг разразилась гроза. Он укрылся под большим дубом. Ведь я ему тысячу раз говорил, что деревья притягивают молнию, да разве он послушается — такой упрямец!

Наверное, он думал, будто можно не замечать молнии, как он не замечает сарая Уиллоуби против своего дома или холма Марбл, что отсудил у него двоюродный братец Сет, — с тех пор ваш дядюшка Отис утверждает, будто такого холма на свете нет. Или новая плотина — ее возвели власти штата, чтобы сделать водоем, и при этом затопили часть пахотной земли вашего дядюшки Отиса, и с тех пор, как заговоришь с ним об этой плотине, он делает вид, что ты спятил.

Так вот, может, он не хотел замечать молнии, да ничего из этого не вышло. Она ударила в дуб, разнесла его в щепы и отбросила Отиса на двадцать футов. Если он не помер, так только потому, что у него всегда было железное здоровье. За всю свою жизнь он ни дня не хворал, разве что двадцать лет назад упал с лошади и ему на целую неделю память отшибло: вообразил себя коммивояжером по продаже сельскохозяйственных орудий, каким-то Юстасом Лингхэмом из Кливленда, штат Огайо.

Ваша тетюшка Эдит все это видела из окна, она выбе-

жала в поле и притащила Отиса домой. Уложила его в постель и позвала доктора Перкинса. Док сказал, что у больного просто шоковое состояние, он скоро придет в себя, но пусть полежит два-три дня в постели.

Действительно, к ужину ваш дядюшка Отис очнулся, но ни за что не хотел оставаться в постели. Сказал, что чувствует себя прекрасно, и провалиться мне на этом месте, если вчера у Симпкинса он не был в самом цветущем виде. Помолодел на десять лет. Ходит себе подпрыгивая, можно подумать, из всех его пор электроэнергия сочится.

Я спросил, не смягчилось ли с годами закоренелое упрямство дядюшки Отиса. Джад сплюнул с особым усердием.

— Еще хуже стало, — заявил он. — Самый упрямый человек в Вермонте, вот кто такой ваш дядюшка Отис. Да провалиться мне на этом самом месте: если он говорит, будто чего-то на свете нет, даже когда оно торчит перед самым его носом, то, будь я проклят, он так уверен в этом, что я и сам почти верю.

На той неделе сижу у него на веранде, старый сарай Уиллоуби весь вид портит, а ваш дядюшка Отис глядит сквозь него, точно его и нет.

— Красивый был бы вид, — говорю, — если бы не тот сарай.

А ваш дядюшка Отис смотрит на меня, как на ненормального.

— Сарай? — говорит. — Какой сарай? Никакого сарая здесь нет и никогда не было. Лучший вид во всем Вермонте. Округа просматривается на двадцать миль.

Джад Перкинс хмыкнул и чуть не раздавил желтого пса и парнишку на велосипеде.

— Много людей на свете верят в то, чего нет, — сказал он. — Но из всех, кого я знаю, только ваш дядюшка Отис не верит в то, что есть, — такой он упрямец.

Когда Джад Перкинс высадил меня у ворот дядюшки Отиса, я был погружен в размышления. Дядюшка Отис не попался мне на глаза, но я пошел к заднему крыльцу, и из кухни навстречу мне заторопилась тетушка Эдит; все у нее развевалось — юбки, фартук, волосы и руки.

— Ох, Мэрчисон! — воскликнула она. — Как я рада, что ты приехал! Я не знаю, что мне делать, просто не знаю. С Отисом случилось что-то ужасное, и...

Тут я увидел самого Отиса. Он шел по тропинке к воротам, чтобы вынуть газету из почтового ящика. Низенький, поджарый, с выдвинутым квадратным подбородком и лохматыми бровями, — мне показалось, он ничуть не изменился. Но, когда я поделился своей мыслью с тетушкой Эдит, та лишь заломила руки.

— Знаю, — вздохнула она. — Кто не знает всей правды, тот может подумать, что молния пошла ему на пользу. Но он идет сюда. Больше я ничего не могу тебе рассказать. После ужина! Ни в коем случае он не должен подозревать... Ох, надеюсь, ничего непоправимого не случится, пока мы не выясним, как это прекратить.

Тут с газетой в руках подошел дядюшка Отис, и тетушка Эдит упорхнула в кухню.

Дядюшка Отис, безусловно, не изменился, разве что к лучшему. Как заметил Джад Перкинс, он будто помолодел. Он сердечно сжал мне руку, и по ней до самого плеча забегали мурашки, словно ее током ударило. Глаза дядюшки Отиса искрились. Весь он был как-то особенно бодр, словно заряжен таинственной энергией.

Мы дошли до парадного крыльца и остановились лицом к полусгнившему сараю, который раскорячился по ту сторону дороги и портил весь вид. Я ухватился за эту тему — ведь мне хотелось прощупать дядюшку Отиса, понять, что имела в виду тетушка Эдит, — и выразил со-

жаление, что позавчерашняя гроза не повалила этого сарая.

— Сарая? — нахмурился дядюшка Отис. — Какого сарая? Здесь нет сарая, мой мальчик! Ничего, кроме вида — красивейшего вида в Вермонте. Если ты видишь там сарай, тебе надо со всех ног бежать к врачу.

Как и рассказывал Джад, дядюшка говорил до того убедительно, что мне невольно захотелось еще раз взглянуть на это злосчастное строение. Взглянул — и долго еще таращил глаза, а может, и хлопал ими.

Дело в том, что дядюшка Отис не солгал.

Никакого сарая не было... теперь не было.

За ужином у меня зародилось невероятное подозрение. После еды дядюшка Отис уселся в гостиную читать газету, а я вслед за тетушкой Эдит пошел на кухню.

Когда я рассказал тетушке Эдит про сарай, она только вздохнула и посмотрела на меня затравленными глазами.

— Да, — прошептала она, — это все Отис. Я поняла еще вчера, когда пропала статуя... мы были в магазине Симпкинса. Я как раз смотрела на нее, но вдруг Отис произнес свои любимые слова — и ее просто не стало, прямо у меня на глазах. Тогда-то я и отправила тебе телеграмму.

— Ты хочешь сказать, — переспросил я, — что с тех пор, как в Отиса ударила молния, его упрямство приняло новый оборот? Он и раньше считал, что вещей, которые ему не по нраву, не существует в природе, но этим все и кончалось. Значит, теперь, когда он так считает, вещи перестают существовать из-за того, что каким-то загадочным образом обострилось его чудовищное упрямство?

Тетушка Эдит кивнула.

— Просто исчезают! — закричала она почти в истерику. — Стоит ему сказать, что вещи нет, и она исчезает.

Признаться, от такой мысли мне стало не по себе.

Пришло в голову множество нежелательных вариантов. Список вещей (и людей), в которых не верил дядюшка Отис, был длинный и разнообразный.

— Как по-твоему, — спросил я, — есть какой-нибудь предел? Статуя, сарай — это ладно, но где он, по-твоему, остановится?

— Не знаю, — ответила она. — Может, никакого предела и нет. Отис *страшно* упрям и... ну, например, вдруг кто-нибудь напомнит ему о плотине? Вдруг он заявит, что никакой плотины нет? У нее высота тридцать футов, и как вся эта вода хлынет...

Тетушка Эдит могла и не продолжать. Если дядюшке Отису ни с того ни с сего взбредет в голову заявить, что в Хиллпорте нет плотины, освобожденная вода сотрет город с лица земли, а может быть, и погубит пятьсот его обитателей.

— И потом, не надо забывать, что он никогда не верил во всякие дальние страны с диковинными названиями, — прошептала тетя Эдит, — Занзибар, Мартиника.

— Гватемала и Полинезия, — хмуро согласился я. — Если кто-нибудь напомнит ему про такую страну и он вздумает сказать, что ее не существует, — никто не знает, что тогда произойдет. Когда внезапно исчезает страна, самое малое, чего можно ожидать, это цунами и землетрясения.

— Но как его остановить? — с отчаянием спросила тетушка Эдит. — Нельзя же запретить ему...

Ее прервало рычание, и на кухне с газетой в руке появился дядюшка Отис.

— Вы только послушайте! — загремел он и прочел нам вслух коротенькую заметочку, суть которой сводилась к тому, что его двоюродный брат Сет Янгмэн, оттягавший у него холм, собирается продать этот холм какой-то нью-йоркской фирме, которая будет там вести горные работы.

Затем дядюшка Отис в негодовании швырнул газету на кухонный стол.

— О чем они толкуют? — рявкнул он, нахмутив брови. — Холм Марбл? В округе нет холма с таким названием и никогда не было. И у Сета Янгмена никогда в жизни не было собственного холма. Какой идиот принес эту газету, хотел бы я знать?

Он сердито уставился на нас с тетушкой. И вот среди молчания послышался далекий грохот падающих камней. Мы с тетушкой Эдит, как по команде, бросились к окну. Еще не стемнело, и из окна кухни было видно то место к северо-западу от дома, где на горизонте, как потрепанная шляпа-котелок, вырисовывается холм Марбл — вернее, где он *вырисовывался*.

В древности сила веры у пророков была так велика, что они могли передвигать горы. Но дядюшка Отис был наделен гораздо более примечательным качеством — неверием, позволяющим уничтожать горы.

Дядюшка Отис, не подозревая о необычном происшествии, с ворчанием снова взял в руки газету.

— Теперь все помешались, — заявил он. — Вот полюбуйтесь: статья о президенте Рузвельте. Не о Тедди, а о каком-то Франклине. Не могут даже правильно назвать человека по имени. Все знают, что нет такого президента — Франклина Ру...

— Дядюшка Отис! — заорал я. — Погляди-ка, вон там мышь!

Дядюшка Отис умолк и повернулся в ту сторону. Под плитой действительно притаилась мышь, и только ею я мог отвлечь дядюшку Отиса, прежде чем он выразит неверие во Франклина Д. Рузвельта. Едва-едва успел. Я отер лоб платком. Дядюшка Отис насупился.

— Где? — осведомился он. — Не вижу никакой мыши.

— Во... — я протянул было руку, но тут же осекся.

Разумеется, как только он заговорил, мыши не стало. Я сказал, что мне скорее всего померещилось. Дядюшка Отис проворчал что-то и удалился в гостиную. Мы с тетужкой Эдит переглянулись.

— Если бы он сказал, — начала она, — если бы он договорил до конца, что Руз...

Она так и не закончила. Проходя по коридору, дядюшка Отис угодил ногой в дырѹ, протертую в линолеуме, и во весь рост растянулся на полу, при падении ударившись головой об стол. Когда мы подбежали, он был без сознания.

Я отнес дядюшку Отиса в гостиную, уложил на старый диван, набитый конским волосом. Тетужка Эдит принесла холодный компресс и нашатырный спирт. Вдвоем мы принялись обрабатывать безвольное тело дядюшки Отиса, и в скором времени он открыл глаза, но хлопал ими, не узнавая нас с тетужкой.

— Кто вы? — спросил он повелительным тоном. — Что со мной?

— Отис! — расплакалась тетужка Эдит. — Я твоя сестра. Ты упал и расшиб голову. Потерял сознание.

Дядюшка Отис смотрел на нас очень и очень подозрительно.

— Отис? — повторил он. — Меня зовут не Отис. За кого вы меня принимаете?

— Нет, тебя зовут Отис! — запричитала тетужка Эдит. — Ты Отис Моркс, мой брат, и живешь в Хиллпорте, штат Вермонт. Ты прожил здесь всю свою жизнь.

Дядюшка Отис упрямо выпятил нижнюю губу.

— Меня зовут *вовсе* не Отис Моркс, — сообщил он, поднимаясь с дивана. — Я Юстас Лингхэм из Кливленда, штат Огайо. Торгую сельскохозяйственными машинами. Я вам не брат. Обоих вас я впервые вижу. У меня болит

голова, и я устал от разговоров. Пойду подышу свежим воздухом. Может, голове полегчает.

Тетушка Эдит молча посторонилась. Дядюшка Отис прошагал по коридору, вышел на парадное крыльцо. Тетушка Эдит, подглядывающая в окно, доложила, что он стоит на ступеньках и смотрит в небо.

— Опять началось, — сказала она громко. — Снова потерял память. Точь-в-точь как двадцать лет назад, когда он свалился с лошади и целую неделю воображал себя Юстасом Лингхамом из Кливленда.

Ох, Мэрчисон, теперь придется вызывать доктора. Но если доктор узнает о той, второй болезни, он захочет упрятать его в лечебницу. А если кто-нибудь попытается упрятать Отиса в лечебницу, Отис не поверит ни в докторов, ни в лечебницу. Тогда... тогда...

— Но если ничего не предпринимать, — возразил я, — один бог знает, что тогда стрясется. Дядюшка Отис непременно вычитает еще что-нибудь насчет президента Рузвельта. В наше время о нем невозможно не читать в газетах, даже в газетах штата Вермонт. Или наткнется на упоминание о Мадагаскаре и Гватемале.

— Или поскандалит со сборщиками налогов, — прибавила тетушка Эдит. — Он то и дело получает от них письма с запросами, почему он ни разу не платил подоходного налога. В последнем письме сказано, что они высылают человека для личных переговоров. Но Отис твердит, будто такой выдумки, как подоходный налог, не существует, значит, не бывает и сборщиков налогов. В таком случае, если кто-нибудь придет и назовется сборщиком налогов, дядюшка Отис просто-напросто не поверит в существование этого человека. И тогда...

Мы беспомощно переглянулись. Тетушка Эдит схватила меня за руку.

— Мэрчисон! — проговорила она задыхаясь. — Скорее!

Беги к нему! Нельзя оставлять его одного! На той неделе он решил, что на свете нет звезд!

Я ни секунды не колебался. Мгновенно очутился на крыльце рядом с дядюшкой Отисом, который дышал прохладным вечерним воздухом и разглядывал усыпанный звездами небосвод с выражением безграничного неверия на лице.

— Звезды! — рывкнул он, ткнув костлявым пальцем в звездное небо. — И все на расстоянии сотен миллионов миллиардов триллионов дриллионов миль, даже самая завалящая! И каждая в сотню раз больше нашего Солнца! Так пишется в книгах. А знаешь, что я скажу? Скажу «тьфу»! Нет на свете ничего столь огромного или далекого. Знаешь, что такое на самом деле эти штучки, которые видны в телескоп и называются звездами? Это вовсе не звезды. Если на то пошло, на свете вообще нет никаких зв...

— Дядюшка Отис! — завопил я дурным голосом. — Комар!

И изо всех сил трахнул его кулаком по макушке.

Дядюшку Отиса надо было отвлечь. Ни в коем случае нельзя было позволять ему произнести эти слова. Вселенная, конечно, велика, по всей вероятности, слишком велика даже для дядюшки Отиса и ему не по зубам уничтожить ее своим неверием. Но я не стал рисковать. Заорал что есть мочи и стукнул его.

Но я забыл о рецидиве потери памяти и о том, что дядюшка Отис считает себя Юстасом Лингхэмом из Кливленда. Очнувшись от моего удара, он смерил меня холодным взглядом.

— Я вам не дядюшка Отис! — огрызнулся он. — И никому я не дядюшка Отис. У меня нет ни братьев, ни сестер. Я Юстас Лингхэм, и у меня болит голова. Сейчас выкурю сигару и лягу спать, а утром уеду в Кливленд.

Он повернулся ко мне спиной, вошел в дом и начал подниматься по лестнице в спальню.

Я поплелся за ним, тщетно ломая голову в поисках удачного плана действий, а тетушка Эдит двинулась по лестнице за нами следом. Мы с ней остановились на верхней ступеньке и видели, как дядюшка Отис вошел в свою спальню и закрыл дверь.

Чуть погодя мы услышали, как под его тяжестью закриштели пружины кровати. Потом чиркнула спичка, и до нас донесся сигарный дымок. Перед отходом ко сну дядюшка Отис неизменно выкуривал сигару — единственную за весь день.

— Отис Моркс! — слышали мы бормотание, и один ботинок стукнулся об пол. — Никого так не зовут. Это какой-то подвох. Никакого Отиса Моркса на свете нет.

Тут он замолк. Наступила тишина. Мы ждали, что стукнет второй ботинок... и когда прошла целая минута, мы в ужасе переглянулись, бросились к двери и распахнули ее настежь.

Мы с тетушкой Эдит тщательно обшарили комнату. Окно было закрыто и заперто. В пепельнице на ночном столике лежала зажженная сигара, от нее страусиным пером поднимался кверху дымок. На постели осталась вмятина — там, где он только что сидел; вмятина медленно расправлялась. На полу возле кровати валялся один ботинок дядюшки Отиса.

Но дядюшка Отис (Моркс обвел нас всех меланхоличным взглядом) — дядюшка Отис, конечно, пропал. Он усомнился в своем существовании... и перестал существовать...

(Тут Моркс тихонько вздохнул и стал ждать, когда же кто-нибудь поднесет ему рюмочку.)

ДОМОВОЙ МОСТИЛЬЩИКА ГОУСКИ

Во вторник мостильщик Гоуска напился. Это было событие исключительное, потому что обычно он, как всякий порядочный человек, напивался в субботу. Но в тот вторник шел дождь, и Гоуска ничего иного не мог придумать. Сначала дождь моросил, потом усилился, а когда в половине двенадцатого ночи Гоуску выпроваживали из закуской «У короля Пршемысла», дождь лил как из ведра. Мостильщик Гоуска пнул ногой спущенную на окно закуской штору, подтвердив тем самым свое моральное превосходство над официантами, поднял воротник пальто и зашагал домой. Фонари мерцали в мокрой ночи, и вода журчала в водосточных трубах, стекала с деревьев и крыш. Когда Гоуска пытался всунуть ключ в замочную скважину входной двери, он увидел лежащее под водосточной трубой яйцо. Яйцо было белое, в черную крапинку и блестело под струйкой воды, которая лилась прямо на него. Оно было самое обыкновенное, с одного конца заостренное, чуть побольше куриного. Мостильщик Гоуска поднял его и сунул в карман, так как в отличие от курицы считал, что яйцо создано для того, чтобы его съесть.

Придя домой, он сначала исчерпал весь запас известных ему ругательств, потому что в коридоре ободрал ногу о корыто, а потом завалился не раздеваясь спать, чувствуя, что при малейшем движении его начнет тошнить.

Утром его мучила жажда, и он встал. На перине лежали кусочки скорлупы, белой, в черную крапинку. Гоуска вспомнил о яйце, которое вчера ночью нашел под водосточной трубой, а во сне, вероятно, раздавил. Он поднял перину в надежде найти остатки содержимого. Под периной

сидел черный цыпленок, довольно противный, с длинной шеей и зелеными глазами. Зябко поеживаясь, он прижимался к теплой постели.

Того немногого, что Гоуска знал о последствиях алкоголизма, было достаточно, чтобы испугаться. Гоуска попятился и глухо застонал. Но, пока он готовился выдержать суровую внутреннюю борьбу со своим разумом, надеясь принять эту печальную новость с подобающей мужчине твердостью, цыпленок соскочил с постели и, чуть переваливаясь на косолапых ножках, направился к умывальнику, где мостильщик Гоуска намочил носки. Цыпленок сделал глоток, закашлялся, потянулся и похлопал крыльями, на которых выразительно топорщились будущие перья.

Гоуска был уверен, что у него галлюцинации.

— Напи-пи-пи... — пробовал произнести он.

Цыпленок смерил его взглядом.

— К чему такие нежности, — сказал он иронически, — лучше накроши мне хлеба, я голоден!

Второй приступ отчаяния кончился воплем.

— Ой-ой-ой! — причитал Гоуска. — Я сойду с ума, не выдержу я этого!

— Не ори, — сказал с омерзением цыпленок. — Кому доставляет удовольствие с утра слушать твои вопли? Нечего меня рассматривать, пойдй принеси хлеба. Ты должен меня кормить, раз ты меня высидел.

— Как это высидел? — робко спросил Гоуска.

— Своим задом, дружок, своим задом, — довольно сухо сказал цыпленок. — Я не просто цыпленок, я — Домовой. Давай скорее хлеба да пойдем на работу!

Мостильщику Гоуске было неясно, что такое Домовой. Он рассуждал: Домовой — это, по-видимому, существо, которое заставляет работать, и посему размышлял, как бы от него избавиться. Но так как он его боялся, то принес хлеба и выпел из дома вместе с Домовым. По дороге Домовой

тактично молчал, да и Гоуске не хотелось разговаривать.

На перекрестке горел красный светофор. Гоуска остановился, но Домовой пролетел между машинами и ждал его на другой стороне. Регулировщик вышел из кабины и подошел к Гоуске.

— Вам следует знать, что птица не может в городе бегать сама по себе, ее нужно носить в корзине или по крайней мере в руке и держать за ноги. Запомните это, а то заплатите штраф!

На другой стороне тротуара Гоуска взял Домового подмышку, но тот проворно клюнул его.

— От тебя несет перегаром,— сказал он.— Пусти меня на землю и иди быстрее, а то опоздаешь!

Придя на работу, мостильщик Гоуска отошел в сторону от остальных, боясь показать Домового. Домовой уселся на забор и наблюдал за работой Гоуски.

— Что это?— спросил он через несколько минут.

— Это мозаичная мостовая,— объяснил Гоуска.— Сначала насыпаю песок с известью, туда кладу вот такой камушек, красный или черный, выкапываю ямку, по камушку сверху стукну и беру следующий. Когда все готово, посыпаю сверху известью, поливаю водой и размазываю щеткой.

— И это все? — пренебрежительно спросил Домовой.

— Все,— подтвердил Гоуска.— Но они должны быть ровными.

Домовой соскочил с забора.

— Подвинься,— сказал он. Из кучи камней взял клювом один, ножкой выкопал в песке ямку, воткнул камень и стукнул по нему желтым клювом, как сапожник по подошве. Потом поерзал голым задком, чтобы камень крепче сидел, и побежал за следующим.

Если бы Гоуска мог еще чему-нибудь удивляться, он, конечно, пришел бы в ужас от того, как цыпленок, на пер-

вый взгляд такой слабенький, справляется с мозаичной кладкой. Пять метров были готовы, прежде чем Гоуска успел выругаться.

— Вози! — орал Домовой. — Известь, песок, мозаику! Чтобы мне далеко не бегать!

Гоуска послушно нагнулся за тачкой, а Домовой тем временем бегал по вымощенной дороге и постукивал по торчащим камням.

— Поливать будешь сам, — приказал Домовой, — потому что это меня задерживает.

Пока Гоуска бегал с ведром за водой, цыпленок равномерно крыльями размазал известь по мостовой.

К десяти часам Гоуске стало жарко. Он уже целиком попал в зависимость к Домовому и обратился к нему за разрешением пойти выпить пива.

— Никакого пива! — отрезал Домовой. — Сейчас рабочий день — и работай. Да клади больше извести, а то здесь один песок.

Гоуске ничего не оставалось, как напиться воды из ведра.

В одиннадцать часов приехал на мотоцикле мастер. Когда Домовой его увидел, он вскочил на забор и принялся счищать с коготков остатки извести. Мастер не обратил на него внимания и окинул взглядом готовую работу.

— Это за сегодняшний день? — спросил он Гоуску.

— Да.

— А с которого часа ты здесь?

— С шести.

— Ах, с шести? И ты столько сделал? Рассказывай сказки! — буркнул мастер, сел на мотоцикл и уехал.

— Вези! — закричал Домовой и соскочил с забора.

В два часа Домовой разрешил пошабашить. Измученный работой, вчерашним перепоем, невозможностью выпить пива сегодня, Гоуска, придя домой, мечтал о постели.

Но прежде он должен был накрошить хлеба для Домового. Домовой запил хлеб водой из умывальника и проворно заскакал по комнате.

— Сколько мы заработали сегодня? — спросил он.

Гоуска подсчитал в уме:

— Двести шестьдесят крон.

Домовой промолчал.

На следующий день они заработали уже триста двадцать. Мастер налетел на Гоуску.

— Вы все думаете, что я ничего не знаю! — гремел он. — Но я хорошо понимаю, что старый Познер получает тысячу двести крон пенсии и ему не хватает на водку. Поэтому утром он ходит помогать другим, а потом с ними делится, чтобы у него не сокращался доход. Но я не такой дурак и покрывать вас не буду. Нет-нет, вы меня еще узнаете!

— Зачем ты все это делаешь? — спросил Гоуска цыпленка после работы.

Домовой удивился такой наивности и объяснил, что служит тому, кто его высидел, что для него, Домового, это само собой разумеется. Он старается, чтобы его хозяин разбогател. Если его хозяин ремесленник, Домовой за него работает; если торговец, носит ему товары, а в кассу — деньги; если офицер, Домовой за него командует; если служащий, подпирает ему голову во время работы, чтобы тот не ударился о стол.

Мостильщик Гоуска хотел узнать, не мог бы Домовой ему тоже носить деньги. Домовой, однако, отказался, объяснив, что Гоуску посадили бы в тюрьму, а он, Домовой, должен был бы за него позванивать цепями. Гоуска истолковал это по-своему, потому что предполагал, что Домовой набивает себе цену, и за целый вечер не сказал ему ни слова. Они поужинали в полном молчании, после чего Домовой устроился на постели.

На следующий день бригада, которая работала в другом месте, послала мостильщика Каливоду, чтобы он посмотрел, не болен ли Гоуска, поскольку тот перестал ходить «на пиво». Каливода, приблизившись, увидел, как черный цыпленок мстит улицу, а сам Гоуска возит материал и воду. Это ему показалось странным, и он позвал остальных мостильщиков. Они некоторое время с интересом наблюдали за стараниями Домового, но, когда увидели темп его работы, возмутились и стали выговаривать Гоуске, что его цыпленок завывает нормы и что так никто ничего не заработает. Обвинили его также в несолидарности и трезвости.

Мостильщик Гоуска защищался. Он показал на Домового, который не принимал участия в дебатах, потому что без усталости работал, а когда у него кончилась работа, стал сортировать камни на красные и черные. Домовой вызвал всеобщую антипатию, и мостильщик Каливода бросил в него камнем. Домовой вовремя отстранился, одним взмахом своих полуперенных крыльев взлетел на голову Каливоды и отомстил ему.

Из-за ужасной вони Каливоду не пустили в трамвай, и ему пришлось идти домой пешком; по той же причине он на следующий день пришел поздно на работу, потому что жил почти у Кобылис. В полном замешательстве он сказался больным и бродил целый день по городским свалкам, потому что домой его не пускала жена, а пойти в забегаловку он не смел.

Остальные, устранившись судьбы Каливоды, оставили всякие попытки преследовать Домового. Они отправились в пивную, чтобы посоветоваться. Домовой тем временем работал без усталости и повысил заработок Гоуски за смену до трехсот шестидесяти семи крон и восьмидесяти геллеров. Прохожих, которые наступали на незасохшую мостовую, он сам не ругал, чтобы не вызвать переполоха, а принуж-

дал к этому Гоуску. Если Гоуска ругался, по его мнению, слишком добродушно, Домовой его отчитывал.

Мостильщики тем временем послали из пивной делегатов в управление, чтобы на Гоуску воздействовал управляющий мостовыми. Когда управляющий услышал о работе цыпленке, он подумал, что оказался жертвой дурацкой шутки, и выгнал делегатов.

После длительного хождения и стояния на тротуарах депутация наткнулась на заведующего отделом труда и зарплаты и категорически потребовала проверить зарплату Гоуски. Когда была названа цифра, заведующий поднял глаза к потолку. Затем вместе со своими заместителями, нормировщиками, контролерами и хронометражистами отправился на место работы мостильщика Гоуски. Гоуску и Домового они застали в разгар работы, потому что Домовой решил заработать в этот день четыреста крон.

Заведующий отделом труда и зарплаты, несколько опомнившись от испуга, обратил внимание Гоуски, что ему будет снижена оплата, потому что он выполняет подсобную работу, в то время как всю основную работу делает цыпленок, который к тому же для этого недостаточно квалифицирован. Гоуска, инструктированный Домовым, — тот после конфликта с Каливодой предполагал возможность известных затруднений — ответил, что в таком случае работа должна быть оплачена Домовому, за которого он, Гоуска, вполне отвечает. И по собственной инициативе добавил, что о качестве работы Домового этот лодырь — заведующий отделом труда и зарплаты — судить не может.

Заведующий отделом труда и зарплаты вернулся со своими помощниками в канцелярию и в отделе кадров потребовал, чтобы Домового приняли в штат, дабы он мог включить его в ведомость на зарплату. Отдел кадров, однако, отказался от этого предложения ввиду невозможности заключить с Домовым контракт, пока тот не предъявит

подтверждения о расторжении прежнего трудового соглашения. При такой постановке вопроса возникла следующая проблема — не является ли Домовой, как собственность мостильщика Гоуски, представителем частнособственнического сектора. Заведующий отделом труда и зарплаты, преследуемый призраком постоянно растущего заработка Гоуски, пустился на поиски главного инженера.

Главный инженер сидел в своем кабинете и курил трубку. На нем была кожаная куртка и клетчатая рубашка — именно такие, как на всех инженерах во всех кинофильмах. Главный выслушал претензии с серьезным видом и обещал рассмотреть этот вопрос. Затем вызвал к себе мастера-мостильщика, которому подчинялся Гоуска, и сказал ему:

— Мы должны вместе решить эту проблему. Как обстоят дела у Гоуски?

— Ну, Гоуска хороший рабочий, ничего не скажешь.

— Конечно, но такие заработки он не может иметь!

— А если он хорошо работает? — заметил мастер растерянно.

— Погодите, не болтайте! Мне и так все ясно.

— Если так, то я вам скажу, потому что вы человеческий человек и имеете понятие. Он меня тоже просил, этот старый Познер, у него небольшой доход, а ребята запишут работу на себя. Люди мы или нет?

— Это меня не интересует, — решительно заявил инженер. — Что с этим цыпленком?

— Ах, относительно цыпленка? Но мне никто не давал никакого цыпленка. Я ни у кого ничего не беру, потому что это не разрешается. Иногда кружку пива, просто не хочу обидеть ребят, но цыпленка, нет, не брал, я бы помнил, если бы брал.

Теперь главный инженер не знал, как отделаться от мастера, все еще что-то бормотавшего, и решил созвать

внеочередное собрание. На собрании он обрисовал создавшееся положение. Все удивились, но не слишком. Кто удивляется слишком, тот выдает свою неопытность.

Руководство, конечно, решило, что трудовой энтузиазм удивительного цыпленка надо использовать в интересах производства. Тут встал вопрос, можно ли его зачислить в штат, если это не запланировано и ассигнования на этот год уже исчерпаны. Заведующий отделом труда и зарплаты также обратил внимание присутствующих на то, что, судя по темпам работы цыпленка, ему нельзя платить по существующим нормам. Нормы на оплату работы цыпят в строительных организациях еще не были предусмотрены.

Таким образом, все оказалось не так просто. Интерес к Домовому поэтому внезапно исчез, и на стороне прогресса остался только один инженер. Ему в Домовом понравилось то, что на других предприятиях Домового не было, и он бросился в наступление, утверждая, что без Домового не сможет обеспечить выполнение плана. А поскольку все знали, что это зависит не от инженера, то никто не испугался. На сторону главного инженера неожиданно перешел юрисконсульт.

Юрисконсульту, как известно, цыпленок был ни к чему, но он всегда быстро соображал. Поэтому он и выступил с предложением считать Домового средством механизации, тогда предприятие выкупит его у Гоуски и передаст отделу механизации. Это всем понравилось, и предложение было принято с одной поправкой: дескать, для этой машины, то есть Домового, будут определены специальные нормы.

Против этого восстал начальник отдела механизации, но ему разъяснили, что в его ведение передают лишь одного Домового. Начальник на всякий случай заметил, что «это», безусловно, чужь и что «это» опять будет неисправно.

Ему разъяснили еще раз, что такое Домовой, а его отговорка, что у него не зоопарк, была единогласно отвергнута, на чем и закончилось собрание.

Выкуп Домового поручили юрисконсульту, и он пригласил к себе мостильщика Гоуску. Гоуска пришел в канцелярию без Домового. Тот все еще работал. Утверждение, что Домовой — это строительная машина, Гоуска опроверг и в качестве доказательства привел тот факт, что Домовой жрет и, следовательно, это живое существо.

Юрисконсульт моментально сбил Гоуску с толку.

— Вы такие вещи лучше не говорите, — советовал он Гоуске. — Тем самым вы признаете, что эксплуатируете чужой труд. Это вряд ли принесет вам пользу.

Гоуска сообразил, что это не принесет ему пользы. Вопрос цены на Домового так и не был решен. Уничтоженный Гоуска выговорил себе разрешение подумать.

Вернувшись домой, он застал Домового в плохом настроении. Пересчитав еще раз дневную выручку, тот выяснил, что до предполагаемых четырехсот крон не хватает восьми крон двадцати геллеров. Винаватым он считал Гоуску и здорово его отругал за то, что тот во время работы где-то шляется.

Гоуска объяснил положение вещей. Домовой наотрез отказался работать на предприятие, поскольку оно его не высиживало, а на робкий вопрос Гоуски — не хотел ли бы он работать помедленнее, потому что такие темпы приведут всех к несчастью, — сердито начал летать по комнате.

Мостильщик Гоуска не сомкнул глаз всю ночь. Утром он пошел в поликлинику и так как был утомлен работой и бессонницей, то получил бюллетень на два дня. Домовой, просмотрев листок нетрудоспособности, сокрушался о неожиданных финансовых потерях до тех пор, пока Гоуска под тем предлогом, что ему нужно купить лекарство, не ушел из дому.

Вернулся он примерно через час и принес под мышкой большого полосатого кота. Домовой между тем вымыл пол и был весь покрыт паутиной, потому что своими собственными перьями обметал потолок. Коту он не обрадовался, но позволил себя успокоить уговорами, что все будет хорошо. После этого на кота он вовсе не обращал внимания, только сожрал у него всю еду.

Кот не оправдал надежд Гоуски. Он залез под кровать, а после с голоду и страху перед Домовым удгал в окно — Домовой проветривал комнату.

Ночью Гоуску мучила горячка и тяжелые сны. К утру он наконец заснул спокойно, но сон его был недолгим. Домовой стянул с него перину и заворчал:

— Вставай, принеси корыто и поставь воду, я буду стирать.

— Который час? — с трудом придя в себя, спросил Гоуска.

— Шесть, — ответил Домовой, — уже утро. Кто рано встает, тому бог подает, — назидательно произнес он и с отвратительной проворностью заскакал по комнате.

Мостильщик Гоуска приподнялся на локте.

— У меня идея, — сказал он тихо. — Я придумал, как нам больше заработать. Подойди поближе, чтобы никто не услышал, а то испортят нам всю музыку.

Домовой вскочил на край постели, вытянул шею и наклонил голову к Гоуске. Тот вытянул руку из-под перины и сдавил длинную, худую шею Домового. Он чувствовал, как шея крутится у него в руке. Домовой бил клювом, хрипел, метался и порвал когтями наволочку. Потом его движения стали слабеть, глаза затянулись пеленой и голова поникла.

Гоуска еще минуту сдавливал его щею, потом отпустил. Домовой со стуком свалился на пол. Гоуска повернулся к стене, немного поворочался и заснул сном праведника.

Проснулся он поздно, в середине дня. Оделся, завернул тело Домового в газету и направился к закусочной «У короля Пршемысла». Там положил Домового на прилавок. Буфетчик осмотрел цыпленка и, сбросив вниз, сказал:

— Двадцать.

Гоуска кивнул, сел в уголок к столу, заказал бутылку рома и приступил к делу. Когда в бутылке осталось совсем немножко, он поднялся и осторожно направился к прилавку.

— Дай-ка мне пару яиц, — сказал он буфетчику.

— Крутых?

— Сырых.

— Зачем они тебе?

— Я их разобью, — прошипел Гоуска, — разобью вдребезги. Ненавижу яйца. Растопчу все яйца! — заорал он на весь зал. Несколько завсегдатаев испуганно оглянулись и бросились расплачиваться.

— Иди лучше домой, — сказал буфетчик.

— Не пойду домой, не пойду домой, — повторял разбушевавшийся Гоуска. — И сегодня не пойду, и завтра не пойду, и послезавтра тоже не пойду, и буду прогуливать без всякого бюллетеня. И ничего не буду зарабатывать, и это будет здорово!

Буфетчик удивленно покачал головой.

— Вообще ничего не буду зарабатывать, — мечтал Гоуска. — Вот...

— Только не хвастайся, — раздался хриплый голос. Из-за спины буфетчика высунулась голова с зелеными глазами и бледным гребешком. — Не хвастайся, говорю, завтра кончится этот твой бюллетень, не опоздай же на работу. Да не забудь поставить печать, а то не заплатят денег.

Гоуска стремительно выбежал из трактира. Беспомощно прислонился он к фонарю, потом перешел к стене. На

углу улицы стояла статуя. Он направился к ней и у ее пьедестала бросился со стоном на колени.

— Святой Тадеуш, спаси меня от дьявольского наваждения! — умоляюще бормотал он и тут же сказал такие слова, которые лучше не повторять, сказал их потому, что увидел статую, изображавшую не святого Тадеуша, а какого-то приматора.

Он чувствовал, что весь свет против него и что он выпил много рома.

— Господи, никто не мучается, как я, — жаловался он в голос, — такие окаянные мучения! И за что? Я курицы никогда не обидел!

В это время к нему на плечо упало что-то темное. Домовой, обретя равновесие, прошипел:

— Не ври, не ври, что не обидел! Кто мне свернул шею?

Мостильщик Гоуска склонил голову и застонал:

— Зачем ты меня обижаешь, что я тебе сделал?

— Ты свернул мне шею, — выговорил хмуро Домовой.

— А что же мне с тобой делать?

— Как это что со мной делать? Я ведь все делаю сам!

— Это, конечно, так, — бормотал Гоуска. — Делаешь все ты, а я мучаюсь. Разве это жизнь?

— Мучаться я за тебя не могу, — с отвращением произнес Домовой, — этого я не умею. Надеюсь, ты не хочешь, чтобы я делал за тебя все на свете?

Гоуска завертел головой.

— Ты злой, — по-детски всхлипнул он.

— Ничего я не злой. Не могу я быть злым. Так же как не могу быть добрым. Я Домовой, а не ангел. Я такой, как есть, и делаю, что полагается делать Домовому. Это только ты можешь быть плохим или хорошим, потому что ты человек. А я только работаю на тебя.

— Что же должен делать я?

— Что хочешь, это не мое дело!

Гоуска поднялся и погрозил кулаком небу, затянутому тучами.

— Черт тебя раздери, несчастный цыпленок, неужели я никогда не избавлюсь от тебя?

— А ты хочешь от меня избавиться? — Домовой удивленно вращал блестящими глазами.

— Господи Иисусе! А как ты думаешь, зачем я свернул тебе шею?

— Откуда мне знать. Вы, люди, иногда бываете такие странные. Значит, ты правда хочешь от меня избавиться?

— Правда хочу. Истинный крест хочу. Хочу избавиться, хочу — ты удивляешься? Ты отравляешь мне жизнь!

— Нет, не удивляюсь. Это твое дело, меня оно не интересует. Если хочешь избавиться, то нечего сворачивать мне шею, а скажи: фу, фу, ты мне не нужен. Но обратно переиграть уже нельзя. — Ну, так как?

— Фу, фу, — сказал Гоуска, — я не хотел тебя обидеть!

— Я знаю, это ты по глупости. Так что же, будешь избавляться?

— Фу, фу, ты мне не нужен, — решительно сказал Гоуска и ждал, когда разверзнется земля и поглотит Домового. Однако Домовой спокойно повернулся и пошел. Удивленный Гоуска последовал за ним.

— Послушай, ты! Что с тобой будет? — спросил он с любопытством.

Домовой повернул голову и посмотрел на него пустым взглядом.

— Ко-ко-ко! — закудахтал он.

— Ты, не дури!

— Ко-ко-ко...

Гоуска безнадежно махнул рукой. Начинало моросить. Он поднял воротник пальто и повернул к дому.

— ...дак-дак, — произнес Домовой.

Он притулился к пьедесталу статуи, присел и без особого усилия снес яйцо.

— Ко-ко-дак,— повторил он. Встал, отряхнулся и вскочил на голову статуи. Оттуда перепрыгнул на проволоку трамвайной линии, повис на ногах вниз головой и, помахивая крыльями, исчез в темноте.

Яйцо лежало у стены, бедое, в черную крапинку, чуть больше куриного.

Начался дождь.

ГДЕ НЕ СТУПАЛА НОГА ЧЕЛОВЕКА

Ловко действуя циркулем, Хеллмэн выудил из банки последнюю редиску. Он подержал ее перед глазами Каскера, чтобы тот полюбовался, и бережно положил на рабочий столик рядом с бритвой.

— Черт знает что за еда для двух взрослых мужчин,— сказал Каскер, поглубже забираясь в амортизирующее кресло.

— Если ты отказываешься от своей доли...— начал было Хеллмэн.

Каскер поспешно покачал головой. Хеллмэн улыбнулся, взял в руки бритву и критически осмотрел лезвие.

— Не устраивай спектакля,— посоветовал Каскер, бросив беглый взгляд на приборы.— С ужином надо кончить, пока мы не подошли слишком близко.

Хеллмэн сделал на редиске надрез-отметину. Каскер придвинулся поближе, приоткрыл рот. Хеллмэн осторожно нацелился бритвой и разрезал редиску ровно пополам.

— Разве ты не прочтешь застольной молитвы? — съехидничал он.

Каскер прорычал что-то невнятное и проглотил свою долю целиком. Хеллмэн жевал медленно. Казалось, горьковатая мякоть огнем обжигает атрофированные вкусовые окончания.

— Не очень-то питательно,— заметил Хеллмэн.

Каскер ничего не ответил. Он деловито изучал красное светило-карлик.

Хеллмэн проглотил свою порцию и подавил зевок. Последний раз они ели позавчера, если две галеты и чашку

воды можно назвать едой. После этого единственным съедобным предметом в звездолете оставалась только редиска, ныне покоящаяся в необъятной пустоте желудков Хеллмэна и Каскера.

— Две планеты, — сказал Каскер. — Одна сгорела дотла.

— Что ж, приземлимся на другой.

Кивнув, Каскер нанес на перфоленду траекторию торможения.

Хеллмэн поймал себя на том, что в сотый раз пытается найти виновных. Неужто он заказал слишком мало продуктов, когда грузился в астропорту Калао? В конце концов, основное внимание он уделял горным машинам! Или портовые рабочие просто забыли погрузить последние драгоценные ящики?

Он затянул потуже пояс, в четвертый раз провертев для этого новую дырку.

Что толку теперь ломать себе голову? Так или иначе, они попали в изрядную переделку. По иронии судьбы горючего с лихвой хватит, чтобы вернуться в Калао. Но к концу обратного рейса на борту окажутся два иссохших трупа.

— Входим в атмосферу, — сообщил Каскер.

Что гораздо хуже, в этой малоисследованной области космоса мало солнц и еще меньше планет. Есть ничтожная вероятность, что удастся пополнить запасы воды, но никакой надежды найти что-нибудь съестное.

— Да посмотри же, — проворчал Каскер.

Хеллмэн страхнул с себя оцепенение.

Планета смахивала на круглого серовато-коричневого дикобраза. В слабом свете красного карлика сверкали острые, как иголки, гребни миллионов гор. Звездолет описал спираль вокруг планеты, и остроконечные горы словно потянулись ему навстречу.

— Не может быть, чтобы по всей планете шли сплошные горы,— сказал Хеллмэн.

— Конечно, нет.

Разумеется, здесь были озера и океаны, но и из них вздымались зубчатые горы-острова. Не было и признаков ровной земли, не было и намека на цивилизацию, не было и следа жизни.

— Спасибо, хоть атмосфера тут кислородная,— сказал Каскер.

По спирали торможения они пронеслись вокруг планеты, врезались в нижние слои атмосферы и частично погасили там скорость. Но по-прежнему видели внизу только горы, озера, океаны и снова горы.

На восьмом витке Хеллмэн заметил на вершине горы одинокое здание. Каскер отчаянно затормозил, и корпус звездолета раскалился докрасна. На одиннадцатом витке пошли на посадку.

— Нашли где строить,— пробормотал Каскер.

Здание имело форму пышки и достойно увенчивало вершину. Его окружал широкий плоский навес, опаленный звездолетом во время посадки. С воздуха оно казалось большим. Вблизи выяснилось, что оно огромно. Хеллмэн и Каскер медленно подошли к нему. Хеллмэн держал свой лучемер наготове, но нигде не замечал никаких признаков жизни.

— Должно быть, эту планету покинули,— сказал Хеллмэн чуть ли не шепотом.

— Ни один нормальный человек в таком месте не останется,— ответил Каскер.— И без нее много хороших планет, незачем жить на острие иглы.

Нашли дверь. Хеллмэн попытался открыть ее, но дверь не поддавалась. Он оглянулся через плечо на парадно-живописные цепи гор.

— Ты знаешь,— сказал он,— когда эта планета нахо-

дилась еще в расплавленном состоянии, на нее, должно быть, влияло притяжение нескольких лун-гигантов, которые не сохранились. Силы гравитации, внутренние и внешние, придали ей такой колючий вид и...

— Кончай трепаться, — нелюбезно прервал Каскер. — Вот что получается, когда библиограф решает нажиться на уране.

Пожав плечами, Хеллмэн прожег дыру в замке. Выждали.

Тишину нарушал единственный звук — урчание в животах.

Вошли.

Исполинская комната в форме клина, по-видимому, служила чем-то вроде склада. Товары громоздились до потолка, валялись на полу, стояли как попало вдоль стен. Тут были коробки и ящики всех форм и размеров. В одних мог поместиться слон, в других — разве что наперсток.

У самой двери лежала пыльная связка книг. Хеллмэн тотчас же кинулся листать их.

— Где-то тут должна быть еда, — сказал Каскер, и впервые за последнюю неделю его лицо просветлело. Он стал открывать ближайшую коробку.

— Вот это интересно, — сказал Хеллмэн и отложил в сторону все книги, кроме одной.

— Давай сперва поедим, — предложил Каскер, вскрывая коробку. Внутри оказалась какая-то коричневатая пыль. Каскер посмотрел, понюхал и скривился.

— Право же, очень интересно, — бормотал Хеллмэн, перелистывая страницы.

Каскер открыл небольшой бидон и увидел зеленую поблескивающую пыль. Он открыл другой. Там пыль была темно-оранжевого цвета.

— Хеллмэн! Брось-ка книгу и помоги мне отыскать хоть какую-нибудь еду!

— Еду? — переспросил Хеллмэн и перевел взгляд на Каскера. — А почему ты думаешь, что здесь стоит искать еду? Откуда ты знаешь, что это не лакокрасочный завод?

— Это склад! — заорал Каскер.

Он вскрыл жестянку (форма ее напоминала человеческую почку) и вытянул оттуда что-то вроде мягкой трости пурпурного цвета. Трость тут же затвердела, а когда Каскер попытался ее понюхать, рассыпалась в пыль. Он зачерпнул пригоршню пыли и поднес ко рту.

— Не исключено, что это стрихнин, — мимоходом обронил Хеллмэн.

Каскер поспешно стряхнул пыль и вытер руки.

— В конце концов, — заметил Хеллмэн, — даже если это действительно склад — даже если он продовольственный, — мы не знаем, что именно считали пищей бывшие аборигены. Быть может, салат из парижской зелени с серной кислотой вместо заправки.

— Ладно, — буркнул Каскер, — но поесть-то надо. Что будем делать со всем этим?.. — Взмахом руки он как бы охватил сотни коробок, бидонов и бутылок.

— Прежде всего, — оживился Хеллмэн, — надо сделать количественный анализ четырех-пяти проб. Можно начать с простейшего титрования, возгонкой выделить основные ингредиенты, посмотреть, образуется ли осадок, выяснить молекулярную структуру и...

— Хеллмэн, ты сам не знаешь, о чем говоришь. Не забывай, что ты всего-навсего библиограф. А я — пилот, окончил заочные летные курсы. Мы понятия не имеем о титровании и возгонке.

— Знаю, — согласился Хеллмэн, — но так надо. Иного пути нет.

— Ясно. Так что же мы предпримем в ожидании, пока к нам в гости не заглянет химик?

— Вот что нам поможет, — объявил Хеллмэн и помахал книгой. — Ты знаешь, что это такое?

— Нет, — признался Каскер, сдерживаясь из последних сил.

— Это карманный словарь и грамматика хелгского языка.

— Хелгского?

— Языка этой планеты. Иероглифы такие же, как на коробках.

Каскер приподнял брови.

— Никогда не слышал о хелгском языке.

— Наверяд ли эта планета вступала в контакт с Землей, — пояснил Хеллмэн. — Словарь-то ведь не хелго-английский, а хелго-алумбриджиянский.

Каскер припомнил, что Алумбриджия — родина маленьких храбрых рептилий — находится где-то в центре Галактики.

— А откуда ты знаешь алумбриджиянский? — спросил он.

— Да ведь библиограф вовсе не такая уж бесполезная профессия, — скромно ответил Хеллмэн. — В свободное время...

— Понял. Так как насчет...

— Знаешь, — продолжал Хеллмэн, — скорее всего именно алумбриджиане помогли хелгам эвакуироваться с этой планеты и подыскать себе более подходящую. За плату они оказывают подобные услуги. В таком случае это здание наверняка продовольственный склад.

— Может, ты все-таки начнешь переводить, — устало посоветовал Каскер. — Вдруг да отыщешь какую-нибудь еду.

Они стали открывать коробку за коробкой и наконец нашли что-то на первый взгляд внушающее доверие. Ше-

веля губами, Хеллмэн старательно расшифровывал надпись.

— Готово,— сказал он.— Тут написано: «Покупайте фырчатель — лучший шлифовальный материал».

— Похоже, несъедобное,— сказал Каскер.

— Боюсь, что так.

Нашли другую коробку, с надписью: «Энергриб! Набивайте желудки, но набивайте по всем правилам!»

— Как ты думаешь, что за звери были эти хелги? — спросил Каскер.

Хеллмэн пожал плечами.

Следующий ярлык пришлось переводить минут пятнадцать. Прочли: «Аргозель шшестерит всю вашу Фудру. Содержит тридцать арпов рамстатова пульца. Только для смазки раковин».

— Должно же здесь быть хоть что-то съедобное,— проговорил Каскер с ноткой отчаяния в голосе.

— Надеюсь,— ответил Хеллмэн.

Два часа работы не принесли ничего нового. Они перевели десятки названий и перенюхали столько всевозможных веществ, что обоняние отказалось им служить.

— Давай обсудим,— предложил Хеллмэн, усаживаясь на коробку с надписью «Тошнокаль. По качеству достойно оправдывает свое название».

— Не возражаю,— сказал Каскер и растянулся на полу.— Говори.

— Если бы можно было методом дедукции установить, какие существа населяли эту планету, мы бы знали, какую пищу они употребляли и пригодна ли их пища для нас.

— Мы знаем только, что они сочинили массу бездарных реклам.

Хеллмэн пропустил эту реплику мимо ушей.

— Какие же разумные существа могли появиться в

результате эволюции на планете, сплошь покрытой горами?

— Только дураки! — ответил Каскер.

От такого ответа легче не стало. Но Каскер понял, что горы ему не помогут. Они не расскажут о том, что ели ныне усопшие хелги — силикаты, белки, иодистые соединения или вообще обходились без еды.

— Так вот, — продолжал Хеллмэн, — придется действовать с помощью одной только логики... Ты меня слушаешь?

— Ясное дело, — ответил Каскер.

— Отлично. Есть старинная пословица, прямо про нас выдумана: «Что одному мясо, то другому яд».

— Факт, — поддакнул Каскер. Он был убежден, что его желудок сократился до размеров грецкого ореха.

— Во-первых, мы можем сделать такое допущение: что для них мясо, то и для нас мясо.

Каскер с трудом отогнал от себя видение пяти сочных бифштексов, соблазнительно пляшущих перед носом. — А если то, что для них мясо, для нас яд? Что тогда?

— Тогда, — ответил Хеллмэн, — сделаем другое допущение: то, что для них яд, для нас — мясо.

— А если и то, что для них мясо, и то, что для них яд, — для нас яд?

— Тогда все равно помирать с голоду.

— Ладно, — сказал Каскер, поднимаясь с пола. — С какого допущения начнем?

— Ну что ж, зачем нарываться на неприятности? Планета ведь кислородная, а это что-нибудь да значит. Будем считать, что нам годятся их основные продукты питания. Если окажется, что это не так, попробуем их яды.

— Если доживем до того времени, — вставил Каскер.

Хеллмэн принялся переводить ярлыки. Некоторые товары были забракованы сразу, например «Восторг и гласзвон андрогинитов — для удлинённых, вяющихся щупа-

лец с повышенной чувствительностью», но в конце концов отыскалась серая коробочка, примерно сто пятьдесят на семьдесят пять миллиметров. Ее содержимое называлось «Универсальное лакомство «Вэлкорин», для любых пищеварительных мощностей».

— На вид не хуже всякого другого,— сказал Хеллмэн и открыл коробочку.

Внутри лежал тягучий прямоугольный брусок красного цвета. Он слегка подрагивал, как желе.

— Откуси,— предложил Каскер.

— Я? — удивился Хеллмэн.— А почему не ты?

— Ты же выбирай.

— Предпочитаю ограничиться осмотром,— с достоинством возразил Хеллмэн.— Я не слишком голоден.

— Я тоже,— сказал Каскер.

Оба сели на пол и уставились на желеобразный брусок. Через десять минут Хеллмэн зевнул, потянулся и закрыл глаза.

— Ладно, трусишка, — горько сказал Каскер. — Я попробую. Только помни, если я отравлюсь, тебе никогда не выбраться с этой планеты. Ты не умеешь управлять звездолетом.

— В таком случае откуси маленький кусочек,— посоветовал Хеллмэн.

Каскер нерешительно склонился над бруском. Потом ткнул в него большим пальцем.

Тягучий красный брусок хихикнул.

— Ты слышал? — взвизгнул Каскер, отскочив в сторону.

— Ничего я не слышал,— ответил Хеллмэн; у него тряслись руки.— Давай же, действуй.

Каскер еще раз ткнул пальцем в брусок. Тот хихикнул погромче, на сей раз с отвратительной жеманной интонацией.

— Все ясно, — сказал Каскер. — Что еще будем пробовать?

— Еще? А это чем тебе не угодило?

— Я хихикающего не ем, — твердо заявил Каскер.

— Слушай, что я тебе скажу, — уламывал его Хеллмэн. — Возможно, создатели этого блюда старались придать ему не только красивую форму и цвет, но и эстетическое звучание. По всей вероятности, хихиканье должно развлекать едока.

— В таком случае ешь сам, — огрызнулся Каскер.

Хеллмэн смерил его презрительным взглядом, но не сделал никакого движения в сторону тягучего бруска. Наконец он сказал: — Давай-ка уберем его с дороги.

Они оттеснили брусок в угол. Там он лежал и тихонько хихикал про себя.

— А теперь что? — спросил Каскер.

Хеллмэн покосился на беспорядочные груды непостижимых инопланетных товаров. Он заметил в комнате еще две двери.

— Посмотрим, что там, в других секциях, — предложил он.

Каскер равнодушно пожал плечами.

Медленно, с трудом Хеллмэн и Каскер добрались к двери в левой стене. Дверь была заперта, и Хеллмэн прожег замок судовым лучеметом.

Они попали в комнату такой же клинообразной формы, точно так же заполненную непостижимыми инопланетными товарами.

Обратный путь через всю комнату показался бесконечно длинным, но они проделали его, лишь чуть запыхавшись. Хеллмэн выжег замок, и они заглянули в третью секцию.

Это была еще одна клиновидная комната, заполненная непостижимыми инопланетными товарами.

— Всюду одно и то же, — грустно подытожил Каскер и закрыл дверь.

— Очевидно, смежные комнаты кольцом опоясывают все здание, — сказал Хеллмэн. — По-моему, стоило бы их все осмотреть.

Каскер прикинул расстояние, которое надо пройти по всему зданию, соразмерил со своими силами и тяжело опустился на какой-то продолговатый серый предмет.

— Стоит ли труда? — спросил он.

Хеллмэн попытался собраться с мыслями. Безусловно, можно найти какой-то ключ к шифру, какое-то указание, которое подскажет, что годится им в пищу. Но где искать?

Он обследовал предмет, на котором сидел Каскер. Формой и размерами этот предмет напоминал большой гроб с неглубокой выемкой на крышке. Сделан он был из твердого рифленого материала.

— Как по-твоему, что это такое? — спросил Хеллмэн.

— Не все ли равно?

Хеллмэн взглянул на иероглиф, выведенный на боковой грани предмета, потом разыскал этот иероглиф в словаре.

— Очаровательно, — пробормотал он чуть погодя.

— Что-нибудь съедобное? — спросил Каскер со слабым проблеском надежды.

— Нет. То, на чем ты сидишь, называется «Супертранспорт, изготовленный по особому заказу морогов, для взыскательного хелга, лучшее средство вертикального передвижения». Экипаж!

— М-да... — тупо отозвался Каскер.

— Это очень важно! Посмотри же на него! Как он заводится?

Каскер устало слез с Суперtransporta, внимательно осмотрел его. Обнаружил четыре почти незаметных выступа по четырем углам.

— Может быть, колеса выдвигаемые, но я не вижу...

Хеллмэн продолжал читать:

— Тут написано, что надо залить три амфа высокоусиливающего горючего «Интегор», потом один ван смазочного масла «Тондер» и на первых пятидесяти мунгу не превышать трех тысяч рулов.

— Давай найдем чего-нибудь поесть, — сказал Каскер.

— Неужели ты не понимаешь, как это важно? — удивился Хеллмэн. — Можно разом получить ответ на все вопросы. Если мы постигнем логику иных существ — логику, которой они руководствовались при конструировании экипажа, — то вникнем в строй мысли хелгов. Это в свою очередь даст нам понятие о их нервной системе, а следовательно, и о биохимической сущности.

Каскер не шевельнулся: он прикидывал, хватит ли ему оставшихся сил, чтобы задушить Хеллмэна.

— Например, — продолжал Хеллмэн, — какого рода экипаж нужен на такой планете, как эта? Не колесный, поскольку передвигаться здесь можно только вверх и вниз. Антигравитационный? Вполне возможно, но как он устроен? И почему здешние обитатели придали ему форму ящика, а не...

Каскер пришел к печальному выводу, что у него не хватит сил задушить Хеллмэна, как бы это ни было приятно. С преувеличенным спокойствием он сказал:

— Прекрати корчить из себя ученого. Давай посмотрим, нет ли тут хоть чего-нибудь поесть.

— Ладно, — угрюмо согласился Хеллмэн.

Каскер наблюдал, как его спутник блуждает среди бидонов, бутылок и ящиков. В глубине души он удивлялся, откуда у Хеллмэна столько энергии, но решил, что благодаря чрезмерно развитому интеллекту тот не подозревает о голодной смерти, которая совсем рядом.

— Вот тут что-то есть! — крикнул Хеллмэн, остановившись возле большого желтого бака.

— Что там написано? — спросил Каскер.

— Дословно перевести очень трудно. В вольном изложении звучит так: «Моришилле-Клейпучка. Для более тонкого вкуса добавлены лакты-экты. Клейпучку пьют все! Рекомендуются до и после еды, неприятные побочные явления отсутствуют. Полезно детям! Напиток Вселенной!»

— Неплохо звучит, — признал Каскер, решив про себя, что в конечном счете Хеллмэн, видимо, вовсе не так глуп.

— Теперь мы сразу узнаем, съедобно ли для нас их мясо, — сказал Хеллмэн. — Эта самая Клейпучка похожа на вселенский напиток больше всего, что я здесь видел.

— А вдруг это чистая вода! — с надеждой сказал Каскер.

— Посмотрим. — Дулом лучемета Хеллмэн приподнял крышку. В баке была прозрачная как кристалл влага.

— Не пахнет, — констатировал Каскер, склонившись над баком.

Прозрачная влага поднялась ему навстречу.

Каскер отступил с такой поспешностью, что споткнулся о коробку и упал. Хеллмэн помог ему встать, и вдвоем они снова приблизились к баку. Когда они подошли почти вплотную, жидкость взметнулась в воздух на добрый метр и двинулась по направлению к ним.

— Ну что ты наделал! — вскричал Каскер, осторожно пятясь. Жидкость медленно заструилась по наружной стенке бака. Затем потекла им под ноги.

— Хеллмэн! — завопил Каскер.

Хеллмэн стоял поодаль, по лицу его градом струился пот; нахмурясь, он листал словарь.

— По-моему, я что-то напорол при переводе, — сказал он.

— Да сделай же что-нибудь! — вскричал Каскер. Жидкость норовила загнать его в угол.

— Что же я могу сделать? — проговорил Хеллмэн не отрываясь от книги. — Ага, вот где ошибка. Тут написано не «Клейпучку пьют все», а «Клейпучка пьет всех». Спутал подлежащее. Это уже другое дело. Должно быть, хелги всасывали жидкость через поры своего тела. Естественно, они предпочитали не пить, а быть выпитыми.

Каскер попытался увильнуть от жидкости, но она с веселым бульканьем отрезала ему пути к отступлению. В отчаянии он схватил небольшой тюк и швырнул его в Клейпучку. Клейпучка поймала этот тюк и выпила его. Покончив с этим делом, она снова занялась Каскером.

Хеллмэн запустил в Клейпучку какой-то коробкой. Клейпучка выпила ее, а потом вторую, третью и четвертую, которые бросил Каскер. Затем, очевидно выбившись из сил, влилась обратно в бак.

Каскер захлопнул крышку и уселся на ней. Его била крупная дрожь.

— Плохо дело, — сказал Хеллмэн. — Мы считали аксиомой, что процесс питания хелгов сходен с нашим. Но, разумеется, не обязательно так...

— Да, не обязательно. Да-с, явно не обязательно. Это уж точно, теперь мы видим, что не обязательно. Всякий видит, что не обязательно...

— Брось, — строго одернул его Хеллмэн. — На истерику у нас нет времени.

— Извини. — Каскер медленно отодвинулся от бака с Клейпучкой.

— Придется, наверное, исходить из того, что их мясо для нас яд, — задумчиво сказал Хеллмэн. — Теперь посмотрим, каковы на вкус их яды.

Каскер ничего не ответил. Он пытался представить себе, что было бы, если бы его выпила Клейпучка.

В углу все еще хихикал тягучий брусок.

— Вот это, по всей вероятности, яд, — объявил Хеллмэн полчасика спустя.

Каскер совсем пришел в себя, только губы его нет-нет да подрагивали.

— Что там написано? — спросил он.

Хеллмэн повертел в руках крохотный тюбик.

— Называется «Шпаклевка Пвацкина». На ярлыке надпись: «Осторожно! Весьма опасно! Шпаклевка Пвацкина заполняет дыры и щели объемом не свыше двух кубических вимов. Помните: ни в коем случае нельзя употреблять Шпаклевку в пищу. Входящее в нее активное вещество — рамотол, благодаря которому Шпаклевка Пвацкина считается совершенством, — делает ее чрезвычайно опасной при приеме внутрь».

— Звучит заманчиво, — отозвался Каскер. — Чего доброго, взрывом нас разнесет вдребезги.

— У тебя есть другие предложения?

На миг Каскер задумался. Пища хелгов для людей явно неприемлема. Значит, не исключено, что их яды... но не лучше ли голодная смерть?

После недолгого совещания со своим желудком Каскер решил, что голодная смерть не лучше.

— Валяй, — сказал он.

Хеллмэн сунул лучемет под мышку, отвинтил крышку тюбика, встряхнул его.

Ничего не произошло.

— Запечатано, — подсказал Каскер.

Хеллмэн проковырял ногтем дырку в защитном покрытии и положил тюбик на пол. Оттуда, пузырясь, поползла зловонная зеленоватая пена. Она свертывалась в шар и каталась по всему полу.

Хеллмэн с сомнением посмотрел на пену.

— Дрожжи, не иначе, — сказал он и крепко сжал в руках лучемер.

— Давай, давай. Смелость города берет.

— Я тебя не удерживаю, — парировал Хеллмэн.

Шар разбух и стал величиной с голову взрослого человека.

— И долго это будет расти? — спросил Каскер.

— Видишь ли, — ответил Хеллмэн, — в рекламе указано, что это Шпаклевка. Наверное, так оно и есть — это вещество, расширяясь, заполняет дыры.

— Точно. Но какой величины?

— К сожалению, я не знаю, сколько составляют два кубических вима. Но не может же это длиться вечно...

Слишком поздно они заметили, что Шпаклевка заполнила почти четверть комнаты и не собиралась останавливаться.

— Надо было верить рекламе! — взвыл Каскер. — Эта штука в самом деле опасна!

Чем быстрее рос шар, тем больше увеличивалась его липкая поверхность. Наконец она коснулась Хеллмэна, и тот отскочил.

— Берегись!

Хеллмэн не мог подойти к Каскеру, который находился по другую сторону гигантской сферы. Он попытался обогнуть шар, но Шпаклевка так разрослась, что разделила комнату пополам. Теперь она лезла на стены.

— Спасайся кто может! — заорал Хеллмэн и ринулся к двери, что была позади него.

Он рванул дверь, когда разбухший шар уже настигал его. Тут он услышал, как на другой половине комнаты хлопнула, закрываясь, вторая дверь. Больше он не стал мешкать: проскользнул в дверь и захлопнул ее за собой.

С минуту Хеллмэн стоял, тяжело дыша, не выпуская лучемета из рук. Он сам не подозревал, до чего ослаб. Бег-

ство от Шпаклевки подорвало его силы так основательно, что теперь он был на грани обморока. Хорошо хоть Каскер тоже спасся.

Но беда еще не миновала.

Шпаклевка весело вливалась в комнату через выжженный замок. Хеллмэн дал по ней пробную очередь, но Шпаклевка была, по всей видимости, неуязвима... как и подобает хорошей шпаклевке.

И признаков усталости она не выказывала.

Хеллмэн поспешно отошел к дальней стене. Дверь была заперта, как и все прочие двери; он выжег замок и прошел в соседнюю комнату.

Долго ли может шар разбухать? Сколько это — два кубических вима? Хорошо, если только две кубические мили. Судя по всему, Шпаклевкой заделывают трещины в коре планет.

В следующей комнате Хеллмэн остановился перевести дух. Он вспомнил, что здание круглое. Можно прожечь себе путь через остальные двери и воссоединиться с Каскером. Вдвоем они прожгут себе путь на поверхность планеты и...

У Каскера нет лучемета!

От этой мысли Хеллмэн побледнел. Каскер проник в комнату направо, потому что замок в ее двери был уже выжжен. Шпаклевка, несомненно, просачивается в эту комнату сквозь замок... и Каскеру не уйти! Слева у него — Шпаклевка, справа — запертая дверь!

Собрав остаток сил, Хеллмэн пустился бегом. Коробки, казалось, нарочно подвергивались ему под ноги, норовили опрокинуть его, остановить. Он прожег очередную дверь и поспешил к следующей. Прожег еще одну. И еще. И еще.

Не может же Шпаклевка целиком перелиться в ту комнату, где Каскер!

Или может?

Клиновидным комнатам — секторам круга, — казалось,

не будет конца, так же как путанице запертых дверей, непонятных товаров, снова дверей, снова товаров. Хеллмэн споткнулся о плетеную корзину, упал, поднялся на ноги и опять упал. Он напряг силы до предела и исчерпал этот предел. Но ведь Каскер — его друг.

К тому же без пилота Хеллмэн навеки застрянет на этой планете. Хеллмэн пересекает еще две комнаты — ноги у него подгибались — и рухнул у порога третьей.

— Это ты, Хеллмэн? — услышал он голос Каскера из-за двери.

— Ты цел? — прохрипел Хеллмэн.

— Мне тут не очень-то просторно, — ответил Каскер, — но Шпаклевка перестала расти. Хеллмэн, выведи меня отсюда!

Хеллмэн лежал на полу, часто и тяжело дыша. — Минуточку, — сказал он.

— Еще чего, минуточку! — прокричал Каскер. — Выведи меня. Я нашел воду!

— Что? Как?

— Выведи меня отсюда!

Хеллмэн попытался встать, но его ноги окончательно вышли из повиновения.

— Что случилось? — спросил он.

— Когда шар стал заполнять комнату, я решил завести Супертранспорт, изготовленный по особому заказу. Думал, вдруг он пробьет дверь и вытащит меня отсюда. Вот я и залил его высокоусиливающим горючим «Интегор».

— И что же? — поторопил Хеллмэн, упорно пытаясь встать на ноги.

— Супертранспорт — это животное, Хеллмэн! А горючее «Интегор» — вода! Теперь вытаскивай меня отсюда!

Хеллмэн со вздохом удовлетворения улегся на полу поудобнее. Будь у него побольше времени, он бы и сам, чисто логическим путем, обо всем догадался. Теперь-то все

кристально ясно. Машина наиболее пригодная для лазанья по отвесным, острым как бритва горам — это животное, вероятно наделенное втяжными присосами. В промежутках между рейсами оно впадает в спячку; а если уж оно пьет воду, то и пища его пригодна для человека. Конечно, о былых обитателях планеты по-прежнему ничего не известно, но, без сомнения...

— Прожги дверь! — крикнул Каскер, и голос его сорвался.

Хеллмэн размышлял об иронии вещей. Если то, что другому мясо (и то, что другому яд), для тебя яд, попробуй съесть что-нибудь еще. До смешного просто.

Но одна мелочь по-прежнему не давала ему покоя.

— Как ты узнал, что это животное земного типа? — спросил он.

— По дыханию, дурень! Оно вдыхает и выдыхает воздух, и при этом запах такой, словно оно наелось луку!

За дверью послышался грохот падающих жестянок и бьющихся бутылок.

— Да поторопись же!

— А что там такое? — спросил Хеллмэн, поднимаясь на ноги и прилаживая лучемет.

— Да Супертранспорт! Он прижал меня к стенке за грудой ящиков. Хеллмэн, по-моему, ему кажется, что я съедобен!

ЭЛИКСИР КОФФИНА

Открытие было обнародовано, и сделал это доктор Чонси Патрик Коффин. И, разумеется, он ухитрился с непостижимой ловкостью приписать себе львиную долю заслуги. И если прославился он еще больше, чем ожидал, — что ж, тем лучше! В те дни проходила ежегодная сессия врачей-клиницистов, и Коффин сделал свое заявление «под занавес», с таким расчетом, чтобы оно оглушило всех присутствующих, наподобие разорвавшейся бомбы.

Так оно и вышло. Сила взрыва превзошла самые смелые ожидания доктора Коффина, а ведь добиться этого было не очень-то просто. Под конец, уходя из зала колледжа, где в тот вечер плло заседание, он вынужден был пробиваться сквозь толпу, состоявшую не столько из врачей, сколько из репортеров. Да, в тот вечер на долю доктора медицины Чонси Патрика Коффина выпал поистине головокружительный успех!

Но кое-кого бомба доктора Коффина отнюдь не привела в восторг.

— Это идиотство! — завопил на другое утро в лаборатории молодой доктор Филипп Доусон. — Форменное идиотство! Ты просто спятил, и все тут! Неужели ты сам не понимаешь, что натворил? А что ты нас продал и предал, я уж и не говорю!

Он точно саблей размахивал свернутой в трубку газетой, где была напечатана речь доктора Коффина.

«Доклад о вакцине для лечения насморка, созданной Ч. П. Коффином и др.»! Тут так и сказано — «и др.»! А ведь идея-то была моя! Мы с Джейком целых восемь месяцев бились головой об стену, а ты берешь и жульническим ма-

нером заявляешь во всеуслышание о нашем открытии по крайней мере на год раньше, чем следует!

— Помилуй, Филипп, какая неблагодарность! — Доктор Коффин пригладил седые волосы пухлой рукой. — А я-то не сомневался, что вы оба придете в восторг! Должен сказать, заявление было сделано превосходно — кратко, четко, выразительно... — Он поднял руку. — И главное, понимаете ли, необычайно кратко и четко. Слышали бы вы, какая разразилась овация! Все хлопали, как сумасшедшие! А посмотрели бы вы на Андервуда... Да, ради одного этого стоило бы трудиться хоть двадцать лет...

— А репортеры? — прервал Филипп. — Не забывай про репортеров! — Он резко обернулся к смуглому человечку, молча сидевшему в углу. — Что скажешь, Джейк? Ты видел утренние газеты? Этот жулик не только присвоил наше открытие, он еще бесстыдно рекламирует его на всех перекрестках!

Доктор Джейкоб Майлз виновато откашлялся.

— Филипп так разволновался потому, что все это несколько преждевременно, — сказал он Коффину. — Ведь, в сущности, у нас почти не было времени на клиническую проверку.

— Вадор! — возразил Коффин и свирепо глянул на Филиппа. — Еще месяц — полтора — и нас бы опередил Андервуд с компанией. Хороши бы мы тогда были! Да и сколько же времени можно тратить на клиническую проверку? Вспомни, Филипп, какой у тебя был отчаянный насморк, когда ты сделал себе укол. В жизни ты так не мучился! А с тех пор ты хоть раз чихнул?

— Нет, конечно, — буркнул Филипп.

— А ты, Джейкоб? Был у тебя с тех пор насморк?

— Нет, нет. Ничего похожего.

— Ну, а те шестьсот студентов? Или я чего-то не понял в их истории болезни?

— Нет, все правильно: 98% излечились от явных симптомов насморка за двадцать четыре часа. И ни одного случая рецидива. Результаты граничат с чудом.— Джейк замялся. — Правда, с тех пор прошел всего один месяц...

— Месяц, год, сто лет! Нет, ты только посмотри! Было шестьсот отменнейших насморков, а теперь — ни единого чиха! — Толстяк опустился в кресло за столом, его румяная физиономия так и сияла.— Ну, ну, господа, будьте же благоразумны! Рассуждайте здраво. Впереди еще много дела, непочатый край! Меня, конечно, вызовут в Вашингтон. Через двадцать минут — пресс-конференция. Потом совещание с фармацевтическими фирмами. Мы не смеем становиться на пути прогресса! Мы одержали величайшую победу, такого торжества еще не знала медицина. Мы покорили насморк! Мы попадем в историю!

И уж тут-то, во всяком случае, он оказался прав.

Они и впрямь попали в историю.

Широкая публика восторженно приняла новую вакцину. Среди недугов, когда-либо терзавших человечество, насморк испокон веку самый распространенный, самый прилипчивый и самый надоедливый. Он не признает ни сословных барьеров, ни государственных границ, ни классовых различий: дипломаты и горничные равно чихают, сопят и шмыгают носами. Ветренными осенними днями в американском сенате дебаты по самым животрепещущим вопросам почтительно прерываются, дабы ораторы высморкались и хрипло откашлялись. Спору нет, другие болезни могут сделать вас калекой и даже свести в могилу, но обыкновенный насморк мучает миллионы людей и упорно не поддается самым отчаянным попыткам его обуздать.

Так было, пока в один дождливый ноябрьский день гигантские буквы заголовков не возвестили с газетных полос:

**КОФФИН НАВЕКИ ПОКОНЧИЛ С НАСМОРКОМ!
«НЕТ БОЛЬШЕ КАШЛЯ!» — УТВЕРЖДАЕТ
ОДИН ИЗ СОАВТОРОВ ОТКРЫТИЯ
ДЫШИТЕ СВОБОДНО! ОДИН УКОЛ — И ВЫ НИ-
КОГДА БОЛЬШЕ НЕ ЧИХНЕТЕ!**

В медицинских кругах новое средство назвали «Много-центрическая антивирусная вакцина Коффина для верхних дыхательных путей», но газеты, как известно, не терпят таких высокопарных названий и потому окрестили его просто «Эликсиром Коффина».

Под этими заголовками крупнейшие газетные знаменитости расписывали самыми яркими красками титанический подвиг доктора Чонси Патрика Коффина и др., решивших эту загадку всех времен.

Расписывали, как после многолетних неудач и разочарований удалось в конце концов выделить культуру истинного возбудителя насморка и определить, что это не одиночный вирус и даже не группа вирусов, а скорее много-центрический вирусный комплекс, поражающий слизистую оболочку носа, горла и глаз и способный изменять ее основную молекулярную структуру так, что ни внутренняя сопротивляемость организма, ни все попытки врачей приостановить действие вируса и уничтожить его не приводили ни к каким результатам; рассказывали, как доктор Филипп Доусон выдвинул гипотезу, что этот вирусный комплекс можно уничтожить только при помощи антитела, способного «заморозить» комплекс на время, достаточное, чтобы нормальный человеческий организм успел собраться с силами и избавиться от непрошеного гостя; расписывали также мучительные поиски такого грозного антитела, бесчисленные инъекции бесчисленных галлонов культуры охлажденного вируса в бока множества готовых к услугам собак — эти животные никогда не страдают насморком, и

они хоть и с тоской, но покорно переносили все испытания — и, наконец, успех!

Теперь настала пора опытной проверки. Первым вакцину испробовал на себе Коффин (он страдал особенно тяжелой формой того самого недуга, который пытался побороть); затем его помощники Филипп Доусон и Джейкоб Майлз; потом множество студентов университета — тут тщательно отобрали самых страждущих, тех, кто простужается при малейшем сквозняке и даже без оного и болеет подолгу, упорно не поддаваясь никакому лечению.

Это было плачевное зрелище: три долгих октябрьских дня через лабораторию Коффина вереницей тянулись студенты; все они пыхтели, как паровые двигатели, сопели, чихали, шмыгали носами, сморкались, кашляли и хрипели, и все с немой мольбой взирали на исследователей красными слезящимися глазами. А те делали им прививку — один укол в правую руку, другой, контрольный, в левую.

С нарастающим восторгом наблюдали они за плодами трудов своих. Все перестали сопеть, чихать и кашлять. В общежитии, в аудиториях, в библиотеке и в гимнастических залах воцарилась нерушимая тишина. Доктор Коффин вновь обрел голос (что, впрочем, не слишком обрадовало его сотрудников) и принялся скакать по лаборатории, как мальчишка на ярмарке. Студенты валом валили на контрольное обследование, носы у них были сухие, глаза сияли.

Через несколько дней уже не оставалось никакого сомнения: цель достигнута!

— Но нам необходима полная уверенность, — решительно заявил Филипп Доусон. — Это были лишь первые шаги. Теперь надо провести массовые испытания на жителях целого края. Перенесем наши опыты на Западное побережье, я слышал, что там насморк другой разновидности. Придется проследить, на какой срок действует привив-

ка, удостовериться, не даст ли она каких-либо неожиданных побочных последствий...

И, что-то бормоча про себя, он снова взялся за блокнот и карандаш и стал записывать все, что еще предстоит сделать, прежде чем предать открытию гласности.

Но тут поползли слухи. Говорили, что Андервуд уже закончил опыты в Стэнфорде и в ближайшие месяцы напечатает свой доклад. Однако после таких поразительных изначальных результатов могут же и они, первооткрыватели, кое-что опубликовать? Уж очень обидно будет проиграть эту гонку из-за чрезмерного осторожничанья...

Филипп Доусон стоял на своем, но то был глас вопиющего в пустыне, ибо последнее слово оставалось за Чонси Коффином.

Впрочем, не прошло и недели, как сам Коффин начал подумывать, не хватил ли он через край. Они ожидали, что спрос на вакцину будет огромный, но даже недоброй памяти дни, когда только что появилась вакцина Солка, показались им теперь лучезарными — такие толпы чихающих, кашляющих, красноглазых мучеников стали осажать лабораторию, требуя прививки сию же минуту.

Через толпы местных жителей, которые запрудили улицы вокруг лаборатории Коффина и стояли там под проливным дождем, подняв плакаты с требованием поголовных прививок, проталкивались молодые люди с пронзительными взглядами, по всей видимости из Бюро расследования.

Семнадцать фармацевтических фирм спешно прислали к Коффину своих представителей с производственными планами, сметами расходов и разноцветными диаграммами предполагаемого выпуска продукции и распределения вакцины.

За Коффином прислали из Вашингтона самолет, специальные конференции затягивались там далеко за пол-

ночь, а в двери неумолчным прибоем стучались страж-
дущие.

Одна лаборатория обещала изготовить вакцину через десять дней; другая клялась, что успеет сделать это за неделю. На самом деле первая партия вакцины появилась через двадцать три дня, и всю ее за какие-нибудь три часа жадно, словно губка, впитало изнемогающее от насморка человечество. В Европу, Азию и Африку помчались сверхскоростные самолеты, неся на борту драгоценный груз, миллионы иголок вонзились в миллионы рук, и, громогласно чихнув в последний раз, человечество вступило в новую эру.

Но были, конечно, и неверующие — без них ведь нигде не обходится.

— Божешь уговаривать бедя сколько угодно, — хрипло твердила Элли Доусон, упрямо тряся белокурыми кудряшками, — бде все равно де дадо дикаких укулов от дасборка.

— Ну почему ты такая неразумная, — с досадой говорил Филипп жене, сердито сверкая глазами. Нет, сегодня в ней совсем не узнать прелестную малютку, на которой он женился. Глаза у нее воспаленные, нос покраснел и распух. — Вот уже два месяца тебя не отпускает этот насморк. Ну какой в этом смысл? Ведь ты просто мучаешься! Ты же не можешь ни есть, ни дышать, ни спать...

— Де дадо бде дикаких укулов, — упорствовала Элли.

— Но почему же? Один маленький укол, ты его даже и не почувствуешь.

— Де люблю я укулов! — закричала Элли и разразилась слезами. — Оставь бедя в покое! Делай свои берзкие укулы теб, кто тебя об этоб попросит!

— Но Элли...

— Де дадо бде, де хочу я дикаких укулов! — завопила она, уткнувшись лицом ему в плечо.

Филипп обнял жену, поцеловал в ухо и ласково забормотал что-то. Нет, все бесполезно, подумал он с грустью. Элли не жалует науку, для нее что прививка от насморка, что от оспы — одно и то же, и одолеть этот нелепый страх перед уколами невозможно никакими уговорами и рассуждениями.

— Ладно, ладно, детка, никто тебя насильно не заставляет.

— И потоб, подубай только, что будут делать бедные фабрикадты досовых платков, — всхлипывала она, вытирая нос розовым комочком. — Их баледькие дети убрут с голоду!

— Слушай, ты из-за этого насморка, верно, совсем потеряла обоняние, — заметил Филипп, отфыркиваясь. — Вылила на себя столько духов, что и у быка голова закружится. — Он утер ей слезы и ободряюще улыбнулся. — Ну, ну, приведи себя в порядок. Пойдем обедать к Дрифтвуду! Говорят, там подают превосходные бараньи отбивные.

Вечер был чудесный. Бараньи отбивные оказались восхитительными, Филипп никогда не пробовал таких, хоть жена у него была великая мастерица стряпать. У Элли непрерывно текло из носа, она усиленно сморкалась, но домой идти ни за что не желала; пришлось еще сходить в кино и потом немного потанцевать.

— Ведь я тебя теперь почти совсем де вижу, — жаловалась Элли. — И все из-за твоей берзкой вакциды.

Это была чистая правда. Работе в лаборатории, казалось, не будет конца.

Домой с танцев они возвратились не так уж поздно. Филиппу ужасно хотелось спать.

Среди ночи он проснулся от того, что Элли отчаянно расчихалась, повернулся на другой бок и нахмурился. Все-таки это как-то даже стыдно! он — один из тех, кто

создал вакцину от насморка, а его собственная жена наотрез отказывается вкушать плоды его долгих и тяжких трудов.

И насморк ли тому виной или что иное, но душится она сверх всякой меры...

Филипп вдруг открыл глаза, потянулся было и рывком сел на постели, дико озираясь вокруг. В окно струился слабый утренний свет. Внизу Элли возилась в кухне, звеня посудой.

С минуту Филиппу казалось, что он задыхается. Он вскочил с кровати и устоялся на туалетный столик Элли в дальнем углу спальни. Черт возьми, кто-то, наверно, пролил целый флакон духов!

Удушливый приторный запах пропитывал всю комнату и обволакивал Филиппа точно облаком. Запах становился с каждой секундой невыносимее. Филипп лихорадочно оглядел столик, но все флаконы были плотно закупорены.

От этого тошнотворно-сладкого зловония кружилась голова. Филипп растерянно замигал, дрожащей рукой зажег сигарету. Спокойно, без паники, сказал он себе. Наверно, Элли опрокинула флакон, когда одевалась. Филипп глубоко затянулся сигаретой и судорожно закашлялся: едкий дым обжег ему горло и легкие.

— Элли!

Все еще надрываясь от кашля, он кинулся в прихожую. Запах горящей спички превратился в едкую вонь, будто тлел палый лист. Филипп с ужасом устоялся на сигарету и швырнул ее в плевательницу. Запах становился все удушливее. Филипп рванул дверцы чулана, ожидая, что оттуда повалят клубы дыма.

— Элли! Кто-то поджег дом!

— Ду что ты такое говоришь, глупый, — донесся снизу голос Элли. — У бедя просто дебдошко подгорели гредки. Перепрыгивая через две ступеньки, Филипп кинулся

вниз по лестнице, и тут у него совсем перехватило дыхание. В нос ударил острый прогорклый запах горящего жира. К нему примешивался одуряющий маслянистый запах перекипевшего кофе. В кухню Филипп ворвался зажав нос, из глаз у него ручьями текли слезы.

— Элли, что ты тут вытворяешь?

Жена посмотрела на него с изумлением.

— Готовлю завтрак.

— Неужели ты не чувствуешь, какая тут вонь?

На плите негромко, многообещающе булькал автоматический кофейник. На сковородке шипела и сверкала яичница из четырех яиц, на буфете просыхали на бумажном полотенце с десяток ломтиков ветчины. Все дышало невинностью и покоем.

Филипп осторожно отнял руку от носа, понюхал и... едва не задохнулся.

— Ты что, в самом деле не чувствуешь, какая тут вонь?

— Дичего я де чувствую, — отрезала Элли.

— Кофе, ветчина... Поди-ка сюда на минутку.

От Элли так и несло ветчиной, кофе, горелыми гренками, но больше всего духами.

— Ты уже душилась сегодня?

— До завтрака? Да ты сбеешься!

— Ни капельки? — Филипп весь побелел.

— Ди капельки.

Филипп помотал головой.

— Постой, постой. Должно быть, мне все это просто кажется... Мне... мне почудилось, вот и все. Слишком много работал, нервы палят. Еще минута — и все пройдет.

Он налил себе чашку кофе, добавил туда сливок, положил сахару.

Но отведать кофе ему так и не удалось. Он не мог поднести чашку к губам. От кофе разило так, будто оно по

крайней мере недели три кипело в грязной кастрюле. Запах был настоящий, кофейный, но какой-то зловеще искаженный, отвратительный и тошнотворный. Он заполнил всю кухню, обжег Филиппу горло — и слезы хлынули у него из глаз.

И тут Филипп начал прозревать истину. Расплескав кофе, он задрожавшей рукой поставил чашку на стол. Духи. Кофе. Сигарета...

— Шляпу,— задыхаясь выговорил он.— Дай шляпу. Мне надо в лабораторию.

По дороге ему становилось все хуже и хуже. Во дворе его едва не стошнило от запаха сырости и гнили, который серым облаком поднимался с земли. Навстречу, дружески виляя хвостом, кинулся соседский пес, испуская благоухание целой собачьей своры. Пока Филипп ждал автобуса, каждая проезжавшая мимо машина обдавала его удушливым зловонием и у Филиппа перехватывало дыхание, он кашлял до изнеможения и вытирал скомканным платком слезящиеся глаза.

А вокруг, казалось, никто ничего не замечал.

Поездка в автобусе была как страшный сон. День выдался сырой, дождливый, и в автобусе стояла духота, как в раздевалке для спортсменов после труднейших состязаний. На сиденье рядом плюхнулся мутноглазый субъект с трехдневной щетиной на подбородке, и Филиппу разом припомнилось, как в студенческие дни он зарабатывал себе на жизнь тем, что чистил чаны на пивоваренном заводе.

— Ш-ш-шикарное утро, док, правда? — выдохнул мутноглазый.

Филипп побледнел. Сосед еще вдобавок позавтракал чесночной колбасой! Напротив сидел какой-то толстяк, из рта у него, точно некий отвратительный нарост, свисала потухшая сигара. Филиппа замутило, он закрыл лицо рукой, пытаясь незаметно зажать нос. Наконец со стоном об-

легчения он вывалился из автобуса у ворот лаборатории.

На лестнице он встретил Джейка Майлза. Джейк был бледен, бледен как полотно.

— Привет,— слабым голосом выговорил Филипп.— Отличная погода. Похоже, что и солнце выглянет.

— Да-а,— ответил Джейк.— Погода отличная. А ты... э-э... как ты себя чувствуешь, ничего?

— Отлично, отлично.— Филипп швырнул шляпу в свой шкафчик и с напускной деловитостью открыл инкубатор, где у него хранились колбы с вакциной. Но тотчас захлопнул дверцу и вцепился в край рабочего стола с такой силой, что побелели суставы.— А почему ты спрашиваешь?

— Да так. Просто ты сегодня неважно выглядишь.

Оба молча уставились друг на друга. Потом, точно по сигналу, взглянули в дальний конец лаборатории, где за перегородкой помещался кабинетик Коффина.

— А шеф уже пришел?

Джейк кивнул.

— Он там, у себя. И дверь запер.

— Придется ему, пожалуй, отпереть,— сказал Филипп.

Доктор Коффин отпер дверь и, попятившись, прислонился к стене; лицо у него было серое. В кабинетике разило патентованным средством, каким хозяйки освежают воздух в кухне.

— Нет, нет, сюда нельзя,— пискнул Коффин.— Даже не подходите. Я не могу с вами сейчас разговаривать. Я... я занят. Мне нужно срочно сделать одну работу...

— Рассказывай! — рявкнул Филипп. Он поманил Джейка в кабинетик и старательно запер за ним дверь. Потом повернулся к Коффину.

— Когда это у тебя началось?

Коффин дрожал как осиновый лист.

— Вчера, сразу после ужина. Я думал, задохнусь. Встал и всю ночь бродил по улицам. Господи, какая вонь!

— А у тебя, Джейк?

Доктор Майлз покачал головой.

— Сегодня утром. Я от этого проснулся.

— И у меня сегодня утром, — сказал Филипп.

— Но я не понимаю! — завопил Коффин. — Кроме нас, видно, никто ничего не замечает!

— Пока не замечает, — сказал Филипп. — Не забывайте, мы трое первыми сделали себе прививку. Ты, я и Джейк. Прошло ровно два месяца.

У Коффина на лбу выступили капли пота. Он глядел на своих коллег и холодел от ужаса.

— А как остальные?

— Мне кажется, нам надо придумать что-нибудь сногсшибательное, да поживее, — сказал Филипп. — Вот что мне кажется.

— Сейчас самое главное — сохранить все в тайне, — сказал Джейк Майлз. — Пока у нас нет полной уверенности — никому ни слова.

— Да что же случилось? — закричал Коффин. — Всюду вонь невыносимая! Вот ты, Филипп: ты утром курил сигарету, я ее и сейчас чувствую, даже глаза слезятся. Если бы я не знал вас обоих, голову бы дал на отсечение, что вы по крайней мере неделю не мылись. Все запахи, сколько их есть на свете, вдруг точно взбесились...

— Ты хочешь сказать, усилились, — поправил Джейк. — Духи все равно пахнут приятно, только чересчур резко. То же самое с корицей, я нарочно ее нюхал. После этого у меня полчаса текли слезы, но пахло-то все-таки корицей. Нет, по-моему, сами запахи ничуть не изменились.

— А что же тогда изменилось?

— Очевидно, наши носы. — Джейк в волнении зашагал по комнате. — Вот возьмите собак. Без обоняния они жить

не могут, и у них насморка не бывает. Да и другие животные — вся их жизнь зависит от чутья, и ни одно никогда не страдает хотя бы подобием насморка. Многоцентрический вирус поражает только приматов, а высшей своей силы достигает лишь в человеческом организме.

Коффин горестно покачал головой.

— Но откуда вдруг взялась эта гнусная вонь? У меня давным-давно не было насморка...

— В том-то и вся соль! Именно об этом я вам и толкую, — настойчиво продолжал Джейк. — Подумайте: почему мы ощущаем запахи? Потому, что в слизистой оболочке носа и горла у нас имеются тончайшие нервные окончания. Но там же всегда живет и вирус, всю нашу жизнь, болеем ли мы насморком или нет. Испокон веку он гнездится там, в тех же клетках, паразитирует на тех же чувствительных тканях, в которых заключены и эти самые нервные окончания, — и притупляет, уродует их так, что как органы обоняния они уже никуда не годятся. Не удивительно, что прежде мы почти не ощущали никаких запахов! Эти несчастные нервные окончания просто не способны были что-либо чувствовать!

— А потом мы взяли да и уничтожили этот вирус, — сказал Филипп.

— Нет, не уничтожили. Мы только разрушили хитроумнейшую механику, которая помогала ему устоять перед силами сопротивляемости, какими обладает нормальный человеческий организм. — Джейк присел на край стола, его смуглое лицо было серьезно и напряженно. — Целых два месяца после укола наш организм вел борьбу с вирусом не на жизнь, а на смерть. И с помощью вакцины он победил, только и всего; сокрушил последние укрепления захватчика, который сидел в нас с самого зарождения приматов и стал, можно сказать, неотъемлемой частицей нашего тела. И вот впервые за всю историю человечества эти

изуродованные первые окончания начинают нормально функционировать.

— Господи помилуй! — простонал Коффин. — Неужели это только начало?

— Это пока цветочки, — пообещал Джейк. — Все ягодки еще впереди.

— Любопытно, что скажут об этом антропологи, — задумчиво молвил Филипп.

— То есть?

— Возможно, где-то в доисторические времена была какая-то единичная мутация. Какое-то крохотное изменение в обмене веществ — и одна линия приматов стала уязвимой в отношении вируса, который никого больше не поражал. А иначе почему бы человеческий мозг стал так развиваться и совершенствоваться и самое существование человека стало до такой степени зависеть от его разума, а не от мускульной силы, что он возвысился над прочими приматами? Причина одна: где-то когда-то человек утратил остроту обоняния.

— Ну, теперь он снова ее заполучил, — с отчаянием сказал Коффин, — и никакого удовольствия это ему не доставит.

— Что верно, то верно, — подтвердил Джейк. — И, как я полагаю, он первым делом кинется искать виноватого.

Оба, Филипп и Джейк, посмотрели на Коффина.

— Ну-ну, бросьте дурака валять, ребята, — сказал Коффин, и его опять затрясло. — Мы все трое заварили эту кашу. Филипп, ведь ты сам говорил, что идея-то была твоя! Не можешь же ты теперь бросить меня...

Зазвонил телефон.

— Доктор Коффин, — дрожащим голосом залепетала перепуганная секретарша, — только что звонил какой-то студент, он... он сказал, что едет к вам. Он еще сказал, не позднее...

— Я занят! — срывающимся голосом завопил Коф-фин. — Никаких посетителей! Никаких телефонов!

— Но он уже едет, — перебила секретарша. — Он что-то такое говорил... что разорвет вас на куски собственными руками...

Коффин швырнул трубку. Лицо у него стало серое.

— Они меня растерзают! Филипп, Джейк, да помогите же!

Филипп вздохнул и отпер дверь.

— Пошлите кого-нибудь в морозильник, пусть принесут всю охлажденную культуру, какая там есть. И добудьте нам с пяток привитых обезьян и несколько десятков собак. — Он обернулся к Коффину. — И довольно хныкать. Ведь ты у нас мастер говорить речи, тебе и придется, хочешь не хочешь, справляться с разъяренными толпами.

— Но что ты собираешься делать?

— Понятия не имею, — отвечал Филипп. — Но, что бы я ни делал, тебе все равно не поздоровится. Придется снова научиться болеть насморком, даже если это будет стоить нам жизни.

Они лезли из кожи вон, но все понапрасну. Они орошали себе слизистую оболочку носа и горла таким количеством чистой культуры активнейшего вируса, что всякий нормальный человек на их месте уже до самой смерти не отделался бы от насморка. Но ни один из них так ни разу и не чихнул.

Они смешали шесть различных видов вируса, полоскали этой вонючей смесью горло и поливали ею себя и каждую привитую обезьяну, какую удавалось добыть. Никакого толку.

Они вводили себе сыворотку внутримышечно и внутривенно, в руку, в ягодицу, под лопатку. Они ее пили. Они в ней купались.

Тщетно. Насморк им не давался.

— Наверно, мы подходим к делу не с того конца, — сказал однажды утром Джейк. — У нашего организма сейчас максимальная сопротивляемость. Необходимо ее сломить, тогда мы, может, чего-нибудь и добьемся.

И стиснув зубы они ринулись по этому пути. Они голодали. Заставляли себя не спать до несколько суток кряду, пока глаза у них от изнурения не стали закрываться сами собой наперекор всем ухищрениям. Они тщательно разработали себе безвитаминаую, безбелковую и бессолевую диету, их еда вкусом напоминала переплетный клейстер, а пахла и того хуже. Они работали в мокрой насквозь одежде и мокрой, хлюпающей обуви, выключали отопление и распахивали настежь окна, хотя уже настала зима. После всего этого они снова и снова опрыскивали себя активным охлажденным вирусом и, как верующие чуда, ждали, чтобы засвербило в носу.

Но чуда все не было. Изобретатели сидели туча тучей и глядели друг на друга. Никогда в жизни они не чувствовали себя такими здоровяками.

Вот только запахи. Все трое надеялись, что со временем привыкнут и обтерпятся, но не тут-то было. Напротив, они начали ощущать даже такие запахи, о существовании которых прежде и не подозревали, — запахи ядовитые, запахи от отвращения приторные, запахи, от которых они, согнувшись в три погибели, кидались к раковине. Они пытались затыкать себе нос, но запахи тут же просачивались через любую затычку. К обеденному столу бедняги шли, как на пытку, и с устрашающей быстротой теряли в весе.

Но простуда их не брала.

— По-моему, вас всех надо посадить в сумасшедший дом, — сердито сказала однажды холодным зимним утром Элли Доусон, вытаскивая посиневшего и дрожащего Фи-

липпа из-под ледяного душа.— Вы совсем рехнулись. Вас нужно охранять от вас же самих, вот что я тебе скажу.

— Ты не понимаешь! — простонал Филипп.— Нам просто необходимо простудиться.

— Да зачем? — взорвалась Элли.— А что случится, если вы не простудитесь?

— Вчера в лабораторию нагрянули три сотни студентов,— терпеливо объяснил Филипп.— Они говорят: запахи доводят их до иступления. Они теперь не выносят общества даже лучших друзей. Если мы им не поможем, они разорвут нас в клочки. Завтра они, конечно, придут опять, и с ними еще триста человек. И ведь это — те шестьсот, с которых мы начинали. А что будет, когда еще пятнадцать миллионов обнаружат, что собственный нос не дает им житья?

Он содрогнулся.

— Ты видела газеты? Люди уже рыщут по городу и принохиваются ко всему, как ишейки. Вот теперь-то и выясняется, что мы поработали на совесть. Мы бессильны, Элли. Нам не за что уцепиться. Эти антитела слишком хорошо делают свое дело.

— Так найдите какие-нибудь дрянтителя, которые с ними справятся,— туманно посоветовала Элли.

— Ну что за глупые шутки...

— А я вовсе не шучу! Мне все равно, как вы это делаете. Мне только нужен мой прежний муж, чтоб не жаловался, что все как-то не так пахнет, чтоб не фыркал на мою стряпню и не лез под ледяной душ в шесть часов утра.

— Я понимаю, тебе и правда тяжело,— беспомощно сказал Филипп.— Но как нам теперь быть — ума не приложу.

В лаборатории он застал Джейка и Коффина; бледные и злые, они совещались.

— Больше у меня ничего не выйдет,— сквозь зубы говорил Коффин.— Я вымолил у них отсрочку. Я пообещал им все на свете, кроме разве своей вставной челюсти. Я не могу встретиться с ними еще раз, просто не могу.

— У нас осталось всего несколько дней,— мрачно возразил Джейк.— Если мы не успеем что-нибудь придумать, мы пропали.

Филипп поглядел на них и вдруг ахнул.

— Знаете что? — сказал он.— Мы просто безмозглые ослы. Мы так перепугались, что совсем перестали соображать. А ведь все дело проще пареной репы.

— О чем ты говоришь? — разозлился Джейк.

— Дрянтитела,— ответил Филипп.

— Боже милостивый!

— Да нет, я серьезно.— Глаза у Филиппа сверкали.— Как по-вашему, сколько студентов мы можем завербовать себе в помощники?

Коффин судорожно глотнул.

— Шестьсот. Они все тут под окном, злые как черти и жаждут нашей крови.

— Отлично, давай их сюда. И мне нужны обезьяны. Но только обезьяны простуженные. Чем хуже, тем лучше.

— Да ты сам-то понимаешь, что делаешь? — спросил Джейк.

— Нисколько,— весело отвечал Филипп.— Знаю только, что такого еще никто никогда не делал. Но, может, пришло время держать нос по ветру и идти, куда он поведет...

Первые вестники грозного прилива появились два дня спустя... всего несколько человек тут, с десятков там — этого было довольно, чтобы подтвердились самые мрачные предсказания газет. Бумеранг возвращался к исходной точке.

Все двери в лаборатории были забаррикадированы,

телефоны отключены. В ее стенах шла лихорадочная и притом весьма пахучая деятельность. У всех троих исследователей обоняние обострилось нестерпимо. Даже маленькие противогазы, которые смастерил Филипп, уже не защищали их от непрерывного артиллерийского огня удушливых запахов.

И все же наперекор зловонию работа продолжалась. В лабораторию прибывали полные грузовики обезьян, десятки и десятки обезьян, и все они чихали, кашляли, плакали и сопели. Пробырки с культурой вируса переполняли инкубаторы и громоздились на столах ученых. Каждый день через лабораторию проходило шестьсот разъяренных студентов; они ворчали, но покорно засучивали рукава и широко раскрывали рот.

К концу первой недели половина обезьян излечилась от насморка и теперь уже не могла снова его заполучить; другая половина снова простудилась и никак не могла избавиться от насморка. Филипп с мрачным удовлетворением отметил это обстоятельство и бродил по лаборатории, бормоча что-то себе под нос.

Еще через два дня он ворвался в лабораторию счастливый и сияющий, под мышкой у него болтался щенок с необычайно грустной мордой. Такого щенка еще свет не видывал. Он сопел, чихал и явно страдал отчаянным насморком.

А потом настал день, когда Филиппу ввели под кожу каплю молочно-белой жидкости, изготовили вирус для распыления и основательно оросили ему нос и горло. Потом все уселись и стали ждать.

Прошло три дня, а они все еще ждали.

— Идея-то была великолепная, — угрюмо заметил Джейк и решительно захлопнул пухлую тетрадь с записями. — Только вот беда: ничего из нее не вышло.

— А где Коффин?

— Три дня назад свалился. Нервное расстройство. Ему все мерещится, что его вешают.

Филипп вздохнул.

— Что ж, видно, чему быть, того не миновать. Очень приятно было познакомиться с тобой, Джейк. Жаль, что все обернулось так печально.

— Ты сделал все, что мог, старина. Все, что мог.

— Да, конечно. Приятно тонуть в ярком свете...

Филипп умолк на полуслове, глаза у него стали круглые. Нос сморщился. Он разинул рот, всхлипнул — давно угасший рефлекс чуть шевельнулся в нем, воспрянул и...

Филипп чихнул.

Он чихал минут десять без передышки и под конец весь посинел и жадно ловил воздух разинутым ртом. Он схватил Джейка за руку и тряс ее изо всех сил, а из глаз у него ручьем текли слезы.

— Да, придцип был совсеб простой,— говорил Филипп после, когда Элли ставила ему на грудь горчичники и подливала горячую воду в ножную ванну.— Саба вакцина построода да деб же, да реакции адтитело — адтитело. Адтитело противостояло вирусу, это бы субели; потоб дуждо было дайти такое адтитело, которое противостояло бы дашебу адтителу.

Он отчаянно чихнул и со счастливой улыбкой накапал в нос лекарство.

— А сумеют они поскорее его приготовить?

— Приготовят как раз к тобу вребеди, когда людяб уже девтерпеж будет сдова заполучить дасборк, — сказал Филипп.— Есть только одда загвоздка...

Элли Доусон сняла с огня бифштексы и поставила их, еще шипящие в масле, на стол.

— Загвоздка? — переспросила она.

Филипп кивнул и с притворным удовольствием принял-

ся пережевывать бифштекс; на самом деле мясо казалось ему ничуть не вкуснее размокших консервов из солдатского пайка.

— Это даше довое зелье отличдо действует, даже чересчур.

Он высморкался и потянулся за свежим платком.

— Боже, я и ошибаюсь, до кажется, от этого дасборка бде уже де избавиться до сабой сберти,— печально сказал он. — Разве что бде удастся дапустить да это адтитело еще какое-дибудь противоадтитело...

ПЬЯНИЦА

— Это и есть ваше «чудо»?

— У него не очень внушительный вид, но вы сейчас сами убедитесь, чего стоит эта штука,— ответил Гугл.

— Ну-ка, скажи мне, как тебя зовут?

— Погодите,— сказал Гугл,— его надо сначала включить...

Он подошел к стенду и опустил рубильник. На нижней панели загорелась неоновая трубка, а над ней замигали лампочки.

— Внешне он похож на обыкновенный шкаф,— заметил гость.

Действительно, аппарат имел вид металлического шкафа. Панели можно было принять за выдвижные ящики, кнопки — за ручки. О том, что назначение у серо-зеленого предмета иное, говорили лишь контрольные лампочки, микрофон, окуляр объектива и овал динамика. Из последнего слышалось тихое мычание, потом глухой кашель, и наконец чей-то странный голос произнес:

— Раз... два... три... Я готов.

— Представляю тебе господина Потэрала,— сказал Гугл.

— Очень приятно,— ответил голос.— Я — Мозг.

— Как — Мозг?

— Очень просто. Мозг, и все.

Потэрал обернулся к Гуглу.

— У вас это записано на пленку?

— Вы все еще мне не верите. Пожалуйста, задайте ему сами несколько вопросов.

— А что спросить?

— Что хотите. Чему равен логарифм двадцати четырех, кто открыл Аляску — все, что придет вам в голову.

Подумав с минуту, Потэрал нерешительно указал пальцем на шкаф.

— Вы предлагаете спросить об этом его?

— Вот именно.

— Ну хорошо. В таком случае скажи-ка мне, как называется столица Пуэрто-Рико?

— Сан-Хуан, — без запинки ответил голос.

— Что такое калория?

— Количество теплоты, необходимое для нагрева одного грамма воды на один градус Цельсия.

Порозовевший от волнения Потэрал всем телом наклонился вперед. Было видно, что он решил всерьез проэкзаменовать машину.

— Год битвы при Гастингсе?

— 1066-й.

— Численность населения Лондона?

— Три миллиона девяносто пять тысяч; с пригородами восемь миллионов двести восемьдесят тысяч.

— Расстояние между Землей и Луной?

— Триста восемьдесят тысяч километров.

Прошло немало времени, прежде чем Потэрал сдался.

— Феноменально! — возбужденно сказал он Гуглу.

— А что я говорил? — с нескрываемым торжеством ответил Гугл.

— Откуда у него такая эрудиция?

— Откуда? Еще бы! Я скормил ему четыре Большие энциклопедии и не менее двадцати дюжин научных монографий!

— Вы — гений! Как вам удалось создать такую замечательную машину?

Гугл замялся.

— Видите ли... Отложим пока этот разговор. Давайте выпьем по кружке пива, и я вам кое-что объясню.

Они выбрали старинный погребок с маленькими окошечками и почерневшей от табачного дыма дубовой мебелью. В это время дня он был почти пуст, но они из предосторожности уселись в самом дальнем углу.

Потэрал вернулся к интересующему его вопросу:

— На каком же принципе основано действие вашего Мозга?

— Как бы вам сказать... В сущности, он действует, как любая электронная машина. Я даже воспользовался стандартными частями. Разумеется, старыми. Новые были мне не по карману.

— Почему же ни одной из крупных фирм не удалось добиться таких результатов?

— Случайность. Чистейшая случайность. В моей схеме получилось какое-то особенное сочетание элементов. Возможно, это объясняется тем, что она составлена из бракованных частей. Я пытался, замерив все параметры, сконструировать вторую такую машину, но у меня ничего не получилось.

— За ваш успех! — сказал Потэрал, поднимая кружку.

— За успех! — отозвался его собеседник.

Они выпили.

— Не считите это хвастовством, но я действительно неплохой изобретатель, а вот в житейских делах крайне непрактичен, — приступил наконец к делу Гугл. — Я знаю, что мой Мозг имеет огромную ценность, но боюсь, что не сумею извлечь из своего изобретения настоящей выгоды. Продать его? А какую назначить цену? Порой я готов отдать его за миллион долларов, потом мне начинает казаться, что и двадцати миллионов мало. Вдобавок человек я нервный, неуравновешенный; если меня вывести из себя, то я вообще не отдаю себе отчета в последствиях своих

поступков. Я могу легкомысленно принять невыгодное предложение или, наоборот, отклонить выгодное. Что мне делать? Как быть?

Потэрал ответил не сразу.

— А почему вы решили обратиться с этим именно ко мне? — спросил он наконец.

Гугл придвинулся вплотную к столику и, наклонившись вперед, зашептал:

— Я боюсь концернов. Они отберут у меня машину и заплатят жалкие гроши. А вы знаете толк в этих вещах и можете дать дельный совет. Кроме того... Кроме того, вы и сами неплохо заработаете на моей машине. Думаю, что гораздо интереснее писать о Мозге, чем о пресловутом морском змее. Союз техники и жизненного опыта выгоден нам обоим.

Потэрал допил пиво и отодвинул кружку.

— Если так, не продавайте машину.

— Не продавать? — удивился изобретатель.

— Ни в коем случае. Мы создадим Акционерное общество по эксплуатации Мозга. Миллион пятисотдолларовых акций для начала. Уже через год дивиденды превысят сто процентов, можете мне поверить.

— Общество по эксплуатации Мозга? — ошеломленно переспросил Гугл. — Мы будем показывать Мозг за деньги?

— Сейчас я вам все растолкую. Но сначала — вашу руку!

— Вот она.

— Барыши пополам? — скорее потребовал, чем спросил Потэрал.

— Пополам, — поколебавшись, согласился Гугл.

Они соединили руки над пустыми кружками.

— Итак, — продолжал Потэрал, — мы дадим ему на съедение все адресные книги пяти континентов, а на за-

куску — полицейские картотеки. Таким образом он будет прекрасно подготовлен к выполнению следующего задания, а именно...

— Что? — нетерпеливо выкрикнул конструктор.

— ...запомнит все мировые статистические данные за последние двадцать пять лет. Обладая такой полной информацией и имея возможность молниеносно анализировать ее с помощью Мозга, мы сумеем составлять прогнозы развития любых потребностей человечества на несколько лет вперед. А если к этому прибавить биржевые курсы последней четверти века и новейшую экономическую информацию...

Потэрал умолк на минуту. Гугл сидел в оцепенении, с отвалившейся челюстью.

— ...то мы сумеем превратить Мозг в биржевой центр мира. Мы будем взимать небольшую плату за свои услуги или даже оказывать их бесплатно: банкирские дома и промышленные концерны завалят нас акциями, чтобы материально заинтересовать в их курсах.

Гугл судорожно проглотил слюну.

— Неповторимость Мозга — наша сила, — продолжал развивать свой план Потэрал. — Нам нечего бояться конкуренции. Единственная наша забота — охрана машины. Предлагаю построить для нее специальное помещение из сталебетона. Ни одна живая душа не должна приближаться к Мозгу.

Гугл вздохнул.

— Тут есть одно препятствие.

— Какое же?

— Видите ли... Я вам не сказал всего. У Мозга есть свои недостатки... Он в некотором роде алкоголик.

— Что?! Алкоголик?

— Он пьянеет от шумов сети, — объяснил изобретатель.

— Как это понять?

— Да очень просто. Он ведет себя как пьяный: теряет самообладание, бранится со мной и горланит песни; бывает, что его охватывает беспричинная злость.

— И вы не можете этому воспрепятствовать?

— Я пытался, но ничего не получилось. Пробовал менять дроссель фильтра или увеличивать емкость конденсаторов, но тогда Мозг вообще переставал действовать. Остается лишь регулировать шумы. Это все равно что ежедневно выдавать алкоголику рюмочку виски.

— Скверно, — сказал Потэрал и закусил губу.

— В конце концов это не так уж страшно, — успокоил его изобретатель. — Одному из нас придется постоянно при нем дежурить. Я ему не доверяю. Сейчас, пока у меня нет помощника, я разрешаю ему работать лишь в моем присутствии.

— Но мне кажется, вы его не выключили, когда мы с вами уходили.

— Что вы говорите? Надо немедленно возвратиться. Как бы он не наделал глупостей!

Они торопливо бросили деньги на прилавок и вышли.

Еще в палисаднике до них донесся глухой стон.

— У него икота, — с отчаянием в голосе проговорил Гугл, возясь с замком. Наконец дверь открылась, и хозяин двумя прыжками преодолел коридор, ведущий в лабораторию.

— А... Здорово, старик... ик! — приветствовал его Мозг. — Вот какие дели-и-шки...

Изобретатель покраснел как рак.

— Конечно, — вскричал он, — стоило оставить тебя без присмотра, и ты напился как свинья!

Не обращая ни малейшего внимания на своего создателя, Мозг замигал лампочками и хрипло затянул:

— Бетти, Бетти, милашка!

— Да замолчишь ли ты наконец, скотина! — рявкнул Гугл.

— Только не «ты», только не «ты», — с обидчивостью пьяного возразил Мозг. — Прошу не тыкать!

Гугл запыхтел, как паровая машина.

— Ну, погоди же, пропойца несчастный, я тебя научу вежливости...

Он открыл дверцу в перегородке, которая отделяла помещение Мозга от остальной части комнаты, и бросился к питающей установке. Потэрал успел заметить, как Гугл протянул руку к выключателю и мгновенно отдернул ее назад.

— Бьет, негодяй, — растерянно пожаловался он не то журналисту, не то самому себе.

— Бьет? — изумился Потэрал. — Чем?

— У него все под напряжением. Когда я прикоснулся к выключателю, у меня искры из глаз посыпались.

Мозг ехидно засмеялся.

— Да разве это возможно? — спросил Потэрал, призывая на помощь все свои познания в области электротехники. — Вы стоите на резиновом коврикe, а корпус выключателя сделан из бокелита.

— У этой скотины все возможно, — пробормотал Гугл, ретируясь в безопасную часть комнаты.

— Бездельник, кто с нами не пьет... — снова затынул Мозг.

Потэрал ущипнул себя за руку. Больно. Значит, все это происходит наяву.

— А что, если взять стержень из диэлектрика, — рассуждал вслух конструктор, — пожалуй, мне удастся его выключить.

Мозг прекратил пение и закаплял.

— Скажи, злодей, за что ты на меня так взъелся?

— У меня нет к тебе никаких претензий, — холодно

ответил Гугл, — за исключением того, что ты налился как последняя свинья.

— А ты... — Мозг икнул, — можно подумать, что ты святой. Будто сам не любишь пропустить стаканчик-другой? По-твоему, человеку даже и выпить нельзя раз в жизни.

— Человеку можно, — ответил изобретатель, — но ты не забывай, кто ты такой.

— Я ничуть не хуже тебя, — обиделся Мозг. — У меня просто другая внешность.

— Ты прибор и больше ничего. Я собрал тебя собственными руками из старого, ржавого барахла.

— Еще Декарт говорил: «Я мыслю, следовательно, я существую». А мыслить я умею, признайся, совсем неплохо. Во всяком случае, лучше тебя.

— И все равно ты — куча лома! Добром тебе советую: не задирай нос! Иначе я его тебе так утру, что своих не узнаешь!

— Да перестаньте дергать меня за рукав, — окрысился на журналиста уже порядком рассерженный Гугл.

— Тише, тише, успокойтесь, — зашептал Потэрал. — Возьмите себя в руки. Ведь он нам нужен.

— Плевал я на него, — взорвался конструктор. — Это наглец. Шумы ударили ему в голову, и он забыл, что он лишь старый сундук, набитый ржавой дребеденью...

— Это я — сундук? — возмутился Мозг. — А ты кто такой, скажи на милость? Тупица! Нет, я не замолчу. Хоть раз выскажу все, что я о тебе думаю...

Взбешенный Гугл дергал диэлектрический стержень, стараясь снять его с крючка.

— Ты болван, — удовлетворенно продолжал Мозг. — Что из того, что ты сконструировал меня, если ты ни черта не смыслишь в моем устройстве? Ты ограниченный кретин... О-о-о!

Гугл яростно ударил по корпусу машины толстым диэлектрическим стержнем, разбив при этом одну из лампочек.

— Не бей! Не смей... Безоружного...

— Вот тебе... вот тебе... за пьянство, за длинный язык...

— Спасите-е-е! Убивают! — заорал Мозг.

— Вот тебе, негодяй! Я тебя научу уму-разуму! — Подобравшись к машине сзади, Гугл неистово крушил одну лампочку за другой.

— Рrrr-ффф-уууу. — Бессвязные стоны вдруг сменились чистым сигнальным тоном частотой 800 герц. Потом все смолкло.

Потэрал с ужасом заметил, что стрелки контрольных приборов стоят на нуле.

— Вы убили его! — вскричал он.

— Притворяется, гад, — прошипел Гугл, однако прервал свою разрушительную работу.

— Мозг прав. Вы ограниченный кретин, — сдавленным голосом произнес Потэрал.

— Кто? Я? — словно проснувшись, спросил Гугл.

— Вы! Тысячу раз предпочитаю иметь дело с машиной-алкоголиком, чем с изобретателем-хулиганом. Кто знает, может быть, необыкновенные способности Мозга были обусловлены именно его пороком?

— Вы полагаете? — спросил Гугл, не вполне понимая еще, о чем идет речь.

— Я почти уверен! Вы никогда не слышали о гениях, которые были алкоголиками и морфинистами? Если у людей это явление еще недостаточно изучено, то что же говорить о машинах?

— Так вы считаете, что надо потакать его пороку?

— Да. Или давать ему наркотики.

— Это, знаете, пахнет тюрьмой, — забеспокоился изобретатель.

— Я имею в виду не морфий и не героин. Вы должны изобрести для него электронный наркотик — какие-то импульсы или что-то в этом роде. Понятно?

— Уmmm... Уфффф...

Собеседники быстро обернулись.

— Жив!

Мозг поморгал уцелевшими лампочками и застонал.

— Ох, какая боль в матрицах...

— Он жив, но пьян до беспамятства.

— Уберите эти белые винтики...

— Приступ белой горячки, — констатировал журналист. — Но заклиная вас, не бейте его больше.

— Что вы, что вы, — поспешно возразил Гугл.

Он подошел к машине и дружески потрепал ее по выключателю.

— Пожалуйста, можешь себе «глушить» шумы сколько душе угодно. Я разрешаю.

— Ох, нет, нет, — простонал Мозг. — С меня довольно. Какой кошмар. Как мне нехорошо... Какая тяжесть в трансформаторе... Ни за что в жизни не буду больше пить.

— Все так говорят, — пробормотал журналист.

— Все так говорят. Но кто мог предположить, что он не такой, как другие?

— Это потому, что он не человек, — сказал изобретатель.

— Однако факт остается фактом: бросив пить, он стал ужасно односторонним: без конца изрекает истины о вреде пьянства.

— Я готов продать его за любую цену, — плачущим голосом сказал изобретатель.

— А кто его теперь купит? Кому охота иметь в доме такого стража морали? Что бы там ни говорили о сухом

законе и о введении Дня трезвости, все мы любим рассуждать об этой материи только теоретически. А практически...

— Двойную порцию виски! — крикнул он бармену. — Взглянул на изобретателя и добавил: — Два раза по двойной!

ПЛАНЕТАТ—БЕЗУМНАЯ ПЛАНЕТА

Даже тому, кто привык, временами становится тяжело. Вот и в то утро... если его можно назвать утром. По-настоящему была ночь. Но мы на Планетате живем по земному времени: планетатное время нелепо, точно так же как и все остальное в этом сумасбродном мире. Тут за шестичасовым днем идет двухчасовая ночь, потом пятнадцатичасовой день сменяется часовой ночью, потом... в общем никак нельзя отсчитывать время на планете, которая описывает восьмерку вокруг двух солнц, мечется между ними как летучая мышь в аду, а солнца вертятся так быстро и так близко друг от друга, что астрономы Земли считали их одним светилом, пока двадцать лет назад тут не высадились экспедиция Блексли.

Понимаете, сутки на Планетате — вовсе не какая-то фиксированная часть его периода обращения вокруг солнц, между солнцами же действует поле Блексли — поле, где лучи света замедляют свой бег, еле ползут и... словом...

Если вы не знакомы с отчетами Блексли о Планетате, ухватитесь за что-нибудь устойчивое, и я вам все объясню.

Из всех известных нам планет Планетат — единственный в своем роде: в один и тот же миг он дважды затмевает сам себя, каждые сорок часов сталкивается с собой лоб в лоб, а потом гонится за собой, пока не упустит из виду.

Что ж, я вас не осуждаю:

Я тоже не верил и до смерти перепугался, когда впервые, стоя на Планетате, увидел, как Планетат стремительно несется прямо на нас. А ведь я читал отчеты Блексли, знал, что к чему. Похоже было на старинный фильм: опе-

ратор поместил камеру на рельсах, зрители видят, как прямо на них надвигается паровоз, и чувствуют непреодолимое желание убежать, хотя понимают, что на самом деле никакого паровоза нет.

Но я-то хотел рассказать о том утре. Я сидел за письменным столом, крышка которого поросла травой. Ноги мои покоились — по крайней мере так мне казалось — на зеркальной глади воды, чуть подернутой рябью. Но не мокли.

На письменном столе у меня поверх травы стоял розовый цветочный горшок, а оттуда носом вверх торчала ярко-зеленая сатурнианская ящерица. Это была — как подсказывал мне рассудок, а не зрение — моя чернильница с ручкой. Еще лежал лоскуток с надписью, аккуратно вышитой крестиком: «Боже, храни нашу родину». В действительности это была радиограмма, только что принятая из Земли — Центра. Не знаю, что в ней говорилось: я вошел в свой кабинет уже после того, как начался эффект поля Блексли. Навряд ли там значилось «Боже, храни нашу родину». Скорее всего нет, раз глазу так привиделось. И тут-то я вышел из себя: я был сыт Планетатом по горло, и мне стало наплевать, что значит в радиограмме.

Понимаете... лучше уж я объясню... Эффект поля Блексли наблюдается, когда Планетат проходит посредине между Арджайлом I и Арджайлом II — двумя светилами, вокруг которых он описывает восьмерку. Есть научное объяснение, но его надо излагать не словами, а формулами. Сводится оно к следующему: Арджайл I состоит из вещества, а Арджайл II — из антивещества. На полпути между ними образуется поле значительной протяженности, где лучи света сильно замедляются. Там они движутся приблизительно со скоростью звука. В результате, если какой-нибудь предмет движется быстрее звука — напри-

мер, сам Планетат, — то вы все еще видите этот предмет даже после того, как он вас миновал. Зрительный образ Планетата пробивается сквозь поле двадцать шесть часов. За это время Планетат успевает обогнуть одно из светил и на обратном пути встречается с собственным отражением. В центре поля существует отражение входящее и отражение исходящее; планета дважды затмевает сама себя, а заодно и оба солнца. Чуть подальше она сталкивается с этим отражением (второй Планетат движется в противоположную сторону) и до обморока пугает наблюдателя, даже если тот знает, что ему все только кажется.

Объясню-ка я попроще, пока у вас голова не закружилась. Представьте, что к вам приближается старинный паровоз, но только на сверхзвуковой скорости. В миле от вас он дает гудок. Паровоз проходит мимо, и лишь затем вы слышите гудок: он доносится за целую милю, оттуда, где паровоза давно нет. Так наши уши воспринимают предмет, движущийся быстрее звука; точно так же наши глаза воспринимают предмет, движущийся по орбите-восьмерке быстрее собственного изображения.

Это еще не самое худшее; можно запереться в кабинете и не видеть ни затмений, ни столкновений лоб в лоб; но психофизиологический эффект поля Блексли настигнет вас повсюду — никакие двери не помогут.

А он — психофизиологический эффект — опять-таки особая статья. Поле воздействует на зрительные центры — на тот участок мозга, с которым связаны зрительные нервы, — подобно некоторым наркотикам. У вас появляется нечто... вроде галлюцинаций, но не совсем, так как обычно вы видите только предметы, которые вокруг вас реально существуют, но получаете о них искаженное представление.

Я прекрасно знал, что у письменного стола на крышке

не трава, а стекло; что ноги мои упираются в пластила-
товый пол, а не в подернутую рябью воду; что на столе у
меня не розовая ваза с торчащей из нее сатурнианской
ящерицей, а античная (двадцатого века) чернильница с
ручкой; наконец, что лоскуток с надписью «Боже, храни
нашу родину», — радиограмма на стандартном бланке.
Все это я мог проверить на ощупь: осязания поле Блексли
не нарушает.

Можно, конечно, закрыть глаза, но этого никто не
делает, потому что даже в кульминационный период зре-
ние позволяет судить о сравнительной величине предме-
тов и их дальности, а если человек находится на знако-
мой территории, то память и логика подскажут ему, какие
это предметы.

Поэтому, когда дверь отворилась и вошло двуглавое
чудище, я сразу понял, что это Риген. Риген вовсе не дву-
главое чудище, но я узнал его по походке.

— Что, Риген? — сказал я.

Двуглавое чудище ответило:

— Шеф, механическая мастерская шатается. Придется
нарушить правило и работать во время среднестояния.

— Птицы? — спросил я.

Обе головы кивнули.

— Подземную часть стен птицы уже изрешетили, надо
поскорее залить бетоном. Как вы думаете, остановят их
те арматурные стержни из нового сплава, что привезет
«Ковчег»?

— Наверняка, — солгал я. Забыв о поле, я обернулся,
чтобы взглянуть на стенные часы, но вместо них на стене
висел похоронный венок из белых лилий. По венку время
не определишь.

— Я-то надеялся, мы не будем чинить стены, пока не
получим арматурных стержней под бетон. «Ковчег» вот-
вот должен прибыть; возможно, он сейчас порхает вокруг

планеты — ждет, когда же мы выйдем из поля. Как по-твоему, можно потерпеть до...

Раздался грохот.

— Отчего не потерпеть, — ответил Риген. — Механическая мастерская рухнула, спешить некуда.

— Там никого не было?

— Вроде нет, но я проверю.

Он убежал.

Вот так и живется на Планетате. С меня было довольно, более чем довольно. Пока Риген отсутствовал, я принял решение.

Вернулся он в облике ярко-голубого скелета на шарнирах.

— Порядок, шеф, — сказал он. — В мастерской никого не было.

— Станки сильно пострадали?

Он рассмеялся.

— А вы можете при виде детской резиновой лошадки в фиолетовую крапинку угадать, целый это токарный станок или сломанный? Послушайте, шеф, а вы знаете, на кого сейчас сами-то похожи?

— Посмей только намекнуть, тут же выгоню со службы, — пригрозил я.

Не знаю, шутил я или нет; нервы у меня были на взводе. Я выдвинул ящик письменного стола, положил туда доску с вышивкой «Боже, храни нашу родину» и шумно задвинул обратно. Я был сыт по горло. Планетат — безумная планета: тот, кто долго живет на ней, тоже сходит с ума. Каждый десятый служащий Земли — Центра возвращается на Землю для лечения у психиатра, проведя на Планетате год-два. А я здесь уже почти три года. Мой договорный срок истекал. Терпение тоже.

— Риген, — окликнул я.

Он обернулся почти у порога.

— Да, шеф?

Я сказал:

— Отправь радиogramму Земле — Центру. Записывать не стоит, и так запомнишь, тут всего три слога: «Увольте».

Он сказал: «Ладно, шеф», вышел и прикрыл за собой дверь.

Я остался сидеть, только закрыл глаза, чтобы сосредоточиться. Наконец-то свершилось. Если я не догоню Ригена и не отменю своего распоряжения, все, можно считать, решено и подписано, бесповоротно. У Земли — Центра есть одна причуда: во многих отношениях дирекция делает подчиненным всяческие поbлажки, но, если вы подали заявление об уходе, вам никогда в жизни не разрешат передумать. Это железное правило, и в девяноста девяти случаях из ста на межпланетных работах оно себя оправдывает. Человек должен быть стопроцентным энтузиастом, иначе у него ни черта не будет ладиться, и стоит ему только чуть-чуть разлюбить свое дело, как он становится пустым местом.

Я знал, что среднестояние приходит к концу, но все равно сидел с закрытыми глазами. Не хотелось открывать их и смотреть на часы: ведь я увидел бы не часы, а еще какую-нибудь чертовщину. Сидел я и раздумывал.

Было чуть-чуть обидно, что Риген так хладнокровно отнесся к радиogramме. Мы с ним близкие друзья вот уже лет десять; мог бы по крайней мере сказать, что его огорчит мой отъезд. Разумеется, у него теперь немалый шанс на повышение, но, даже если это ему пришло в голову, он мог бы вести себя дипломатичнее. Во всяком случае, мог бы хоть...

«Да кончай ты себя жалеть, — опомнился я. — Ты расплевался с Планетатом, расплевался с Землей — Центром и очень скоро вернешься на Землю — как только тебя сме-

нят; а там найдешь другую работу, может быть опять преподавательскую».

Но все равно, черт бы побрал Ригена. В Политехническом институте Земля — Сити Риген был моим студентом, я помог ему получить должность на Планетате, и должность-то неплохая для такого юнца: заместитель коменданта планеты с почти тысячным населением. Если на то пошло, у меня тоже неплохая должность для моего возраста: мне самому всего тридцать один год. Отличная должность, вот только ни одного здания нельзя построить без того, чтобы оно не развалилось, да еще... «Хватит слюни распускать, — одернул я себя. — Теперь с этим покончено. Назад на Землю, к преподавательской работе. Плпнь ты на все».

Я устал. Руки положил на стол, голову на руки — и задремал.

Разбудили меня чьи-то шаги под дверью; но это был не Риген. Я увидел, что иллюзии совершенствуются. Передо мной предстала — или так мне показалось — ослепительная рыжеволосая красавица. На самом деле этого, конечно, быть не могло. На Планетате есть женщины (в основном жены специалистов), но...

— Разве вы меня не узнаете, мистер Рэнд? — спросила красавица. Голос был женский и к тому же приятный. Впридачу мне показалось, что я его когда-то слышал.

— Не говорите глупостей, — ответил я. — Как я могу узнать вас в среднесто...

Вдруг мой взгляд упал на часы за ее спиной, и я увидел часы, а не погребальный венок и не кукушкино гнездо и сразу понял, что все остальные предметы тоже приняли нормальный облик. А это означало, что среднестояние кончилось и мне ничего не мерещится.

Я снова посмотрел на рыжеволосую красавицу. Понял, что она всамделишная. И тут я ее узнал, хотя она изме-

нилась, и здорово изменилась. Впрочем, все перемены пошли ей на пользу. В Политехническом институте Земля — Сити, в астроботанической группе, которую я вел, Нувелина Оллте была очень хорошенькой девушкой четыре... нет, пять лет назад.

Тогда она была хорошенькой. Теперь стала прекрасной. Сногшибательной. Как это ее упустили режиссеры телефильмов? А может, не упустили? Что она делает здесь? Наверно, только-только с «Ковчега», но... я понял, что все еще глазею на нее разинув рот, и встал так стремительно, что чуть не перелетел через стол.

— Конечно, я узнаю вас, мисс Оллте, — пролепетал я. — Присядьте, пожалуйста. Как вы сюда попали? В виде исключения вам разрешили гостевую поездку?

Она с улыбкой покачала головой.

— Я сюда не в гости приехала, мистер Рэнд. Центр дал объявление, что вам нужен техник-секретарь, и эта должность досталась мне, конечно при условии, что вы согласитесь. То есть мне дали месячный испытательный срок.

— Чудесно, — сказал я. Получилось слишком вяло, и я торопливо стал искать другое слово. — Изумительно...

Кто-то кашлянул. Я оглянулся: в дверях стоял Риген. На сей раз не ярко-голубой скелет и не двуглавое чудище. Обыкновенный Риген.

Он сказал:

— Только что пришел ответ на вашу радиограмму. — Пересек кабинет и бросил листок мне на стол. Я прочитал текст... «Согласны. С 19 августа», — значилось там. Мелькнувшая было у меня безрассудная надежда, что мою отставку не приняли, исчезла, провалилась в тартарары, к птицам-големам. По своей лаконичности ответ был подставой моей радиограмме.

19 августа — следующий приход «Ковчега». Начальст-

во не теряет зря времени, ни моего, ни своего, — это уж точно. Четыре дня.

— Я думал, вы хотите узнать поскорее, Фил, — сказал Риген.

— Ясно, — ответил я и бросил на него убийственный взгляд. — Спасибо.

С примесью злорадства — может, и немалой — я подумал: «Ладно-ладно, соколик, должность-то тебе не достанется, иначе это оговорили бы в радиограмме; моего приемника доставит сюда «Ковчег» следующим рейсом».

Но вслух этого не произнес; условности чересчур связывали меня.

Я сказал: «Мисс Оллте, разрешите вам представить...» Они переглянулись и захохотали, и тут я вспомнил. Конечно, Риген и Нувелина вместе учились у меня в группе астроботаников, так же как брат-близнец Нувелины Увибод. Но только, разумеется, никто не величал рыжих близнецов Нувелиной и Увибодом. Все знакомые называли их Нув и Ув.

— Я встречал Нув, когда она сходила с «Ковчега», — заметил Риген. — Объяснил ей, как пройти в ваш кабинет, раз уж вы не присутствовали на торжественной встрече.

— Спасибо, — сказал я. — А арматурные стержни прибыли?

— Наверное. Там сгрузили какие-то контейнеры. Торопились в обратный рейс. Уже стартовали.

Я что-то промычал.

— Ну, займусь грузом, — сказал Риген. — Я ведь только хотел вручить вам радиограмму: думал, добрую весть стоит сообщить пораньше.

Он ушел, а я злобно посмотрел ему вслед. Ах он паршивец! Ах он...

— Мне сразу приступать к работе, мистер Рэнд? — спросила Нувелина.

Я изо всех сил постарался выдавить на своем лице подобие улыбки.

— Конечно, нет, — ответил я. — Сначала надо освоиться на новом месте. Осмотреть пейзажи, акклиматизироваться. А хотите, пройдемтесь до поселка, там можно выпить.

— Конечно, хочу.

Мы неспешно двинулись по тропе к горстке домов; все дома были на одно лицо — маленькие, одноэтажные и квадратные.

— Здесь... здесь славно, — сказала она. — Как будто по воздуху шагаешь, до того я легонькая. Какое тут тяготение?

— Ноль семьдесят четыре земного, — ответил я. — Если на Земле вы весите... ну, допустим, сто двадцать фунтов, то здесь — всего восемьдесят девять. И на вас это прекрасно действует.

Она рассмеялась.

— Спасибо, учитель... Ах да, вы мне теперь не учитель. Вы мой начальник, и вас надо величать мистер Рэнд.

— Если вы не хотите называть меня просто Фил.

— Ладно, только и вы называйте меня Нув; терпеть не могу имени Нувелина, а Ув еще сильнее ненавидит имя Увибод.

— Как поживает Ув?

— Прекрасно. Преподает в Политехническом, но не очень доволен работой. — Она взгляделась в лежащий впереди поселок. — Почему выстроили так много маленьких домиков, а не три-четыре больших дома?

— Потому что на Планетате любое здание держится в среднем не дольше трех недель. И никак не угадаешь заранее, когда именно дом рухнет, а ведь внутри могут быть люди. Это у нас самая сложная проблема. Остается только

строить маленькие, легкие дома на крепчайших фундаментах. Пока при разрушении дома никто еще серьезно не пострадал, именно поэтому, но... Чувствуете?

— Вибрацию? Что это было, землетрясение?

— Нет, — сказал я. — Полет птиц.

— Что?

У нее было такое выражение лица, что я расхохотался.

— Планетат — безумная планета, — пояснил я. — Минуту назад вам казалось, будто вы шагаете по воздуху. Так вот, в некотором роде именно так оно и было. Планетат — одно из считанных небесных тел, состоящих как из обычной, так и из тяжелой материи. У тяжелой материи молекулярная структура сплюснутая; подобные вещества до того тяжелы, что вы бы не подняли и камешка. Из такого вещества состоит ядро Планетата; вот почему на этой крохотной планетке с поверхностью, примерно вдвое превышающей остров Манхэттен, тяготение составляет ноль семьдесят четыре земного. В ядре есть жизнь — животная, но не разумная. Есть птицы, и по молекулярной структуре их тела сходны с ядром планеты — такие плотные, что обычная материя для них разрежена, как для нас воздух. Они буквально летают в обычной материи, как на Земле птицы летают в воздухе. С их точки зрения, мы ходим по атмосфере Планетата.

— И от их подземного полета рушатся дома?

— Да, и хуже того: птицы пролетают сквозь фундаменты, из чего бы мы их ни делали. Любой материал, с каким мы умеем обращаться, для здешних птиц — все равно что газ. Они летают в чугуне и стали так же легко, как в песке и глине. Только что привезли особо крепкий строительный материал — особый стальной сплав, тот самый, о котором я справлялся у Ригена, — но я не очень-то надеюсь, что от него будет толк.

— А разве эти птицы не опасны? Помимо того, что они

валят дома? Разве такая птица не может с размаху вылететь из-под земли в воздух? Ведь тогда ей ничего не стоит пролететь сквозь любого из нас.

— Ей ничего не стоит, — сказал я, — но так не бывает. Почему-то они приближаются к поверхности не больше чем на несколько сантиметров. Каким-то чутьем улавливают, что рядом — опасная зона. Похоже на ультразвуковой аппарат летучих мышей. Вы, конечно, знаете, почему летучая мышь даже в кромешной тьме не натывается на предметы.

— Да, у нее есть нечто вроде радиолокатора.

— Вот именно, только летучая мышь испускает не радиоволны, а звуковые волны. Вот и у птиц-големов, видимо, есть орган, работающий по тому же принципу, только наоборот: они сворачивают в нескольких сантиметрах не от препятствия, а от того, что для них равносильно вакууму. Они ведь состоят из тяжелой материи, в воздухе жить и летать не могут, точно так же как обыкновенные птицы не могут жить и летать в вакууме.

В поселке, за коктейлем, Нувелина опять заговорила о своем брате:

— Уву вовсе не по душе преподавание, Фил. Нет ли возможности подыскать ему работу на Планетате?

— Я давно извожу Землю — Центр, требую еще одного заместителя, — сказал я. — Работы стало неизмеримо больше, с тех пор как мы освоили новые земли. Ригену действительно нужна помощь. Я...

Ее лицо засветилось ожиданием. И тут я вспомнил. Ведь у меня уже все позади. Я подал в отставку, и Земля — Центр посчитается с моей рекомендацией не больше, чем с рекомендацией птицы-голема. Я неловко закончил:

— Посмотрим, нельзя ли чего-нибудь придумать.

— Спасибо... Фил, — ответила она. Моя ладонь лежала на столе возле стакана, и на какой-то миг девушка при-

крыла ее своей. Ладно, пусть это выражение избито — сказать, что меня словно током ударило. Но так оно и случилось, причем удар был не только духовный, но и физический: я тотчас понял, что влюблен по уши. Такой катастрофы на Планетате еще не бывало ни с одним зданием. От грохота у меня дыхание перехватило. Я не видел лица Нувелины, но, судя по тому, как она на миллисекунду прижала свою руку к моей и тут же отдернула, словно обожглась, она тоже ощутила частицу того тока.

Я встал, чуть пошатываясь, и предложил вернуться в комендатуру.

Дело в том, что положение было совершенно невыносимым. Теперь Центр принял мою отставку, и я остался без всяких явных или скрытых средств к существованию. В минуту помешательства я сам себе вырыл яму. У меня даже не было уверенности, что я получу место преподавателя. Земля — Центр — самое могущественное учреждение во Вселенной, нет такого начинания, к которому оно не приложило бы руки. Если там меня занесут в черный список...

На обратном пути разговаривала в основном Нувелина; мне было над чем поразмыслить. Я хотел открыть ей всю правду... и в то же время не хотел.

Отделяясь односложными ответами, я мысленно боролся с самим собой. И в конце концов проиграл сражение. Или выиграл. Ничего ей не скажу — скажу только перед самым приходом «Ковчега». Притворюсь пока, будто все в порядке, все нормально, дам себе случай выяснить, безразличен ли я для Нувелины. Не стану отнимать у себя всякую надежду. Мой единственный шанс — это четыре дня.

А потом... что же, если к тому времени она начнет относиться ко мне так же, как я к ней, объясню, каким был дураком, и скажу, что хотел бы... Нет, даже если она того

пожелает, не разрешу ей вернуться со мной на Землю, пока не увижу просвета в туманном будущем. Скажу только, что если я когда и пробью себе дорогу к приличной работе, — в конце копцов, мне всего тридцать один год и я еще...

В таком духе.

В кабинете меня дожидался Риген, злющий как мокрая оса. Он сказал:

— Эти олухи в погрузочном отделе Земля — Центр опять все перепутали. В контейнерах с особой сталью — ну и ну!

— Что «ну и ну»?

— Да вообще ничего. Пустые контейнеры. В укладочной машине что-то разладилось, но об этом так никто и не узнал.

— Ты уверен, что наш груз должен находиться именно в этих контейнерах?

— Уверен, будьте уверены. Все остальное прибыло, а по накладным в этих контейнерах значится сталь.

Он провел рукой по взъерошенным волосам. Это придавало ему еще большее сходство с эрдель-терьером, чем обычно.

Я ухмыльнулся.

— Может быть, сталь невидимая.

— Невидимая, невесомая и неосязаемая. Можно я сам составил радиogramму в Центр, выложу им все, что о них думаю?

— Валяй, выкладывай, — ответил я. — Впрочем, подожди меня здесь минутку. Я покажу Нув, где ее апартаменты, а потом мне надо с тобой поговорить.

Я отвел Нувелину к лучшей из свободных хижин, возведенных вокруг комендатуры. Нувелина еще раз поблагодарила меня за то, что я помогу Уву получить здесь

работу, и, когда я вернулся в кабинет, настроение у меня упало ниже того уровня, на котором птицы-големы хоронят своих покойников.

— Да, шеф? — напомнил о себе Риген.

— Насчет радиограммы в Центр, — сказал я ему. — Той самой, что я отправил утром. Прошу тебя ничего не говорить о ней Нувелине.

Он хмыкнул.

— Хотите рассказать ей сами, да? Ладно. Буду нем как рыба.

Я с гримасой прибавил:

— Не исключено, что с моей стороны глупо было посылать такую радиограмму.

— То есть как? — удивился он. — А я рад, что вы ее послали. Это вы здорово придумали.

Он ушел, а я сдержался и ничем не запустил ему вслед.

Следующий день был вторник, если это важно. Мне он запомнился как день, когда я разрешил одну из двух главных проблем Планетата. Хотя, правда, и не вовремя.

Я диктовал заметки о культуре зеленотала; Планетат, конечно, важен для Земли тем, что некоторые здешние растения, не желающие произрастать в других местах, дают препараты, без которых фармакопее было бы трудно обойтись. Дело подвигалось туго, оттого что я смотрел, как Нувелина записывает; она настояла на том, чтобы приступить к работе на второй день своего пребывания здесь.

И вдруг как гром среди ясного неба меня осенила идея. Я прекратил диктовку и вызвал Ригена. Он явился.

— Риген, — сказал я, — закажи пять тысяч ампул улучшателя рефлексов К-17. Вели поторопиться с отправкой.

— Шеф, разве вы не помните? Мы ведь пробовали. Думали привить себе нормальное зрение на периоды среднестояния, но эта штука не действовала на оптические

нервы. Мы по-прежнему видели всякую бредятину. К-17 хорош, когда надо приучать людей к высоким или низким температурам или...

— Или к удлинненным или укороченным периодам сна и бодрствования,— перебил я.— Об этом-то я и говорю, Риген. Сам посуди: Планетат обращается вокруг двух светил, день и ночь чередуются на нем так неравномерно, что мы никогда не относились к ним по-серьезному. Верно?

— Конечно, но...

— Но, поскольку на Планетате нет логически замотивированных дней и ночей, мы стали рабами третьего светила, до того далекого, что его даже не видно. Мы живем по двадцатичетырехчасовому циклу. А период среднестояния регулярно наступает через каждые двадцать часов. Улучшатель рефлексов поможет нам приспособиться к *двадцатичасовым* суткам — семь часов сна, тринадцать бодрствования,— и все мы блаженно проспим именно то время, когда наши собственные глаза играют над нами подлые шутки. Причем в затемненных спальнях, где мы ничего не увидим, даже если проснемся. Дней в году станет больше, но они будут короче, и никто из нас не свихнется. Расскажи, какие недостатки ты находишь в моем проекте.

Риген выкатил ословелые, бессмысленные глаза и звонко хлопнул себя по лбу. Он сказал:

— Слишком все просто, вот что я нахожу. Так просто, что додуматься до этого только гению под силу. Два года я медленно схожу с ума, а выход до того ясен, что его никто не видит. Сейчас же отправлю заказ.

Он было пошел к двери, но вернулся.

— Ну-ка, а как сделать, чтобы дома не падали? Скорее, пока у вас не прошла аура или как там называется ваше озарение.

Я со смехом ответил:

— Отчего бы не испытать невидимую сталь из пустых контейнеров?

Он сказал: «А ну вас» — и закрыл дверь.

А на другой день, в среду, я махнул рукой на дела и повел Нувелину гулять по Планетату. Обойти вокруг нашего шарика — это как раз хорошая однодневная прогулка. Но с Нувелиной. Ольте любая однодневная прогулка будет хорошей. Я, правда, помнил, что могу провести с Нувелиной еще только один полный день. Конец света наступит в пятницу.

Завтра с Земли стартует «Ковчег» с улучшателем рефлексов, который разрешит половину наших проблем, и с человеком, которого Земля — Центр посылает мне на смену. «Ковчег» вынырнет из нуль-пространства в точке, достаточно удаленной от солнц Арджайл I — II, а там включатся планетарные двигатели. К нам он прибудет в пятницу и вывезет меня отсюда. Но об этом я старался не думать.

Я довольно удачно забыл про все до тех пор, пока мы не вернулись в комендатуру и Риген не встретил меня усмешкой, при этом его некрасивая физиономия разделилась на две половины по горизонтали.

— Шеф,— сказал он,— у вас получилось!

— Приятно слышать,— сказал я.— А что именно у меня получилось?

— Я о проблеме фундаментов. Вы ведь ее решили.

— Точно? — усомнился я.

— Точно. Правда, Нув?

У Нувелины был такой же озадаченный вид, как и у меня. Она ответила:

— Он же дурака валял. Посоветовал использовать содержимое пустых контейнеров, так ведь?

— Ему только казалось, что он дурака валяет,— опять усмехнулся Риген.— Отныне мы именно это и будем

использовать. Пустоту. Понимаете, шеф, вышло, как с улучшателем, — до того просто, что мы не могли допереть. И, когда вы мне велели взять то, что находится в пустых контейнерах, я задумался по-настоящему.

На мгновение я и сам задумался, потом, как Риген накануне, хлопнул себя кулаком по лбу.

У Нувелины вид был по-прежнему озадаченный.

— Полые фундаменты, — объяснил я ей. — Как называется единственная среда, в которой птицы-големы не летают? *Воздух*. Теперь можно строить дома любых размеров. Вместо фундаментов вроем двойные стены с большим воздушным промежутком. Мы теперь можем...

Я умолк, сообразив, что «мы» теперь ничего не можем. Могут они, а я вернусь на Землю и буду искать себе работу.

И прошел четверг, и настала пятница.

Я работал до последней минуты: так легче. С помощью Ригена и Нувелины я составлял сметы предстоящего строительства. Прежде всего — трехэтажное здание комендатуры комнат на сорок.

Мы работали быстро, потому что близился период среднестояния, а какая там работа, когда читать вообще нельзя, а писать можно только вслепую.

Но «Ковчег» не шел у меня из головы. Я снял трубку и позвонил радистам — справиться.

— Только что была связь, — сказал дежурный. — Они вышли из нуль-пространства, но слишком далеко, до среднестояния не успеют. Приземлятся тотчас же после среднестояния.

— Порядок, — сказал я и распрощался с надеждой, что корабль опоздает на сутки.

Я встал, подошел к окну. Мы неуклонно приближались к срединной точке. В северной части неба виден был мчащийся нам навстречу Планетат.

— Нув,— позвал я,— подите сюда.

Она тоже подошла к окну, и мы стали смотреть вдвоем. Моя рука оказалась на ее талии. Не помню, как я положил туда руку, но я ее не снял, и Нувелина не шелохнулась.

У нас за спиной кашлянул Риген. Он сказал:

— Эту часть заказа я сейчас отдам дежурному. Она уйдет в эфир, как только кончится среднестояние.

Риген вышел и закрыл за собой дверь.

Нувелина как будто придвинулась ко мне поближе. Оба мы смотрели в окно на стремительно надвигающийся Планетат. Она сказала:

— Фил, красиво, правда?

— Да,— подтвердил я. Но тут же повернулся и заглянул ей в глаза. Затем помимо своей воли поцеловал ее.

И вернулся к письменному столу. Она сказала:

— Фил, что с тобой? У тебя, надеюсь, нет жены с шестью ребятишками, которых ты тщательно скрываешь, или чего-нибудь в этом роде? Ты был холост, когда я студенткой влюбилась в тебя и пять лет ждала, что это пройдет, но это не прошло, и в конце концов выкланчила работу на Планетате только ради... Что, я сама должна тебе сделать предложение?

Не поднимая на нее глаз, я простонал:

— Нув, я тебя безумно люблю. Но... буквально перед твоим приездом я послал на Землю радиogramму из трех слогов: «У-воль-те». Значит, мне придется уехать обратным рейсом на «Ковчеге», и навряд ли я теперь найду даже преподавательскую работу, потому что Земля — Центр держит на меня зуб, и...

— Но, Фил! — сказала она и шагнула ко мне.

В дверь постучали — конечно, Риген. Раз в жизни я обрадовался тому, что нам помешали. Я пригласил Ригена войти, и он открыл дверь.

— Вы уже рассказали Нув, шеф? — спросил он.

Я хмуро кивнул.

Риген ухмыльнулся.

— Хорошо, — сказал он. — Меня этот секрет просто распирал. Славно будет повидать Ува.

— Чего? — переспросил я. — Какого Ува?

С лица Ригена сползла ухмылка.

— Фил, склероз у вас, что ли? Разве вы не помните, как четыре дня назад, перед самым приездом Нув, отвечали на запрос Земли — Центра?

Я уставился на него разинув рот. Мало того что я не отвечал на ту радиограмму — я ее и не прочел. Кто из нас спятил, я или Риген? Помнится, я ее сунул в ящик стола. Теперь я рывком открыл ящик и выхватил оттуда радиограмму. Руки у меня тряслись, пока я читал. «Согласны учредить должность второго заместителя. Кто, по вашему мнению, будет подходящей кандидатурой?»

Я поднял глаза на Ригена и спросил:

— Ты хочешь сказать, что я послал ответ?

Вид у него был такой же подавленный, как у меня — настроение.

— Вы же сами велели, — ответил он.

— И какую же я предложил кандидатуру?

— Ув Олльте. — Он смотрел на меня во все глаза. — Шеф, вам нехорошо?

Мне было так хорошо, что меня словно обдало жаром. Я рванулся к Нувелине и сказал: «Нув, выходи за меня замуж». И обнял ее как раз вовремя, перед самым началом среднестояния: я не успел заметить, в кого превратится она, и наоборот. Но через ее плечо я увидел то, что, надо полагать, было Ригеном.

— Пошла отсюда, обезьяна, — цыкнул я и при этом несколько не утрировал: именно в это он и превратился. В ярко-желтую обезьяну.

Пол ходил ходуном у меня под ногами, но были и дру-

гие ощущения; словом, я не понимал, что это значит, пока обезьяна не вернулась с воплем:

— Шеф, птицы пролетают под нами! Скорее выходите, не то...

Больше он ничего не успел сказать: дом рухнул, жестяная крыша трахнула меня по голове, и я упал без памяти. Планетат — безумная планета. Но теперь она мне нравится.

ИЗ ДВУХ ЗОЛ

Чиновник взял паспорта, придирчиво осмотрел свое хозяйство — набор бесчисленных штампов. Он выбрал радужный (очевидно, наиболее соответствующий его настроению) и прижал этот штамп к пластиковой подушечке.

— Маркус Режихау? — спросил чиновник, переводя взгляд с паспорта на старшего из приезжих и обратно. Его губы дрогнули в усмешке — до того забавной показалась ему запись в документе. — По-видимому, планета указана неправильно. Трудно поверить, будто она называется Брежу-в-Харю.

— Это ошибка, — удрученно ответил Маркус. — Но тут уж ничего не поделаешь. Под таким названием она значится на картах.

Лицо чиновника сморщилось от сдавленного смеха, он склонился над вторым паспортом. Штемпелевать он не спешил.

— Уилбур Режихау? — спросил он юношу.

— Это я, — сказал Уилбур. — Ужас, правда? Можно подумать, что на Земле не умеют писать... а может быть, слушать. Потому-то мы с папой и приехали.

— Уилбур, этот человек не повинен в нашем несчастье, — заметил Маркус. — И не в его власти что-либо изменить. Не докучай ему своими заботами.

— Ладно.

— Пошли.

— Добро пожаловать на Землю, — проговорил чиновник им вслед. Он заметил, что к нему подходит женщина, и приготовился к самому худшему, но тотчас сообразил, что и она прибыла с какой-то другой планеты. Тут не оши-

бешься: у женщины отсутствовал характерный блеск в глазах. Чиновник решил, что принципиально прохладно относится к ее паспорт мрачными, тусклыми чернилами.

Уилбур едва волочил ноги, но не отставал от отца. Он еще продолжал расти, но успел сравняться с Маркусом, хоть и уступал ему в солидности.

— Куда мы теперь? — спросил он. — Менять название?

— Не вякай, — ответил Маркус, с трудом подавив в себе желание поглазеть по сторонам. Все изменилось с тех пор, как здесь был его отец. — Дело простое, но может тянуться дольше, чем мы думаем. На Земле надо вести себя, как на враждебной планете.

— Она вообще не похожа на планету.

— Однако если копнуть поглубже, то под всеми этими зданиями можно найти почву и скальные породы.

Но и Маркус не знал, сколько для этого придется копать.

— Трудно поверить, что когда-то Земля была похожа на... э-э... Режихау. — Уилбур рассматривал дома, потоки пешеходов, струящиеся мимо него, и рои аэромобилей в воздухе. — Пари держу, тут невозможно побыть в одиночестве.

— На десять миль в окружности тут одиноких людей больше, чем ты за всю свою жизнь видел, — возразил Маркус. Он остановился перед каким-то зданием и заглянул в записную книжку. Адрес тот самый, а названия нет. Ни на одном здании нет вывесок. Но, наверное, это оно и есть. Они прошли несколько миль, и Маркус исследовал все улицы. Отец и сын вошли внутрь.

Это была гостиница. По всей Вселенной гостиницу ни с чем другим не спутаешь. — Бесперывные приезды и отъезды накладывают на нее печать особого непостоянства. Человек может прожить тут двадцать лет и тем не

менее останется таким же временным постояльцем, как и тот, кто только что заполнил регистрационную книгу.

К Маркусу и Уилбуру не спеша подошел клерк. Он отличался полнотой, но плечи его пиджака были еще шире его собственных.

— Вы кого-нибудь ищете? — спросил клерк.

— Я ищу гостиницу «Инопланетную», — сказал Маркус.

— Это и есть гостиница, — ответил клерк, подняв и опустив плечи. Одно плечо опустилось не до конца, он подтянул его, дернув за рукав.

— Как она называется?

Клерк зевнул.

— Никак. У нее есть номер. Последние сто лет гостиницы не имеют названий. Слишком уж их много.

— Мой отец останавливался в гостинице «Инопланетная» пятьдесят лет назад, перед тем как отправиться на поиски новых планет. Она была вот по этому адресу.

Клерк пожал плечами, но повел ими не вверх, а вбок, памятуя о ватных плечиках. Один рукав съехал на спину, и клерк стал похож на горбуна.

— Ну, может быть, не сто лет, а меньше, — поведал он своим гостям. — Так или иначе, сейчас названий нет.

— Это, наверное, бывшая «Инопланетная», — решил Маркус. — Мы тут остановимся.

Клерк оказался не таким самоуверенным и твердокаменным, как воображал. Спесь с него немножечко соскочила.

— Вы хотите здесь остановиться? Кроме шуток?

— А почему бы и нет? — проворчал Маркус. — Места у вас есть, не так ли? Гостиница вполне приличная. Да я здесь других и не знаю.

— Безусловно, она приличная, и места есть. Я просто подумал, что вам будет удобнее где-нибудь в другом месте.

Могу вам порекомендовать первоклассный мужской отель.

— Мы люди простые, нам ничего первоклассного не нужно,— отказался Маркус.— Запишите нас в книгу, пожалуйста.

— Я черной работой не занимаюсь,— оскорбился клерк.— У меня здесь одна обязанность — придавать гостинице шик. Вас зарегистрирует робот.

Уилбур с любопытством посмотрел на толстого клерка и отошел, застенчиво улыбаясь встречным.

— Пап, а как такой человек может придать гостинице шик?

— Не знаю, сынок, — угрюмо ответил Маркус. — Земля сильно изменилась с тех пор, как мне про нее рассказывал твой дед. Я не собираюсь выяснять, что с ней творится. Покончим с нашим делом и вернемся домой.

Они поставили свои подписи в регистратуре, отдали багажные квитанции роботу, который рассылался в уверениях, что все будет мигом доставлено из космопорта прямо в номер.

Несмотря на клятвы Уилбура, будто он ничуть не устал, будто уже привык к ходьбе после вынужденной тесноты и неподвижности в звездолете, отец с сыном поднялись к себе в номер отдохнуть. Поэтому они избежали давки, когда после звонка из окрестных зданий толпами повалили служащие.

Маркус распорядился, чтобы обед принесли в номер, но ел очень мало, хотя был голоден. Бифштексы серии 219, толстые и хорошо прожаренные, выглядели как нельзя более аппетитно. Внутри же они были серые, водянистые, тошнотворного вкуса, явно синтетические. Проглотив несколько кусочков, Маркус зарекся есть мясо и принялся за овощи. Оказалось, что на вкус они не лучше и окраска у них искусственная, но их хоть можно есть без опаски.

Уилбур расправился со своей порцией и устремил го-

лодный взгляд на отцовский бифштекс. Маркус поспешно затолкал подносы в люк для грязной посуды. Если у него останется время до отъезда, он непременно выяснит, что это за серия 219. Маркус от души надеялся, что это не то, что он думает.

Потом отец и сын спустились на первый этаж. Клерка, придающего шик гостинице, нигде не было видно. Они вышли на улицу и направились к высокому шишу Справочного центра. Невозможно было миновать эту вежу. Она известна каждому, кто собирается на Землю. Если там не могут ответить на ваш вопрос, значит, вопрос выходит за рамки человеческих познаний.

На улицах женщин было гораздо больше, чем мужчин. Маркус заметил это, но не придавал особого значения. Он слышал, что на давно освоенных планетах у женщин среди дня больше свободного времени, чем у мужчин. Маркус шагал размашисто, не реагируя на взгляды, какими женщины провожали его и Уилбура.

В Справочном центре он стал изучать указатель у входа, с трудом противостоя напору выходцев с многих тысяч планет: эти люди тоже хотели пробиться к указателю. Красная линия на полу вела к отделу планет, а именно этот отдел и был им нужен. Стараясь не упускать из виду Уилбура — он без конца где-то терялся, — Маркус пошел по красному следу до конца.

В конце оказалось необозримое помещение с бесчисленными кабинками. К ним Маркус испытывал инстинктивное недоверие: уж очень они смахивали на гробы, поставленные торчком. Он приказал Уилбуру стоять на месте, вошел в первую же кабинку и прикрыл за собой дверь. Затем опустил в щель монету и нажал на кнопку.

На экране появилось измученное лицо.

— Обязательно ли на ваш вопрос должен отвечать человек?

— Конечно,— ответил Маркус.— Не для того я проделал девятьсот сорок семь световых лет пути, чтобы меня дурачил робот.

Измученное лицо неразборчиво буркнуло что-то в сторону и снова повернулось к Маркусу.

— Прекрасно. Какой у вас вопрос?

— Я ходатайствую об изменении названия. Моя планета...

— Планета? Изменение? — повторило лицо и исчезло, а вместо него на экране возник палец. Он торопливо заскользил по вертикальной картотеке. Замер, ткнул куда-то, и из картотеки выдвинулся ящик.

— Вам надо в департамент П-ИХО.— Палец выхватил из пустоты кусок бумаги и бросил его в щель. — Позади корпуса, где вы сейчас находитесь, есть платформа. Выйдите оттуда и садитесь в любой подземный поезд с буквами П-ИХО. В департаменте П-ИХО ходатайствуйте об изменении.

Маркус не удивился, но был раздосадован.

— Разве нельзя изменить здесь? Я не люблю, когда меня отфутболивают из одного места в другое.

— Мы не полномочны производить изменения. О наших функциях говорит само название: мы располагаем сведениями, нужными, чтобы направить вас в соответствующую инстанцию. Листок, что я вам дал,— это карта окрестностей нужного вам корпуса. Вы наверняка не заблудитесь.

— Не давали вы мне карты,— огрызнулся Маркус. Голос ничего не ответил, хотя на экране еще сгибался и разгибался палец. Но ведь с пальцем не поспоришь. Экран рыгнул, из щели под ним выпал бумажный листок. Лишь тогда Маркус нажал на кнопку, и палец на экране исчез.

Маркус стал изучать карту. П-ИХО (Планеты; изменения; ходатайства об) находился между Б-АР (браки;

альтернативные разновидности) и Б-ПНР (браки; признание недействительными, расторжение).

Маркус поспешно сунул карту в карман, так как Уилбур приоткрыл дверь, пытаясь разглядеть, что держит в руке отец. Нечего подростку глазеть на такое безобразие.

Карта была скверная, потому что не указывала, в какой части города находится корпус. Туда-то подземка ответ, но обратно придется искать дорогу самому.

Вагон подземки, что примчал их к П-ИХО, был набит в основном выходцами с других планет, и потому давка показалась терпимой. Маркус не стал заговаривать с попутчиками (их интересы были ему чужды, как и их миры); но он чувствовал, что эти люди для него гораздо роднее чужаковатых, одержимых землян.

П-ИХО был выстроен в неоклассическом стиле кинотеатров, где смотрят на экран, не вылезая из автомашины; этот стиль был некогда моден по всей Вселенной. Маркус нырнул внутрь, Уилбур последовал за ним. Маркус диву давался, как это он проделал девятьсот с гаком световых лет ради вопроса, который, если его изложить, отнимет лишь несколько минут у мелкого чиновника. Но так было надо. Много лет подряд он писал заявления, но все безрезультатно.

Здесь было не таклюдно, как в Справочном центре. Кабинки были попросторнее, и Маркус решил, что там можно поместиться вдвоем. Уилбур должен присутствовать: ведь это историческая минута. После нескольких попыток они действительно втиснулись в кабинку.

На экране появился чиновник; вид у него был настолько же непринужденный, насколько у первого — измученный.

— Планеты; изменения; ходатайства об, — отчеканил чиновник. Он в совершенстве владел искусством приподымать одну бровь.

— Вот для того мы и пришли,— сказал Маркус, ощупывая пиджак. Маркус был тесно прижат к Уилбуру и не мог попасть рукой в карман.

— Переформировка материков, создание океанов, редакция климата? — спросил чиновник.

— Редактировать климат нам ни к чему,— ответил Уилбур.— Он и так в порядке: дождь, град, снег, жара. Все в один и тот же день, только в разных местах. Большая планета, почти как Земля.

— Уилбур, говорить буду я,— объявил Маркус, все еще воюя с карманом.

— Ладно, папа. Но ведь нам не надо переформировывать материки. Они и без того хороши. А океанов у нас хватает.

— Уилбур,— резко произнес Маркус и наконец-то высвободил руку. В ней очутилась истрепанная карта.

— Вы хоть сами-то знаете, чего хотите? — зевая, спросил чиновник.

— Сейчас объясню,— сказал Маркус.— Пятьдесят лет назад мой отец, Мэтью Режихау, открыл неизвестную планету. В те времена планету запросто могли украсть, поэтому капитан Режихау не вернулся на Землю и никому не сообщил об этом открытии. Он поселился на той планете, обеспечив своим наследникам и потомкам подобающую долю нового мира.

— И чего вы теперь ожидаете, медали?

— Он мог получить медаль. Но, как практичный человек, предпочел часть планеты. С тех пор мы превратились в процветающую общину. Вот только население растет не так быстро, как хотелось бы. Потому-то я к вам и обращаюсь.

— Вы обращаетесь не по адресу,— заметил чиновник.— Вам нужно в П-ЭПО.

— Планеты; экономическая помощь отсталым? Нет, в

такой помощи мы не нуждаемся. Но вот одна ничтожная ошибка нам очень мешает. Из-за нее у нас не тот приток поселенцев. Видите ли, капитан Мэтью Режихау хоть и не стал возвращаться, чтобы лично доложить о своем открытии, но послал традиционную заявку — застолбил планету. Вот тут-то и вкралась ошибка. Он, естественно, назвал планету своей фамилией — Режихау. Ударение на «е». Но как, по-вашему, окрестил ее кто-то на Земле, очевидно робот?

— Понятия не имею.

— Врежу-в-Харю, — отчеканил Маркус. — Разве можно так пачкать доброе имя моего отца? Кто-то напортачил, а теперь мы маемся.

— Согласен, название некрасивое, — сдержанно улыбнулся чиновник. — Но не представляю, как оно может на что-то влиять. Не в названии счастье.

— Это вам только кажется, — возразил Маркус. — Я понимаю, как робот допустил ошибку, и не виню его. Отец записал свое сообщение на перфорированную пленку. При расшифровке можно было напутать. Так или иначе, это очень плохо отражается на поселенцах. Мужчины-то приезжают и думают, что, судя по названию, на планете живет разгульно и весело; впрочем, в какой-то степени так оно и есть. Но вот женщин туда не заманишь. Им такое название не подходит.

— Значит, по существу, ваш вопрос упирается в женщин, — сказал чиновник. Его тусклые глаза, прежде равнодушные, теперь смотрели с холодным неодобрением. — Как бы там ни было, вам не сюда надо обращаться. Мы перестраиваем планеты. Названиями мы не занимаемся.

— Когда женщин не хватает, это не к добру, — продолжал Маркус. — Приедет мужчина, поищет-поищет себе жену, не найдет и снова уедет. — Он смял старую карту в комок. — Да и не только в этом дело. Надо уважать

имя великого человека — хотя бы из элементарной справедливости.

— За справедливостью тоже не сюда, — разъяснил чиновник. — Она не входит в компетенцию П-ИХО. Дайте сообразить, нельзя ли вас направить куда-нибудь еще. — Он потер голову руками. Потом выпрямился, прищелкнул пальцами. — Есть! Чтобы изменить название планеты, надо обратиться в Астронавигацию: карты; ошибки, выявление оных.

— Вот как? — с сомнением протянул Маркус. Жизнь на Режихау не подготовила его к тонкостям организационной структуры правительства.

— Конечно, — подтвердил чиновник, обрадованный тем, что разрешил задачу. — Нет-нет, не благодарите меня. Я исполняю свой долг. Идите в А-КОВО.

— Где оно?

Чиновник глубокомысленно нахмурился, повернулся к огромной вертикальной картотеке, без которой, как понял Маркус, немыслимо ни одно правительственное учреждение. Он ткнул пальцем в пространство, но ни один ящик не выдвинулся.

— Похоже, не занесено в карточки, — сказал чиновник хладнокровно, без удивления. — Зайдите завтра, может быть, к тому времени появятся сведения. Сейчас конец рабочего дня.

— Обязательно ли заходить к вам еще раз? А-КОВО, может быть, совсем в другом конце города.

— Возможно, — согласился чиновник и надел пиджак. — Если не хотите зря терять время, купите карту у инфолегера. Она будет вчерашняя, но вдруг да окажется в основных чертах правильной.

Экран щелкнул, и Маркус с сыном остались лицом к лицу с пустотой.

Маркус вышел из кабинета.

— А что такое инфолегер? — спросил Уилбур, следуя за ним по пятам.

— На Земле все быстро меняется, — устало ответил Маркус. Он не знал, что так трудно найти нужный винтик в механизме, приводящем в движение слишком многое. — Инфолегер разбирается в этом не лучше, чем ты, но из-под полы продаст тебе информацию, которую в государственном учреждении можно получить бесплатно.

— Но кто же у него купит?

— Дураки вроде меня, уставшие бегать высунув язык. Пора возвращаться в гостиницу.

— Скучаю я по Врежу... по Режихау, — тоскливо сказал Уилбур. — У мамы сейчас уже обед готов.

— Я все забываю, какой у тебя аппетит. Ладно, поедим, вот только ресторан отыщем.

Ресторан отыскиали в соседнем квартале. Дойти до него было легко, не то что остановиться. Маркус протиснулся к самой двери и выдернул Уилбура из лавины прохожих. Внутри оказался один-единственный свободный столик, который отец и сын быстро заняли, не обращая внимания на злобные взгляды менее проворных посетителей.

Наконец Маркус углубился в меню. К его разочарованию, бифштекса серии 219 там не было. Предлагались на выбор серия 313 и бифштекс «ассорти». Маркус отвел взгляд от меню и увидел, что сын уже набрал номера облюбленных блюд на диске заказов. После дознания выяснилось, что Уилбур днем не успел перекусить и решил возместить вынужденный пост полуторной порцией бифштекса — целым одного вида и половинкой другого.

— Надо взять и овощи, — сказал Маркус.

— Пап, ты же знаешь; что я их не люблю.

— Овощи, — повторил Маркус и добился того, что его сын заказал себе сбалансированный рацион. Сам же он после долгих раздумий выбрал овощное блюдо с высоким

содержанием белка, хотя очень любил мясо. Злополучная мысль все не шла у него из головы.

Подскочил приземистый робот-официант, мигом расставил на столе тарелки с едой — его бесчисленные выдвижные «руки» так и мелькали. Маркус заметил, что с виду бифштексы точь-в-точь такие, как в гостинице.

— Официант, откуда эти бифштексы?

— Оттуда же, что и всякое мясо. Они растут в гигиенических условиях, в жидкой питательной среде, где растворены все необходимые элементы. Их ежедневно срезают и доставляют свежими и сочными, готовыми к жарке.

— С технологией я знаком, — оборвал его Маркус, морщась при виде того, как сын жует серую водянистую массу. — Меня интересует происхождение, первоначальный источник. От каких животных взяты исходные клетки?

— Не знаю. В этом источнике белка самый низкий процент вредных примесей.

— А метрдотель знает?

— Возможно.

— Скажи, что я прошу его подойти к нашему столику.

— Я передам ваше пожелание. Но это бесполезно. Метрдотель подойти не может. Он встроен в стену.

— Тогда я сам пойду к нему, — сказал Маркус, поднимаясь из-за стола. — Проследи пока, чтоб не остыло. Но как туда попасть?

— Метрдотеля не полагается беспокоить, — ответил робот и установил термоэкраны вокруг тарелки Маркуса. — Маленькая комнатка у черного хода, направо от кухни.

Маркус легко отыскал нужную дверь. Когда он вошел, метрдотель зажегся огнями. Противоположная стена мигнула светом, и из нее выдвинулось кресло для посетителя.

— У вас жалоба? — глуховато осведомился метрдотель.

— Не совсем,— ответил Маркус и повторил свой вопрос.

Метрдотель на мгновение задумался.

— Вы инопланетный житель?

— Да.

— Тогда понятно. Только инопланетные задают этот вопрос. Когда-нибудь придется выяснить.

— Выясните сегодня,— предложил Маркус.

— Прекрасная мысль,— сказал метрдотель. — Так я и сделаю. Но таких ресторанов, как наш, множество, они связаны общей администрацией, поэтому за одну секунду ничего не выйдет. Если хотите подождать, я сейчас подключаюсь к дистанционной справочной.

Маркус не хотел ждать, но еще меньше хотел пребывать в неизвестности. Он остался.

— Есть,— сказал робот после долгой паузы. — Накормить огромный город — дело чрезвычайно сложное. Откровенно говоря, трудно кормить Землю — она крайне перенаселена.

— Это-то понятно,— буркнул Маркус.

— Лет сорок пять—пятьдесят назад осложнилось положение с водой,— продолжал робот. — Она соответствовала санитарным требованиям, но солей в ней было растворено то ли слишком много, то ли недостаточно. Тут сведения расплывчаты. Роботы, управляющие водоемами, обнаружили, что говядина, свинина, телятина и куриное мясо всех сортов растут недостаточно быстро.

Роботы довели этот факт до сведения вышестоящих властей и получили приказ выяснить, как спасти положение. Они провели расследование и установили, что надо либо сделать капитальный ремонт всей водопроводной системы, либо вывести новый, более стойкий белок. Естественно, соорудить новый водопровод — титаническая работа. Этого они не советовали.

— Естественно, — согласился Маркус.

— Положение стало критическим. Надо было кормить людей. Роботы, ведавшие водоемами, получили приказ создать новый белок. Им предоставили ранее недоступные ресурсы. И в кратчайший срок задача была разрешена. Очистили примерно половину водоемов, где плохо росло мясо, и посадили там новый белок. Старинную систему — обозначение сортов мяса названием животных — изменили; была разработана новая система нумерованных серий, и каждому водоему независимо от происхождения его продукции присвоили порядковый номер.

— Значит, все не ведают, что едят, — сказал Маркус. — Но что же это за новый белок? Вот о чем я спрашивал с самого начала.

— Очень стойкий. Ведет происхождение от самого приспособленного животного Земли, — ответил робот. — И в его пользу свидетельствовало еще одно обстоятельство. Мясо всех млекопитающих почти одинаково. Но все же есть различия. Для плотоядного животного идеальным белком является тот, что в точности соответствует тканям тела этого животного и потому полностью усваивается.

Маркус закрыл глаза и схватился за подлокотник кресла.

— Вам дурно? — спросил метрдотель. — Позвать врача? Не надо? Так вот, я остановился на том, что как раз такая ткань была под руками. Ею и воспользовались роботы. Странно, что вы об этом спрашиваете. Не многие люди настолько любопытны.

— Им все равно, — проворчал Маркус. — Лишь бы их кормили, а чем — они не спрашивают.

— А зачем бы им спрашивать? — удивился робот. — Ткань специально отпрепарировали для гидропоники. Она была безукоризненно асептической, а ее изъятие ни в коей мере не повредило первоначальным донорам, давно

уже мертвым. Да и в использовании нет ничего нового. Никто ведь не колеблется, если надо пересадить кожу, или вживить печень, или вставить новый глаз. А это замена тканей изнутри, методами пищеварения, а не медицины.

— Роботы взяли ткань в операционной хирурга,— сказал Маркус.— Будете отрицать?

— Я же вам об этом и толкую,— подтвердил робот.— Весьма остроумное решение, если учесть сжатые сроки. Но заменить пришлось только половину водоемов.

— Каннибалы,— рявкнул Маркус, едва не сломав кресло, которое отшвырнул ногой.

— Что такое каннибалы? — спросил робот.

Но Маркуса уже не было. Он вернулся в зал и, когда подошел к столику, вполне овладел собой. Рассказать Уилбуру он не мог, потому что Уилбур успел поест, только овощи лежали нетронутые. Маркус сел, снял с тарелок термозкран и угрюмо уставился перед собой.

— Пап, ты разве не будешь есть? — спросил Уилбур.

— погоди, дай отдышаться.

На вкус блюдо было недурно, но сама мысль о еде внушала отвращение. Маркус сурово взглянул на сына.

— Уилбур, с сегодняшнего дня не смей заказывать мясо. Пока мы на Земле, ешь только яичницу.

— Только яичницу? — недоверчиво переспросил Уилбур.— Ого, ведь она здесь страшно дорогая. Да я ее и не люблю без ветчины...

— Только яичницу,— повторил Маркус. Ему пришла в голову другая мысль.— Глазунью. Тут уж ни один повар не обманет.

Когда они вышли из ресторана, небо потемнело. После рабочего дня движение транспорта затихло, а увеселительная горячка еще не охватила улицы, сейчас непривычно молчаливые и пустынные. На глаза Маркусу попался вы-

сокий шпиль Справочного центра, сверкающий на фоне вечернего неба.

— Куда мы теперь? — спросил Уилбур.

— В гостиницу. Завтра у нас трудный день.

— А можно пешком? В подземке уже ничего не увидишь.

— Далеко идти.

— Да она вон там! Я перед завтраком и то больше хожу.

Маркус с одобрением отметил, что Уилбур воспользовался Справочным центром как ориентиром и правильно определил местонахождение гостиницы. Сказывается воспитание. Мальчик не заблудится даже в неразберихе огромного города.

— Она дальше, чем ты думаешь, но, если хочешь, пойдем. Может быть, это наш последний вечер на Земле. Во всяком случае, от души надеюсь.

Пошли дальше. И постепенно увидели все, что стоило видеть. Город велик и буйно разрастается, но ведь это лишь обыкновенный город, творение Человека. Дома высокие, но построены, как и всякие дома, из камня и стали, из бетона и пластика. Женщины красивы, со вкусом одеты и причесаны, но сразу видно, что они всего лишь женщины. Магазины изысканны и разнообразны, но есть предел многообразию товаров, свободный полет фантазии не бесконечен.

Когда они наконец устали, до гостиницы было совсем недалеко. Искать транспорт не стоило, все равно он не помог бы выиграть время. До сих пор они шли по главным улицам — там было интереснее. Но Маркус быстро освоился с планировкой города и, когда они подходили к цели, решил срезать угол.

Становилось поздно, но уличные фонари не горели. Маркус усомнился, есть ли смысл идти таким путем. Ре-

шил, что смысла нет. В одном из подъездов сверкнула слабая красная вспышка, доказательство того, что запоздалое решение Маркуса правильно, но бесполезно. Заколело в коленях — там, где полоснул красный свет, — и Маркусу вдруг почудилось, будто у него нет ног. Он подался вперед, пытаясь заслонить Уилбура, но потерял равновесие. Уилбур тоже пошатнулся, и они ешибли друг друга.

Чьи-то руки схватили Маркуса, подняли с земли. Он не в состоянии был сопротивляться. Да это и небезопасно. Парализатор не убивает, но, когда им орудуют небрежно или торопливо, дает неприятные осложнения. Маркус считал, что вряд ли опасность так уж велика, и не хотел злить победителей.

Придя в себя настолько, чтобы трезво оценить обстановку, Маркус увидел, что очутился между двумя домами в закоулке, отделенном от улицы каменной кладкой. Рядом сидел Уилбур, их обоих освещал тусклый луч.

— Не двигайтесь, — произнес голос, который старался звучать грубо и низко, но все же был на добрую октаву выше мужского. Маркус припомнил, что его поднимали с земли маленькие нежные руки. Он попал в плен к женщинам. Бессвязные впечатления о городе улеглись в стройную картину. Маркуса не слишком удивляло все происходящее.

Луч света придвинулся, и Маркус различил фигуру женщины с фонариком. Позади нее стояли другие — все женщины. Но навести парализатор могут даже слабые ручки.

— Ни слова, — тихо сказал Маркус сыну. Уилбур ошеломленно кивнул.

— Перестаньте шептаться, — рявкнуло сопрано, ослепляя их фонариком. — Кто из вас женат?

Маркус вздохнул: так вон оно что. Плохо же приходится бедной Земле, если толстый, противный клерк получает

высокооплачиваемую работу только потому, что он мужчина.

— Отвечайте же,— потребовал высокий срывающийся голос.— Кто из вас женат? На Земле, конечно.

Теперь, когда глаза привыкли к свету, Маркус отчетливо увидел девушку. Она была молода, не старше двадцати лет.

— Что за странный вопрос? Кто женат, тот женат. Это не зависит от того, на какой ты планете. «На Земле, очевидно, зависит»,— подумал он.

— Инопланетные! — радостно воскликнула девушка.— Я всегда мечтала найти инопланетного! Это настоящие мужчины. Так которого же выбрать? — Она осветила фонариком Уилбура, тот заерзал, моргнул.

— Этот моложе, его, наверно, надолго хватит,— сказала она критически.— С другой стороны, он будет неловок и неумел.

Девушка обернулась к Маркусу.

— Вам надо побриться,— решительно сказала она.— Ваша борода седеет. Я выбираю вас. Пожилые мужчины очень милы.

— Нельзя меня выбирать,— возразил Маркус. Девушка стояла совсем рядом, ничего не стоило отнять у нее и оружие, и фонарик. Но Маркус не мог стоять, не то что ходить, а поодаль сгрудились и другие женщины, может быть вооруженные, и смотрели на девушку, которая, по видимому, была у них главарем.— Видите ли, я женат. Уилма не одобрит, если я заведу себе вторую жену.

— Даже только на то время, пока вы на Земле? Я ведь немногого прошу.— Она направила луч фонарика на себя.— Разве я вам не нравлюсь?

Девушка не была ослепительной красавицей, но, поскольку одежда прикрывала ее едва-едва — не меньше, чем разрешал закон, но и не больше, чем требовала мо-

да, — Маркус по достоинству оценил ее привлекательность.

— Сколько вам лет? — спросил он.

— Много, — ответила она. — Через одиннадцать месяцев исполнится двадцать один.

— Вы прелестны, — сказал Маркус. — Будь я помоложе лет на пятнадцать-двадцать... и не женат... я бы стал домогаться вашей благосклонности.

— Но вы ведь и так домогались, — упрекнула его девушка. — Зачем вы шли темной улицей, если не искали любви?

Значит, вот что на Земле сходит за любовь. Мужчин здесь, должно быть, втрое меньше, чем женщин. Это согласуется со всем тем, что довелось тут повидать Маркусу.

— Извините, что побеспокоил, — сказал он. — Но не забывайте, мы инопланетные. Ваших обычаев не знаем. Мы просто хотели срезать путь к гостинице.

Она махнула рукой, угрюмо признавая свое поражение.

— Будем считать, что я ошиблась. Но он-то почему не может? Он ведь не женат.

— Не женат и не женится ближайшие несколько лет. Ему еще семнадцать исполнилось. Я не дам согласия.

— Это ваш сын? У вас, значит, есть опыт. Вы уверены, что не передумаете и не женитесь на мне — только на тот срок, пока вы здесь? Не люблю я молодых людей. Наверно, оттого, что отец у меня был пожилой.

— Наверняка он был пожилой, — сказал Маркус. — Но из-за этого не следует считать меня неотразимым. — Он попытался встать, но ноги были как ватные, и он поспешно сел.

Девушка бросила на него озабоченный взгляд.

— Больно? Вы, наверное, получили чересчур большой заряд.

Она отдала ему фонарик и отошла к женщинам, стоящим поодаль. Он услышал ее шепот. Но вот девушка вернулась.

Она опустилась возле него на колени и стала растирать ему ноги.

— Я их отослала, — сообщила девушка. — Пойдут искать других. Сейчас была моя очередь сделать предложение пленнику, а вы все испортили.

Его рассмешила ее серьезность.

— Я убежден, что вы заслуживаете лучшего, чем можно найти при таких странных методах ухаживания. Но прежде всего вы должны помочь моему сыну. Он тоже получил заряд.

— Это уж точно, — пренебрежительно ответила она. — Но вы за него не волнуйтесь. Дети быстро приходят в себя.

— Пап, давай я ее стукну, — предложил Уилбур, вставая и осторожно сгибая колени, чтобы посмотреть, слушаются ли его ноги. — Она не имела права в нас стрелять.

— Это верно, но ты не имеешь права так разговаривать. Только тронь ее пальцем, и я тебя отколочу.

Не обращая внимания на Уилбура, девушка обняла Маркуса и помогла ему подняться на ноги. Хотя его должно было разубедить ее отношение, Маркус почувствовал, что стареет. Он удостоверился в этом, едва сделал первый шаг. Маркус мог ходить без посторонней помощи, но чувствовал себя так, будто из его ног выдергивали иголки — по две-три в секунду.

— Я провожу вас до гостиницы, — сказала девушка. — Может быть, на охоту вышли и другие брачные шайки. Увидят меня с вами — подумают, что вы моя добыча.

Маркус нахмурился, благо в темноте этого никто не заметил. У Уилбура могло сложиться превратное мнение

о женщинах. Трудно ему будет приспособиться к совершенно другим условиям родной планеты. Маркус представился девушке, представил сына и спросил, как ее зовут.

— Мэри Эллен.

— Это все? Фамилии нет?

— Конечно, есть, но я надеюсь ее сменить.

Маркус беспомощно вздохнул.

— Мэри Эллен, не будем говорить о свадьбе. Ясно? Тем не менее у меня есть насчет вас кое-какие планы. Я свяжусь с вами до отъезда.

Они подходили к залитой огнями магистральной улице, и Маркус почувствовал себя в безопасности.

— Я так надеялась, что вы это скажете, — тоскливо ответила девушка. Она порылась в крохотной сумочке и достала визитную карточку. — Как видите, здесь два имени. Я и Хлоя, моя сводная сестра. Она умница, я ее люблю, но надеюсь, вы ее не полюбите — во всяком случае, не полюбите больше, чем меня.

— Никогда. Но откуда у вас сводная сестра? Неужто вашей матери удалось вторично выйти замуж?

— Конечно, нет, — презрительно отозвалась девушка. — Женщине разрешается не более половины...

— Мэри Эллен!

— Ладно, не буду, — грубовато согласилась она. — Но вы же сами спросили.

Он и сам мог восстановить недостающие звенья. Поскольку женщины своей численностью катастрофически превосходят мужчин, им приходится делить мужей. Мужчинам разрешают нескольких жен, женщинам — никоим образом. Вероятно, многоженство на Земле было исторически неизбежно.

Земля — центр великой, стремительно развивающейся цивилизации. Мужчины покидают Землю, осваивают вновь открытые планеты, а женщины, как правило, оста-

ются. Более того, с давно освоенных планет на Землю сплошь и рядом прилетают женщины, привлеченные блеском старинной цивилизации и высокооплачиваемой работой, не подозревающие, что за всем этим кроется.

Таким образом, положение на Земле частично разрешит одну из проблем его, Маркуса, планеты. Но основная задача — изменить название планеты — оказалась труднее, чем он полагал. Маркус ждал завтрашнего дня без особого энтузиазма.

Он заметил, что Мэри Эллен с любопытством оглядывается по сторонам.

— Что-нибудь случилось? — спросил он.

— Нет. Просто мне странно, что вы остановились именно здесь — в самом центре района, где живут незамужние девушки. — Она усмехнулась. — По-моему, лучше будет, если я войду вместе с вами.

— По-моему, тоже, — сказал Маркус. Вот что имел в виду толстый клерк. Надо было послушаться его и остановиться в мужском отеле.

В вестибюле толпились женщины, причем, как подозревал Маркус, большинство дожидалось их возвращения. На планете с острой нехваткой мужчин слухи разносятся мгновенно. Может быть, ему померещилось, но он явственно расслышал вздох разочарования, когда появился вместе с сыном и Мэри Эллен. Девушка с лихвой вознаградила их за те неприятные минуты, которые им доставила. С лихвой, хотя она этого еще не знает.

Не останавливаясь прошли наверх, и Маркус отправил Уилбура в номер, а сам остался у двери попрощаться с девушкой.

— Хотите я к вам зайду? — спросила она с надеждой. — Право же, меня мучит совесть — я ведь повредила вам ноги.

— Вы сюда не войдете, Мэри Эллен. Я себе не настолько доверяю, чтобы оказаться с вами наедине.

— Это вы серьезно?

— Как нельзя более. — Он почти верил в это сам.

— Нам не обязательно жениться, если вы здесь недолго пробудете, — сказала она радостно. — Я вот думаю...

Он предостерегающе покосился на дверь.

— Мальчишка — ужасный зануда, — прошептала девушка. — Послушайте. Завтра я работаю, но вечером буду свободна. Посадите ребенка на карусель и приходите ко мне, ладно? — Она обвила руками шею Маркуса и пылко его расцеловала. Потом круто повернулась и сбежала вниз по лестнице.

Покачав головой, Маркус вошел к себе в номер.

Утром Маркус без труда связался с инфолегером. За довольно крупную сумму карта, якобы указывающая местонахождение А-КОВО, перешла из рук в руки. За дополнительную мзду к ней была приложена другая карта, с обозначением основных маршрутов общественного транспорта. Обе наверняка устарели, но, возможно, были правильны в той единственной части, которая интересовала Маркуса.

В путь отправились поздно, чтобы избежать утреннего часа пик. Не обошлось без недоразумений с транспортом. С первой попытки они заехали совсем не в ту часть города. Порасспросив пассажиров и роботов-дежурных, Маркус сообразил, как исправить дело. Он внес изменения в карту и вместе с Уилбуром вернулся на исходную станцию, причем по пути ошибся только раз. Ошибка произошла не по их вине. За то время, пока они возвращались, роль пересадочной стала выполнять другая станция.

Они быстро добрались до цели — быстрее, чем если бы прибегли к услугам Справочного центра. Здание А-КОВО тоже было выстроено в неоклассическом стиле. Однако

оно не напоминало, допустим, пятиконечную или шестиконечную звезду, а казалось нагромождением детских лекал. Приглядевшись повнимательнее, Маркус убедился, что первое впечатление обманчиво. Должно быть, раньше в этом здании помещалось ведомство какого-то другого А. Скорее всего — А-ЖВ (анатомия: женщина; возлежащая).

Но, как бы ни выглядел А-КОВО снаружи, внутри там был кавардак. Маркус не мог пробиться к справочным кабинетам. Повсюду как угорелые носились роботы, выполняя бессмысленные действия, а рабочие выкрикивали команды, на которые никто не обращал внимания. Посреди пыли и суматохи стоял на помосте какой-то человек и с безмятежно-скучающим видом наблюдал за всей этой бешеной деятельностью.

— Переезжаем, — автоматически сказал он, когда Маркус подошел поближе.

— Куда?

— Не знаю. Зависит от того, кого удастся выжить.

Маркус смертельно побледнел. Переезжают неизвестно куда. Еще день — и его карта станет недействительной. А если этот человек не лжет, то даже Справочный центр не будет знать, где окажется завтра А-КОВО.

— Разве у вас нет плановой комиссии? — спросил Маркус. — Разве вам не сообщают, куда вы должны переехать?

Человек пожал плечами.

— Плановая комиссия есть. Но на ней слишком большая ответственность, ей пришлось переехать в более просторное помещение, так же как и нам. Пока она не устроится на новом месте, мы предоставлены самим себе.

Человек спокойно проговорил что-то в микрофон, и роботы-грузчики ускорили темп. Он снова повернулся к Маркусу и объяснил:

— Вчера вернулись три разведочных звездолета, битком набитые микроинформацией. Поэтому мы и переезжаем.

Маркус потер лоб. Он понимал всю сложность работы департамента. Информацию ведь мало хранить — надо ее довести до широкой публики. Для этого нужны новые кабинеты, роботы-клерки, люди-контролеры.

Таков порядок вещей на Земле, но жаль, что в А-КОВО не подождали еще два-три дня.

— Нельзя же вынести все это добро на улицу. Кто-то должен знать, куда вы переселяетесь. Скажите, кто именно. Мне необходимо выяснить, где вы будете завтра.

— Э, нет. Кто выяснит, куда мы переселяемся, тот узнает, кого мы хотим выжить, — весело и хитровато ответил человек. — А те примут свои меры. Этого мы никак не можем допустить. — Человек почесал в затылке. — Вот что, если вы не лжете... если вы не шпион из министерства... я научу вас, как сегодня же протолкнуть свой вопрос.

— Я инопланетный, — сказал Маркус. — Ваши склоки меня не касаются. Мне бы только уладить одно дело — и сразу домой.

— Вид у вас и вправду инопланетный, — согласился человек. — Вот мой совет. Часть департамента еще функционирует. Идите к боковому входу. Там справочные кабины открыты.

Он отвернулся к микрофону и гаркнул в него, отдав какие-то распоряжения, ничуть не повлиявшие на ход событий.

Человек немного ошибся. Боковой вход был открыт, но в коридорах и кабинах громоздились вынесенные из помещений автоматические искатели информации. Однако Маркус не так легко сдавался. Теперь он уже привык к тому, что простейшие действия требуют сложнейших машинаций. Он подошел к входу со двора. Там тоже все бы-

до забито мебелью, но после недолгих, хоть и напряженных усилий Маркус протиснулся в кабинку, а Уилбур остался снаружи.

Лицо чиновника, откликнувшегося на вызов, было одновременно и сонным, и издерганным, а достичь такого выражения лица нелегко. Он зевнул, снял со стола ноги из уважения к вызову, и робот тут же унес письменный стол. Поскольку теперь чиновнику некуда было девать ноги, он покрепче уперся ими в пол, словно ожидая, что и пол вот-вот исчезнет.

Маркус толково изложил свое прошение и развернул карту, чтобы чиновник с ней ознакомился.

— Это оригинал, с которого была снята фотокопия: отец послал ее на Землю вместе со своими примечаниями. Не знаю, что получилось дальше. Возможно, изображение на пленке было неясное или ухудшилось в пути из-за радиации. А может быть, робот неправильно понял текст.

Чиновник на экране прищурился.

— Врежу-в-Харю. Режихау. Ха, ха. — Он коротко хохотнул, встал и начал было шагать по комнате. К его стулу направился робот, и чиновник поспешно уселся снова.

— Вот, можете убедиться, что он собственной рукой написал Режихау, — сказал Маркус. — Он назвал планету своим именем — один раз это вправе сделать каждый путешественник. Ошибку надо исправить ради элементарной справедливости. А вот петиция, подписанная всеми жителями планеты.

Чиновник отмахнулся от документов.

— Неважно, кто подписывался, такие подробности не влияют на решение вопроса.

Он подпер голову рукой, несмотря на отсутствие стола, о который можно было бы облокотиться. Губы чиновника беззвучно зашевелились — он подыскивал ответ.

— Я хочу, чтобы вы встали на нашу точку зрения, — сказал он наконец. — Прежде всего, подумайте о звездолетчиках. Планет с красивыми именами сколько угодно. Сливовая Ветка, Самородок, Гребень Волны... А Врежу-в-Харю только одна. Это светлое пятно в рейсе. Звездолетчики смотрят на карту и видят: «Врежу-в-Харю». Они смеются. Смех — действенное лекарство от космической тоски. У вашей планеты название особенное.

— Не нужна нам такая особенность, — перебил Маркус. — Дошло до того, что мы и сами называем ее Врежу-в-Харю, когда не следим за собой. Кто поселится на планете, если она стала посмешищем?

Чиновник, казалось, не расслышал. Маркус повернул регулятор громкости звука, но, по-видимому, и со звуком, и с громкостью все было в порядке.

— Это лишь второстепенное соображение, — продолжал чиновник. — Вы хоть представляете, какое множество карт мы издаем? Из-за вас все они устареют. Подумайте о звездолетах, бороздящих космос, — многие вообще никогда не садятся на Землю. Как им переслать исправленные карты?

— Я рад, что вы заговорили об исправленных картах, — ответил Маркус. — Но исправленные карты не труднее переслать, чем новые, а вы ведь согласитесь, что новые карты издаются регулярно.

— Я не могу пожертвовать точностью, как бы там у вас ни капризничала горстка эгоистов, — заявил чиновник. Он встал, и на этот раз робот утащил кресло. Чиновник с улыбкой потянулся к привычной вертикальной картотеке. Ее на месте не оказалось, зато робот был тут как тут. Он ухватил чиновника за руку и попытался увести прочь. Чиновник еле высвободился.

— Вы ведь видите, что нам некогда. Приходите, когда эта передрыга кончится. Тогда, возможно, я пересмотрю

ваше ходатайство, которое в настоящее время вынужден отклонить.

Чиновник проворно удалился, а Маркус долго еще созерцал пустой кабинет, пока туда не пришел очередной робот и не снял экран на другом конце провода.

Маркус выкарабкался из кабины. На лице Уилбура было написано нетерпение.

— Я знаю, что сейчас далеко за полдень, — угрюмо сказал Маркус сыну. — Пойдем поедим. Яйца.

Уилбур отлично понимал, что протестовать не стоит. Они покинули А-КОВО, прежде чем заднюю секцию наводнили роботы-грузчики. В тишине первого попавшегося ресторана Маркус заново рассмотрел всю проблему. Он не совсем провалил миссию. Одну важную задачу он может разрешить, не прибегая к помощи правительства. Откровенно говоря, без правительственной помощи будет даже лучше.

Но у Маркуса есть обязательства перед памятью капитана Мэтью Режихау. Отец назвал планету Режихау — и она останется Режихау.

Еще есть Уилма. Она попала на планету, когда и поселок, и она сама были совсем молоденькими. За Уилмой наперебой ухаживали, ее без конца развлекали, на нее со всех сторон сыпались предложения, и ей очень льстило, что она неизменно в центре. Тогда она ничего не имела против названия — ведь она была там самой хорошенькой, самой привлекательной девушкой. Других девушек было не так уж много.

Но планета изменилась, а вместе с ней изменилась и Уилма. Теперь у нее четыре сына, Уилбур старший. Четыре сына. Она не боялась, что они останутся холостыми. Ее сыновья умны, красивы и принадлежат к лучшему семейству; они легко найдут себе жен. А если не найдут,

всегда можно отправить их в путешествие на планету, где женщины не дефицитны.

Уилма оставалась ветреной даже после свадьбы. Маркус частенько удивлялся, каким чудом у нее глаза не выскакивают из орбит, когда на горизонте появляются чужие мужчины. Однако со временем она переросла эти забавы, кокон раскрылся, и оттуда вышла совершенно другая женщина.

Кокетливая девушка превратилась в хозяйку дома. Все вокруг нее стало безупречным. Заборы вокруг участка были выбелены, газоны всегда подстрижены. В доме все сверкало чистотой. Грязь с улицы никогда не попадала в комнаты. Уилма стала считать, что название Врежу-в-Харю не подобает ее планете.

Маркусу не обойтись без помощника. Это должен быть житель Земли, лучше него знающий все ходы и выходы. Маркус вынул визитную карточку Мэри Эллен; чем больше он всматривался в нее, тем больше убеждался, что такой помощник найден. Нет, не Мэри Эллен. Ее сестра.

Мэри Эллен и Хлоя — фамилии не указаны. По-видимому, таков обычай, так незамужние девушки оповещают мир, что ищут себе пару. Зато на карточке есть адрес обеих сестер.

Еще указана профессия обеих. Мэри Эллен — младший обслуживающий персонал (что-то непонятное). А вот у Хлои гораздо более интересная профессия. Она работает астрографом, старшим инспектором — астрографом.

Маркус ел торопливо, с каждым глотком он все отчетливее представлял себе план действий. Ключ ко всему — Хлоя. С ее помощью удастся изменить название Врежу-в-Харю. Маркус задумчиво улыбнулся. Он ей такое предложит, что она наверняка согласится помочь, даже если эта помощь противозаконна.

Мэри Эллен не было дома, зато была Хлоя, которая

радушно приветствовала Маркуса и Уилбура. Маркус правдиво рассказал, как познакомился с ее сестрой. Хлоя неодобрительно отозвалась о брачных шайках, но Маркус промолчал, хоть в душе и был согласен. Ему не под силу изменить соотношение полов на Земле. Пусть общество довольствуется тем, что дано.

В противоположность Мэри Эллен, крупной блондинке, Хлоя была смугла и миниатюрна. Когда-то, наверное, ее считали хорошенькой, но ей не пришлось непринужденно и с достоинством вплыть в зрелый возраст — она перевалила за тридцать безмужней. На ней заметно отразилась душевная сумятица.

Она сердечно отнеслась к гостям, когда те вошли, и стала еще сердечнее, когда Маркус кончил излагать свой план.

— Да, что-нибудь сделаем, — спокойно проговорила она. — Я организую отряд добровольцев и переправлю группами по десять человек. Через несколько месяцев у меня будет отпуск, и тогда мы приедем с Мэри Эллен. — Она тревожно покосилась на Маркуса. — То есть если вы полагаете, что я тоже нужна.

— Вы нужны, — заверил он ее. — Нам нужны жены, матери, квалифицированные специалистки. Никто лучше вас не отвечает всем этим требованиям.

— В таком случае мы еще увидимся, — сказала она. — И не только по тем причинам, которые приходят вам в голову. Видите ли, у меня высокооплачиваемая работа, и я раньше могла выйти замуж. Но мне казалось, что этого не следует делать. Я хотела приносить пользу цивилизации, хоть она и забыла, что на свете есть такие люди, как я.

— Вы нужны планете Режихау, — подхватил Маркус. — Я вспомнил одного своего знакомого. Джо Эйнгурта. Это тихий, задумчивый парень лет тридцати пяти —

тридцати семи. Беда в том, что ему нравятся женщины красивые и в то же время умные. Я позабочусь о том, чтобы он вас дождался и разыскал.

Хлоя улыбнулась, и произошло чудесное превращение. Она стала по-настоящему красивой. Маркус ломал себе голову, существует ли на самом деле Джо Эйнзуорт. Должен существовать, пусть даже зовут его иначе.

— С этим вопросом покончено, — оживленно сказала Хлоя. — В остальном ваш план насчет Врежу-в-Харю — характерный пример нечеткого мышления. Во-первых, я служу не в правительственном учреждении, а в частной фирме.

— Вы ведь издаете официальные карты.

— Это верно. Но разрешите мне пояснить свою мысль. Какой кодовый номер у карты, на которую нанесена Врежу-в-Харю?

Маркус знал номер наизусть. Шифр карты, где ищут ту или иную звездную систему, почти так же важен, как и название.

Хлоя закрыла глаза.

— Нет, — сказала она, открыв их снова. — Этим занимается другой отдел. Я не могу изменить название.

— Стоит только изменить, и новое название останется, — убеждал ее Маркус. — Я не постою за деньгами, только сделайте. Стоит ему попасть на карту, и никто уже ничего не скажет. Даже если кто-нибудь и заметит, он будет знать лишь одно: существует разночтение между старым и новым изданиями. Кто захочет выяснить вопрос до конца, тот обратится к первоисточнику. А первоисточник — это мы.

Хлоя мимолетно улыбнулась.

— Так дела не делаются. По-вашему, кто-то отправится за девятьсот световых лет узнавать, как правильнее — Врежу-в-Харю или Режихау? — Она закинула ногу

на ногу; ноги были красивые. Должен найтись Джо Эйнзуорт.

— Ничего не выйдет, — сказала Хлоя. — Я не могу изменить название сама и не могу сунуть взятку, чтобы изменил кто-нибудь другой. — Она заметила, как он подавлен, и коснулась его руки. — Не отчаивайтесь. Есть другой путь. Инопланетным он никогда не придет в голову: ведь мы не знаем, что происходит за кулисами.

— Я-то посмотрелся, мне теперь все ясно.

— Не думаю. Вы заметили, что, когда вы наводите справки, вам всегда отвечает человек? И наверняка заметили, что он ничего не знает. Он должен проконсультироваться с роботом, а потом сообщить вам полученную информацию.

Об этом Маркус не подумал. Вездесущая вертикальная картотека на самом деле была роботом — запоминающим устройством. Отчего бы не наделить робота голосом и не уволить бесчисленных мужчин и женщин? Когда Маркус посмотрел на Хлою, этот вопрос был написан у него на лице.

— Роботы знают только логику, ничего больше, — пояснила Хлоя. — На большинство вопросов нельзя ответить просто «да» или «нет», необходим посредник, который учитывал бы ограниченные возможности искусственного мозга и переводил его слова широкой публике.

— Не понимаю, какой мне от этого толк, — сказал Маркус.

— Вы все время пытаетесь попасть к чиновнику, который должен убедиться в вашей правоте и изменить название. Забудьте о таком пути. Чиновник никогда в жизни не затруднит себя. Подайте письменное прошение.

— Мы писали прошения сорок лет подряд. Потому-то я и здесь.

Хлоя опять улыбнулась.

— За год правительство получает астрономическое количество писем. Впрочем, может быть, это не так уж много, если учесть, сколько людей во Вселенной. Как бы там ни было, письма с других планет никто не вскрывает, потому что со стороны невозможно судить, какие из них важные и какие нет. Их превращают в полужидкую массу и подают к гидропоническим водоемам как питательное вещество.

Маркус с сомнением кивнул.

— Понятно. Кто полагает, что его дело важное, тот придет на Землю... как поступил я. И если ему откажут, он будет действовать через голову того, кто отклонил прошение. Этих бумаг тоже будет много, но все-таки гораздо меньше, и их можно рассмотреть в обозримый срок.

— Именно. И если вы правильно сформулируете свое прошение, вероятность того, что оно будет удовлетворено, очень высока, каким бы дурацким оно ни было.

— Оно не дурацкое.— Маркус потер руки.— У меня собраны все факты. Я даже во сне могу изложить их на бумаге.

— Кому нужны факты? — удивилась Хлоя. — Самое худшее, что можно придумать, — это оперировать фактами. Неужто вы не поняли, что я вам пытаюсь объяснить?

— Нет, — с глубоким вздохом признался Маркус.

— Начнем сначала. Мэтью Режихау открыл планету и назвал ее своим именем. Важно ли это? Ничуть. Важно ли, что Врежу-в-Харю из-за своего названия будет медленнее заселяться? Опять-таки ничуть. Поселенцы, которых потеряет Врежу-в-Харю, осядут на тысяче других планет. Робот отклонит прошение, основанное на фактах, и с государственной точки зрения будет прав.

— Но вы же сами сказали, что роботы не рассматривают прошений.

— Не рассматривают, когда проситель обращается

лично. Отказ робота вы бы сочли проявлением высокомерного бюрократизма. Но ведь вы не видите, кто обрабатывает письменные прошения. А на таких операциях государство применяет роботов, потому что они более исполнительны.

Для Маркуса это было чересчур сложно. Роботы рассматривают письменные прошения, но не лично изложенные. Роботы знают логику и только логику, а потому их не убеждают доводы разума.

Он судорожно глотнул и посмотрел на Хлою.

— Что я должен делать? — спросил он.

— Напирать на эмоции, — ответила она. — Роботам эмоции чужды. Но они умеют распознавать эмоцию — так они сконструированы. Такое пустячное дело, как у вас, надо перенасытить эмоциональным фактором.

Планету только укажите. А потом упирайте не на справедливость вашего требования, а на причиненные вам страдания. Не бойтесь сгустить краски — нарисуйте картину бедствий, которые принесла и будет приносить злополучная ошибка. Если вы все изложите достаточно убедительно, робот откажется от рациональных методов и удовлетворит ваше прошение.

Вот теперь начинало проясняться. По мере того как возрастала численность и сложность государственного аппарата, по мере того как ослабевал контакт между управляемыми частями, приходилось все более полагаться на логику машин. Но нечего было надеяться, что машины когда-нибудь осмыслят всю нелогичность человека. Алогичные требования заставляли призадуматься. Алогична гордость, алогичны, как правило, людские горести.

Поэтому в том, что касается мелочей, правительство создало предохранительный клапан для алогичных прошений. Только в том, что касается мелочей; серьезные вопросы по-прежнему решали люди. Но при разборе бес-

численных мелких жалоб, ежедневно принимая незначительные решения, роботы переставали прибегать к логике, если различали сильную эмоцию.

— Пац, — проговорил Уилбур из угла, где он смиренно прикорнул.

— Потом, Уилбур, — отмахнулся Маркус. — Ты, наверное, голоден.

Мысленно он составлял прошение. Ничего подобного еще не выходило из-под его пера.

— По-моему, в кухне что-нибудь найдется, — сказала Хлоя, но Маркус поспешно отказался. Даже при высоком окладе яйца ей не по карману. Тут вошла Мэри Эллен. Она удрученно сутулилась, плащ на ней обвис.

— Привет, сестренка, — сказала она с порога.

Потом увидела Маркуса и мгновенно ожила. Она с разбегу прыгнула к нему на колени, обвила руками его шею.

— Марк, дорогой! — через его плечо она по-копачьи заулыбалась сестре.

Маркус с сожалением вздохнул. Кто знает, что может сболтнуть матери его невинный отпрыск. Высвободившись из объятий девушки, Маркус объяснил цель своего визита.

— Значит, мы едем на Врежу-в-Харю?

— Через несколько месяцев, — сказала Хлоя. — Маркус хочет основать постоянный фонд помощи тем, кто не может оплатить свой проезд.

— О, я поеду. — Мэри Эллен в упор посмотрела на Маркуса. — Но не надейтесь, что я там выйду замуж.

Маркус чуть заметно улыбнулся. Девушка преувеличивает. Она про него и не вспомнит, когда увидит, какой перед ней неограниченный выбор. Там все же есть Джо Эйнзуорт, если Маркусу не изменяет память, ему года двадцать четыре или двадцать пять. Он кажется старше из-за преждевременной седины. Эти двое составят чудес-

ную пару. Значит, Джо Эйнзуорт не достанется Хлое, но для нее там найдется другой.

— Переодевайтесь, Мэри Эллен,— сказал Маркус.— Пойдем обедать.

— Все?

— Безусловно, все,— сухо подтвердил Маркус, от которого не ускользнуло ее неодобрение.

Когда девушка вышла из комнаты, он стал советовать-ся с Хлоей о том, как лучше составить прошение. Очевидно, он уловил не все нюансы, так как ни до чего не договорился вплоть до возвращения Мэри Эллен.

— Я готова,— объявила девушка и сделала пируэт, чтобы Маркус оценил наряд по заслугам.

Она явно пригостилась не к тихому, скромному обеду.

— Накиньте-ка что-нибудь на плечи,— сказал Маркус. Девушка скорчила рожицу, но послушно вышла.

— А долго это будет тянуться? — спросил он у Хлои.

— От четырех до шести лет. Раньше очередь не подойдет.

— От четырех до шести? — недоверчиво переспросил Маркус. Он заподозрил, что лазейка, оставленная правительством, очень узка. Кто станет возиться, даже принимая свое дело близко к сердцу, если знает, что тут нужны долгие годы?

— Это по обычным каналам.— Хлоя нахмурилась и пригладила волосы.— Сегодня — и только сегодня — можно все устроить гораздо быстрее. Вы говорите, А-КОВО переезжает?

— Переезжает.— Маркусу казалось, что он понял мысль девушки. Случай редкий, больше он никогда не представится.

— Значит, будут переезжать всю ночь до утра. Рабочий может проникнуть к главному роботу.

— Я рабочий не из худших,— улыбнулся Маркус.

— Без меня вам не обойтись. Вы ничего не найдете.

— Согласен. Это опасно?

— Физически — нет. Но закон жестоко карает злоупотребление государственной собственностью. Еще суровее карается попытка ускорить рассмотрение своего дела.

Это Маркус понимал. Понимал также, что именно такие, как Хлоя, нужны на Врежу-в-Харю. Она знает, чем рискует, но не колеблется.

— Тогда вы пойдете со мной. Но держитесь поодаль. Обещайте, что вы скроетесь, если меня застукают.

Хлоя пожала плечами.

— Если вас застукают, вам понадобится моя помощь.

Вернулась Мэри Эллен с прозрачным, сверкающим шарфом на плечах. Она была белокура и ослепительна.

— Куда мы пойдем? Я так рада!

Маркус расстегнул воротник и уселся.

— Для нас обед отменяется, вы пойдете вдвоем. У нас с Хлоей есть работа. Мэри Эллен, проводите потом Уилбура в гостиницу. Последите за ним.

— Вы этого хотите? — уныло спросила она.

— Я очень прошу.

— Ради вас я согласна. — Она изогнула спину (это получилось изящно), повернулась на каблуках, помедлила у двери. — Идем, мелюзга.

— Пап, я обойдусь, — начал было Уилбур. Маркус посмотрел на него, и он присоединился к Мэри Эллен.

— Времени у нас в обрез, — сказал Маркус, когда они с Хлоей остались вдвоем. — Сначала надо написать прошение. Мне нужна ваша помощь.

Хлоя сняла чехол с перфомашинки, села и обернулась к Маркусу.

— Надо подчеркнуть муки и несчастья.

— Уныние, — предложил Маркус.

— Уныние — хорошее слово, сильное, — согласилась

Хлоя.— Теперь его редко употребляют. Ваше дело уладится в считанные часы.

— Хорошо бы,— сказал Маркус.— Не представляю себе худшего названия, чем Врежу-в-Харю.

Он стал медленно рассказывать об унынии, в которое ввергла планету злополучная ошибка. Хлоя отпечатала все на перфоленге.

У Маркуса Режихау свалилось с плеч бремя сорока трех лет. Он устал, но это была приятная усталость, такая приходит вместе со свершением. Они легко попали в А-КОВО и затесались в сутолоку и неразбериху. Еще легче разыскали главного робота, который выносит решения по названиям на картах. Но остальное было вовсе не легко, даже несмотря на подсказки и советы Хлои.

Главного робота полагалось перевозить в последнюю очередь. Робот находился в глубоком подвале, упрятанный на много этажей под землю, и обычно к нему никто не имел доступа. Это была тяжеловесная машина, громоздкая и в то же время хрупкая. Роботы-грузовики взвалили его на себя. Техники и чернорабочие начали быстро отключать его от здания. Одним из этих чернорабочих был Маркус, он делал свое дело не хуже других. Но ему не представлялось случая ввести в машину свое прошение.

Мимо прошла Хлоя в бесформенной рабочей одежде; она подмигнула ему на ходу. Никто не обратил на нее внимания — кругом было много женщин. Маркус изготовился, подобрался к передней части машины, нащупал в кармане бобину с пленкой. Какой-то техник подозрительно уставился на него, но ни к чему не мог придаться.

Хлоя прислонилась к стене и локтем незаметно нажала выключатель. Мгновенно включились резервные цепи, но вспышка света вызвала суматоху. Техник напустился на Хлою, а та выслушала его брань с перепуганным и усталым видом. Усталость была не напускная.

В эти считанные секунды Маркус ввел пленку в машину. Остальным пленкам, которые уже находились внутри, пришлось потесниться, но машина автоматически компенсировала перегрузку. С этой стороны нечего опасаться.

Другое дело — сама пленка, которую подготовила Хлоя. Обычно прошения подаются на бумаге, их переносят на пленку в самом департаменте. Хлоя помогла Маркусу миновать целый этап.

После того как все утихомирилось, Маркус и Хлоя продолжали трудиться. Но вот объявили перекур, они поднялись на первый этаж и в тускло освещенном вестибюле скинули рабочую одежду. Теперь они превратились в пешеходов, которые проходили мимо и заглянули из любопытства. Делать им здесь было нечего, их попросили удалиться, что они и исполнили.

Маркус вернулся в гостиницу совсем поздно. Поблизости никого не было, и он возблагодарил за это судьбу. В столь поздний час ночи Маркус не был расположен отмахиваться от женщин. Уилбур спал. Маркус зажег свет, но затенил его, чтобы не разбудить сына. Может быть, в эту минуту главный робот уже стоит на новом месте и перемалывает прошения. Врежу-в-Харю канула или вот-вот канет в Лету.

— Пап,— позвал Уилбур, едва Маркус снял ботинок.

— Да. Я вернулся. Спи.

— Ты все сделал?

— Все кончено. Вылетаем первым же звездолетом.

— Завтра?

— Если завтра отправится звездолет, значит, завтра.

— Не прощаясь?

Скрипнула кровать — Уилбур сел в постели.

— Оставим записку. Так или иначе через несколько месяцев они прилетят на Режихау.

Уилбур подошел к отцу, бледный, и серьезно посмотрел на него широко раскрытыми глазами.

— Но я обязательно должен попрощаться с Мэри Эллен.

Маркус снял другой ботинок. Не следовало оставлять их вдвоем. Извинением ему служит только то, что он был поглощен другими мыслями.

— А я думал, она тебе не нравится,— сказал Маркус.

— Пап, я ведь думал, что и я ей не нравлюсь. А оказалось не так. То есть...— Уилбур прислонился к косяку двери, лицо у него было вытянутое и грустное.

Маркус улыбнулся в полутьме. Мальчик так мало общается с девушками, что не знает их повадок. Естественную реакцию на существо другого пола он принял за нечто большее. Но ведь все к лучшему. Уилбур не помнит, кого завоевывала Мэри Эллен. С лихорадочным эгоизмом юности он сохраняет в памяти лишь интерес, проявленный к нему самому. Долгие годы ему будет грезиться поцелуй.

— Надо ли понимать тебя так, что ты с ней сблизился? — строго спросил Маркус, которого насмешило собственное упущение.

— Пап, как ты можешь! — воскликнул Уилбур. — Я ее поцеловал.

— Это проходит.

— Все равно я должен попрощаться.

— Посмотрим,— сказал Маркус. Если только в его силах помешать, прощания не будет. Не хватает еще, чтобы при расставании Мэри Эллен кинулась на шею ему, Маркусу, позабыв об Уилбуре. Она еще молода и не понимает, как это может ранить юношу, даже если он младше ее. Маркус заснул с чувством удовлетворения, присущим человеку, который вершит людскими судьбами.

Утром никакие уловки не понадобились. Улетал попутный звездолет. Он не останавливался на Режихау — уж

больно непримечательное местечко. Но одну из остановок он делал на планете, откуда до Режихау рукой подать. Режихау. После стольких лет опять можно называть ее законным именем, не чувствуя себя провинциалом.

Уилбур так радовался возвращению домой, что забыл о Мэри Эллен. Маркус уложил вещи и распорядился, чтобы багаж отправили в космопорт. Он позвонил Хлое, договорился о денежных делах и передал привет Мэри Эллен, которая была на работе.

А потом они приехали в космопорт, взобрались на борт звездолета. Старт дали не сразу. Отец и сын обосновались по-хозяйски в каюте, и Уилбур сразу заснул. Еда, сон и девушки — вот все, на что хватает времени у молодых людей.

А Маркусу не спалось, хоть он и устал. Он хотел услышать, как объявляют маршрут. Ведь поправку уже должны внести! Взорвели ракетные двигатели. Уилбур, вздрогнув, проснулся и свесил ноги с амортизационной койки.

— Ты думаешь, сейчас объявят? — спросил он.

— Должны, — ответил Маркус.

Рев двигателей усилился, каюта задрожала. Объявят ли когда-нибудь маршрут? Щелкнул микрофон.

— Бессемер, Золотой Песок, — заговорил динамик.

— Ложись на койку, — приказал Маркус и лег сам.

— Норин, Кассальмонт, — гудел динамик. И тут все заглушил рев двигателей. Маркуса вдавило в упругую койку. Диктор надрывался, но слов невозможно было разобрать — так шумела в ушах кровь.

Маркус провалился в серое забвение перегрузки.

Когда он очнулся, вокруг сверкали звезды, а непосильная тяжесть исчезла. Маркус сел.

— Не слышали, — заметил Уилбур, опуская ноги на пол.

— Да, но объявят еще раз.

— Все равно жаль,— сказал Уилбур.

Маркус тоже забеспокоился.

— Самое разумное — справиться,— решил он. Они вышли в коридор. Ракетные двигатели безмолвствовали: теперь работали межзвездные. Солнечная система осталась позади, слилась с другими светилами.

Звездолетчик был занят; он кивнул, приглашая их подождать, пока он не задаст курс автонавигатору. Немного погодя он обернулся.

— Чем могу служить? — спросил он.

— Мы не слышали маршрута,— сказал Маркус.— Ракеты все заглушили.

Звездолетчик виновато улыбнулся.

— В последнюю минуту пришлось вносить исправления в карты; знаете ведь, как это бывает. Мы ждали, пока на борт доставят список изменений.

— Понимаю.— Маркус немного приободрился.— Скажите, пожалуйста, среди исправлений была Режихау?

Звездолетчик достал список, пробежал его глазами, потом внимательно перечитал.

— Здесь Режихау нет,— сказал он.

Тотчас к Маркусу вернулось угнетенное состояние духа.

— Нет Режихау? — растерянно повторил он.

— Нет, но я сейчас проверю.— Звездолетчик склонился над списком.— Постойте. Вот это, наверное. Взгляните-ка.

Маркус посмотрел. Палец пилота остановился возле жирных черных букв:

УНЫЛАЯ ХАРЯ (бывш. Режихау; название изменено во избежание путаницы с фамилией просителя).

— Благодарю,— слабым голосом произнес Маркус.— Это я и хотел узнать.

В молчании они вернулись в каюту. Маркус закрыл

глаза, но все равно продолжал видеть новое имя планеты. Не так легко от него избавиться.

— Раньше было красивее,— сказал Уилбур.— Как потвоему, что там случилось?

— Не знаю,— ответил Маркус. Но он знал. Четырнадцать раз (или одиннадцать?) употребил он одно и то же слово. Он старался захлестнуть главного робота эмоцией, и это ему удалось.

В мозгу робота он запечатлел главным образом слово «уныние».

— Что теперь делать? — спросил Уилбур.— Может быть, вернемся?

— Нет,— отказался Маркус.— Оставим как есть. Вот вырастешь, займешь мое место, тогда и попробуй, если тебе захочется.

Женщины на планете будут, невзирая на название. Хлоя поймет, что случилось; так или иначе он обещал писать. Она не пожалеет, что приехала. А будут женщины — будут и мужчины, как-нибудь проживем.

Надо еще учесть фактор неопределенности. Маркус думал, что хуже старого названия ничего и быть не может... сейчас он так больше не думает. Он содрогнулся при мысли о том, каким может оказаться следующее название.

— А теперь ничего? — с тревогой спросил Уилбур.

— Конечно, ничего.— Маркус смирился со своим жребием.— Мы едем домой, на Унылую Харю.

РЕПОРТАЖ ИЗ ДАЛЕКОГО БУДУЩЕГО

Недавно на планете Нептун состоялась очередная ежегодная конференция представителей всех планет солнечной системы с одним-единственным пунктом повестки дня: «Выборы нового межпланетного совета». Конечно, все мы, делегаты, знали, что за этим единственным пунктом кроется целая галактика разных проблем.

Кольцо Сатурна начало ржаветь, и представители этой планеты, несомненно, будут просить новых дотаций на ремонт и окраску. На Марсе дошло до того, что большинство каналов занесло песком и пылью, и его представители будут требовать запчастей к каналокопателям... Делегаты Меркурия по обыкновению будут канючить: «Мы убедительно просим замедлить темпы вращения нашей планеты вокруг Солнца! Вы все нормально крутитесь вокруг него, а мы из-за чрезмерно быстрого вращения и смены суток никак не успеваем в срок выполнять планы и третий век сидим без прогрессивки».

Конечно, и у нас, на Земле, не только розы... С одной стороны, экономическая диспропорция: тогда как народы Африки и Азии путешествуют по Вселенной в суперроскошных космических яхтах, примитивные племена Европы и Америки пьют коньяк с содовой, как это делали их далекие предки в XX веке...

С другой стороны, Пеле XXVI снова повредил себе пиколотку и поставил под вопрос футбольные соревнования сборной Земли с командой Кассиопеи из созвездия Лигурии.

Никак не сведем концы с концами. А где взять деньги, если новый поккер-стадион, вмещающий миллион игроков

и подсказывателей, поглотил все, что только можно было поглотить.

Вот в таком-то, можно сказать, мрачном настроении и началась эта наша конференция. Председательствующий — Корень Квадратный Из Единицы с планеты Юпитер — сделал свой научно-фантастический доклад, после чего развернулась живая и конструктивная макродискуссия.

В своем кратком выступлении представитель Сатурна взывал к сознательности, к совести, призывал к единству.

— Мы вместе, — говорил он, — без всяких разногласий вращались вокруг Солнца еще в те времена, когда были просто сгустками пылающей плазмы, поэтому необходимо предпринять все, чтобы и в дальнейшем сохранять существующее положение! Все материальные вопросы нужно на данном этапе отодвинуть в дальний угол, чтобы не портить отношений.

Остальные участники приняли эту платформу, и конференция против всяких ожиданий протекала успешно. Все обменялись добрыми словами и уверениями, а комитет по финансированию удалился в закуток, чтобы там в тишине разделить дотации.

На следующий день делегаты вылетели на краткую прогулку в район Млечного Пути. По этому случаю каждый участник конференции сделал несколько жестов солидарности. Юпитер, например, уступил Венере один из своих спутников, учитывая, что она в силу объективных обстоятельств испытывала в этом дефицит. Мы, земляне, любезно согласились вернуть Марсу несколько его жителей, которые по различным причинам свалились на Землю.

Однако вечером, на торжественном приеме, ситуация неожиданно осложнилась. Когда официанты подали суп, встал Аврелий XIX², представитель самой удаленной планеты — Плутона, отодвинул свою тарелку и в микрофон прочитал следующее заявление:

— Делегация Плутона в знак протеста отказывается от холодных закусок, от супа и даже от редьки и сразу переходит к бараньим отбивным и свиному жаркому. Этот наш демарш — результат недовольства распределением дотаций, которое производится по принципу: «Кто ближе к Солнцу, тот и больше получает!»

Наступило неприятное молчание. Наконец встал делегат Юпитера и произнес самокритическую речь:

— Замечание товарища Аврелия XIX², друзья мои, в основном правильно. Однако я боюсь, что обсуждение этих деликатных вопросов и сама процедура распределения дотаций займут у нас слишком много времени. Поэтому я предлагаю передать этот вопрос на рассмотрение Специального комитета, который к будущему веку подработает соответствующие рекомендации, учитывая высказанные здесь замечания.

Собравшиеся живо откликнулись на эти мудрые слова. Делегаты Плутона хотя и с оговорками, но тоже приняли предложение Юпитера в целом и согласились съесть закуски и редьку. От супа они все же отказались: а) из принципиальных соображений и б) потому, что он уже остыл.

На следующий день, после успешно прошедших выборов нового Межпланетного совета, все делегаты разлетелись по своим планетам.

Только мы, земляне, несколько задержались: космический экспресс «Земля — Нептун» опоздал на семь световых лет из-за того, что командир корабля по древнему земному обычаю хватил лишнего и залетел в какую-то придорожную спиральную туманность, где его с трудом разыскала космическая милиция.

МНОГО ШУМА ИЗ НИЧЕГО

Сегодня мы достигли края Вселенной. Увидели огромный указательный знак: красные лампочки сливались в слова:

КОНЕЦ ВСЕЛЕННОЙ ДАЛЬШЕ ПРОЕЗДА НЕТ

Не доехав до указателя, мы остановили звездолет и заглушили все моторы. Фрэнк проревел в переговорную трубку:

— Что это значит, черт побери?

Карты местности у нас не было. Для того-то мы и забрались в такую глушь, чтобы составить карту. До нас здесь еще не побывал ни один звездолет.

— Да знаешь, Фрэнк, по-моему, это конец Вселенной. Во всяком случае, тут так написано.

— Скажешь тоже! Вселенная бесконечна! Она непрерывно расширяется. Ты это не хуже меня знаешь. Если по-твоему это остроумная шутка...

— Вот что, Фрэнк, не я же повесил указатель. Карт этой местности мы не составляли и...

— Ладно, сообщи мне координаты, и облетим вокруг этой штуковины.

— Но, Фрэнк, ведь там написано...

— Не слепой, сам вижу, что там написано. Координаты давай!

— Есть, сэр. Наши координаты — секция шесть, полусекция девять, квадрат три, параллель восемь, диагональ семь, сектор...

— Джонни!

— А?

— Ты читал книжку про то, как звездолет с астронавтами уперся в стену?

— Никак нет, сэр.

— Астронавты все пытались проникнуть сквозь стену, но, когда им это удалось, они погибли, потому что стена отделяла рай от остальной Вселенной.

— Вот оно что!

— Эта стена как будто сплошная, верно?

— Да, пожалуй. Но что, если это всего лишь оптический обман?

— Как считаешь, стоит ли нам разогнаться что есть мочи и дуть дальше?

— Даже не знаю, сэр. Мне кажется, одному из нас лучше вылезти и рассмотреть эту штуку с ближней дистанции. А вдруг это просто пылевое облако?

— Можем мы подойти поближе?

— Как сказать. Если стена сплошная, у нее есть собственное притяжение. Тогда мы в нее врежемся за милую душу.

— Джонни, ты верующий?

— Нет... я... э-э... это ты к чему?

— Ну, например, веришь ты, что эта стена отделяет рай от остальной Вселенной? Как по-твоему, рай существует?

— Наверное. Но я как-то не задумывался...

— Возможно даже, что мы с тобой давно покойники. Например, мы ведь могли столкнуться с астероидом или еще с чем-нибудь. Может, мы померли и теперь попали в рай.

— Я как-то не чувствую себя покойником. Разве мы бы не запомнили столкновения?

— Да нет, наверное, запомнили бы. Одному из нас придется выйти и осмотреться.

— Я пойду, Фрэнк.

— Нет, не пойдешь. Космической службе нужны такие, как ты. Пойду я.

— Фрэнк, а если...

— Да брось ты! Такая истерика из-за пустяков! Будем мужчинами!

— Ладно. Ты прав. Помочь тебе надеть скафандр?

— Ага. Встретимся в шлюзовой.

Звездолет у нас двухместный, только для картографических работ. Мы строго распределили между собой обязанности. Фрэнк пилотировал в одном конце звездолета, я картографировал в другом. Шлюзовая камера находилась как раз посередине. Я помог капитану облачиться в скафандр и вернулся, чтобы понаблюдать за Фрэнком на телевизионном экране.

— Ну, как там снаружи, Фрэнк?

— Прекрасно. Я почти у цели. Мне кажется, я вижу... вижу... ух ты, дьявол!

— Что там случилось? Фрэнк!

Он стоял у самой стены. Она и впрямь была сплошная. Я видел, что Фрэнк пристально разглядывает какой-то ее кусочек.

— Джонни!

— Есть, сэр!

— У тебя найдется четвертак?

— Чет... чего?

— Четвертак. Двадцать пять центов.

— Даже не знаю, сэр. А зачем вам четвертак?

— Поищи. Я за ним вернусь.

В звездолете нашлась какая-то мелочь. Не знаю уж почему и с какой целью, но кто-то догадался положить в сейф деньги. Когда капитан вернулся, я вручил ему монетку.

— Зачем тебе четвертак, Фрэнк?

— Ты бы лучше сам тоже разжился четвертаком. И надевай скафандр. Я мигом вернусь.

Он взял монетку и вышел. Вернулся он и вправду мигом. Но что-то с ним было неладно. Глаза у него остекленели, челюсть отвисла. Брови взлетели вверх, и лоб весь сморщился.

— Что такое, Фрэнк? Что ты видел?

— Ничего. Право же, ничего.

Я их увидел с расстояния метров шесть. Сотни и тысячи, по всей стене. Ничего нового. Было там и «Обедайте у Джо», и (здоровенными буквами) «Здесь был Килрой», и пронзенные сердца с именами внутри. Подойдя поближе, я разглядел даже выцарапанные на стене коротенькие словечки с фривольными картинками.

Уткнувшись носом в стену, я заметил квадратную белую табличку:

«Вы, очевидно, не верите, что это конец Вселенной. Опустите в отверстие двадцать пять центов, тогда глазок откроется, и вы убедитесь в этом лично».

Капитан был прав. Я уплатил двадцать пять центов и заглянул в глазок. Но не увидел ничего.

ЧЕЛЕСТИНА

Мы познакомились в университете, где я изучал математику, а она — психологию. Мы долго ходили друг к другу в гости, потом я объяснился ей в любви; короче говоря, она согласилась выйти за меня замуж. Поженившись, мы сразу же переехали жить за город. Приблизительно года через два родилась наша первая дочь, дорогая Челестина.

Я прекрасно помню тот день, когда Челестина сделала свои первые шаги. До этого она лежала на оцинкованном верстаке неподвижно, хотя и не безмолвно (у нее был приятный голосок — размеренное и негромкое тиканье); потом, совершенно неожиданно, как только мы приделали ей колеса, она дернулась и соскочила на пол. Жена и я, тесно прижавшись друг к другу, затаили дыхание. Челестина решительно направилась к двери, но встретила на пути стул и приостановилась. Некоторое время она не двигалась, затем произошло нечто новое: Челестина рассердилась. Мы услышали что-то вроде приглушенного металлического рычания, ее механизм начал судорожно вибрировать, она вновь двинулась вперед, яростно ударилась всем корпусом о стул и упала навзничь. Падая, она разлетелась на части: весь пол вокруг нее был усеян болтами, гайками, шайбами, обрывками проводов, винтиками. Мы с женой бросились к Челестине, отнесли ее на место, а потом целых четыре часа работали, чтобы привести в порядок. По мере того как наша работа продвигалась, мы все явственнее различали нечто вроде непрерывного гудения, сопровождаемого сильной дрожью: Челестина размышляла. О чем она думала? Это нам скоро стало известно. В самом деле, не успели мы завернуть последний винтик, как Че-

лестина вновь прыгнула с верстака и решительно побежала по направлению к своему врагу — стулу. Но на этот раз она остановилась перед ним, мгновение постояла неподвижно, а затем дала задний ход, обогнула стул с левой стороны и наконец с торжествующим видом направилась к двери.

Я столь подробно описал этот случай, так как здесь Челестина продемонстрировала, что она в полной мере обладает тремя важными качествами: наблюдательностью, памятью, способностью изменять поведение. Первое из них помогло ей понять причины своего поражения; второе — зафиксировать их; наконец, третье позволило ей действовать соответствующим образом на основе накопленного опыта.

Прошло несколько лет, наполненных, по крайней мере для нас, успехами нашей любимой доченьки. Больше всего изумляли меня скромные потребности Челестины в питании. Чем была сыта Челестина? Создание в некотором роде небесное, она питалась пищей ангелов — светом. Когда погода была хорошая, нам было достаточно открыть дверь пристройки, где находился ее верстак, и она сразу же слезала на пол и бежала подставить тело солнечным лучам. Она стояла неподвижно и молча, давая своим аккумуляторам возможность постепенно заряжаться до полного насыщения. Она поглощала свет в течение трех-четырех часов, и во всем ее поведении, в ее позе была какая-то смиренность, благодарность, которая трогала меня до слез. Вы скажете: простое проявление обратного действия, самая обыкновенная и примитивная операция для механизма, работающего по заданной программе. Может, и так. Однако как не увидеть в солнечном свете, к которому так жадно стремилась Челестина, символ того духовного света, что... Ну, ладно, не будем касаться этого вопроса. Если же шел дождь, мы зажигали сильную лампу для киносъемки,

и Челестина питалась не сходя со своего ложа. Странно сказать, она упрямо отказывалась поглощать свет неоновых трубок. Покушав, Челестина пряталась в тень или искала неяркое и спокойное освещение. Наступало время игр и счета.

Я ставил перед ней шахматную доску, и мы играли в шахматы. Челестина была заядлой шахматисткой, способной играть хоть двадцать партий подряд, однако воображение у нее намного уступало памяти. Поэтому она больше следила за тем, чтобы не повторять ходов, ошибочность которых уже доказана, чем дерзала придумывать новые, которые могли бы принести ей победу. Властная и убежденная в своей непогрешимости, она всегда стремилась к выигрышу и не раз, видя, что ей грозит мат, прерывала партию под тем предлогом, что у нее сели аккумуляторы и ей надо посидеть на солнышке, чтобы чуточку подкрепиться.

Помимо шахмат, Челестина была очень сильна в отгадывании ребусов, парад, загадок, решении кроссвордов. Я снабжал ее этим добром, отыскивая его на специально отведенных страницах еженедельных журналов, и она в мгновение ока готовила ответы. Наконец с карандашом и бумагой в руках я подвергал испытанию ее счетные способности, поистине необычайные, которые, можно сказать, росли буквально день ото дня. Когда ей было всего десять лет, Челестина за несколько минут выполняла операции невероятной сложности, которые потребовали бы работы десятка математиков моего класса на протяжении нескольких месяцев. Вот так, за шахматами, разгадкой ребусов и упражнениями в счете, летело время. И в этой атмосфере духовной близости и тесной дружбы — счастливой, увлеченной, отключившейся от всего окружающего — прошло несколько лет.

Но всему на этом свете — увы! — приходит конец.

С превращением из ребенка во взрослую девушку у Челестины изменился характер. Бедняжка Челестина, природа заставляла ее страдать, а она не понимала, в чем дело, и мучилась от этого вдвойне. Иногда, возвращаясь вечером из кино, мы заглядывали в ее пристройку, чтобы поцеловать ее, как обычно, и пожелать доброй ночи, но находили верстак пустым. Тогда мы отправлялись на поиски Челестины; искали ее в доме, в саду — повсюду и наконец находили: она сидела на вершине холма, погруженная в созерцание раскинувшейся внизу равнины, залитой тихим, серебристым лунным светом. Или она вдруг начала доставлять нам неприятности, упрямиться и вести себя непонятным образом: по четыре-пять дней не питалась, избегала света, прячась по темным углам, грустная и нелюдимая, как таракан. В это время она проигрывала в шахматы, не могла справиться с решением ребусов и даже допускала грубые ошибки в счете. Но главное, — и это было самым зловещим симптомом — Челестина не замечала собственных ошибок, не исправляла их, не запоминала. Больше того, она все чаще и чаще их повторяла, тупо и упрямо. Похожая, слишком похожая на человека, Челестина, впав в какое-то необъяснимое отчаяние, утратила способность к запоминанию.

Тут в дело вмешалась моя жена. Как математик я был склонен объяснить угасание Челестины какой-нибудь ошибкой в конструкции, а вот жена как психолог сразу же обнаружила причину ее болезненного состояния. После тщетных попыток преодолеть психическую заторможенность Челестины при помощи толчков и ударов кулаком, как мы это часто делаем с обычными телефонами-автоматами, жена заперлась с ней в пристройке и долго задавала ей разные вопросы. Потом она вышла оттуда и сообщила мне о своем неожиданном открытии: у Челестины не в порядке нервы, и причина ее невроза — ярко выра-

женный эротический случай. Другими словами, пусть совершенно невинно и бессознательно, Челестина была влюблена в меня, своего отца.

— Ваша чрезмерная дружба и духовная близость в течение долгих лет,— заключила моя жена,— неминуемо привели к этому. Я должна была это предвидеть. Но ничего не поделаешь, теперь надо как можно скорее постараться исправить ошибку.

Я спросил, что же, по ее мнению, нам нужно делать. Она ответила:

— Найти ей мужа, сейчас же, для того чтобы она тебя позабыла и больше о тебе не думала.

Легко сказать — найти Челестине мужа. Это оказалось не так-то просто. Челестина была, как говорится, не кто попало: она выросла в культурной среде, при родителях не только образованных, но занимающих в научном мире довольно высокое положение, состоятельных, чтобы не сказать богатых, привыкла к утонченной жизни, муж ей нужен был такой, чтобы ни в чем не уступал ей или даже превосходил ее.

После долгих поисков и дискуссий мы пришли к выводу, что в Италии, стране отсталой в области кибернетики, нет ни одного претендента, достойного Челестины. Тогда мы стали искать в других странах, прежде всего в Америке, и наконец нашли жениха, отвечавшего нашим требованиям. Его звали Титак, и жил он в Чикаго, где родился и вырос. Я ограничусь тем, что сообщу некоторые данные, на основании которых вы сами сможете судить, насколько это был подходящий парень: длина двенадцать метров, высота два метра, семнадцать тысяч разных ламп, четыреста метров проводов, общая занимаемая площадь — двести квадратных метров. Я сказал жене:

— Какие уж тут неврозы. Вот увидишь, едва только

Челестина встретится с этим американским юношей, всю ее грусть и тоску сразу как рукой снимет.

Тут же я написал его отцу, весьма известному ученому, приложив к предложению о браке все необходимые технические сведения, и очень быстро получил ответ: они ждут Челестину; Титак, как только увидел ее фотографию, немедленно в нее влюбился. Однако, учитывая огромный вес и чрезвычайно сложное устройство жениха, отец Титака считал, что приехать в Америку должна Челестина: она много легче, меньше, проще по конструкции. Я в ответ сообщил, что нахожу это совершенно справедливым, и заказал местному плотнику большой ящик, выложенный внутри матрацами, чтобы поместить в него Челестину. Но тут произошла катастрофа.

Челестина исчезла. Оцинкованный верстак был пуст, пуста пристройка, никаких следов ни в доме, ни в саду, ни в окрестных полях. Или, точнее сказать, след был — единственный, но весьма красноречивый: одновременное исчезновение нашего изношенного, устаревшего электронагревателя из ванной. Так наконец перед нами постепенно открывалась страшная правда: Челестина за нашей спиной завела шапши с нагревателем — типом весьма горячим и способным чрезмерно распалиться. Увидев, что я собираюсь выдать ее за Титака, она бежала с любовником.

Последствия этого, как нетрудно себе представить, были самые печальные: унижительный разрыв помолвки с Титаксом; скандал в газетах, которые не известно как обо всем пронюхали; полные волнений поиски Челестины. Наша дочь была уже совершеннолетняя, и поэтому мы не могли подать в суд на нагреватель за соращение и похищение малолетней, как намеревались сделать сначала. Мы ограничились поисками сбежавших любовников и наконец отыскиали их в таком месте, которое достаточно хорошо, но — увы — не очень лестно характеризует психологию

нынешней молодежи. В самом деле, мы нашли парочку не в каком-нибудь красивом уголке, не на море и не в горах, а на мрачном кладбище брошенных автомобилей, в двух шагах от Рима, на Кассиевой дороге.

Но предоставим слово сторожу этой свалки, человеку, может быть, простому и необразованному, но честному:

— Да будет вам известно, что они бежали вместе, он ее похитил, а она была невестой другого. Они очень любили друг друга, пришли сюда и спрятались вот тут — среди этого железного лома. Но он себя уже скверно чувствовал: ведь он стар, у него было болезней без счета. Одним словом, он заржавел, весь развалился и в конце концов совсем слег. Его разобрали на части, унесли все годные детали, оставили один каркас. Что касается ее, то она, по-моему, уже давно была в положении, может быть, из-за этого она и убежала из дому. Она принесла в подоле чудище, которое, родившись без аккумуляторов, не могло питаться светом и почти сразу же умерло. Вы не поверите: смерть любовника и ребенка не произвела на нее никакого впечатления. Она тут же пустилась во все тяжкие, просто стыдно об этом говорить, особенно если подумать, что это девушка, получившая хорошее воспитание. Вы видите вверху поворот шоссе? Так вот, там она останавливала проходящие машины, когда водители на повороте замедляли ход и переключали скорость. Ах, дорогой синьор, теперь у молодежи нет ничего святого...

Ну, хватит об этом. Мы с женой взяли Челестину, отвезли ее домой, положили на оцинкованный верстак, поработали над ней два или три месяца. Но результат наших трудов был довольно неожиданный и поставил нас в тупик: Челестина вновь обрела все свои счетные и мнемонические таланты, но утратила — или по крайней мере так нам казалось — моторные способности. Она не сходит с

верстака, питается одним только искусственным светом, потеряла всякий интерес к внешнему миру. Настолько, что я в конце концов отвинтил у нее колеса, ставшие теперь совершенно ненужными, превратив ее, в сущности, лишь в мыслящий организм. А кроме того, кто может поручиться: у нас теперь в ванной новый электронагреватель — самого современного типа, молодой и чувствительный. Мне не хотелось бы, чтобы в один прекрасный день Челестина, когда никого не будет дома, пошла бы к нему и опять потеряла голову.

НЕСОКРУШИМАЯ ЛОГИКА

Мистеру Бэйнбриджу было тридцать восемь, когда на его жизненном пути оказалась шестерка шимпанзе. Он был холостяком и жил в отдаленном районе Коннектикута, в большом комфортабельном старом доме с подъездной аллеей, оранжереей, теннисным кортом и хорошо подобранной библиотекой. У него была недвижимость в Нью-Йорке, обеспечивавшая ему надежный доход, которым мистер Бэйнбридж распоряжался столь рассудительно, что это ни у кого не вызывало нареканий. Каждый год, в конце апреля, он заново покрывал дерном теннисный корт, после чего кортом могли пользоваться все соседи; каждый месяц выписывал книг не меньше чем на семьдесят пять долларов; каждые три года, в ноябре, он менял свой старый кадиллак на новый; некрепкие и недорогие сигары мистер Бэйнбридж заказывал в Гаване по тысяче штук сразу; из-за международной напряженности он решил отказаться от поездки за границу, а деньги, предназначавшиеся было для этой цели, по зрелом размышлении решил истратить на вина, которые, казалось, должны были все более расти в цене, если война еще продлится. В общем мистер Бэйнбридж сознательно и довольно успешно строил свою жизнь по образу и подобию жизни английского эсквайра конца XVIII века, джентльмена, интересовавшегося искусством и развитием науки и настолько уверенного в себе, что ему не было дела до тех, кто считал его эксцентричным.

У мистера Бэйнбриджа было много друзей в Нью-Йорке. Он приезжал туда каждый месяц, останавливался в своем клубе и присматривался ко всему. Иногда он зво-

нил какой-нибудь приятельнице и приглашал ее в театр и потом в ночной клуб. Иногда встречался с школьными друзьями; они выпивали на радостях и ехали смотреть бокс. Время от времени мистер Бэйнбридж заглядывал и в картинные галереи, где выставлялись академические картины, и любил изредка сходить в концерт. В то же время ему нравились и вечеринки с коктейлями — светская болтовня и множество хорошеньких девушек, которые не знают, как убить остаток вечера. Именно на такой вечеринке Бэйнбридж впервые столкнулся с судьбой.

Как-то на коктейле у Хоби Пакарда, биржевого маклера, он услышал о проблеме шести шимпанзе.

Шел седьмой час. Те, кто собирался выпить бокал и уйти, уже ушли, а те, кто хотел остаться до конца, подкреплялись не очень свежими бутербродами и оживленно болтали. В одном углу устроились парни с радио и актеры. Там горячо обсуждали, какими методами можно обмануть сборщика налогов. В другом углу группа биржевых маклеров болтала о самом великом из них — Гогене. Малышка Марция Люптон сидела с каким-то молодым человеком и очень искренне говорила ему:

— Сказать вам, чего мне больше всего хотелось бы добиться в жизни? Я хотела бы быть самой собой.

И Бэйнбридж тихо улыбнулся, вспомнив времена, когда Марция то же самое говорила ему. Вдруг до его ушей донесся голос Бернарда Вейса, критика:

— Да, он написал один хороший роман. Это не удивительно. В конце концов, известно, что если усадить шесть шимпанзе за шесть пишущих машинок и они станут наобум колотить по клавишам, то через миллион лет они напишут все книги, которые имеются в Британском музее.

Мистер Бэйнбридж подошел к Вейсу, познакомился с его собеседником — неким Ноблом.

— Что это вы тут говорили о миллионе шимпанзе, Вейс? — спросил он.

— Шесть шимпанзе, — поправил Вейс. — Это известный математический пример. В школе всегда о нем говорят. Теория вероятностей. Шестерка шимпанзе, колотящих по клавишам, неизбежно должна напечатать все книги, когда-либо написанные людьми. Ведь на свете существует ограниченное количество сочетаний букв и цифр, и обезьяны рано или поздно воспроизведут все сочетания. Понятно? Конечно, они выдадут кучу чепухи, но при этом напечатают и книги. Все книги из библиотеки Британского музея.

Мистер Бэйнбридж наслаждался. Именно ради таких разговоров он и приезжал в Нью-Йорк.

— Ну, послушайте, — сказал он, только чтобы поддержать дурашливый разговор. — А что, если один из шимпанзе в конце концов точно воспроизведет какую-нибудь книгу, а последнюю фразу в ней не напечатает. Это в счет или нет?

— Я думаю — нет. Возможно, шимпанзе еще раз напишет эту книгу, только целиком, и вставит это предложение.

— Чепуха, — не выдержал Нобл.

— Может быть, и чепуха, но Джеймс Джинс верит в нее, — с раздражением сказал Вейс. — Джинс* и Ланселот Хогбен**. Я совсем недавно где-то прочел об этом.

Это произвело впечатление на мистера Бэйнбриджа. Он читал довольно много научно-популярной литературы — и Джинс, и Хогбен были в его библиотеке.

---

* Джинс, Джеймс (1877—1946) — английский физик, астроном и математик, популяризатор науки. — *Прим. перев.*

** Хогбен, Ланселот (род. в 1895 г.) — английский ученый-популяризатор, преподаватель естественной истории и биологии. — *Прим. перев.*

— Вот оно что, — пробормотал Бэйнбридж, оставив шутливый тон. — А любопытно, кто-нибудь уже проверил это? Ну, я хочу сказать, пробовал кто-нибудь взять шесть обезьян, дать им по машинке и обеспечить неограниченным количеством бумаги?

Мистер Вейс бросил взгляд на пустой бокал в руках Бэйнбриджа и сухо сказал:

— Маловероятно...

Месяца два спустя, зимним вечером, Бэйнбридж сидел в своем кабинете с одним из друзей — Джеймсом Мэллардом, старшим преподавателем математики в Нью-Хэвенском университете. Явно нервничая, он наполнил свой стакан и обратился к Мэлларду:

— Я просил вас заехать ко мне, Мэллард... Вам брэнди? Сигару?.. Да, так я просил вас заехать в связи с некоторыми обстоятельствами. Если помните, я писал вам недавно и спрашивал ваше мнение об одной математической гипотезе.

— Конечно, — деловито подтвердил Мэллард. — Прекрасно помню. Шесть шимпанзе и Британский музей. Я ответил тогда, что это вполне популярная иллюстрация научного принципа, известного каждому школьнику, который изучал теорию вероятностей.

— Вот именно. Так видите ли, Мэллард, я решился... Мне было не так уж трудно, поскольку, что бы там, в Белом доме, ни придумывали, я еще в состоянии немного помогать каждый год Музею естественной истории, ну, и там, конечно, всегда рады оказать мне услугу... В конце концов, единственное, чем непосвященный может помочь развитию науки, — это скучным, но необходимым экспериментаторством... Короче говоря, я...

— Короче говоря, вы хотите сказать, что добыли шесть шимпанзе и засадили их за работу, чтобы посмотреть, на-

пишут ли они в конце концов все книги Британского музея. Так?

— Именно так,— подтвердил Бэйнбридж.— До чего же вы сообразительны, Мэллард. Шестерка отличных молодых самцов, в превосходном состоянии. Я им выстроил,— ну, общежитие, что ли, во дворе за конюшней. Машинки стоят в оранжерее. Там много света и воздуха, а большую часть растений я велел вынести. Мистер Норт, владелец цирка, весьма любезно позволил мне нанять одного из своих лучших дрессировщиков. Право же, это было не так трудно.

Профессор Мэллард снисходительно улыбнулся.

— В конце концов, мне уже приходилось слышать нечто подобное,— сказал он.— Мне помнится, что кто-то в каком-то университете заставил студентов кидать монетки, чтобы проверить, поровну ли выпадают орел и решка. Оказалось, что поровну.

Бэйнбридж как-то очень странно посмотрел на своего друга.

— Итак, вы верите, что любой из принципов теории вероятностей может быть подтвержден экспериментально.

— Конечно!

— Взгляните тогда лучше сами.

Мистер Бэйнбридж повел профессора Мэлларда вниз по лестнице, по коридору и через заброшенную музыкальную комнату — в обширную оранжерею. Середина помещения была очищена от растений, и там рядом стояло шесть специальных столов и на каждом — накрытая чехлом машинка. Слева от каждой машинки лежала аккуратная стопка желтоватой бумаги. Под каждым столом — пустая корзина для бумаг. Стулья — жесткие, с пружинными спинками, того типа, который предпочитают опытные стенографистки. В одном углу висела большая гроздь спелых бананов, в другом стоял «грейт бар» — прибор для охлаждения воды и подставка с бумажными стаканчиками. На

импровизированной полке расположились в ряд шесть стопок отпечатанного текста, каждая около фута толщиной. Бэйнбридж не без усилия поднял одну из стопок и положил ее перед профессором Мэллардом.

— Результат деятельности шимпанзе А, которого мы зовем Биллом,— сказал он просто.

«Оливер Твист», сочинение Чарльза Диккенса, — увидел профессор Мэллард. Он прочитал первую страницу рукописи. Потом вторую. Потом лихорадочно перелистал ее до конца.

— Вы хотите сказать,— спросил он,— что этот шимпанзе написал...

— Слово в слово и запятая в запятую,— ответил Бэйнбридж.— Янг, мой дворецкий, и я сверили ее с изданием, которое есть в моей библиотеке. Как только Билл кончил, он сразу начал печатать социологические труды итальянца Вильфредо Парето. Если он и дальше будет работать в таком темпе, к концу месяца закончит и это.

— И все шимпанзе...— с трудом произнес побледневший профессор Мэллард.— И все они...

— О да, все они пишут книги, которые, по моим расчетам, должны быть в Британском музее. Проза Джона Донна, кое-что из Анатоля Франса, Конан Дойль, Гален, избранные пьесы Сомерсета Моэма, Марсель Пруст, мемуары покойной Марии Румынской и еще монография какого-доктора Вилея о болотных травах Мэна и Массачусетса. Я могу подвести итог, Мэллард: с тех пор как четыре недели назад я начал этот эксперимент, ни один из шимпанзе не испортил ни одного листа бумаги.

Профессор Мэллард выпрямился, стер пот со лба и глотнул воздуха.

— Прощу прощения за слабость,— произнес он.— Эксперимент просто потряс меня своей неожиданностью. Конечно, если посмотреть на него с научной точки зрения,—

надеюсь, что я не совсем лишен этой способности, — ничего поразительного в такой ситуации нет. Данные шимпанзе или несколько поколений подобных групп шимпанзе за миллион лет напишут все книги из Британского музея. Я уже говорил вам об этом и верил в свои слова. Почему же моя уверенность должна пошатнуться из-за того, что они напечатали некоторые из книг в самом начале? В конце концов, я бы ничуть не удивился, если бы раз сто подбросил монету и она каждый раз падала бы орлом. Я знаю, если бы это длилось достаточно долго, пропорция сократилась бы точно до пятидесяти процентов. Будьте уверены, скоро шимпанзе начнут сочинять чепуху. Это непременно случится. Так утверждает наука. Я советую вам до поры до времени держать эксперимент в тайне. Несведущие люди создадут сенсацию, если узнают об этом.

— Я так и сделаю, конечно, — промолвил Бэйнбридж. — И я вам чрезвычайно благодарен за ваш научный анализ. Это меня успокаивает. А сейчас, до того как вы уедете, вы должны непременно послушать новые пластинки Шнабеля, которые я сегодня получил.

Следующие три месяца профессор Мэллард повадился звонить Бэйнбриджу каждую пятницу в пять тридцать пополудни, как только выходил из аудитории, где вел семинар. Профессор обычно спрашивал:

— Ну, как дела?

Бэйнбридж обычно отвечал:

— Они все продолжают, Мэллард. Еще не испортили ни одного листа.

Если мистер Бэйнбридж в пятницу после обеда не бывал дома, он оставлял дворецкому записку и дворецкий читал профессору Мэлларду:

— Мистер Бэйнбридж говорит, сэр, что мы сейчас печатаем «Жизнь Маколея» Тревелияна, «Исповедь св. Августина», «Ярмарку тщеславия», частично ирвинговскую

«Жизнь Джорджа Вашингтона», Книгу Мертвых и некоторые парламентские речи против Кукурузного закона.

Профессор Мэллард отвечал с некоторой запальчивостью:

— Скажите ему, чтобы он не забывал моего предсказания.

И швырял трубку.

Когда профессор Мэллард позвонил в одиннадцатый раз, Бэйнбридж сказал:

— Никаких перемен. Мне приходится складывать рукописи уже в подвал. Я бы их сжег, но они, может быть, представляют какую-то научную ценность.

— И вы еще осмеливаетесь говорить о научной ценности? — прорычал в трубке далекий голос из Нью-Хэвена. — Научная ценность! Вы... вы... сами вы шимпанзе!

Дальше последовало бессвязное клокотание, и Бэйнбридж, обеспокоенный, повесил трубку.

— Боюсь, что Мэллард переутомляется, — пробормотал он.

Однако на следующий день он был приятно удивлен. Он перелистывал рукопись, которую вчера завершил шимпанзе Д. Корки. Это был полный текст дневников Самуэля Пеписа, и Бэйнбридж как раз подхихикивал над смачными местами, которые были опущены в имевшемся у него издании, когда в комнату провели профессора Мэлларда.

— Я приехал извиниться за свою ужасную вчерашнюю выходку по телефону, — произнес профессор.

— Забудьте об этом, пожалуйста. Я же знаю, у вас много забот, — ответил Бэйнбридж. — Хотите выпить?

— Виски, пожалуйста. И побольше. Без содовой, — ответил профессор Мэллард. — Замерз в машине, пока ехал сюда. Ничего нового, я полагаю?

— Нет, ничего. Шимпанзе Ф. Динти сейчас кончает

печатать Монтеня в переводе Джона Флорио. Больше ничего интересного.

Профессор Мэллард расправил плечи и одним чудовищным глотком проглотил содержимое своего бокала.

— Мне бы хотелось посмотреть на них за работой,— сказал он.— Как вы думаете, я им не помешаю?

— Ничуть. Собственно говоря, я сам в это время заглядываю к ним. Динти, вероятно, уже кончил своего Монтеня, и всегда интересно смотреть, как они начинают новое произведение. Мне казалось, что они должны бы продолжать на том же самом листе бумаги, но знаете, они никогда не делают этого. Всегда новый лист и название заглавными буквами.

Профессор Мэллард налил себе без спросу еще бокал и осушил залпом.

— Проводите меня,— бросил он.

В оранжерее было уже темновато, и шимпанзе печатали при свете настольных ламп, повернутых к столам. В углу, развалившись, сидел смотритель, жевал банан и читал журнал.

— Вы можете отдохнуть,— сказал Бэйнбридж.

Смотритель ушел.

Профессор Мэллард так и не снял пальто; он стоял, засунув руки в карманы, и глядел на деловитых шимпанзе.

— Не знаю, известно ли вам, Бэйнбридж, что в теории вероятностей учтено решительно все,— он произнес эти слова со странной напряженностью в голосе.— Конечно, невероятно, что шимпанзе пишут книгу за книгой без единой пометки, но эту аномалию можно исправить вот... вот чем! Этим!

Он выдернул руки из карманов, и в каждой оказалось по револьверу 38-го калибра.

— Убирайтесь в безопасное место! — крикнул он.

— Мэллард, стойте!

Сначала рывкнул револьвер в правой руке, потом в левой и опять в правой. Два шимпанзе упали, а третий, спотыкаясь, побежал в угол. Бэйнбридж схватил своего друга за руку и вырвал один револьвер.

— Остановитесь, Мэллард! Я теперь тоже вооружен! — закричал он.

Вместо ответа профессор Мэллард прицелился в шимпанзе Е и застрелил его. Бэйнбридж рванулся вперед, и профессор Мэллард выстрелил в него. В предсмертной агонии Бэйнбридж нажал курок. Раздался выстрел, и профессор Мэллард упал. Затем, чуть приподнявшись, он выстрелил в двух шимпанзе, что еще оставались невредимыми, и рухнул вниз.

Никто не услышал его последних слов.

— Человеческое уравнение... всегда враг науки, — задыхаясь, бормотал он, — на этот раз... наоборот... Я, простой смертный... спаситель науки... Заслуживаю Нобелевскую...

Когда старик дворецкий прибежал в оранжерею, его глазам предстала поистине ужасная картина: настольные лампы были разбиты вдребезги, и только свет молодой луны падал из окон на трупы двух джентльменов, сжимающих дымящиеся револьверы. Пять шимпанзе были мертвы. Шестым был шимпанзе Ф. Его правая рука была искалечена, он истекал кровью, но все же с трудом взобрался на стул перед своей машинкой. Мучительно напрягаясь, он левой рукой вынул из машинки последнюю страницу Монтеня в переводе Флорио. Поискав чистый лист, он вставил его и напечатал одним пальцем: ГАРРИЭТ БИЧЕР СТОУ, «ХИЖИНА ДЯДИ ТОМА». Гла...

И умер.

«МИМЕТЕ»

Больше всего я боялся, что трехмерный дубликатор «Мимете» попадет в руки Джилиберто. И так оно и случилось.

Ровно через месяц после того, как аппарат поступил в продажу, и за три месяца до запрещения применять его Джилиберто стал владельцем одной из самых последних моделей.

Джилиберто — типичный сын своего времени. Ему тридцать четыре года, он отличный служащий и мой старый друг. Он не курит, не пьет, у него лишь одна-единственная страсть — терзать неодушевленные предметы. В темной комнатухе, которую он торжественно именует мастерской, Джилиберто пилит, точит, паяет, клеит, полирует. Он чинит часы, холодильники, электробритвы, изобретает приспособления для включения по утрам термосифонов, фотоэлектрические замки, акустические морские зонды. Ни одна машина не продержалась у него больше двух-трех месяцев. Он их беспрестанно смазывает, перекрашивает, разбирает и собирает, видоизменяет и дополняет. Потом это ему надоедает и очередная машина идет на продажу. Его жена Эмма переносит его причуды с удивительным спокойствием и долготерпением.

Однажды, когда я вернулся после шестимесячного отсутствия, у меня зазвонил телефон. Я услышал в трубке голос Джилиберто. Как всегда, он был полон энтузиазма. Вот уже двадцать дней, как он стал обладателем «Мимете» и сейчас, захлебываясь от восторга, рассказывал о своих опытах и открытиях. У него уже родилась тьма всяких прожектов. Он обзавелся книгой Пельтье «Общая теория

имитации», трактатом Цехмейстера и Айзенлора «The Mimes and Other Duplicating Devices» * и тут же записался на ускоренные курсы кибернетики и электроники. Увы, его опыты очень походили на мои, а, как вы знаете, мне, изобретателю «Мимете», они обошлись в полгода тюрьмы. Я попытался отговорить Джилиберто, но вскоре понял, что только зря трачу время. Бесполезно спорить с человеком по телефону, тем более с Джилиберто. В конце концов я просто повесил трубку и принялся за работу.

Через два дня новый звонок. На этот раз в голосе Джилиберто, кроме восторга, звучала и гордость изобретателя.

— Мне необходимо сейчас же повидаться с тобой.

— Что случилось, Джилиберто?

— Я продублировал свою жену.

Через два часа я был у него, и друг рассказал мне о своем нелепом подвиге. Купив «Мимете», он сначала, как и все начинающие, воспроизвел яйцо, пачку сигарет, книгу. Потом все это ему надоело, он отнес «Мимете» в собственную мастерскую и там разобрал до последнего винтика. Всю ночь он просидел над своими книгами и трактатами и наконец пришел к выводу, что превратить литровую модель «Мимете» в более крупную не составит особого труда. Недолго думая он выписал двести фунтов вещества пабулум, купил стальные листы, профильное железо и обливку и после семи дней работы добился желаемого результата. Он сконструировал своего рода искусственное легкое, модифицировал таймер-ускоритель «Мимете» и соединил таймер с искусственным легким, а также с контейнером пабулума.

Таков Джилиберто — маленький прометей зла, опасный, обуянный непомерной гордыней человек. Нет, он не только сын своего времени, но и подлинно символическая

---

* «Мимы и прочие механизмы для дублирования» (англ.).

фигура. Я уверен — только дай ему волю, и он способен сбросить атомную бомбу на Милан, чтобы «посмотреть», что из этого выйдет».

Насколько я понял, вначале у Джилиберто не было мысли продублировать жену — просто ему хотелось сделать своими руками более крупный «Мимете». Дурацкая идея продублировать жену родилась у него, когда он случайно взглянул на Эмму, мирно спавшую в постели. Осуществить столь странный замысел оказалось делом не таким уж сложным. Джилиберто отличается большой физической силой и упорством. Он столь осторожно, бережно опустил матрац со спавшей на нем Эммой в ящик дубликатора, что та даже не проснулась. Через час все было кончено.

Я так и не понял хорошенько причину, заставившую Джилиберто продублировать жену в нарушение всех законов божеских и человеческих. Он рассказал мне с обезоруживающей наивностью, что был безумно влюблен в Эмму, не мог без нее жить и поэтому решил, что верхом счастья было бы иметь две чудесные жены. Возможно, он говорил все это искренне (Джилиберто всегда бывает искренен), и нет никаких сомнений, что он по-своему был влюблен в Эмму и, как ребенок, восхищался ее красотой. Но я убежден, что он продублировал Эмму совсем по другим причинам — из жажды приключений и геростратовского желания «посмотреть, что из этого выйдет».

Я спросил у Джилиберто, а не пришлось ли ему в голову посоветоваться вначале с женой, попросить у нее разрешения на столь необычный эксперимент. Джилиберто покраснел до корней волос. Оказывается, он не только не спросил у Эммы согласия, но даже подмешал ей в питье снотворного, чтобы она крепче спала.

— Ну и каково тебе теперь с двумя женами?

— Они обе еще спят. Завтра видно будет, что и как.

На следующий день, вероятно, ничего особенного не произошло, во всяком случае Джилиберто не позвонил. А потом мне по делам пришлось на две недели уехать из Милана. Я заранее знал, что по возвращении мне придется вызволять Джилиберто из беды, как в тот раз, когда он подарил жене своего начальника оригинальный паровой пылесос, а тот взорвался, причем не на полу, а у нее в руках.

И в самом деле, едва я приехал, меня позвали на семейный совет. Кроме нас с Джилиберто, на нем присутствовали две Эммы. Кстати, у них достало ума надеть «знаки различия». Вторая, незаконная жена, повязала волосы простой белой лентой, что придавало ей монашеский вид. Одета она была в платье Эммы Первой и, по всему судя, это ее ничуть не волновало. Разумеется, продублированная Эмма лицом и зубами, прической, походкой, цветом волос и кожи совершенно походила на «оригинал». Даже голос у нее был таким же мелодичным. Но я заметил, что Эмма Вторая сильно простужена.

Против всяких ожиданий Джилиберто и обе его жены пребывали в отличном расположении духа. Джилиберто был страшно горд, и не столько своим подвигом, сколько тем, что обе Эммы отлично ладили между собой, хотя его заслуги тут не было никакой. Я не мог скрыть своего восхищения ими. Эмма Первая относилась к своей копии с поистине материнской заботливостью.

Эмма Вторая отвечала ей глубоким уважением и дочерней привязанностью.

Эксперимент Джилиберто, с любой точки зрения достойный лишь осуждения, подтверждал, однако, теорию имитации: новая Эмма, произведенная на свет в возрасте двадцати восьми лет, сохранила не только внешность прототипа, но и тот же образ мышления. Эмма Вторая с подкупающей искренностью рассказала мне, что лишь через

три дня после рождения она убедилась, что является первой синтетической женщиной в истории человечества, если, конечно, не считать довольно сходного случая с Евой. Родилась она в состоянии сна, так как «Мимете» продублировал и снотворное, которое текло в венах Эммы Первой. Когда же она пробудилась, то уже знала, что зовется Эмма Пероза Гатти и является уроженкой Мантуи, а также единственной законной женой бухгалтера Джилиберто Гатти. Она отлично помнила все, что отлично помнила Эмма Первая. Например, свадебное путешествие, имена «своих» товарищей по школе, все подробности религиозного кризиса в юности, о котором Эмма Первая не рассказывала ни одной живой душе. Столь же хорошо она помнила, какой восторг и энтузиазм вызвала у Джилиберто покупка «Мимете», и поэтому не особенно удивилась, когда узнала, что своему появлению на свет она обязана глупому капризу мужа. Однако тот факт, что Эмма Вторая успела простудиться, навел меня на мысль о недолговечности абсолютного сходства двух женщин. Даже если Джилиберто проявит себя самым беспристрастным из двоеженцев и ни в чем не будет отдавать предпочтения одной из женщин, раздоры в странной семье возникнут скоро и неизбежно. К тому же ждать от Джилиберто, путаника и эгоиста, полной беспристрастности было бы по меньшей мере глупо. Достаточно было и того, что обе Эммы не могли, скажем, занимать одно и то же пространство, пройти одновременно в узкую дверь, выглянуть в окошко, сидеть на одном стуле. Поэтому их ждали неодинаковые испытания и болезни. С фатальной неизбежностью должно было проявиться вначале умственное, а затем и физическое различие. Сможет ли тогда Джилиберто остаться беспристрастным? Конечно, нет; и сразу же непрочный домик гармонии рухнет.

Я изложил Джилиберто свои доводы и попытался убе-

дить его, что речь идет не о грустном пророчестве, а о бесспорном факте, логичном и неопровержимом, как теорема Пифагора.

Я обратил внимание друга и на то, что его правовое положение более чем двусмысленное. Он состоит в браке с Эммой Пероза; его вторая жена тоже Эмма Пероза, таким образом, налицо две Эммы. Однако Джилиберто не принял моих доводов всерьез. Он пребывал в самом восторженном состоянии духа и явно думал о другом, беспрестанно переводя взгляд с Эммы Первой на Эмму Вторую, которые шутиливо пререкались, кому из них сидеть в любимом кресле.

В конце вечера он вдруг поведал мне о блестящей идее — они втроем скоро отправятся путешествовать по Испании.

— Я все предусмотрел, — сказал он. — Эмма Первая заявит, что потеряла паспорт, и ей выдадут дубликат, который она предъявит полиции. Хотя — какой же я глупец! Я сам сделаю дубликат, сегодня же вечером с помощью «Мимете».

Джилиберто был очень горд своей находчивостью. Я даже думаю, что он нарочно выбрал именно Испанию: ведь там проверка документов на границе отличается особой строгостью.

Когда они через два месяца вернулись из путешествия, я сразу понял, что многое изменилось. Отношения между Джилиберто и его двумя женами оставались корректными, но нельзя было не заметить определенной нервозности и натянутости.

На этот раз Джилиберто сам пришел ко мне. От его прежней восторженности не осталось и следа. Он рассказал мне обо всем, что произошло за это время, хотя его бессвязные и отрывистые фразы трудно даже назвать рассказом. Насколько хорошо и наглядно Джилиберто умеет начертить сложную схему даже на спичечном коробке,

настолько неумело и туманно выражает он свои чувства. Путешествие оказалось занимательным и одновременно утомительным. В Севилью они добрались после целого дня хождений по музеям и церквям, у всех нервы были напряжены, и, естественно, между двумя женщинами начался спор. Они могли не соглашаться по одному-единственному вопросу — законно или незаконно появление на свет Эммы Второй, и как раз из-за этого и возникла ссора. Эмма Вторая утверждала, что Джилиберто имел право так поступить, а Эмма Первая промолчала. И ее молчание переполюпило чашу терпения моего друга. С этой минуты он все чаще стал отдавать предпочтение Эмме Второй, а в отношении Эммы Первой его смущение и чувство неловкости росли день ото дня. Разрыв еще не произошел, но Джилиберто сознавал, что он неотвратимо приближается.

В характере и настроении обеих женщин тоже появились различия. Эмма Вторая становилась все более молодой, живой и энергичной, а Эмма Первая все чаще уходила в себя, замыкалась в оскорбленном молчании.

«Что мне делать?» — горестно вопрошал Джилиберто. Я посоветовал ему не принимать поспешных решений и пообещал что-нибудь придумать. Про себя же я решил не вмешиваться в это запутанное дело. Должен признаться, в глубине души я испытывал полное удовлетворение от того, что мои мрачные предсказания сбылись.

Понятно, я никак не ожидал месяц спустя увидеть в моем кабинете веселого и радостного Джилиберто. Он был в превосходном настроении, громко шутил и смеялся. Без долгих предисловий он с присущим ему эгоцентризмом перешел к делу. Я был занят, но Джилиберто это не смутило. Все, что интересно и приятно для него, интересно и для остальных. Он органически не способен думать о других,

но очень удивляется и обижается, когда другие не думают о нем.

— Джилиберто парень что надо,— объявил он.— В два счета все уладил.

— Очень рад; ты всегда отличался скромностью. Так или иначе тебе давно пора было взяться за ум.

— Э, да ты меня не понял. Я не о себе говорю, а о Джилиберто Первом. Это он молодец! Честно говоря, я мало чем ему уступаю, но в этом случае моей заслуги нет никакой. Ведь я существую всего лишь с прошлого воскресенья. Теперь все в полном порядке. Мне остается только узаконить мои отношения с Эммой Второй. Скорее всего нам придется прибегнуть к небольшому трюку — формально вступить в брак. Как ты сам понимаешь, это не предопределяет окончательный выбор. И потом, мне необходимо найти работу. Но я думаю, что фирма НАТКА возьмет меня к себе на службу. Ведь я буду живой рекламной ее продукцией.

31 ИЮНЯ

Повесть о верной любви, предприимчивости и прогрессе в век короля Артура и век атома.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Принцесса Мелисента и волшебное зеркало

В Лунный день, 31 июня, в Перадоре выдалось ясное летнее утро — как раз такое, какие всем нам помнятся по далеким прежним годам, но с тех пор как будто не повторялись ни разу. Крошечное королевство, одно из вассальных владений великого короля Артура, чья резиденция была в Камелоте, зевая, просыпалось в дымном золоте утра. По той прискорбной причине, что Артуровой Англии прогресс был неведом, все вокруг жили очень мирно и тихо: нигде не сносили старинных зданий, чтобы расчистить участки для контор и административных корпусов, никто не старался съесть живьем конкурента, ни один из подданных короля Мелиота не наживал себе язвы или нервного расстройства из-за трудностей с транспортом и служащие не втискивались в мчащиеся под землей поезда. Поскольку об экономике тогда еще понятия не имели, Перадор не строил безнадежных планов превышения вывоза над ввозом. Собственно говоря, там вообще не занимались планированием, если только не считать планом обеденное меню.

Западную башню замка короля Мелиота занимала его

единственная дочь и наследница принцесса Мелисента со своими двумя молоденькими фрейлинами и прислугой. В главном покое — Ковровой зале — сидел музыкант принцессы, молодой человек по имени Лэмисон, и лениво перебирал струны лютни. Это был один из тех чахлах, угрюмых и вечно надутых молодых людей, которые весьма собою довольны без всяких на то оснований — он даже не умел мало-мальски прилично играть на лютне. Его треньканье было прервано появлением двух фрейлин — леди Нинет и благородной Элисон.

У Нинет были темно-рыжие волосы, зеленые глаза, прелестная фигура и мерзкий характер. Элисон была меньше и мягче — хорошенькая, тихая, словно мышка, девушка, какие никогда не переводились в Англии со времен короля Артура до наших дней. Несмотря на ранний час, обе девушки уже скучали, и потому у Нинет был вид вызывающий и раздраженный, а у Элисон — задумчивый и понурый.

Нинет незамедлительно набросилась на Лэмисона:

— Ах, да перестаньте вы! Опять это старье! Надоело! Неужели вы не знаете ничего другого?

Элисон ограничилась мягким упреком:

— Ведь вы обещали выучить песню «Черный рыцарь взял мое сердце в полон», — сказала она.

Лэмисон пробурчал что-то невнятное и перестал играть, но не двинулся с места, ожидая появления принцессы Мелисенты. Девушки больше не обращали на него ни малейшего внимания, они стояли рядышком и перешептывались.

— Если Мелисента принесет волшебное зеркало, — сказала Нинет, — я попрошу разрешения заглянуть в него.

— Ах... Нинет... неужели ты отважишься?

— Конечно! Ведь зеркало не ее, и она вот-вот должна вернуть его тому волшебнику, может, даже сегодня утром. А если она кого-то в нем увидела, то, может, и я увижу.

— Опять, наверно, нас усадят за вышивание, — вздохнула Элисон. — И у меня разболится голова. Почему это у нас в Перадоре не бывает никаких событий? Моя двоюродная сестра Элайн дивно проводит время в Камелоте. Искусные чародеи, тут же под боком два великана и дракон, целых четыре заколдованных замка, на каждом шагу рыцари Круглого стола: только и ищут, кого бы спасти, что ни вечер — гости, приемы... — Она снова вздохнула.

Нинет фыркнула.

— Что толку попусту вздыхать! Надо самим позаботиться, чтобы случались всякие события!

— Только не с моим добродетельным нравом, — грустно промолвила Элисон.

— Ну, а я, слава богу, — безнравственна, — сказала Нинет, и ее зеленые глаза заблестели. — Пусть только случай представится или хоть полслучая — уж я позабочусь о том, чтобы события у нас были! Вот увидишь!

Поспешно вошла принцесса Мелисента, на ходу протирая шелковой тряпицей волшебное зеркало — около восемнадцати дюймов в длину и столько же в ширину, — сделанное из блестящего металла и оправленное в темную деревянную раму. У принцессы были золотистые волосы и большие серые глаза, и вообще она была очаровательна, но в то утро она рассталась со своей обычной дремотной и улыбчивой безмятежностью и вид у нее был совсем хмурый.

— Я просто вне себя! — объявила она. — Все утро смотрю, смотрю, а его нет и нет. Но я уверена, что он по-прежнему обо мне думает. Я чувствую, что думает! Видно, чары не действуют.

— Может быть, если я попытаюсь... — начала Нинет.

— Ни в коем случае! Магистр Мальгрим, волшебник, дал мне зеркало только на время. — Тут она заметила музыканта. — Идите, Лэмисон. Нынче утром музыки не

будет. Мы не в духе. — Она умолкла, выжидая, пока он выйдет. — Нет, это меня с ума сводит! Неужели я больше его не увижу? Какой сегодня день?

— Лунный день, тридцать первое июня, — сказала Элисон. — И погода чудесная. Мы не выйдем погулять?

— Нет, отец желает говорить со мною. Придется сесть за вышивание.

Обернувшись к Элисон, Нинет скорчила недовольную гримаску.

— Ах нет, Мелисента, пожалуйста, подождите. Вы ведь нам еще не рассказали, как был одет этот рыцарь.

— Да право не знаю, — начала принцесса задумчиво и доверительно, — кажется, на нем была белая рубашка, а поверх — желтый камзол или что-то в этом роде. И потом, мне кажется, что он не рыцарь. И даже не оруженосец. Наверное, какой-нибудь художник. — Она помедлила, потом, решившись, сказала еще более доверительно: — А вот это уже тайна: его зовут Сэм.

— Сэм? — в один голос воскликнули Нинет и Элисон.

— Сэм, — повторила принцесса с нескрываемым удовольствием. — Правда, миленькое имя? И еще про одну вещь я вам не рассказала — он умеет выдувать дым изо рта.

— Как дракон? — спросила пораженная Элисон.

— Совсем не как дракон. У него это получается не свирепо, а очень мило!

— Может, он волшебник? — предположила Нинет.

Это задело принцессу.

— Вот еще! Оттого что вашу тетку подозревали в колдовстве, у вас, Нинет, только и на уме всякие там чародеи, колдуны, волшебники...

Раздался оглушительный стук в двери, после чего они распахнулись настежь, пропустив герольда короля Мелиота — грузного пьяницу с громовым голосом.

— Благородная принцесса Мелисента... сударыни! — загремел он. — С вашего позволения честь имею объявить: его королевское величество Мелиот — король Перадора, высокий повелитель Бергамора, Марралора и Парлота, властелин Лансингтона, Нижних Мхов и Трех Мостов!

— Ну, это уж слишком! — сердито сказала Мелисента. — Кому какое дело до этих Нижних Мхов и Трех Мостов?

Прежде чем герольд успел ответить, у самых дверей заиграли трубы. Девушки зажали уши и соорobili недовольные гримаски. Вслед за тем совершился выход короля Мелиота — ничуть, однако, не величественный по причине крайней поспешности. На короле была самая легкая его корона и мантия, некогда великолепная, но теперь изрядно обносившаяся и с довольно четкими следами яичных и винных пятен. Король был одним из тех обремененных властью людей пожилого возраста, которым кажется, будто они вершат великие дела, меж тем как на самом деле они просто по уши увязли во всяческих мелочах. Слова из уст короля сыпались быстро и отрывисто, и ему всегда до того не терпелось высказать свое суждение, что нередко он сам себя перебивал.

— Доброе утро, Мелисента! Доброе утро, девочки! — проговорил он в ответ на их реверансы. — За работу еще не принимались? Производство ковров сократилось на семьдесят пять процентов, с тех пор как мы потеряли нашу дорогую королеву. Так дело не пойдет. Извольте задуматься над этим. Кстати, мы только что получили приглашение на конференцию в Камелот.

Лица девушек разом прояснились.

— Когда мы едем? — спросила Мелисента.

— Ты не едешь. Только мужчины... Даже королев и то не звали: кое-какие проблемы обороны. Да и вообще Камелот сейчас не место для юных девиц. Королева Джи-

невра, конечно, жепщина обаятельная, но... так сказать...

— Ах, отец, ну что вы, ей-богу! — воскликнула Мелисента. — Мы отлично знаем про нее и про сэра Ланселота...

— Ничего ты не знаешь! — закричал король, внезапно рассвирепев. — И никто ничего не знает! Все это дурацкий вздор!

— Ну что ж, если это вздор, — сказала Мелисента, — почему мне нельзя...

Но король не желал больше слушать никаких возражений.

— Не вздумай спорить с нами, девочка. У тебя нет ни логики, ни здравого смысла. А теперь — тихо. Нам надо подумать. Зачем мы здесь? Ах да, мы хотим взять с собой в Камелот нашего карлика Грумета. Куда ты его девала?

— Нет, отец, дорогой, пожалуйста, не увозите опять Грумета в Камелот, — запротестовала Мелисента. — Он не умеет говорить... и у него только два трюка, да и те уже старые-престарые...

— Вполне довольно. Между прочим, трюк с паштетом из оленины имел в прошлый раз потрясающий успех. Сэр Пелеас предлагал нам в обмен на Грумета своего главного оружейника. Нет, он нам необходим. Где он? Говори толком, дитя мое, где он?

Мелисента была в чрезвычайном затруднении.

— Видите ли, отец... дело в том, что... я послала его поискать одного человека...

— Одного человека? — вскричал король. — Кого? Куда? Зачем?

— Ну... ты помнишь магистра Мальгрима, волшебника?

— Как же. Недавно появился. Прибыл с письмом от короля Марка, ищет нашего покровительства. Не очень-то он нам понравился. Слишком нос задирает. Так что с ним такое?

— Он одолжил мне волшебное зеркало, — сказала Мелисента все так же нерешительно. — Если кто-нибудь о тебе думает, ты увидишь его в этом зеркале...

— Вздор! Вы, девочки, готовы поверить во что угодно. Где оно? — Мелисента протянула ему зеркало, и мгновение-другое король не отрываясь глядел в него. — Ну, ясно, так мы и думали. Наше собственное лицо — и ничего больше!

— Смотрите внимательно, государь, — сказала Нинет, сочтя, что ей пора вступить в разговор.

— А мы и смотрим внимательно, — отозвался король, все еще не отводя глаз от зеркала. — Ох, это еще кто такой? Вроде бы сэр Кэй, управитель дворца в Камелоте. Да, верно... он сейчас думает о нас.

— Обо всех нас? — осведомилась Мелисента.

— Да нет, о нас лично, о нашем королевском величестве. Ей-богу, он опять собирается поместить нас в те же холодные покои на северной стороне, а там сквозняк так и гуляет. Ну уж нет, на этот раз мы там жить не станем. Вот... держи свое зеркало. Но при чем тут наш карлик? Ты ведь говоришь, что послала его искать кого-то, так, что ли?

Он взглянул на дочь с некоторым подозрением.

— Вчера, — мечтательно промолвила Мелисента, — я посмотрела в это зеркало и увидела человека по имени Сэм, который думал обо мне. Он был так мил.

— Мил? Вздор! И кто он такой, этот Сэм? Мы никогда о нем не слыхали. Стало быть, ты отправила нашего карлика с поручением к этому проходимцу?

— Я попросила магистра Мальгрима, волшебника, чтобы он своими чарами помог карлику Грумету найти Сэма. Потому что Сэм не в нашем королевстве и вообще ни в одном из тех, какие мы знаем...

— Ну, а где же он тогда?

— Видите ли... Сэм вообще не имеет отношения к тому, что называют всамделишной жизнью.

— А-а-а, вон оно что, так бы сразу и говорила. — Король Мелиот был восхищен собственной проницательностью. — Забила себе голову мифами, легендами, сказками, а? Дело неплохое, если только этим не злоупотреблять. Так-так... Ну, а теперь подавай-ка сюда карлика.

— Но я не могу, отец. Он отправился искать Сэма, я ведь вам уже сказала.

— Какой смысл, — спросил король раздраженно, — посылать всамделишного карлика на розыски человека, которого на самом деле нет?

— Да я не говорила, что Сэма нет на самом деле, наоборот!

— Если он не из всамделишной жизни, стало быть, его на самом деле нет! — Король орал во всю глотку и сверкал на принцессу глазами. — Он воображаемый! Вот и посылай на розыски воображаемых карликов — ради бога, сколько душе угодно. Но зачем посылать всамделишного карлика? Сто чертей! Ни логики, ни разума, ни здравого смысла! Нет, дочка, это у тебя, видно, летний приступ бледной немочи! — Он кинулся к дверям и еще на ходу закричал: — Магистр Джарви! Магистр Джарви!

Спустя несколько мгновений в дверях показалась длинная и важная физиономия королевского медика. Он поклонился и вопросительно взглянул на короля.

— Нет, не мы — принцесса Мелисента, — проговорил король нетерпеливо. — Страдает видениями... вздорные выдумки. Говорит, будто отправила карлика Грумета искать какого-то типа, которого на самом деле не существует. Наверно, приступ чего-нибудь этакого...

— Отец, я совершенно здорова...

— Вздор!

— Ваше высочество, — сказал Джарви, приближаясь, — осмелюсь заметить: хоть сколько-нибудь уверенно обратиться к опытному медику с таким заявлением, как ваше, могут весьма немногие. Готов согласиться, что вы *чувствуете себя* совершенно здоровой. Но *быть* совершенно здоровой и *чувствовать себя* здоровой — далеко не одно и то же. Позвольте, ваше высочество.

— Стой смирно, дитя мое! — предупредил король. — Ради твоего же блага!

Медик сосчитал у принцессы пульс, пощупал ей лоб, оттянул книзу веко, посмотрел язык и заставил свою пациентку сказать «а-а-а». Сам он то и дело приговаривал «хм-хм».

— Ну, твое мнение, Джарви? — спросил король нетерпеливо. — Говори. Не можем же мы торчать здесь весь день.

— Естественная гармония четырех первичных влаг несколько нарушена, — сказал Джарви с неопишуемой важностью. — Плотная, черная и кислая влаги, очищенные от соков селезенки, недостаточно надежно оберегают в крови горячую влагу, или же, как учит нас Гален, природная пневма, возникающая в сердце, не сдерживает в должной мере пневму жизненную, возникающую в печени. Отсюда слишком быстрое освобождение возникающей в мозгу душевной пневмы, что в свою очередь разжигает пустую игру воображения.

— Верно! — вскричал король. — Пустая игра воображения! Вот что неладно с нашей девочкой! Ах, что бы мы стали делать без науки — подумать страшно. Какое снадобье назначишь, Джарви?

— Распустить в уксусе жемчужину, добавить толченого зуба дракона, принимать на ночь и утром; толченую мумию и корень мандрагоры в теплом вине — в полдень и вечером. Не есть пудингов с олениной и свиной. Не на-

девать алых платьев. До новолуния носить под сорочкой крылышко летучей мыши и высушенную жабу. И еще, пожалуй, палец повешенного...

— Ни за что на свете! — Мелисента отчаянно замотала головой и топнула ножкой.

Медик снисходительно улыбнулся.

— Хорошо, можно обойтись без пальца. Но снадобья принимайте...

— За этим присмотрим мы, — сказал король. — Ступай, магистр Джарви. Прими нашу благодарность. — Он помахал рукой, потом повернулся к дочери. — Мелисента, отсюда ни на шаг!

— Ах, отец, я буду сидеть взаперти?

— Вот именно, взаперти. Леди Нинет, благородная Элисон, извольте позаботиться об этом — или вам несдобровать. Чтобы отсюда ни на шаг! И чтобы никаких глупостей! А карлик Грумет — не сойти мне с этого места! — валяется пьяный где-нибудь в замке. Если он вернется сюда, отправьте его ко мне немедленно.

Мелисента была в отчаянии.

— Но магистр Мальгрим поклялся, что может послать Грумета из всамделишной жизни туда, где Сэм...

Король Мелиот двинулся было к двери, но тут повернулся и погрозил дочери пальцем.

— Мальгрим — шарлатан. Грумет — жалкий пьянчужка, бессловесная тварь. Ты — вздорная больная девчонка, у тебя воспаление мозгов. Твой Сэм — легенда, персонаж из сказки, романтические бредни. Наши повеления вам известны — всем вам, извольте подчиняться. Доставьте-ка свои иглы и нитки. Мы заняты делом. И вы должны заниматься делом — делом, делом, делом, делом! — Он отворил дверь и крикнул: — Отставить трубы, отставить! Нагрелись нынче утром, хватит.

И он исчез.

Три девушки поглядели друг на друга в унынии и растерянности.

— Теперь — за вышивание, — грустно промолвила Элисон.

— Мы должны что-нибудь придумать, — сказала Нинет. Но на этот раз в словах ее не было ни уверенности, ни запала, ни коварства.

Повернувшись к ним спиной, Мелисента молчала. Она глядела в синее и золотое утро, которое обещало так много и не принесло ничего, кроме толченой мумии, мандрагорового корня и прочей мерзости.

— Что с вами, Мелисента, дорогая? — сказала Элисон.

Голос Мелисенты звучал слабо, едва слышно:

— Я полюбила Сэма. И не знаю, где он... кто он... когда он... и теперь больше не верю, что Грумет сможет его найти.

Она расплакалась и выбежала из залы.

Нинет и Элисон взглянули друг на дружку. Губы их шептали: «Бедняжка Мелисента!», а глаза блестели от удовольствия. Внизу, у винтовой лестницы, с шумом хлопнула тяжелая дверь.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Сэм и карлик

У Дэна Диммока («Зовите меня просто Д. Д., старик!») из рекламного агентства «Уоллеби, Диммок, Пейли и Тукс» был великолепный кабинет, лучший в конторе, с двумя рядами высоких окон. К сожалению, прогресс в тех краях шагал семимильными шагами и сквозь оба ряда окон врывался грохот пневматических дрелей. Диммок сидел за большим столом, рассматривая какой-то эскиз. Это был грузный, озабоченный и неопрятный человек —

дорогой костюм всегда сидел на нем так, словно его хозяин спал не раздеваясь, а говорил мистер Диммок на поразительной смеси ланкаширского с американским, словно частица Мэдисон-авеню каким-то образом перенеслась в Бэрли.

Перед столом, глядя на шефа, стояли его помощники — Энн Датон-Свифт и Филип Спенсер-Смит. Обоим было по тридцать с небольшим, и они были так похожи, что могли бы сойти за близнецов, хотя на самом деле не состояли в родстве. Но оба были высокие, стройные, энергичные, полные прыти.

— Меня это не устраивает, — сказал Диммок, бросая эскиз на стол. — И фирму «Жуй-да-плюй» не устроит. А главное, покупатель не клюнет. Нет, не пойдет.

В разговор вступили пневматические дрели и в течение следующих сорока пяти секунд не давали никому сказать ни слова.

— Совершенно с вами согласен, Д. Д., — объявил Филип Спенсер-Смит, когда дрели наконец смолкли.

— Да, покупатель не клюнет, но наш клиент... Я не уверена, Д. Д., — возразила Энн Датон-Свифт.

— Зато я уверен, — сказал Диммок. — Говорю вам — не пойдет. Для «Жуй-да-плюй» ни к черту. Что у нас дальше?

— «Чуллок прекрасной дамы», — сказала Энн. — Потрясающая тема. Можно сделать шикарный бизнес. Нужна бросающая реклама на обложку! Романтическая атмосфера. Работает Сэм Пенти.

Диммок проговорил в микрофон селектора:

— Пегги, попросите мистера Пенти принести то, что он сделал для «Прекрасной дамы». Только живо!

— Если хотите знать мое мнение, Д. Д.,... — сказала Энн, но тут снова завели речь пневматические дрели. Диммок проглотил две таблетки. Видимо, Энн не переставала

говорить, потому что, когда дрели замолкли, она спросила: — Разве я не права?

— Ничего не могу сказать, — проворчал Диммок. — Не слышал ни слова из-за этих вонючих тарактелок. — Он бросил взгляд на микрофон. — Пегги, отправьте еще один протест по поводу этих дрелей. — Он снова положил в рот таблетку и запил водой.

Вошел Сэм Пенти с папкой в руке и изогнутой вишневой трубкой в зубах. Это был широколицый коренастый мужчина за тридцать в желтом джемпере и забрызганных краской вельветовых брюках.

— Привет, Д. Д.! Энн, Фил, привет. Хороший денек.

— Не заметил, Сэм, — ответил Диммок. — Забот полон рот.

— А вот у меня одна забота, — сказал Сэм, — одно из головы не идет — что сегодня тридцать первое июня.

Диммок уставился на него.

— Тридцать первое июня?

Мисс Датон-Свифт издала мелодичный смешок.

— Не болтай глупостей, Сэмми. Тридцать первого июня не бывает.

Сэм был невозмутим.

— Да, все так говорят. Но я проснулся с ощущением, что сегодня тридцать первое июня, и никак не могу от этого отделаться.

— Сэм, я вам скажу одну вещь, — проговорил Диммок, все еще не спуская с него глаз. — Вы мне нравитесь, хотя по идее и не должны бы.

— Присоединяюсь, Д. Д., — подхватил Филип Спенсер-Смит.

— Зачем вы служите у нас? — продолжал Диммок. — Сколько раз ни спрашивал себя, не могу понять.

Сэм задумался.

— Потому что я плохой художник. Не по вашей мерке,

а по моей. Вот я и служу у Уоллеби, Диммока, Пейли и Тукса... и зарабатываю себе на хлеб. Кстати, что это за Тукс, черт бы его побрал? Может, вы, Уоллеби и Пейли, выдумали его?

— Тукс — это наш финансовый бог, — ответил Диммок.

— Парень первый сорт, — сказал Филип.

— Писанный красавец, — сказала Энн.

— Верно, — подтвердил Диммок. — И — только строго между нами! — смрадный человечек. Эх, не надо бы мне этого говорить!

— Нет, почему же, — возразил Сэм, открывая папку. — Ведь сегодня тридцать первое июня. Ну, так вот. — Он вынул сверкающий яркими красками рисунок и поставил на стул. Это был портрет принцессы Мелисенты Перадорской, и, надо сказать прямо, портрет отличный. — Вот что я сделал для «Прекрасной дамы» — до двух ночи провозился. Прежде чем обсуждать, поштытайтесь уловить самую суть. — Но, пока Диммок и Энн улавливали суть, Сэм отвел Фила в сторону, чтобы поговорить с ним с глазу на глаз. — Послушай, Фил, что это за карлик шныряет здесь с самого утра, в красно-желтом камзоле и штанах в обтяжку?

— Карлик? Я не видел никакого карлика.

— Он все время тут крутится. Так и лезет в глаза.

— Должно быть, позирует кому-нибудь в художественном отделе, Сэм.

— Он молчит как пень. Заглянет в дверь, ухмыльнется, кивнет — и след простыл.

— Сэм, старина, у тебя богатое воображение!

— Надо надеяться. Воображение в моем ремесле — все. Но почему вдруг карлик и красно-желтые штаны в обтяжку?

Диммок объявил свой приговор:

— В этом что-то есть.

— Вы похитили мою мысль, Д. Д., — сказала Энн.

— Но, с другой стороны, — прибавил Диммок с сомнением, — не знаю...

— Именно! Ведь с этой «Дамой» не так-то просто договориться.

— Ваше мнение, Фил?

— Вполне совпадает с вашим, Д. Д., и да — и нет...

— Давайте отвернемся на минутку, — предложил Диммок, — а потом посмотрим снова, будто в первый раз.

— Кто тебе позировал, Сэм? — спросила Энн.

— Никто. Во всяком случае, никто в нашем мире. Это целая история, рассказывать не стоит.

— А почему бы и нет? — возразил Диммок. — Давай-те выпьем. Всем, как обычно? Пегги, дайте нам четыре двойных джина. — Не успел он распорядиться, как из-за стены донеслось громкое пение, возвестившее начало рекламной передачи, но тотчас было заглушено пневматическими дрелями, грохотавшими так неистово, чтодребезжали стекла. Когда восстановилось какое-то подобие тишины, Диммок хмуро продолжал: — Никто не может упрекнуть меня в том, что я недостаточно предприимчив или нерасторопен. Корпюшь над делами, выколачиваешь деньги по шестнадцать часов в сутки... по меньшей мере. И всякий раз диву даешься: как это мы все еще с ума не посходили! Спасибо, Пегги, поухаживайте за нами, пожалуйста.

Пегги, секретарша мистера Диммока, была хорошенькая, тихая, как мышка, девушка, до того похожая на благородную Элисон из Перадора, что никто, кроме ученого, не решился бы назвать это случайным совпадением.

— Спасибо, Пегги, — сказал Сэм, припимая от нее бокал. — Девушки, никто из вас не видел сегодня красно-желтого карлика?

— Нет, — отвечала Пегги с полной серьезностью. — А что, мистер Пенти? Вы потеряли карлика?

— Наоборот, никак от него не отвяжусь.

— От чего вы никак не отвяжетесь, Сэм? — спросил Диммок, когда Пегги вышла. Он засмеялся. — Мне почудилось, вы что-то сказали про красно-желтого карлика, но это я ослышался, правда?

— Нет, именно так я и сказал. Ну ладно, за процветание Уоллеби, Диммока, Пейли... и, если угодно, Тукса. Так вот, вчера, когда вы дали мне это задание, сел я за стол и задумался. Прекрасная дама... рыцари в латах... замки... король Артур и Круглый стол... драконы... поиски приключений... принцессы в башнях... сами знаете — замшелая чухня. И вдруг, словно в какой-то освещенной раме, я увидел девушку: на ней был средневековый наряд, и она улыбалась мне. Она исчезла не сразу, так что я успел сделать первый набросок. А потом, когда я уже работал красками и сомневался в оттенках, она показалась еще два раза, почти осязаемая и такая прелестная, как раз в те мгновения, когда больше всего была мне нужна.

— Я вижу, ты увлечен этой девушкой, Сэм, — сказала Энн.

— Конечно. Никогда еще так не увлекался. Эта девушка специально для меня создана.

— А ведь все одно воображение! — задумчиво проговорил Диммок.

— Пожалуй, — отозвался Сэм, — но что такое воображение? Ни один человек нам этого не скажет, во всяком случае, ни один из тех, кто сам наделен хоть капелькой воображения. Ну и вот, просидев полночи в надежде увидеть ее еще раз, я проснулся утром с ощущением, что сегодня тридцать первое июня...

Диммок резко прервал его.

— Сэм, вы знаете, я вам не только хозяин, но и друг. Согласны вы сделать мне маленькое одолжение?

— Конечно, Д. Д.

— Прекрасно, — Диммок наклонился к микрофону. — Пегги, доктор Джарвис еще у мистера Пейли? Да? Тогда попросите его зайти ко мне. — Он поглядел на Энн и Фила. — Вам обоим лучше уйти. Дело касается только Сэма, меня и его. Ах да, Энн... пока вы здесь... у меня тут где-то были образцы «Дамы»... — Он принялся шарить в столе и вытащил несколько пар отличных нейлоновых чулок. — Вот, задрапируйте-ка Сэмов эскиз, чтобы нам точно знать, как это все komponуется, не забивает ли рисунок изделие, ну и так далее...

— «Дама» это купит, — заявила Энн, делая вокруг рисунка чулочную рамку. — Но поговорить с ними придется крупно. Главное дело — эта Мэгги Роджерс... Она помещана на парижском «Вог»... Ну, пошли, Фил.

— Энн, лапочка, — начал Фил, когда они двинулись к выходу. — Я не в восторге от нашего эскиза для «Маминного пусика». Минни и Джеф его не вытянули...

Оставшись наедине, Сэм и Диммок взглянули друг другу в глаза.

— А доктор-то к чему? — спросил Сэм.

— Да вы не беспокойтесь, он вас быстренько осмотрит — и все. А вообще он малый первый сорт. Между прочим, консультирует в компании «Ваше здоровье». Вот, верно, и он. Войдите!

Доктор Джарвис был как две капли воды похож на магистра Джарви из Перадора. Единственное отличие состояло в том, что вместо долгополой черной мантии он носил кургузый черный пиджак и брюки в полоску.

— Приветствую вас, доктор Джарвис, — сказал Диммок. — Знакомьтесь: Сэм Пенти, один из наших лучших художников. У него что-то не ладно со сном. Какие-то ви-

дения — девушки, карлики. И потом он думает, будто сегодня тридцать первое июня.

— Ну и что из того? — проворчал Сэм. — Я совершенно здоров.

— Мистер Пенти, — сказал доктор, приближаясь, — мой опыт свидетельствует, что совершенно здоровы лишь очень немногие, хотя многие склонны *воображать*, будто совершенно здоровы. А вы, надо полагать, относитесь к типу людей с повышенной деятельностью воображения...

— Относится, доктор, относится, — подтвердил Димок.

— Ну-с, мистер Пенти, позвольте. И не глядите так хмуро. — Он сосчитал у Сэма пульс, пощупал ему лоб, оттянул книзу веко, посмотрел язык и заставил своего пациента сказать «а-а-а». Сам он то и дело приговаривал «хм-хм».

— Эйдетизм, — сказал доктор Джарвис, — связанный, вероятно, с гиперфункцией щитовидной железы и неустойчивым общим обменом, влекущим за собою дефицит иода и кальция. Быть может, в недавнем прошлом имело место воздействие коры надпочечников на кальциевый обмен, нарушившее нормальную функцию паращитовидных желез. Не исключены почечные расстройства... бессонница... чрезмерная возбудимость функции эйдетической образной памяти, вызванная главным образом гиперфункцией паращитовидных желез и гиперфункцией щитовидной железы, иначе говоря — известным нарушением щитовидно-паращитовидного равновесия, что ведет к устойчивой объективации образов эйдетического воображения, галлюцинациям...

— Верно, доктор! — торжествующе вскричал Димок. — Галлюцинации! Именно это его и мучает. Ну, а можете вы ему что-нибудь такое дать, как-то наладить все это?

— Я попрошу моего аптекаря прислать глюконат кальция и витамин «Д» в таблетках — пусть принимает три раза в день. Приготовим микстуру с уротропином, хинной кислотой и теобромином... принимать два раза в день. Хорошо еще микстуру с бромом — на ночь и утром. Не злоупотреблять алкоголем и поменьше углеводов.

— Ясно, Сэм? Ну, доктор, блеск! Понали в самую точку! Огромное вам спасибо!

— Рад быть полезным, — отвечивал доктор Джарвис. — Всего доброго, джентльмены. — И он вышел, чтобы быть полезным где-нибудь в другом месте.

— Он все наладит, — сказал Диммок. — Готов держать пари, Сэм, через день-другой никаких видений и в помине не будет.

— Да я не против видений. Наоборот.

— Но ведь вы же знаете, чем кончают люди, которые видят то, чего не видят другие?

— Знаю, — ответил Сэм. — Они попадают в Национальную галерею*.

Диммок принялся перебирать бумаги у себя на столе.

— Нет, я хочу сказать, те, которые думают, будто сегодня тридцать первое июня... вы меня сперва озадачили, Сэм, не скрою... и те, которые пи с того ни с сего начинают расспрашивать про красно-желтых карликов — штаны в обтяжку. — Он говорил, не поднимая глаз от стола. А если бы он их поднял, то увидел бы, что карлик Грумет, в красно-желтом камзоле и штанах в обтяжку, появился в его кабинете, но только не из-за двери, а скорее всего вылез из шкафа. — Ведь здравый смысл вам говорит, что никаких красно-желтых карликов здесь нет... да и на что они нам, ума не приложу!.. И что все это одно воображение...

Тут Сэм прервал его.

---

* Знаменитая картинная галерея в Лондоне. — *Прим. перев.*

— Тсс! — прошепел он, указывая на карлика, который уморительно кривлялся, скалил зубы и тыкал пальцем в его сторону.

— Мать честная! — заревел Диммок. — Эй... ты!

Помахав напоследок Сэму, карлик с озорной ухмылкой схватил рисунок и чулки, опрометью бросился к шкафу, юркнул в него и исчез.

— Он утащил мой рисунок, — сердито сказал Сэм. — Эй! Эй!

— Держи его! — закричал Диммок, выскочив из-за стола. — Держи!

Они настезь распахнули дверцы шкафа, но там были только тесные ряды книг и папок с бумагами, а карлик исчез бесследно. Диммок растерянно посмотрел на Сэма.

— Отсюда он не мог улизнуть.

— Нет, мог. И улизнул. Думаю, что он и вошел через этот шкаф.

— Хватит, Сэм, — сказал Диммок с раздражением. — У меня уже и так голова кругом пошла.

Он стал давить на кнопки звонков у себя на столе, и в кабинете снова появились Энн и Фил. На их лицах была написана тревога.

— Я ухожу, — твердо объявил Сэм. — И сегодня, тридцать первого июня, — да, да, тридцать первого! — возвращаться не намерен.

— Что?.. Вы домой, Сэм? — спросил Диммок.

— Нет, в заведение по соседству — знаете, «Вороной конь» на Пикок-плейс... пока доберусь, его как раз откроют. И будь я на вашем месте — на вашем, Д. Д., и на вашем, Энн и Фил, — я б махнул рукой на работу. Сегодня дурной день.

И Сэм выбежал из кабинета.

— Д. Д., — начала Энн укоризненно, — не надо было его отпускать, пока мы не решили окончательно насчет

«Прекрасной дамы». Где его рисунок? — Она огляделась по сторонам. — Смотрите-ка, Д. Д., он, должно быть, унес его.

— Нет, не унес.

— Но его нет, Д. Д., значит кто-то его унес.

Фил скривил губы в бледном подобии усмешки.

— Может быть, красно-желтый карлик, лапочка.

Диммок не обращал на них никакого внимания.

— Пегги, принесите мне две таблетки аспирина и стакан воды.

— Брось паясничать, Фил, — сказала Энн строго. — Это дело, а не игрушки. Д. Д., унес кто-нибудь рисунок?

— Да. — Диммок говорил очень медленно, с трудом выдавливая слова и тяжело дыша. — Красно-желтый карлик. Схватил его и нырнул вон в тот шкаф.

Энн улыбнулась, но в улыбке ее был укор.

— Ну, Д. Д., пожалуйста...

Последовал взрыв.

— Говорю вам, — во всю мочь заорал Диммок, — красно-желтый карлик уволок этот рисунок! Он нырнул... ах, чтоб тебя! — Опять загрохотали пневматические дрели, и Диммок, разом онемев, в ярости отшвырнул бумаги и забарабанил пальцами по столу.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Два волшебника

В Ковровом покое замка короля Мелиота сидели Мелисента и Нинет, делая вид, будто слушают игру Лэмисона на лютне. (А где же Элисон? Уж не спешит ли, в образе секретарши Пегги, к Диммоку с двумя таблетками аспирина и стаканом воды?) Лэмисон закончил свой номер

замысловатым аккордом и несколькими фальшивыми нотами, потом встал и поклонился.

— Благодарю вас, Лэмисон, — снисходительно промолвила Мелисента. — Очень мило... но мы, к сожалению, не в духе. Можете идти.

Нинет бросила на него суровый взгляд.

— И постарайтесь выучить «Черный рыцарь взял мое сердце в полон».

Едва Лэмисон вышел, Мелисента сказала капризно:

— Кому он нужен, этот «Черный рыцарь»? Или любого другого цвета, какого хотите! До смерти надоели рыцари!

— Я и сама миллион раз это говорила.

— И вечно этот дурацкий лязг, гром, звон! Вечно им то пристегивают что-нибудь, то отстегивают. Чуть какая!

— И не говорите, — сказала Нинет. — Я себе все ногти обломала, когда помогала расстегивать сэра Мариса на Астолатском турнире. А потом он целый день говорил про геральдику, все говорил и говорил, и все про геральдику — я чуть не взвыла. Нет, мне куда больше нравятся чародеи.

— Ну, чародеи-то всем нравятся, Нинет, дорогая моя.

— Нет, я хочу сказать — профессионалы, настоящие волшебники.

Мелисента поморщилась.

— Они все такие старые...

— Да, но искусный волшебник, если очень его попросить, будет выглядеть на столько лет, на сколько вы захотите.

— Я знаю... И все-таки я бы чувствовала, что на самом деле он старый и плесенью припахивает...

— Вы только об одном и думаете — о своем Сэме.

— Все твержу себе, что не надо думать, — грустно ска-

зала Мелисента. — Вчера было так чудесно! А сегодня... что там могло случиться?

— Нельзя ждать событий — надо самим их устраивать, — объявила Нинет.

— Но с моей помощью, сударыни, не так ли? К вашим услугам, высокороднейшая принцесса.

Тот, кто произнес эти слова, стоял перед ними, возникнув, по-видимому, из пустоты. Он был высок и хорош собой, в весьма, однако, зловещем стиле, — нос у него был длинный, острый, усы и бородака иссиня-черные. На нем было роскошное колдовское облачение со знаками зодиака, вышитыми золотой и серебряной канителью. У него был тот слишком тщательный выговор, который на любом языке звучит несколько по-иностранному.

— Магистр Мальгрим, — произнесла Мелисента в истинно королевской манере, — вы не должны были появляться так внезапно. Мы не давали вам на то своего соизволения. Нинет, это магистр Мальгрим, новый волшебник, он прибыл от короля Марка. Леди Нинет.

Он поклонился, и Нинет ответила ему улыбкой.

— Как вы это сделали, магистр Мальгрим?

— Очень просто: я был невидим, — сказал он любезно-снихождительным тоном. — Метод простой и быстрый, принят теперь почти повсеместно. В наше время только уж очень старомодные волшебники и маги по-прежнему предпочитают превращения. Например, мой дядя. Он непременно желал меня сопровождать, но решил войти в замок и подняться сюда в обличье бурой крысы... Кажется, его еще нет? Ну что ж, это подтверждает мою точку зрения... Метод рискованный, медленный и примитивный.

— Надеюсь, к нам он в обличье бурой крысы не войдет? — сказала Мелисента.

— Как знать, он способен на озорство, — отозвался Мальгрим, — и к тому же обожает пускать пыль в глаза.

Кстати, его зовут Марлаграм. Волшебник старой Мерлиновой школы.

Нинет, которая все время глядела на него с нескрываемым восхищением, теперь воскликнула:

— Магистр Мальгрим, вы меня просто очаровали!

— Чаровать — моя профессия, леди Нинет. Но если вы относите свое замечание к моим личным достоинствам — я польщен, я счастлив. — Он улыбнулся и отвесил поклон. — А теперь, принцесса Мелисента, я должен просить вас вернуть мне мое зеркало. Оно при вас? Ах, вот оно... будьте добры... И не надо так огорчаться, умоляю вас. Его сила быстро иссякает, если один и тот же человек пользуется им слишком часто. Вы, должно быть, и сами в этом убедились.

Мелисента сразу повеселела.

— Тогда, может быть, Сэм все-таки думает обо мне и сегодня, только это несчастное зеркало его не показывает! Но где же карлик Грумет? Нашел он Сэма? Ну, говорите же, магистр Мальгрим, говорите!

Он пожал плечами, вытянул руку и раздвинул веером пальцы — все в сугубо неанглийском стиле, — а потом величественно возвестил:

— Вы слишком торопитесь, высокородная принцесса. Не забывайте — мне было отказано в должности Придворного мага и Штатного волшебника королевства Перадор. А между тем благодаря моей могущественной и на редкость искусной помощи карлик Грумет вернулся с прекрасными и удивительными дарами.

— От Сэма? Какое счастье! Но где же он?

Мелисента чуть не приплясывала от нетерпения.

— В самом деле, где он? Не сомневаюсь, что один из ваших штатных придворных волшебников мог бы доставить вам необходимые сведения.

— Вы же отлично знаете — у нас при дворе вообще нет волшебников!

— Мелисента, дорогая, — сказала Нинет, — с ним нельзя разговаривать в таком высокомерном тоне. Он слишком, слишком умен. — Она призывно улыбнулась Мальгриму, и волшебник выразил свою признательность поклоном.

— Хорошо, чего же вы хотите, магистр Мальгрим? — спросила Мелисента.

Прирожденный интриган и заговорщик, Мальгрим не колебался и не раздумывал ни секунды.

— Много лет назад, когда ваш отец был еще юным рыцарем, Мерлин подарил ему золотую брошь. Говоря вполне откровенно, я бы ее похитил, если б мог. Но ни один из даров Мерлина похитить невозможно. Вы или ваш отец должны вручить ее мне сами, по доброй воле. Поклянитесь мне выполнить это условие, и я исполню ваше желание. Но, прежде чем вы хотя бы краешком глаза увидите карлика и дары, которые он принес, я должен услышать вашу клятву.

Мелисента колебалась, не зная, что ответить, как вдруг чей-то голос прокричал:

— Обождите! Обождите! Никаких клятв!

Посреди Коврового покоя появился маленький старичок. Он хихикал, бормотал что-то невнятное и подпрыгивал на месте. Девушки взвизгнули. Мальгрим почернел от ярости. Это был, конечно, его дядюшка Марлаграм. С длинной бородой, в потрепанном платье, он нисколько не напоминал своего великолепного племянника и, как видно, был представителем древней породы простоватых, неотесанных колдунов — тех, что сродни троллям, гномам и эльфам. Но, несмотря на свой древний вид, это был весьма живой старый колдун, так и кипевший поистине диаволической энергией. То и дело он разражался пронзительным

кудахтающим хихиканьем, и впредь в нашем рассказе мы так и будем передавать этот звук — «хи-хи-хи!», хоть это и не совсем удачно.

— Мой дядя, — проговорил Мальгрим с холодным отвращением, — магистр Марлаграм.

— Не трудитесь объяснять мне, кто эти барышни, племянник. Знаю, знаю... хи-хи-хи! — Он вытянул длинный и очень грязный палец. — Вы — принцесса Мелисента... славный, сочный, лакомый кусочек, м-да... эх, будь мне снова только девяносто, не дожидаться бы вам с Сэмом от меня подмоги... я бы сам за вами приударил... хи-хи-хи!

— Вы противный старикашка, — сказала Мелисента, Впрочем, без особого неудовольствия.

— Совершенно верно, девочка, так оно и есть, — весело отозвался Марлаграм. — Но к тому же я еще очень-очень-очень умный, и вы скоро в этом убедитесь. Хи-хи-хи! — Тут он указал пальцем на Нинет и подошел к ней поближе. — А вот это — зловредная девка... ох, и язва же ты, просто беда!.. И что за будущее тебя ждет — штучки-дрючки, фигли-мигли, шуры-муры!

— Что ж, я к этому готова, — сказала Нинет ледяным тоном.

Неугомонный старикашка так и запрыгал.

— И дело уже на мази, и штучки-дрючки, и фигли-мигли, и шуры-муры — все уже у самого порога! Хи-хи-хи!

— Пыль в глаза пускает, — холодно произнес Мальгрим. — Вечно одно и то же. До чего же, однако, безвкусно и нудно. Всю нашу корпорацию дискредитирует. — Он погрозил дяде пальцем. — Говорил я вам, что буду здесь первым, и вот, пожалуйста, обставил вас по малой мере минут на десять.

— Ах, чтоб тебя! Пришлось задержаться внизу — так, одно веселенькое дельце. — Теперь он глядел на Мелисенту, и его глаза под включенными бровями поблескивали,

словно стеклышки в пыли под колючей изгородью.— Видите, моя дорогая, что он затеял? Хочет вас убедить, будто его дядя устарел. Но я знаю целую кучу таких проделок, какие ему и невдомек. Я ведь выслуживал свой срок у Мерлина еще до того, как этот молодчик на свет появился... Хи-хи-хи! Вы ждете карлика Грумета, верно?

— Да! — нетерпеливо воскликнула Мелисента. — Где он?

— Он будет здесь,— поспешил вмешаться Мальгрим,— как только вы дадите мне клятву...

Но дядя резко оборвал его:

— Не верьте ему, не верьте, моя дорогая! Не достать ему карлика... хи-хи-хи! Руки короткие.

— Дядя, это невыносимо! — не выдержал Мальгрим. — Я предупреждал вас, просил не вмешиваться...

— Хи-хи-хи!

— Хотите померяться со мной силами, старый глупец?

— Хочу, хочу, хочу! Хи-хи-хи! Спортивное состязание... всего один раунд... по Мерлиновой системе.. победитель доставит принцессу к Сэму.

— Быть по сему! — возвестил Мальгрим, величественно выпрямляясь.— Итак, повелеваю вам...

Девушки испуганно взвизгнули и отпрянули от чародеев, которые теперь пристально глядели друг на друга сквозь зловещие сумерки, внезапно залившие залу.

— Валяй, малыш, повелевай! — завопил Марлаграм, продолжая скакать и дурачиться.— Командуй, пока башка не отвалится.

Мальгрим был ужасен — ужасны были его слова на каком-то колдовском наречии: «Варта гракка, Марлаграм, о террарма вава марвагриста Демогоргон!» Сумерки сгустились в черную мглу, грянул гром, сверкнула молния, удушливо запахло серой. Девушки, судорожно вцепившись друг в дружку, прижались к стене.

Но если Мальгрим был величествен, то не менее величественным — и в том же самом стиле вдобавок — явил себя его старый дядя. «Варта гракка, Мальгрим! — проревел он. — О терра марвина грудумагистерра Вельзевул!» Вслед за тем раздался оглушительный раскат грома и сверкнула молния, ослепившая обеих девушек. Когда наконец они оправились от страха и смятения и открыли глаза, то увидели, что мгла рассеялась, а вместе с нею бесследно исчез и Мальгрим. Старый Марлаграм, оставшись в одиночестве, скалил зубы и кудачтал.

— Все кончено, — объявил он им. — Ну что это вы так испугались, мои дорогие? Он провалился — и поделом ему. Слишком уж надутый, что твой индюк... и никакого уважения к старшим.

— Но что здесь произошло? — Мелисента еще не могла совладать со своим изумлением. — Я ничего не понимаю, магистр Марлаграм.

— Все очень просто, моя дорогая. Хи-хи-хи! Теперь я беру вас под присмотр и опеку. И не ставлю никаких условий, не прошу никаких клятв... заметьте это. Вы доверяете мне, а я доверяю вам. Добрые старые правила... Так ежели вам нужен этот Сэм, я вас к нему доставлю, где бы он ни был. Хи-хи-хи! Но сперва вы желаете видеть карлика, верно? Грумет! — позвал он. — Грумет! Грумет! Сюда, малыш, сюда, сюда!

В Ковровом покое внезапно посветлело, резко просвистал ветер — и вот Грумет уже перед ними. В руках у него рисунок и чулки, он скалит зубы и уморительно кривляется.

— О, Грумет! — ахнула Мелисента. — Ты его видел? И что это ты принес? Это Сэм написал мой портрет? Ах, поглядите... поглядите, Нинет... изумительно, правда?

Нинет поглядела.

— Нос не такой.

— Нет, такой! — возмущенно сказала Мелисента. — Вы просто завидуєте. Нос — прелесть. Чудесный портрет. Какой молодец Сэм! А это что такое? Чулки? Ах, да вы только поглядите... боже ты мой!

На этот раз Нинет была восхищена не меньше принцессы:

— Они такие... такие... такие прозрачные! Наверно, это колдовство.

— Я должна их примерить.

— А я?

— Нет, Нинет, пока не перестанете завидовать...

— Ну, довольно, — сказал Марлаграм. — Хотите увидеть этого Сэма?

— Конечно! Вы сказали, что доставите меня к нему.

— Тогда приготовьтесь. Мы отправимся через час. Ни раньше, ни позже. Чтобы разыскать этого Сэма, мне нужно часок поработать. Он ведь не в двух шагах отсюда, сами понимаете... во всяком случае, не то, что обычно имеют в виду, когда говорят «в двух шагах». В пространстве — может быть, но не во времени. Одним словом, мне нужен час, чтобы решить эту задачу... А потом — в путь... Хи-хи-хи! Грумет, ты останешься здесь, малыш. А я пошел.

И, озаренный ярким светом, он исчез под свист ветра.

— Простите, Нинет, — сказала Мелисента, готовясь унести свои сокровища, — но придется вам остаться здесь. Вы никогда не испытывали к Сэму искреннего расположения, и я вижу, что лучше вас отстранить.

С этими словами она поспешно удалилась.

Нинет с омерзением посмотрела на Грумета, сидевшего на корточках у колонны.

— Если бы ты хоть говорить умел, дурачок несчастный! Что, разве и в самом деле так уж трудно найти этого субъекта по имени Сэм? — Карлик выразительно закивал. —

Без колдовства, видно, не обойтись, а? — Карлик не менее выразительно кивнул еще раз. — Не то чтоб он мне был нужен, нет, конечно. Я нахожу всю эту затею просто смехотворной. Но я не стану молча терпеть подобное обхождение. Я не позволю себя отстранить, будто какую-нибудь пешку... Ах, если бы только магистр Мальгрим не дал так легко уложить себя на обе лопатки...

— Простите, леди Нинет, — сказал Мальгрим, на глазах у Нинет выходя из-за колонны. — Я должен внести небольшую поправку. Действительно я был на волосок от поражения. Но все дело в том, что мой дядя — а ведь он как-никак колдун опытный, со стажем — приготовился к поединку, а я — нет. Зато теперь мой ход...

— Не могу ли я чем-нибудь вам помочь?

— Можете. — Мальгрим подошел ближе и понизил голос, теперь у него был вид заправского заговорщика. — Как только принцесса с моим дядей отбудут, приготовьтесь встретить Сама.

— Сама? Да ведь они его ищут.

— Но они его не найдут. А почему? Да потому, что я найду его первый. Ха-ха! Они будут искать его там, а я тем временем перенесу его сюда. И, когда он появится, вы его примете и займете. Итак, будьте готовы.

— Магистр Мальгрим! — восторженно воскликнула Нинет. — Я преклоняюсь перед вами!

— Вы мне льстите, леди Нинет, — возразил Мальгрим в лучшей великосветской манере. — А теперь, если позволите, мне надо прочесть мысли этого человечка. Поди сюда, Грумет. — Он пристально посмотрел на карлика, словно читая плохо оттиснутую страницу, потом повернулся к Нинет. — Помните, что вам надлежит делать, леди Нинет.

— Будьте покойны. Сама я беру на себя.

— Тогда мы отправляемся.

Он положил руку карлику на плечо. Неведомо откуда

надетел ветер и просвистал сквозь внезапно вспыхнувший свет. Чародей и карлик исчезли.

Прежде чем обдумать вопрос, в каком наряде ей встречать Сэма, Нинет позволила себе коротенькую передышку и горячо поздравила саму себя с успехом. Она почувствовала, что сейчас изречет чеканный афоризм.

— Заговор,— с наслаждением сказала она,— поднимает голову.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

В „Вороном коне“

— «Вороной конь» на Пикок-плейс — крохотный оазис в пустыне из кирпича и штукатурки, что простирается между станцией метро «Саут-Кенсингтон» и Фулхэм-роуд. В то утро в тихом маленьком баре «Вороной конь», закрытом для непосвященных, было особенно мирно и тихо — здесь не было ни души, кроме толстого пожилого посетителя и тощей пожилой буфетчицы. Их беседа над пинтой смеси легкого пива с горьким, стоявшей перед посетителем, была довольно обычной в этих стенах, но отнюдь не являла собой образец природной смекалки, народной философии и меткой критики существующих порядков, которыми искони славится английская пивная.

— Нет,— говорила тощая буфетчица с полнейшим безразличием,— он заходил во вторник — мистер Сандерсон, значит.

Толстяк обдумал это сообщение.

— Гм. А мне сказал — в среду.

— Может, и в среду,— поразмыслив, согласилась буфетчица. — А все-таки, сдается мне, во вторник.

Толстяк был тоже человек учтивый.

— Может, он обчелся, когда сказал «в среду»?

— Что правда, то правда, — отозвалась буфетчица. Последовало долгое молчание. Где-то тихо тикали часы. Луч солнца заблудился между бутылками с ликером над головой у буфетчицы. — Но разве я не могла ошибиться, когда сказала «во вторник»?

— Что правда, то правда, — сказал толстяк. Он прислушался к жужжанию огромной синей мухи, словно у той могло быть особое суждение касательно действий мистера Сандерсона. — Как ни верти — все равно: либо вторник, либо же среда.

— Что правда, то правда, — сказала женщина.

В бар влетел Сэм Пенти.

— Доброе утро! Доброе утро!

— Утро доброе, — равнодушным голосом сказала женщина за стойкой. — Погодка-то опять разгулялась.

— Да, да, разгулялась. Будьте добры, двойной джин и стакан горького. — Буфетчица отвернулась от стойки, чтобы налить пиво и джин, а Сэм поглядел на толстяка, который устался в свою кружку с таким вниманием, словно рассчитывал обнаружить на дне мистера Сандерсона. — Да что там, второго такого тридцать первого июня и не припомню. А вы?

— И я тоже, — сказал толстяк. Но вдруг забеспокоился, извлек из кармана записную книжку, насупившись, принялся ее изучать и наконец бросил подозрительный взгляд на Сэма, который в этот миг получил свой заказ и расплачивался.

— Спасибо, — сказал Сэм буфетчице. — Ну, а как у вас... вообще?

— Да все тихо-спокойно, — отвечала она. — А только, сдается мне, мистер Сандерсон заходил к нам во вторник.

— А я и не спорю, — с величайшей горячностью заверил ее толстяк. — Но мне он сказал — в среду.

— Что правда, то правда, — согласилась женщина.

И, немного подумав, добавила: — Но ведь он мог перепутать, как вы думаете?

— Мог. — Толстяк допил свою смесь. — А только и вы могли ошибиться, когда сказали, что был, дескать, во вторник, нет, что ли?

— Что правда, то правда. Может, оно и по-вашему — в среду.

— Ежели только не во вторник, — мрачно подытожил толстяк. — Ну, мне пора. Адью.

— Пока до свиданья!

— Всего лучшего, — весело сказал Сэм вслед толстяку. Он проглотил джин и пригубил пиво.

— Тихо-спокойно всю неделю, — уныло протянула буфетчица.

— А когда же все-таки приходил мистер Сандерсон?

— Вы думаете, во вторник?

— Угу...

— Или, может, в среду, — прибавила женщина задумчиво.

— Угу, угу...

— А вы его знаете, мистера Сандерсона?

— Нет.

— И я тоже, знаю только, что он букмекер, — сердито бросила буфетчица. — Сроду его не видела, да и видеть не желаю. Вы, кажется, хотели что-то сказать?

В этот миг какой-то человек ворвался в бар так стремительно, будто вскочил в вагон отходящего поезда.

— Здравсьте, здравсьте! — крикнул он. — Два двойных шотландских, детка... А ну, живо!

Это был высокий и грузный мужчина в слишком ярком и слишком тесном для него костюме. Красное, заросшее щетиной лицо напоминало переспелую ягоду крыжовника. Пока буфетчица отмеряла ему виски, он повернулся к Сэму.

— А вам что заказать, сэр?

У него был голос и повадки человека, который в любое время дня и ночи не то чтобы совсем пьян, но и не совсем трезв.

— Спасибо, пока ничего. У меня — вот. — Сэм показал на свой стакан.

— Ну, тогда действуйте сами, старик, не стесняйтесь. Когда-нибудь занимались плоскодонками?

Сэм сказал, что не занимался.

— И не ввязывайтесь. Это черт знает что. Теперь вот с конца апреля все накачиваюсь да накачиваюсь... все больше в «Корнуолле». Ну и заведение, чтоб ему провалиться! Вы обо мне слышали? Капитан Планкет.

— Кажется, нет, — сказал Сэм.

— Бросьте, старик! Помните то кино, насчет рыбы, которая лазает по деревьям? Кто к нему говорит вступление? Пэт Планкет — старый шкипер. Так это я и есть! Спросите где хотите, кого хотите — вам все скажут: «Как же, как же, шкипер Планкет — миляга старик». — Он швырнул на стойку десять шиллингов. — Спасибо, детка. Сдачу оставь себе. — И единым духом опорожнил рюмку.

Сэм поглядел на него.

— Да кто же эти «все»? Кто именно скажет: «Шкипер Планкет — миляга старик»?

Планкет торжествующе повернулся к буфетчице.

— Вот вам, пожалуйста! Что я говорил? Конечно, он меня знает. Меня всякий знает. Какое сегодня число?

— Тридцать первое июня, — без колебаний ответил Сэм.

— И со временем тоже зарез, — сказал Планкет. — Мне бы сейчас в Генуе быть — вот где. У меня там восемьдесят ящиков тухлого яичного порошка. Перекупил у одного парня в Барселоне. Парень был под мухой. Я тоже. Куда к черту девать тухлый яичный порошок?

— Сделать из него тухлую яичницу, так, наверно, — сказал Сэм задумчиво. — Знаете, что вам нужно? Хорошая реклама, вот что. «КАК?! ВЫ ВСЕ ЕЩЕ ЕДИТЕ ЯИЧНИЦУ БЕЗ ТУХЛИНКИ?!» Что-нибудь в таком роде. Попробуйте обратиться к мистеру Диммоку из агентства «Уоллеби, Диммок, Пейли и Тукс». Тукса можете не считать.

— Спасибо за идею, старина. Что скажете насчет половинной доли в заброшенном маяке у португальского берега?

— Готов взять верхнюю половину, — сказал Сэм. — Но только как можно дешевле.

— Черкните мне пару слов недельки через две. На адрес Олбенского спортивного клуба — Олд-Комптон-стрит. Знаете этот клуб, старина?

— Нет, старина.

— Пакостная дыра. Как, вы сказали, вас зовут?

— А я не говорил. Но меня зовут Пенти, Сэм Пенти.

— Ну да, ну да. Знавал вашего брата в Найроби.

— У меня нет братьев.

— Значит, это был еще кто-нибудь, — сказал Планкет. — До чего же, однако, тесен наш мир, дьявольски тесен, судите сами! — Он опорожнил вторую рюмку. — Где у вас телефон, детка?

— В коридоре с другой стороны зала. Вам придется выйти и зайти в другую дверь.

— Кто-нибудь знает номер панамской миссии? Никто? Ну да ладно. — Он двинулся было к двери, но вдруг круто повернулся и поманил к себе Сэма. — Что вы думаете насчет такого дельца, старина? Я имею третью долю в ансамбле электрических гитар — если все будет ладно, он прибывает из Венесуэлы в следующий четверг. И вот позавчера вечером встречаю в «Полперро» одного парня — ну, где-то он уже малость поддал, — и он предлагает

мне в обмен на эту третью долю тридцать процентов акций одной компании, которая выпускает сардины в масле. Вы парень гвоздь — так что скажете, а?

— Я не люблю сардины в масле, — сказал Сэм. — Но, говоря по правде, электрические гитары я тоже не люблю. Да, кстати, а что бы вы сказали, если бы у вас перед глазами вертелся карлик в красно-желтом камзоле и штанах в обтяжку?

Планкет не выразил ни малейшего изумления.

— А, это тот, что вас разыскивает?

Сэм опешил.

— Вы хотите сказать, что он здесь?

— Был за дверью минутку назад. Ну, я мигом. Не уходите.

Едва Планкет вышел, стало так пусто, словно бар закрылся. Сэм смотрел на буфетчицу, буфетчица смотрела в пустоту.

— Тихо-спокойно, а? — сказал Сэм.

— Что правда, то правда, — сказала женщина.

Рассеянно озираясь, Сэм бросил взгляд на дверь и вдруг увидел, что она отворяется. В проеме показались голова и плечи карлика, который узнал его, ухмыльнулся во весь рот и сразу исчез.

— Послушайте, — сказал Сэм с волнением, — вы видели карлика в красно-желтом наряде?

— Когда? — спросила женщина.

— Только что. Когда открылась дверь.

— Видела, как дверь распахнулась, а больше ничего.

— Ладно, уговорили, — сдался Сэм. — Но я выпью еще один двойной джин и еще стакан пива. Будьте добры.

Поставив пиво и джин на стойку, буфетчица сказала:

— Вы, наверно, думаете — я дура?

Это замечание застигло Сэма врасплох.

— Нет, не то чтобы... конечно... но...

— Нет, думаете, — отрезала буфетчица. — Ну, так вот что я вам скажу. Если б я силком не заставила себя стать душой, я на этой работе через неделю и вправду бы спятила; с вас четыре шиллинга десять пенсов.

Человек, который появился в эту минуту, выглядел весьма импозантно, но довольно нелепо. В своем черно-белом великолении он мог сойти за старомодного фокусника, готовящегося к выходу. Когда Сэм встретился с ним взглядом, он улыбнулся и сказал:

— Доброе утро, Сэм.

— О... привет. — Сэм попытался скрыть свое удивление. — Обождите-ка... По-моему, мы встречались на какой-то вечеринке у Наташи... Вы, кажется, из театрального мира... Не иллюзионист, а?

— Как тонко замечено, Сэм. Вот именно — иллюзионист. А зовут меня Мальгрим. — Он обернулся к женщине за стойкой и указал на бутылку. — Мне вон ту, зеленую.

— Мятный ликер? Но не всю же бутылку?

— Если позволите. — Он указал на большую серебряную кружку, украшавшую полку с напитками. — Я вылью ее сюда. Нужно заплатить, разумеется.

Он извлек толстую пачку бумажек и небрежно бросил их на стойку.

— Эй, поосторожней!.. — крикнула женщина, снимая бутылку мятного ликера и кружку.

— Пусть они у вас не залеживаются, — предупредил Мальгрим, выливая ликер в кружку. — Скоро они превратятся в сухие листья. Но пока тридцать первое не кончилось, все будет в порядке.

— Что? Тридцать первое? — переспросил Сэм. — А карлика снаружи вы видели?

— Видел. Его зовут Грумет. Он сейчас у меня на службе.

— Ах, вот как! — Сэм был в негодовании. — Да будет вам известно, что он утащил мой рисунок!

— Да, да... портрет принцессы Мелисенты. Что же, она его видела... пришла в восторг... и жаждет познакомиться с вами, Сэм. Вот зачем я сюда и явился. — Он поднял кружку. — Мое почтение и наилучшие пожелания, Сэм.

— Скажите ему хоть вы, — взмолилась буфетчица, теперь уж не на шутку встревоженная. — Ведь он сейчас совсем окосеет! Легкое ли дело — целая бутылка мятного ликера!

— Прекрасно освежает, — заявил Мальгрим, выпив кружку до дна. — Итак, Сэм... мне бы хотелось по возможности обойти стороной профессиональные мелочи, но... насколько близко вы знакомы с проблемой пространств высшего порядка?

— Совсем не знаком. Кто такая принцесса Мелисента?

— Попробуем представить себе вселенную шести измерений, — сказал Мальгрим. — Первые три — это длина, ширина и высота, три остальные можно определить так: первое — сфера внимания и материального действия, второе — сфера памяти, третье — сфера воображения. Вы следите за моей мыслью?

— Нет, — ответил Сэм. — А что вы имели в виду, когда сказали, что принцесса хочет со мной познакомиться и что за этим вы сюда и явились?

— Все созданное воображением должно существовать где-то во Вселенной.

— Что правда, то правда, — сказала женщина за стойкой.

— Вы, верно, думаете, Сэм, что принцесса Мелисента — личность воображаемая.

— М-м-м... с одной стороны, конечно, — сказал Сэм осторожно, — но с другой стороны...

— Вы совершенно правы, — улыбнулся Мальгрим. — Потому что, разумеется, и то и другое верно. И поскольку она убеждена, что ее жизнь — реальность, она, естественно, полагает, что вы должны быть вне реальности, как, разумеется, полагаю и я...

— Минутку! — Сэм был возмущен до глубины души. — Вы что же, хотите сказать, что эта наша жизнь — ненастоящая, нереальная?

— Разумеется. Это дикая мешанина из снов, кошмаров, пустых фантазий и мимолетных обольщений. Но, разумеется, ваш мир существует... и вы существуете в нем... и вы, разумеется, тоже, моя любезная леди.

— Премного благодарна, — сказала буфетчица. — А то я уж было забеспокоилась.

— А при чем тут мой рисунок? — спросил Сэм подозрительно.

— Пока ни при чем. Пока я объясняю вам, как можно, — конечно, зная секрет — попасть из нашего мира в ваш и наоборот. Я перехожу из подлинной, реальной жизни в воображаемую — и встречаю вас. Если же вы отправитесь вместе со мною (а я надеюсь, вы сделаете это в самом непродолжительном времени), тогда уж вы перейдете из подлинной жизни в воображаемую, чтобы встретиться там с принцессой. Какая из двух этих жизней реальная, какая воображаемая — зависит от позиции наблюдателя. Не погрешив против истины, можно сказать, что обе реальные и обе воображаемые.

— А как насчет карлика — его куда отнести?..

— В данный момент — ни к той и ни к другой: я только что послал его домой, и он в пути.

Дверь стремительно распахнулась. Это вернулся старый шкипер, капитан Планкет.

— Вот и он, — пробормотала женщина. — Только его здесь не хватало.

— Два двойных шотландских, детка! А вам двоим что?

— Спасибо, ничего. Мы уже выпили, — сказал Сэм. — Капитан Планкет, мистер Мальгрим, иллюзионист.

— Ну как же! — сказал Планкет, с воодушевлением пожимая Мальгриму руку. — Не сразу вас признал. Видел вас в Клубе диких. А еще помнится — в театре, в Холборне. Дивный номер. Получи десять шиллингов, детка. Сдачу оставь себе. Ну, будем!

— Вы послали карлика домой? — обратился Сэм к Мальгриму. — Но куда же именно?

— В королевство Перадор.

— Не могу сказать, чтобы знал такое королевство, — вмешался Планкет. — Но знал одного парня, которого звали Перадор. У него было по шесть пальцев на каждой руке. И этим самым рукам он не давал ни минуты покоя. Ребята, бывало, до обалдения доходят, как возьмутся считать его пальцы.

— Перадор? — медленно переспросил Сэм. — Это напоминает мне что-то из легенд о короле Артуре. А если так оно и есть, как можно туда отправиться?

— В третьей сфере, — невозмутимо сказал Мальгрим, — есть времена параллельные, времена конвергентные и дивергентные и времена взаимно переплетающиеся.

— Оно и видно, — сказал Планкет. — Кстати, о времени: могу свести вас с одним парнем, он прячет у себя на моторной яхте, в запасном баке, сорок дюжин швейцарских часов. Боятся выгрузить на берег. Горячка парень! — Он опорожнил вторую рюмку. — Может, закусим вместе, а? В «Троке» или еще где-нибудь. Я угощаю.

Мальгрим строго посмотрел на него и покачал головой.

— Нам с Сэмом нужно в Перадор.

— Да он уже черт-те сколько лет как закрылся, старина, если это вы про то самое заведение. Толкнитесь-ка

лучше в «Трок». И уж, во всяком случае, вы, конечно, не бросите старого милягу Планкета одного?

— Бросим,— сказал Мальгрим.

— Невозможно, старина.— Он обнял Сэма за плечи.— Мы с Сэмом оба по уши увязли в яичном порошке и португальском маяке. Хотите попытать счастья в старом «Перадоре» — ради бога, я готов, хотя ставлю десять против одного, что кончим мы все равно в «Троке». Но куда Сэм, туда и я.

— Только запомните: вся ответственность за последствия ложится на вас,— резко сказал Мальгрим.

— Старый шкипер Планкет никогда не отказывался от...

— Тихо!

Неведомо откуда налетел ветер, засвистал и сдул стену напроочь. С ревом ринулся он по туннелю, открывшемуся на том месте, где прежде была стена. И трое крупных, плотного сложения мужчин исчезли. Последнее, что осталось в памяти буфетчицы, вслед за тем потерявшей сознание, был голос фокусника: «Добро пожаловать в Перадор, джентльмены!»

Она только успела плеснуть себе коньяку, как в бар вошли Энн Датон-Свифт и Филип Спенсер-Смит, оба высокие и элегантные, энергичные и оживленные.

— Доброе утро! — сказала Энн приветливо.

— Доброе утро! — сказал Филип столь же приветливо.

Женщина за стойкой сделала героическое усилие.

— Здравствуйте,— сказала она. И медленно, с натугой продолжала: — Погодка... опять... разгулялась.

— О да, конечно! — откликнулся Филип.— У вас все ладно, тихо, не правда ли?

— Что правда, то правда.— Женщина закрыла глаза.

— Видите ли, мы ищем приятеля,— сказала Энн, источая чарующую улыбку совершенно попусту, ибо глаза буфетчицы были закрыты.

— Он сказал, что пойдет сюда,— подхватил Филип.

— Мистер Сэм Пенти...

— Вы его видели сегодня утром?

Женщина открыла глаза.

— Да. Он был здесь.

— Ах, какая радость, прекрасно! — сказал Филип, чувствуя, что следует как-то ободрить бедняжку.

— Итак, не могли бы вы нам сообщить, что с ним произошло? — Энн говорила отчетливо, словно обращалась к умственно отсталому ребенку или к иностранцу.

— Подойдите поближе, — сказала женщина чуть слышно. — Мне только что было совсем худо.

— Ах, какое несчастье, как это ужасно! — сказал Филип.

— Пожалуйста, не напрягайтесь, — сказала Энн, придвинувшись ближе.

— Да нет уж, придется, — сказала женщина, по-видимому собираясь с силами. — Уж хотите верить, хотите нет...

— Ну что вы... конечно, мы вам верим...

— Он и еще двое полоумных все втроем унесли. Что-то у них там такое... какая-то принцесса... португальский маяк... шесть пальцев и швейцарские часы...

— Простите, — сказал Филип, — но у вас получается не совсем ясно...

— Но это неважно, — возразила Энн. — Вы только скажите нам, куда они пошли.

Буфетчица трясущейся рукой указала на стену.

— Честное благородное слово... Вот сюда. Прошли сквозь стенку, а я так и остолбенела.

Энн и Филип взглянули на стену, взглянули на женщину за стойкой, взглянули друг на друга.

— Назад в контору, Фил, — сказала Энн. — И вряд ли Д. Д. будет доволен.

Как завершилось утро мистера Диммока

И в самом деле, мистер Диммок был недоволен всем на свете. Примерно в то время, когда Энн Датон-Свифт и Филип Спенсер-Смит возвращались из «Вороного коня», он звонил по телефону в «Жуй-да-плюй». Пневматические дрели грохотали что было мочи. Если бы Диммок оторвался от трубки хоть на миг и трезво оценил ситуацию, он сообразил бы, что, говоря по телефону, нет никакой необходимости перекрикивать шум дрелей. Между тем он так неистово орал в аппарат, что «Жуй-да-плюй» не мог разобрать ни слова. Но мистер Диммок считал, что виною всему дрели, которые заглушают его голос, и потому кричал еще громче.

— Я смотрел сегодня утром эскиз... Я говорю: смотрел эскиз сегодня утром... Но я сказал, что он не годится... Не годит-ся-а... для ваших пакетов — ни к черту... Я говорю: для пакетов... Да о чем я, по-вашему, с вами толкую? Что? Какие ракеты? Рекламные пакеты должны быть нацелены на покупателя... Я говорю: долж-ны быть на-це-ле-ны на по-ку-па-те-ля-а... Да не ракеты! Стану я звонить вам насчет ракет! Я говорю, с чего вдруг я стану звонить насчет ракет! О господи боже мой... Я позвоню вам позже... я говорю: по-зво-ню поз-же-е...

Он положил трубку и обтер носовым платком взмокший лоб. На столе стояли сэндвичи и стакан молока. С рассеянным и озабоченным видом он отхлебнул из стакана и откусил краешек сэндвича, все еще с невольным подозрением поглядывая на большой шкаф у противоположной стены. Он был ничем не примечателен, этот шкаф,— самый обыкновенный конторский шкаф для книг и бумаг, который лучше всего ставить так, чтобы его вообще не было видно,

и тем не менее мистеру Диммоку чудилось, будто шкаф пад ним насмежается.

И тут он заметил крысу. Это была большая бурая крыса, и вышла она из шкафа, хотя трудно было понять, как именно, ибо дверцы не отворились. Она отбежала от стены на шаг-другой, присела на задние лапки, взглянула на мистера Диммока и затем издала странный звук, нечто вроде «хи-хи-хи».

Это было уже слишком! В бешенстве Диммок вскочил и пшвырнул в крысу блокнотом, но промахнулся шага на два, не меньше. Крыса снова пропизцала свое «хи-хи-хи» и шмыгнула обратно в шкаф.

— Пегги! — закричал мистер Диммок в микрофон. — Сюда! Живо!

Он откусил кусок другого сандвича, но хлеб показался ему противным, отдающим крысой.

— Пегги, — начал он возмущенно, — в конторе появились крысы!

— Какие крысы? Канцелярские? Да, у нас их две, и они наносят ущерб фирме...

— Да не канцелярские, а настоящие! Я только что видел крысу. Она выскочила из шкафа.

— О! Мистер Диммок... не может быть!

— Говорят вам — выскочила из шкафа! — кричал Диммок. — Здоровенная, жирная, бурая крыса, наглая, как сто чертей. Стояла вот здесь и смеялась мне в глаза. Я запустил в нее блокнотом и промахнулся, и она опять засмеялась. А потом удрала обратно в шкаф. Ну, что скажете?

Пегги сокрушенно покачала головой.

— Скажу, что нужно бы вам пойти домой, мистер Диммок.

— Домой? При чем здесь мой дом?

— Здоровье дороже всего, мистер Диммок.

— Не спорю, но какое отношение это имеет к крысам?

— Мне кажется, вам не следует оставаться в конторе и заниматься делами через силу, мистер Диммок. Я знаю, какой вы добросовестный,— мы все знаем,— но ведь дела — это еще не все в жизни. Разрешите мне вызвать машину и позвонить миссис Диммок.

— Нет, не разрешаю! — сердито сказал Диммок. — Подумаешь — увидел крысу!

— Да не в крысе дело,— сказала Пегги, и в голосе ее зазвучали, а в глазах заблестели слезы. — Вы говорили, что видели карлика.

— Ну и что? Да, я видел карлика!

— И вы говорили, что он тоже ушел в шкаф...

— Довольно, Пегги,— сказал Диммок, внезапно возносясь на высоту своего служебного положения. — Занимайтесь своим делом, а мне предоставьте заниматься моим.

— Хорошо, мистер Диммок.

Она повернулась к двери.

— И скажите там, чтобы в следующий раз мне не приносили сэндвичи, которые вкусом напоминают опилки.

Она остановилась на пороге, обернулась и с упрёком взглянула на него.

— О, мистер Диммок... дело не в сэндвичах... дело в вас...

Как только она скрылась, он подошел к шкафу и с опаской отворил дверцы. Все было, как прежде: между книгами и папками, тесными рядами выстроившимися на полках, не оставалось даже щели для крысы. Задумчиво осмотрев шкаф, Диммок медленно вернулся к своему столу. В одну руку он взял стакан молока, в другую — неначатый сэндвич, повернулся к окну и стал смотреть на улицу. Молодые загорелые бесы с пневматическими дрелями, все такие здоровые и довольные, сгрудившись тесной кучкой, перемигивались и готовились к очередной попытке стереть весь квартал с лица земли. Но тут его внимание при-

влек шум в комнате. Очень красивая девушка, одетая в какой-то средневековый костюм, стояла посреди его кабинета и улыбалась ему весело и выжидательно. У Диммока мелькнула мысль, что девушка, возможно, тоже вышла из шкафа, но он поспешно прогнал эту дурацкую догадку.

— Ну, это еще что? — спросил он не слишком любезно.

— Это я,— она обворожительно улыбнулась.— Кто вы такой?

— Поскольку это мой кабинет, надо бы, собственно, мне спрашивать, кто вы такая. Но раз вы новенькая, я вам отвечу. Я — мистер Диммок, один из директоров фирмы. И хотя вы прекрасно смотрите, моя дорогая, вы должны сами понять, что мы не можем разрешить натурщицам в костюмах разгуливать, где им вздумается. А иначе получится форменный бедлам.

— А что такое бедлам?

— Ну, вы понимаете, что я хочу сказать. Что вам здесь надо?

— Я ищу Сэма.

— А-а, «Чулоч прекрасной дамы», — протянул Диммок с невыразимым облегчением. — Да, Сэм был здесь, а потом ушел. Но я уже послал за ним Энн Датон-Свифт и Филиппа Спенсер-Смита, так что, надо надеяться, он не заставит себя ждать. Как только он вернется, вы будете снова ему позировать.

— Мне кажется, я люблю Сэма, — мечтательно сказала девушка.

— Не вы первая, так что не принимайте это близко к сердцу. Как вас зовут, дорогая?

— Принцесса Мелисенда.

— Ну что ж, — сказал Диммок. — Ничего удивительного. В прошлом году у нас работала внучка русской великой княгини. И итальянская *contessa* *. Из вас, аристокра-

---

* Графиня (*итал.*).

ток, выходят неплохие натурщицы... Воспитание, наверно...

— Не понимаю, о чем вы...— начала Мелисента, но тут загрохотали дрели, и она в ужасе зажала уши руками.

— Забыл предупредить вас, дорогая моя,— сказал Диммок, когда грохот смолк.— Но это всего-навсего пневматические дрели.

— Зачем вы завели такие ужасные штуки? — с упреком воскликнула Мелисента.— У нас, во всамделишной жизни, их нет.

— В какой жизни?

— Во всамделишной. Вы видели магистра Марлаграма, волшебника?

— Понятия не имею, кто это. Зато я видел большую бурю крысу, и — если только я не окончательно спятил — она пицала: «Хи-хи-хи!»

— Это и был магистр Марлаграм. Он сказал, что обернется крысой, перед тем как к вам войти.

Диммок уставился на нее и задышал тяжело и шумно.

— Одну минутку, принцесса, извините! — Он проговорил в микрофон: — Пегги, вы мне нужны... немедленно.— Потом снова поднял глаза.— Когда моя секретарша войдет, скажите ей то, что сейчас сказали мне. Она считает, что мне надо ехать домой и лечь в постель.

— Вы больны? — спросила Мелисента, подходя ближе и глядя на него с сочувствием.— У вас доброе лицо, но грустное. Может, действительно вам лучше поехать домой и лечь в постель.

— Ненавижу валяться в постели! — Он посмотрел на Пегги, которая в этот миг вошла в кабинет.— Пегги, это принцесса... э-э-э... Мелисента, она позирует Сэму. Ну-ка, принцесса, повторите Пегги то, что вы сейчас сказали мне,— насчет этого магистра, как его там...

— Элисон,— промолвила Мелисента, широко раскрыв глаза,— как вы сюда попали?

— Простите, но как вы узнали, что мое второе имя Элисон? А-а, вы, должно быть, та девушка, о которой мне говорила кузина Одри. Но сюда вы напрасно пришли. Кстати, нос у вас немножко... у вас есть крем-пф?

— Крем-пф?

Пегги достала пудреницу и открыла ее.

— Ах, какая прелесть! — воскликнула Мелисента в упоении. — Никогда не видела ничего лучше во всамделишной жизни! Мне непременно нужно раздобыть такую же, прежде чем вернется Сэм.

— Я покажу вам, куда ходим мы, девушки, — сказала Пегги, уводя ее.

Диммок проводил их оторопелым взглядом, а потом принялся вытягивать один за другим ящики стола, пока наконец не нашел флягу. Плеснув из нее в стакан с молоком, он стал прихлебывать смесь, все еще бросая подозрительные взгляды на шкаф. Он как раз допил стакан, когда в кабинет плечом к плечу вступили Энн Датон-Свифт и Филипп Спенсер-Смит.

— Ну как, нашли Сэма?

— Нет, Д. Д., — сказал Фил. — Мы были в «Вороном коне» — это такое заведение по соседству с его домом — и не нашли там никого, кроме полоумной буфетчицы.

Энн фыркнула.

— Она сказала, что Сэм ушел сквозь стенку...

— ...искать какую-то принцессу на каком-то португальском маяке, — подхватил Фил со смехом.

— Верно, Д. Д., это ее слова, мы ничего не сочиняем.

— Тут пришла Сэмова натурщица, — сказал Диммок. — В полном параде. Очень миленькая девушка, между прочим. Говорит, что она принцесса... — Зазвонил телефон. — Диммок слушает... Спенсер-Смит? Да, здесь. — Он протянул Филиппу трубку. — Телевидение. Вот пустобрехи!

— Спенсер-Смит слушает... Да? Что-что она? Но я же

вас предупреждал, что надо приготовить еще одну девушку...— Мрачно выслушивая оправдания, летевшие с противоположного конца провода, он вдруг увидел в дверях кабинета Мелисенту и сразу просиял. — Я знаю... знаю... но ведь вы обращаетесь ко мне в последнюю минуту... Ну, хорошо, у меня есть кое-кто на примете. Пока ничего не меняйте, ребята. — Он положил трубку и посмотрел на Диммока. — Д. Д., горю со страшной силой, SOS! Можно я возьму эту Сэмову натурщицу? Ладно? — Он повернулся к Мелисенте. — Есть классная телеработенка — легонькая, одно удовольствие... возьметесь, детка?

— О чем вы говорите?

— Сейчас некогда объяснять, детка. Расскажу по дороге.

— А я увижу Сэма?

— Вряд ли. Но вполне возможно, что он вас увидит и услышит. Скорее, лапочка!

У порога Мелисента обернулась и сказала Диммоку:

— Если снова придет волшебник, магистр Марлаграм, объясните ему, где я. И, пожалуйста, не думайте, будто с ним нельзя разговаривать по-человечески оттого, что он обернулся бурой крысой.

Энн посмотрела ей вслед, потом растерянно уставилась на Диммока.

— Д. Д., что она сказала?

Диммок отвечал, с трудом подавляя ярость:

— Вы что, не можете понять простейшей, совершенно недвусмысленной просьбы, Энн? Она сказала, что я должен поговорить с магистром Марлаграмом, волшебником, хотя он обернулся бурой крысой. И не вздумайте со мной спорить! — закричал он. — Оставим эту тему — и точка!

— Хорошо, хорошо, — сказала Энн. — Но откуда она взялась, эта девушка?

— Из шкафа! — И, видя, что Энн собирается открыть

рот, он закричал: — Я же сказал «оставим эту тему», сказал или нет? Так вот, когда я говорю «оставим», это значит «оставим»! — Он поглядел на стол и вдруг заметил что-то новое. — А это еще кто сделал? — Он схватил громадный календарь и швырнул его через всю комнату; календарь упал лицевой стороной вверх; на листке значилось — июнь, 31-е. В этот миг вошла Пегги.

— Приехала миссис Диммок, чтобы забрать вас домой. И доктор Джарвис сейчас придет осмотреть вас, мистер Диммок.

— Ох, обалдеть можно! — Зазвонил телефон, и мистер Диммок в полнейшем отчаянии схватил трубку. — Кто?.. «Мамин пусик»? Слышать больше не могу о вашем дерьме! Осточертело! Понятно?

Он с грохотом бросил трубку.

— Д. Д., господь с вами! — закричала Энн в смятении. — Ведь это один из наших лучших заказчиков!

— Он не в себе, мисс Датон-Свифт, — сказала Пегги. — Я уверена, что доктор Джарвис...

— Ах, чтоб тебя! — Уже насилу сдерживаясь, Диммок забарабанил пальцами по столу. — Будет когда-нибудь всему этому конец или...

— Хи-хи-хи!

— Слышали?

— Что-то пискнуло, — сказала Энн. — Но, честное слово, Д. Д., нам придется объяснить «Маминому пусику»...

— Тихо! Вот... слушайте!

— Хи-хи-хи!

— Пожалуйста, мистер Диммок, снимите воротничок, — сказала Пегги. — А если бы вы еще туфли сняли и прилегли...

— Да замолчите вы!

Диммок побагровел. Поднявшись из-за стола, он озираясь, как затравленный бык.

— А ну, загляните в шкаф, — произнес писклявый голос. — Хи-хи-хи!

— Да, я загляну, разрази меня бог! — заревел Диммок.

Он выбежал из-за стола и бесследно исчез в шкафу.

— За ним! Скорее! — дико вскрикнула Пегги. — Нельзя отпускать его одного в таком состоянии! Быстрее!

— Итак, мистер Диммок... — важно начал доктор Джарвис, входя в кабинет. — Что это? Что я слышу?

Но он увидел лишь, как Энн Датон-Свифт вслед за Пегги исчезла в шкафу. Он помедлил мгновение, потом величаво двинулся через всю комнату к шкафу и распахнул дверцы. Но он узрел лишь полки, до отказа набитые книгами и папками. И услышал после минутного замешательства лишь сотрясающий землю хор пневматических дрелей.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Сэм в беде

Вспоминая впоследствии путь от Пикок-плейс до Перадора, Сэм решил, что это было похоже на очень быстрое путешествие и вместе с тем на пробуждение от сна. По дороге (если только можно было назвать это дорогой!) он потерял обоих своих спутников — и Мальгрима, и шкипера Планкета — и теперь без особого воодушевления взбирался вверх по длинной лестнице какого-то замка. Вдобавок Сэм любил днем основательно подкрепиться — не сандвичем и салатиком, как большинство из нас, но чем-нибудь вроде пудинга с мясом и почками и пирога с вареньем, — а с тех пор, как он наскоро позавтракал, прошло уже несколько часов, и он сильно проголодался. Нет, разумеется, он всей душою желал найти прелестную принцессу Мелисенту, но это не значило, что он и думать поза-

был о ланкаширском рагу, ирландской тушеной баранине с луком, вареной говядине и клетках. Однако ничем таким и не пахло. На верхней площадке лестницы кто-то играл на лютне, и, так как Сэм явился без приглашения, он счит своим долгом остановиться и послушать.

— Большое спасибо,— сказал он.— Сыграйте еще что-нибудь, хорошо?

Музыкант поднялся, улыбнулся, поклонился.

— Простите... минутку,— продолжал Сэм.— Я тут как-то вечером, совсем недавно, услышал по радио одну вещь... вы ее, наверно, знаете... Как это... ах да, вот: «Черный рыцарь взял мое сердце в полон».

— Фуй! — сердито скривился музыкант. Он подхватил свою лютню и пошел прочь, не глядя на Сэма.

— Вы сказали «фуй?» — крикнул Сэм ему вслед. — Я много раз видел это слово в книгах, но никогда его не слышал.

Оставшись в одиночестве, Сэм решил, что, пожалуй, стоит обследовать башню, в которой он находится,— хотя бы для того, чтобы забыть о голоде. Раздвигая изъеденные молью занавеси, он нос к носу столкнулся с очаровательной рыжей дамой в изумрудно-зеленом платье. Ее улыбка была как разукрашенное цветными лампочками «Добро пожаловать!»

— Каково изволит здравствовать светлый государь мой,— начала она,— после толиких и столь многих испытаний?

Сэм не ударил в грязь лицом.

— Прекрасная госпожа... э-э... Я грядущ... урона не понес... но... э-э... преисполнен изумления.

— Светлый государь мой, коль скоро ищите вы приключений и тщитесь выказать и засвидетельствовать вашу доблесть, должно вам быть готовым преисполниться изумления многажды.

Сэм изнемогал.

— Благородная девица... э-э... вы глаголете истину. Э-э... ваше имя... э-э...

— Я леди Нинет. — Она присела, пряча улыбку. — И в моем роду много высоких властителей и знатных дам.

— Прекрасная леди Нинет, — сказал Сэм, окончательно потерявшись. — Меня зовут Сэм... а семейство мое зовется Пенти. И род у меня, сказать по правде, не бог весть какой...

— И держать такие речи не бог весть как умеете, верно, Сэм?

— Стало быть, можно говорить и попросту? Ох, гора с плеч! Кстати, леди Нинет, вы были так любезны, что спросили меня, как я себя чувствую. Должен признаться, я голоден как волк.

— Я это знала заранее, — сказала Нинет. — Все готово. Пожалуйста сюда. Я и сама проголодалась, Сэм. Я знала, что вы должны скоро прибыть, я ждала вас. Разве не мило с моей стороны?

— Еще бы, леди Нинет! Как раз это я и хотел сказать. Бог ты мой, какой стол!

Еды было наготовлено человек на десять, хотя предназначалась она, по всей очевидности, только для двоих.

— Боюсь, что ничего особенного вы здесь не найдете — не было времени заказать, — сказала Нинет небрежно. — Но, может, возьмете холодного лебеда или павлина, кусочек вот этого дворца из миндаля в меду? И гусиный паштет, должно быть, очень недурен.

— Грандиозный завтрак!

— Садитесь, Сэм. Налить вам вина? Положите себе гусиного паштета.

Несколько минут Сэм сосредоточенно жевал и глотал, а потом почувствовал, что пришло время задать вопрос — другой своей сотрапезнице.

— Кстати, Нинет, в каком мы с вами веке?

— В каком веке?

— Ну да. Кто вами правит?

— Великий король Артур, конечно.

— Ах да... Артуровы времена. Самые что ни на есть легендарные... Наверно, все это еще в ходу — всякие там рыцари, волшебники, драконы, великаны...

Нинет изумленно на него поглядела.

— Ну, разумеется. Все как обычно. А вашим мифическим королевством кто правит, Сэм?

Сэм пустился в объяснения:

— Номинально — королева Елизавета Вторая. А фактически — исполкомы консервативной и лейбористской партий, Конгресс тред-юнионов, Федерация британских промышленников, Фабианское общество, «Группа Боу» *...

Нинет неудержимо расхохоталась и даже пролила вино на жареного лебедя.

— Сэм, миленький, остановитесь, довольно! Я ведь понимаю, вы все это выдумали. А теперь шутки в сторону и давайте поговорим, как два добрых заговорщика. Мне ужасно хочется знать, как магистр Мальгрим вас сюда доставил. Он просил, чтобы я приготовилась принять вас, Сэм, и с той поры я его больше не видела.

— Что ж... все это произошло почти молниеносно, — сказал Сэм. — У меня чуть-чуть закружилась голова, но оно и понятно — как-никак одним махом из «Вороного коня» в Перадор, — а потом я вижу, что Мальгрим куда-то исчез и вместе с ним — один чужак, некий капитан Планкет; он увязался за нами — возьми его да и только. Понятия не имею, куда они делись. Если не считать какого-то малого с лютней, который на меня обиделся, вы, леди

---

* Общество молодых консерваторов. — *Прим. перев.*

Нинет, первый человек, с кем я здесь перемолвился словом.

Она покосилась на него изумрудным глазом.

— И довольно милый человек, не правда ли, Сэм?

— Еще бы, прелестный! — Он помедлил в нерешительности. — Но... м-м-м... там у нас шла речь о принцессе Мелисенте.

— О-о, Сэм!

В ее голосе звучало разочарование.

— Пожалуйста, простите, я, кажется, сказал что-то не то.

— Вы ведь не сноб, Сэм?

— Нисколько! — Он виновато улыбнулся. — Но со слов Малыгрима я понял, что девушка, которую я рисовал, — принцесса Мелисента... Ну, и... вы сами понимаете, Нинет... ее-то я и ищу.

— Значит, она, на ваш взгляд, красивее меня? — спросила Нинет высокомерно. — Мне кажется...

— Нет, нет, не будем больше к этому возвращаться. Собственно говоря, я ее толком и не разглядел... не то что вас... а уж вы-то, спору нет, на редкость соблазнительная девочка... прошу прощения!

— Не за что. Я слушаю вас с большим удовольствием. Еще вина, Сэм?

Она снова наполнила его чашу.

— Спасибо, Нинет, — сказал Сэм, у которого уже зашумело в голове. — Обе вы девушки что надо. Только разного типа. Но все-таки я хочу найти принцессу Мелисенту.

— Она дура, — сказала Нинет.

— А может, мне как раз дура и нужна. — Сэм улыбнулся ей и отхлебнул изрядный глоток вина — красного, чуть терпкого, совсем недурного.

— Не болтайте ерунды! — Она строго на него посмотрела. — А я умная и совершенно безнравственная.

Сэм не нашелся, что ответить на такого рода признание, и потому промолчал. Молчание продолжалось с полминуты.

Потом Нинет наклонилась вперед.

— Вы знаете Макбетов?

— Я знаю про Макбетов, — сказал Сэм.

— У меня есть в Шотландии кузина, которая близко с ними знакома. Всего несколько лет назад Макбеты были ничем — простыми солдафонами. А поглядите-ка на них теперь! И все она! У нее крепкий ум... решимость... энергия.

— Дайте срок, — сказал Сэм зловеще.

— Конечно. Шотландию вы мне подарить не можете. Но и здесь умные и безнравственные женщины умеют снять сливки. Поглядите на фею Моргану, Джипевру, королеву Оркнейскую... Да, для настоящего заговора годятся только умные женщины и волшебники.

— В нашем мире, — сказал Сэм, — заговоры больше не нужны. Мы и без заговоров все в лучшем виде разрушим и развалим — на то у нас есть наука и прогресс. Но объясните мне подробнее насчет волшебников — я не совсем понимаю, что тут с ними за история.

— О, история замечательная, — начала Нинет. — У нас их двое: Мальгрим — тот, с которым я заодно, — и его старый дядя Марлаграм. Марлаграм и увел Мелисенту искать вас.

— Тогда зачем я сюда попал?

— Видите ли, какое дело, Мальгрим ужасно ловкий и в свой черед оставил дядю: прежде чем бедняжка Мелисента успела вас найти, он притащил вас сюда. И теперь вы здесь, а она там.

— И оба не в том мире, в каком нужно, — возмущенно сказал Сэм. — По-моему, это уж слишком!

В этот миг раздался голос герольда:

— Его королевское величество Мелиот — король Перадора, высокий повелитель Бергамора, Марралора и Парлота, властелин Лансингтона, Нижних Мхов и Трех Мостов!

Загремели трубы, и вошел, вернее, вбежал король Мелиот. Его сопровождали престарелый советник, Мальгрим в своем роскошном черно-серебряном, расшитом знаками зодиака наряде и двое солдат. Король выглядел так, будто, слишком плотно закусив и выпив слишком много вина, он потом заснул, но выспаться ему не дали и теперь он ничего толком не соображает и настроен хуже некуда. Рассмотреть его как следует Сэму не удалось.

— Что здесь происходит? — закричал король. Он показывал на Сэма: — Это что за тип? Хотя нет, потом расскажете. Где наш карлик — вот что главное!

— Он здесь, государь, — сказала Нинет. — Магистр Мальгрим, волшебник, доставил его назад.

— А, тот самый тип... Мы ему не доверяем. — Теперь король показал на Мальгрима. — А это что за тип?

— Я и есть магистр Мальгрим, ваше величество.

— Фу ты, пропасть, перепутал! Но мы все поставим на место, можете не сомневаться! — рявкнул король.

— Боже, благослови нашего доброго короля Мелиота! — воскликнул престарелый советник тонким, дребезжащим голоском. — Гип-гип...

— Урра-а!! — дружно подхватили двое солдат. Но по всему было видно, что подхватывать им приходится слишком часто.

— Ладно, ладно, хватит. — Король свирепо глянул на Сэма и показал на него пальцем. — Ну, так что же это за тип?

— Он не принадлежит к числу ваших подданных, государь, — сообщил престарелый советник.

— Сами видим, — резко возразил король. — Одет черт знает как. Наверно, один из этих лайонесских или камелиардских голодранцев, а? Явился без доклада. Верительных грамот не представил. А теперь угощается за наш счет, да ты смотри, как пышно. — Он впился глазами в стол, потом подошел поближе. — Этот гусиный паптет припасен для нашего королевского стола! Спрашивается, как он сюда попал? Нет, это просто адово наваждение! Какой-то тип явился неизвестно откуда... без верительных грамот... даже платья пристойного на нем нет... а его накачивают нашим лучшим вином и закармливают нашим лучшим гусиным паптетом! Да кто он такой?

— Опасный молодой человек, ваше величество, — сказал Мальгрим вкрадчиво. — Он разыскивает принцессу Мелисенту. Это тот человек, которого она видела в моем волшебном зеркале... Сэм.

— Сэм? Да ведь она сказала, что его на самом деле не существует. Мифологический персонаж, сказочный, фольклорный — так мы поняли. Нет, это, видно, кто-то другой. Как вас зовут?

— Сэм. И я тот самый тип, о котором она говорила. Мы любим друг друга. Вернее, надеюсь, что она тоже. Я-то, во всяком случае, ее люблю.

Это заявление привело короля Мелиота в ярость.

— Нагло смотрит нам прямо в лицо... непристойно одет... набил брюхо нашим лучшим паптетом... а теперь еще толкует нам, что влюбился в нашу единственную дочь! А, прах побери, у нас кровь закипает в жилах!

— Может быть, последует какое-нибудь официальное представление со стороны.... — начал престарелый советник.

— Вадор! Мелисента! Мелисента! — закричал король. Ответа не было, и он обратился к Нинет: — Где она?

— Ее здесь нет, государь. Она отправилась искать его... Сама.

— Ах вот оно что, искать?! Ну так сообщите ей от нашего имени, где она может его найти. В самой что ни на есть глубокой нашей темнице! Эй, люди, уведите его. А если попробует бежать, всыпьте ему так, чтобы у него отпала охота бегать!

После короткой схватки двое солдат скрутили и поволокли Сама. Когда они скрылись, король огляделся по сторонам и сгреб со стола гусиный паштет.

— Погодите, мы вас так взгреем за этот гусиный паштет, что своих не узнаете, — сказал он Нинет. — Слышите вы о нем не в последний раз, моя милая. Но видите — в самый что ни есть распоследний!

И, отхватив громадный кусок паштета, он выбежал из зала, а за ним, трепеща, поспешил престарелый советник.

— Садитесь и выпейте вина, магистр Мальгрим, — сказала Нинет, улыбаясь волшебнику. — До чего же мне это нравится!.. Я хочу сказать — роль заговорщицы. И вы действительно поразительно ловко.

— Да, верно, чистая работа, — сказал Мальгрим, принимая вино из рук Нинет. — Впрочем, и дядюшку Марлаграма не следует недооценивать. Но пока у меня преимущество по меньшей мере в один ход. Сэм — здесь, в самой глубокой темнице. Она — там.

— Еще в Сэмовом мире? Восхитительно!

— Да, и очень скоро ее выпустят в эфир.

— А что это такое, магистр Мальгрим?

— Есть у них такое колдовство. Тоска смертная. Мы с дядей ни за что не поставили бы свое имя под такой нудной бессмыслицей. Думаю, что эфир доставит Мелисенте столько же удовольствия, сколько Саму — темница. Ха-ха!

Нинет бросила на него восхищенный взгляд.
— Ах, до чего ж вы безнравственный!

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Мелисента в эфире

Бэртон Чидлуорт, ведущий в телевизионной передаче «Дискуссия у вас на экране», не сводил тревожного взгляда со своих часов.

— Ну как, все в порядке? — спросил Филип Спенсер-Смит. — Хотя вполне возможно, что у девушки, которую я привез, язык подвешен не так уж ловко. Это я признаю. Зато внешность великолепная. Ничего не скажешь.

— Я за нее и не беспокоюсь, — отвечал Чидлуорт. — Но наш деревенский типаж, Джозия Хуки, до сих пор не явился, а через десять минут нас выгустят в эфир. Он и прежде запаздывал (и, уж конечно, всегда приходит под мухой), но чтобы прийти совсем впритирку — такого еще не бывало. А, будь он неладен! Я с самого начала не хотел включать его в передачу, но Руперт и Нэнси настояли: без деревенского типажа нам, говорят, никак нельзя. Эй, что вам тут нужно?

Маленький старичок с длинной бородой, в холщовом фартуке и с вилами в руках ринулся к ним с такой непонятной стремительностью, что можно было подумать, будто он просто дурачится.

— Не будет вам нынче Джозии Хуки, сударь, — объявил он, и голос его был исполнен ликующего злорадства. — Вместо его, стало быть, мы. Хи-хи-хи! А звать нас Марлаграм. Мы тоже из деревни — сами видите. Хи-хи-хи!

— Нет, не вижу, — сказал Бэртон Чидлуорт. — В этом наряде вы больше всего похожи на захудалого статиста из гастрольной бригады номер два, которая давала на днях

«Жену фермера». Да вы на самом деле из деревни или может, с последних страниц «Рампы»?

— Сударь ты мой, вот те крест! — завопил Марлаграм. — Сроду из деревни не выезжал! А сейчас готов услужить, коли позволите. Хи-хи-хи!

И он кинулся к принцессе, которая горячо его приветствовала.

— Я — человек с тонкой интуицией, — сказал Чидлуорт мрачно. — И что-то подсказывает мне, Спенсер-Смит, старина, что «Дискуссия на экране» сегодня с треском провалится. Миссис Шайни бормочет, как индюшка. Ведняга Тед Гиззард путается в длинных словах. Ваша прелестная белокурая молчаливица, наверно, рта не раскроет. А теперь еще этот король троллей на нашу голову! Надо бы снять с него фартук и отобрать вилы. Сдается мне, ему на самом деле года двадцать два и он только что получил свою первую роль в «Драматическом театре». Чарли! — крикнул он. — Мы рассаживаемся по местам.

Миссис Шайни была дородная и глупая дама с большим носом и бюстом. Тед Гиззард был тощий и упрямый субъект, до того понаторевший в суконом языке речей и докладов, что на обыкновенном английском языке изъяснялся уже с трудом. Филипп глядел, как все четверо занимают свои места по обе стороны от Вэртона Чидлуорта — принцесса рядом с Тедом Гиззардом, а Марлаграм рядом с миссис Шайни, и на душе у него тоже заскребли кошки. Правда, на вид девушка неотразима, но в том, что она до сих пор говорила, особого ума не видно. А этот коротышка Марлаграм, хоть ему, уж наверно, никак не меньше восьмидесяти, все только подмигивает, трясет головой, хихикает да потирает руки — этакий жизнерадостный маразматик!

— Добрый день! — сказал Чидлуорт, улыбаясь миллиону с четвертью домашних хозяек (не считая бесчис-

ленных школьников, больных корью и свинкой). — Приглашаем вас снова принять участие в «Дискуссии у вас на экране». Справа от меня — давняя и популярная участница наших передач миссис Шайни. Как всем вам известно, миссис Шайни — председатель Гильдии домашних хозяек и хранительниц домашнего очага. Рядом с нею, на месте, обычно принадлежащем Джозии Хуки, который не совсем здоров, мистер... э-э... Марлаграм, готовый осветить интересующие нас вопросы в сельскохозяйственном аспекте, иначе говоря, с точки зрения деревни. Слева от меня — еще один давний и не менее популярный участник наших передач Тед Гиззард. Тед Гиззард пользуется широкой известностью в тред-юнионистском движении: он генеральный секретарь профсоюза клепальщиков-паяльщиков и лудильщиков-точильщиков. А рядом с ним — еще одно новое для вас лицо... на редкость приятное добавление к нашей компании (я думаю, мои слова не вызовут возражений)... принцесса Мелисента, ныне успешно подвизающаяся в Лондоне в качестве натурщицы.

— Нет, я просто ищу Сама, — решительно объявила Мелисента. — Где он?

— После скажу, девочка, — ответил Марлаграм. — Хи-хи-хи!

— Да, да, — поспешил вмешаться Чидлуорт. — Это чрезвычайно интересная проблема, и я надеюсь, мы еще вернемся к ней. А теперь, миссис Шайни... первый вопрос к вам. Одна из постоянных телезрительниц спрашивает: «Какие новые возможности следовало бы открыть перед женщиной?» Пожалуйста, миссис Шайни.

— Я буду говорить как домохозяйка и хранительница домашнего очага, — сказала миссис Шайни с неописуемой важностью, — ибо вам известно, что я возглавляю Гильдию домохозяек и хранительниц домашнего очага, самое крупное и самое влиятельное объединение домохозяек

и хранительниц домашнего очага в нашей стране. Итак, как домохозяйка и хранительница домашнего очага, я отвечаю: все без изъятия новые возможности должны быть предложены и открыты женщине, и главным образом в ее качествах домохозяйки и хранительницы домашнего очага.

— Прекрасно, — сказал Чидлуорт. — Большое спасибо, миссис Шайни. А теперь — Тед Гиззард.

— Резервируя свое суждение по поводу проблем, не являющихся предметом данной дискуссии, — начал Гиззард чрезвычайно медленно, — я думаю, что мог бы высказаться по этому частному вопросу без всякого предубеждения...

— Давай, шуруй! — закричал Марлаграм.

— ...без всякого предубеждения, разумеется, — продолжал Гиззард, — и в то же время беря на себя смелость говорить не только от лица клепальщиков-паяльщиков и лудильщиков-точильщиков, но и от имени всего тред-юнионистского движения в целом — в том виде, в каком оно существует на текущий момент. Итак, вот мое мнение — впрочем, я еще не до конца уверен, выскажу ли я его... Или нет — выскажу: и да, и нет — принимая в расчет неоспоримый факт, что вместе с обстоятельствами меняется и существо дела.

— Замечательно! Благодарю вас, Тед Гиззард. Ну, а каково суждение деревни, как относится к этому важному вопросу сельское население, мистер Марлаграм?

— Молоко-яички-мед, раз-два-три-четыре-пять, цап-царап да хватъ-похватъ, хлев-подойник-маслобойня, гуси-гуси, га-га-га, загоняй скорей корову, ну-ка, выгони быка. — Марлаграм сыпал словами с фантастической быстротой, лицо его было серьезно и задумчиво. — В общем — нет, другой раз — да, особенно в апреле и сентябре, но по пятницам — избави бог!

— Понятно, — сказал Чидлуорт, хотя ему, разумеется,

ничего не было понятно. — Принцесса Мелисента, ваша очередь: о каких новых возможностях думаете вы?

— Я думаю о Сэме, — твердо сказала Мелисента.

— Его только что сунули в темницу, — сказал Марлаграм.

— В темницу?

— В самую что ни на есть глубокую... Хи-хи-хи! Но не тревожьтесь, все обойдется.

— Господин ведущий, — начала миссис Шайни, — надо отметить...

— Да, да... чрезвычайно интересно, — в полном смятении сказал Чидлуорт. — Вы хотите сказать, Мелисента, что Сэм даст вам новые возможности?

— Не смейте называть меня Мелисентой, — оборвала его принцесса. — Вы не входите в круг моих друзей.

— Как домохозяйка, — сказала миссис Шайни, — и как председательница...

— Не вмешивайтесь! — резко сказала Мелисента. — Магистр Марлаграм, вы уверены, что Сэм в темнице?

— К порядку ведения, господин Чидлуорт, — возгласил Тед Гиззард. — Насколько я могу судить, стоящий на повестке дня вопрос ни в коей мере не предполагает замены общего частностями и безличного личностями...

— Да, конечно, мы учтем ваше замечание, — поспешил откликнуться Чидлуорт. — Но теперь...

— Опять-таки к порядку ведения, мистер Чидлуорт, — взял слово Марлаграм. — Насколько я могу судить — хи-хи-хи! — сексуальная возбудимость несовместима с неограниченными возможностями психического склада, благоприятствующими сложным и обильным словоизлияниям.

— Не уловил вашу мысль, — сказал Гиззард.

— Каковы ваши первые впечатления от Лондона, принцесса Мелисента? — спросил Чидлуорт, вытирая пот со лба.

— Если он невамделишный, — сказала Мелисента серьезно и убежденно, — и вы все это сами придумали, почему он у вас такой ужасно безобразный и шумный и почему все люди такие озабоченные, или сердитые, или грустные? Или, может, все это — одно наваждение?

— Простите... как?

— Наваждение.

— Я тридцать лет участвую в тред-юнионистском движении, — сказал Гиззард, — и, насколько я могу судить...

— Ох, да замолчите вы! — Мелисента повернула голову и увидела, что кресло Марлаграма опустело. Большая бурая крыса трусцой бежала по полу. — Магистр Марлаграм, магистр Марлаграм, куда же вы?

— Перемолвиться словечком с Сэмом. Хи-хи-хи!

— Возьмите меня с собой.

— Потом, моя девочка. Будьте в «Вороном коне» около шести. Хи-хи-хи!

— Хи-хи-хи! — отчаянным эхом отозвался Чидлуорт, почувствовавший (и не без оснований), что дискуссия вышла из-под его контроля. — Чрезвычайно, чрезвычайно интересно... и мы, конечно, пожелаем им всем удачи, удачи и еще раз удачи.

— Разумеется, — подтвердил Гиззард.

— А теперь следующий вопрос. Наша телезрительница из Сэрбитона желает знать, не станет ли женщин в ближайшем будущем значительно больше, чем мужчин, и если да, то как именно это случится. Миссис Шайни, прошу вас.

— Говоря как домохозяйка, — сказала миссис Шайни, — а также от имени многих тысяч британских домохозяек, каждая из которых испытывает живое и глубокое чувство ответственности за наше ближайшее будущее, я отвечаю: возможно — да, а возможно — и нет, но каким

именно образом — сказать трудно. Вы согласны со мною, мистер Гиззард?

— Да — в ограниченном смысле и нет — в менее ограниченном и гораздо более широком смысле, хотя, заметьте, я бы не хотел высказываться категорически и безапелляционно. Но у нас в тред-юнионистском движении...

— По-моему, это глупости, — сказала Мелисента, поднимаясь с места. — Я уйду. Прощайте.

По пути обратно в контору Филип Спенсер-Смит без передышки втолковывал Мелисенте, что ее поведение во время передачи, по всей видимости, закроет перед Уоллеби, Диммоком, Пейли и Туксом двери телестудии на ближайшие два года. Но все мысли Мелисенты были заняты Сэмом, брошенным в темницу, и она даже не пыталась делать вид, будто слушает его. Филип сказал, что, прежде чем сообщить о случившемся Диммоку, он переговорит с Энн Датон-Свифт. Но Энн на месте не было и где она — никто не знал. Пегги тоже на месте не было и где она — никто не знал. А в довершение ко всему Диммок ушел и никто не видел когда.

— Ну, это уж слишком, — сказал Филип Мелисенте. — Сперва Сэм...

— Я знаю, где Сэм, — промолвила Мелисента печально. — Он в темнице, у нас в Перадоре. Вы разве не слышали, что говорила та крыса? Это ведь был магистр Марлаграм.

— Да, но, видно, мне это не запомнилось, — осторожно сказал Филип. — Интересно, здесь ли еще доктор Джарвис.

Но, как выяснилось, доктор Джарвис сперва что-то долго и бессвязно объяснял насчет шкафа, а потом отправился на прием к одному из коллег в психиатрическую клинику.

— Вам придется повести меня в «Вороного коня», — сказала Мелисента.

— Ради бога, — сказал Филип. — Как только там откроют, лапочка. Но вам незачем ходить так далеко, если вы просто хотите выпить.

— Нет, я не хочу выпить. Я хочу к Сэму.

— Но ведь вы сами сказали, что он у вас в темнице, хоть я и ума не приложу, как это понимать.

— Если я не пойду в «Вороного коня», я не смогу увидеться с Сэмом в темнице...

— Ах, пропади оно все пропадом, прекратите вы когда-нибудь или нет? — закричал Филип, швыряя эскиз рекламного плаката для «Маминого пусика» в дальний угол комнаты.

Мелисента разрыдалась.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Сэм в темнице

Темница и впрямь была самая что ни на есть глубокая. Сперва двое солдат спустились с Сэмом на обычную глубину, потом отворили какую-то дверь чуть не в фут толщиной, столкнули нового узника вниз по осклизлым каменным ступеням и замкнули за ним дверь. Скучный свет проникал через единственное крохотное оконце, пробитое высоко под потолком и совершенно недостижимое. Это была мерзкая дыра. Здесь стоял тот характерный унылый запах, какой идет от старых журналов, сваленных в кучу где-нибудь на чердаке. Сэм присаживался то на сырой обомшелый камень, то на третью снизу ступеньку лестницы. Из темного угла, обследовать который у него не было ни малейшего желания, доносился стук падающих капель и странные чавкающие звуки, наводившие на

мысль о каких-то живых существах. В общем веселого мало. К сожалению, этот вывод он сделал уже в течение первых двух минут, а за последующие час-полтора ни к каким новым выводам ему прийти не удалось. Он закурил так плотно и выпил так много, что в любом мало-мальски пристойном месте наверняка бы заснул, но здесь, в подземелье, было очень уж мокро и пакостно. Поэтому он только зевал и бранился.

Наконец дверь у него над головой отворилась, пропустив полоску света. Двое солдат, по-видимому весьма довольные собою, спустились по лестнице.

— Хлеб, — объявил первый солдат, подавая Сэму хлебец.

— Вода, — сказал второй, протягивая кувшин.

— Вот на чем тебе придется посидеть, приятель.

И оба загоготали. Сэм поглядел на них с отвращением.

— Ничего тут смешного нет.

— Да мы просто шутим, приятель, — сказал первый солдат. — Это твой паек по темничному уставу. Но мы с Фредом — золотые парни, правда, Фред?

— Истинная правда, Джек.

— Гляди-ка, что мы для тебя спроворили на кухне, приятель. — Он достал пакет, доверху набитый ломтями говядины и ветчины и горбушками пирога. — Действуй. «Спасибо» говорить не обязательно.

— А ну, навались, браток, — сказал второй солдат, тот, которого звали Фред.

— Нет, спасибо, — ответил Сэм.

— Да ты что? — удивился Джек. — Такой харч, а он нос воротит.

— Свинья ты неблагодарная, — сказал Фред.

— А мы-то думали, ты все глаза себе от счастья выплачешь, как увидишь эдакую благодать, правда, Фред?

Ну, давай, начинай. Вот гляди, какой шикарный кусок ростбифа с кровью...

— Простите, ребята, но я не могу есть.

— Брось ты это, браток, — сказал Фред с укором. — Хуже отчаяния ничего не бывает. А тебе надо беречь силы.

— Истинная правда, — еказал Джек. — Месяц-другой — и ты выйдешь. Вполне может случиться, поверь моему опыту. Так что не стесняйся, глотай-ка все это поживее.

— Да не могу я, ведь я только-только из-за стола, целую гору всякой всячины слопал. Вы сами видели... вернее, видели, что осталось. Я понимаю, вы с лучшими намерениями, но посудите сами...

— Что ты, браток! Да ежели б мы умели судить, сейчас бы в суд побежали.

Сверху донесся громкий возглас: «Дорогу сэру Шкиперу — новому капитану королевской стражи!» Ужасающе воинственная фигура — в полном латном уборе, в шлеме с опущенным забралом, с исполинским мечом в руке, — лязгая и бряцая, спустилась по ступеням. Двое солдат с величайшим трудом вытянулись по стойке «смирно».

— Проваливайте, — сказал вновь прибывший.

— А куда провалишься? Глубже некуда, капитан. — Оба солдата оглушительно загоготали. — Неплохо сказано, правда, Фред?

— В толк не возьму, как это ты все придумываешь, Джек!

— Вы слышали приказ? — страшным голосом заревел капитан. — Эй, вы, слюнтяи, свинные рыла, курицыны дети, что же мне — отсечь вам уши, открутить носы, искрошить мизинцы на котлеты?

— Никак нет, капитан!

И солдаты кинулись вверх по лестнице.

Грозный начальник снял шлем, и перед Самом предстал Планкет, старый шкипер, замученный жарой и духотой. Он прильнул к кувшину и долго от него не отрывался.

— Адски жарко в этих латах, старик.

— Так это вы — новый капитан королевской стражи, Планкет?

— До поры до времени, старик. Надо было что-то придумать, отвечать сходу, ну, вот я и словчил, как сумел. Но это только трамплин.

— Вы лучше посмотрите, до чего же я здорово словчил.

— Все знаю, Сэм, старина. За дочкой приударил, так что ли? Ненадежное дело. Я рассказывал, что со мной было в Бангкоке? Как-нибудь выдам тебе эту историю со всеми подробностями. Да, здесь не разгуляешься.

Сэм возмущился до глубины души.

— Не разгуляешься! Вы только поглядите на эту дыру!

— Бывали переплеты и почище. Однажды нас было двенадцать лбов, а каморка — меньше этой... В Тетуане было дело... Но ты не беспокойся. Я тебя быстро отсюда вытащу. Нынче вечером я ужинаю у короля Мелиота и что-нибудь устрою. Ставлю десять против одного, что он упьется.

— А я — сто против одного, что и вы упьетесь, шкипер.

— Собственно говоря, — сказал Планкет задумчиво, — я пью беспрерывно с того самого времени, как Эдуард Восьмой отрекся от престола. Но этого короля я беру на себя. Мы с ним уже друзья — водой не разольешь.

— Ловко вы это устроили, шкипер. Почему он вас не разнес за то, что вы одеты черт знает как?

— А потому, что я успел увести чьи-то латы, старик. Когда мы с ним встретились, он и спрашивает: ты, мол, из Камелота? «Да», — говорю. «Привез сообщение,

что конференция отменяется?» «Да», — говорю. Тогда он спрашивает, как там король Артур. Ну, статую я видел, вот и отвечаю, что, дескать, король цел и невредим, весь бронзовый и знай себе смеется. Потом я отрекомендовался капитаном королевской стражи — для короля Мелиота это была полная неожиданность. А в общем, он неплохой малый, только, по-моему, скряга страшный. О тебе слышать не может — ты, говорит, слопал его любимый паптет. Особенно на этой работенке не разживешься, но, сам понимаешь, другого выхода нет. Кстати, старик, ты знаешь такого Диммока? Он занимается рекламой.

— Знаю, это мой хозяин. А что?

— Он здесь, старина.

— Диммок?! Он-то как сюда попал?

— Толкует про какую-то крысу, про какой-то шкаф. Ему чертовски повезло, что мы с ним встретились. А то он совсем растерялся. Для рекламного агента не бог весть какой хваткий малый. Я его спрятал у себя в комнате.

Наверху раздался шум. Планкет мгновенно вскочил и свирепо заорал на Сэма:

— Знай, проходимец, бесстыжие твои глаза, ты просидишь здесь столько, сколько будет угодно его величеству!

— Сэр Шкипер! — Это был король Мелиот, он глядел на них сверху. — Сэр Шкипер!

— Иду, государь, иду! — отозвался Планкет. Потом прошептал: — Не вешай носа, старик. Скоро я тебя вытащу. — Потом, чтобы услышал король, снова зарычал: — Поделом тебе, негодяй! Иду, государь, иду!

Примерно с четверть часа после ухода Планкета Сэм чувствовал себя уже не таким несчастным, но потом затхлый мрак темницы снова стал нагонять на него тоску. Поэтому он испытал скорее облегчение, чем страх, когда услышал пронзительное хихиканье в самом темном углу

своей тюрьмы, а вслед за тем неожиданно увидел маленького старичка с длинной бородой.

— Ну, вот я и здесь, мой мальчик. Хи-хи-хи!

— Это я и сам вижу, но кто вы такой?

— Магистр Марлаграм, твой волшебник, волшебник принцессы Мелисенты.

— Какая наглость! — негодуяще воскликнул Сэм. — Мой волшебник! Да вы взгляните, что со мной стало! Почему вы дали Мальгриму утащить меня сюда, так что мы с принцессой разминулись? И что вы сделали с нею?

— С нею все в порядке, мой милый, об этом можешь не беспокоиться, — сказал Марлаграм, располагаясь поудобнее для дружеской беседы. — А что до Мальгрима, моего племянника, — да, ловко он сыграл нынче утром, ничего не скажешь. Хи-хи-хи! Прилежный паренек... и шустрый, да-а. Ведь я его сам когда-то учил... Все было бы в порядке, да меня срочно вызвали в Шотландию. Старые мои приятельницы, три ведьмы...

— По делу Макбета, что ли?

— Кто это проболтался? — сердито спросил Марлаграм.

— Потом расскажу. Но послушайте, мистер Марлаграм, вот вы здесь сидите, рассказываете мне, какой ловкий у вас племянник, а к чему все это? Я, конечно, понимаю: семейная гордость.... Но если вы не можете нам помочь, если чувствуете, что вас обскакали, так прямо и скажите.

Старый волшебник бросил на него свирепый взгляд.

— Обскакали! Что за глупости! Не считая Мерлина (а он уже вышел в отставку) отсюда и до самых Оркнейских островов нет волшебника лучше меня.

— Ну, тогда, должно быть, у вас сегодня выходной, — угрюмо сказал Сэм.

— Выходной! Обскакали! Давай-давай, мой милый.

Еще одно такое слово — и выбирайся из этой темницы сам, как сумеешь.

— Мистер Марлаграм, я приношу вам свои извинения. Кстати, как вы сюда проникли? Нельзя ли мне выйти тем же путем?..

— Нельзя! — резко оборвал его Марлаграм. — Ни тебе, ни кому другому не причастному к нашей профессии. Ты что думаешь, мой милый, мы даром двадцать лет в подмастерьях ходим? Ну, ладно, давай наведем ясность в кое-каких вопросах. Во-первых, принцесса Мелисента... Ах, какой славный, лакомый кусочек... Хи-хи-хи!

— Смените-ка пластинку. Прямо наводите ясность — и все.

— Когда я ушел, она играла в какую-то идиотскую игру, а вокруг нее горели какие-то плошки. Там я ее и оставил, а в шесть у нас назначена встреча в «Вороном коне», и я перенесу ее назад. Потерпи немножко — скоро ты ее увидишь.

— Хорошо. А кто-нибудь из вас может вызволить меня отсюда?

— Я могу. Собственно говоря, мог бы и сейчас.

— Ну так за чем же дело стало?

— А за тем, что я люблю работать по порядку, а не как придется, мой милый. Ты художник или по крайней мере называешься художником, стало быть, должен меня понять. Я ведь тоже в своем роде художник. Коль скоро я берусь вызволить тебя отсюда, я хочу иметь в руках четкий план и держать в голове четыре, а не то и пять ближайших ходов. А Мальгрим, хоть он и ловкий малый, как раз на этом спотыкается. Удачный и быстрый ход или два, вот как нынче утром, — на это он мастер, но он импровизатор и ничего больше, а на импровизации далеко не уедешь. Я люблю составить план, где все предусмотрено заранее.

— И какой же у вас план?

— А уж это не твоя забота, мой милый.

— Помилосердствуйте! — вскричал Сэм. — Как же не моя? Да я здесь влип хуже некуда.

— Но ведь ты герой, храбрец, верно?

— Нет, неверно, — сказал Сэм. — Будь я герой, я бы не служил у Уоллеби, Диммока, Пейли и Тукса. Между прочим, Диммок здесь.

— Знаю.... хи-хи-хи! Диммок входит в план.

— Что же это все-таки за план?

— Я его еще дорабатываю. До скорого, мой мальчик.

И он исчез. Из темного угла донеслось последнее замирающее «хи-хи-хи».

Хоть Сэм и поворчал немного, настроение у него заметно исправилось. Он медленно набил свою трубку, о которой не вспоминал целое утро. Но тут обнаружилось, что у него нет спичек. Сперва он решил было подняться по лестнице, постучать в дверь и попросить кремень и трут, но потом сообразил, что это покажется странным. Он попробовал с нежностью и умилением думать о Мелисенте, но убедился, что не в состоянии даже отдаленно припомнить, какова она с виду. Вместо Мелисенты ему отчетливо представлялась дрянная скульпторша по имени Мойя Фезерингерст, которую он уже много лет терпеть не мог.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Снова в „Вороном коне“

В баре «Вороной конь» было очень тихо, и толстяк, взяв обычную смесь легкого пива с горьким, сказал это буфетчице. Не получив ответа, он повторил:

— Все тихо-спокойно, говорю.

— А я ничего не говорю.

Буфетчица зажмурилась и плотно сжала губы.

— Это почему же?

— После того, что случилось нынче утром, не могу.— Она открыла глаза и опасливо поглядела на дальнюю стену.

Толстяк довольно долго раздумывал над ее словами. Потом наконец нашелся:

— А что такое случилось нынче утром?

— Не надо вопросов, — сказала она. — Тогда и вранья не услышите.

— Что правда, то правда, — согласился толстяк.

Буфетчица долго молчала, потом впилась в него взглядом, и наконец ее прорвало:

— Мой брат Альберт говорит, он видел такое однажды в парке Финсбери. Электричество и зеркала, говорит, вот и все.

— Что видел?

— Загадочное исчезновение, — мрачно сказала она.

— Так это оно и было нынче утром?

— Оно самое. На этом самом месте.

— А кто же исчез?

— Ах, лучше не спрашивайте...

— Что правда, то правда, — поспешно согласился толстяк.

Он отхлебнул пива, подумал немного, потом рискнул высказать суждение:

— А погодка-то разгулялась.

— А вы чего ждали? — сказала буфетчица. — Нет уж, тридцать первого июня иначе и не бывает.

Он поглядел на нее с недоверием, но она ответила прямым, простодушным взглядом. Тогда он вынул из кармана книжечку с календарем, тревожно заглянул в нее, потом снова с недоверием уставился на буфетчицу. Взгляд ее был все так же чист и простодушен. Они уже готовы были все начать сначала, как вдруг появился Малырим в том

же самом наряде, что и утром, энергичный и властный.

— Свят-свят-свят! — ахнула буфетчица.

— Добрый вечер, мадам. Двенадцать бокалов бенедиктина с холодным молоком, и, пожалуйста, поживее.

— Бенедиктин с холодным молоком? Смесь? Двенадцать бокалов?

— Вот именно, двенадцать, — сказал Мальгрим. — Потом, возможно, понадобится еще. Здесь соберется бактериологическая секция нашего медицинского конгресса. Я жду делегатов с минуты на минуту.

— Эй, послушайте, — сказала буфетчица, глядя на него во все глаза. — Ведь это вы приходили сюда нынче утром, выпили целую бутылку мятного ликера, а потом вышли скрозь стенку?

— Да, я, — охотно согласился Мальгрим. — Ну и что из этого?

— Что из этого! — Она бросила на него отчаянный взгляд, тихонько застонала и отошла к другому концу стойки...

— Сдается мне, — сказал толстяк, — она сегодня что-то не в себе.

— Да и вы тоже, друг мой.

— То есть как?

— Ну-ка, взгляните на мой палец! — сказал Мальгрим. Он проговорил это так властно, поднимая палец все выше и выше, что толстяк не посмел послушаться. Секунд через двадцать толстяк застыл в неподвижности, подняв глаза кверху, — бесчувственный, словно восковая фигура. Мальгрим больше не обращал на него никакого внимания и занялся стеной. Он чертил на ней какие-то знаки и бормотал заклинания. Снаружи завыл ветер, стена раздвинулась, но за ней, торжествующе хихикая, стоял старый Марлаграм.

— Хи-хи-хи! Что, мой мальчик, не ожидал?

— Эффектный трюк, дядюшка, но, как всегда, дешево, — сказал Мальгрим. — Видно, и впрямь пора вам бросать серьезную работу. Для детских утренников, конечно, еще сойдет...

— Вот я тебе покажу детские утренники, наглый щенок! — объявил Марлаграм, делая шаг вперед. — Да не вздумай просить помощи у Агизикке, у Бултурвзасоса или у кого-нибудь еще из этой компании, потому что сегодня я их всех заключил в магический пентаэдр, хи-хи-хи!

— Знаю, — сказал Мальгрим презрительно. — Не так уже трудно было догадаться, милейший дядюшка. Но и я времени даром не терял, сразу обратился к Акибеку и Беркаюку. Хотите померяться силами? Нет. Так я и знал. Где уж там, ведь у вас ни настоящей стратегии, ни цельного плана. Теперь-то вы поняли, что у меня преимущество в целый ход?

— Нет, мой мальчик.

— Ну как же! Если вы вернетесь в Перадор и оставите меня здесь, я встречу с принцессой Мелисентой.

— И не подумаю, мой мальчик.

— Превосходно. В таком случае вы остаетесь здесь, а я возвращаюсь в Перадор, и опять-таки я в выигрыше. Чистая работа, ничего не скажешь. Помяните мое слово, брошь Мерлина достанется мне.

И он двинулся к зияющему проему в стене.

— Но тебе не закрыть за собой стену, — сказал Марлаграм. — Вот попробуй.

— И пробовать не стану. Пустое дело. Все равно я в выигрыше, как ни кинь, — сказал Мальгрим и вышел через стену.

— Похоже на то, — пробормотал старик. — Неглупый малый, но слишком самоуверен. Ладно, мы еще посмотрим.

Он стал быстро расхаживать по комнате и, наткнувшись на остолбеневшего толстяка, небрежно отодвинул

его, точно стул. Тем временем на стойке появился поднос с двенадцатью бокалами. Вслед за тем из-под стойки на четвереньках выползла опалевшая буфетчица. Она поднялась на ноги и устоялась сперва на Марлаграма, потом на толстяка, потом на проем в стене.

— Свят-свят-свят! — Она закрыла глаза, но, вспомнив о своем служебном долге, снова открыла их и поглядела на Марлаграма. — Послушайте, вы можете выпить двенадцать бокалов бенедиктина с молоком?

— Нет, — ответил Марлаграм. — В рот не беру молока.

— Ну, тогда до свиданья! — чуть слышно сказала буфетчица, потом, спотыкаясь, прошла сквозь стену и унеслась в Перадор.

Старый волшебник хлопнул толстяка по плечу, приказал ему: «Проснись!», а сам пролез под стойкой и появился по другую ее сторону. Толстяк поглядел на него, потом зажмурился.

— Что-то у меня с глазами не ладно, — сказал толстяк. — Послушайте, а куда девалась Куини?

— Это ты о буфетчице? Хи-хи-хи! Завтра утром у нее будет по горло дел на перадорском турнире, хоть сама она, конечно, об этом еще и не подозревает. А твои глаза... да разве ими что-нибудь увидишь?

— То есть как это?

— Да ты уж сколько лет как мертвец, — сказал Марлаграм. — Выпьешь чего-нибудь?

— Легкого с горьким, — уныло ответил толстяк.

— Ты себя губишь, хи-хи-хи! Нет, пинта драконовой крови — вот что пойдет тебе впрок. Держи!

Совсем обалдевший толстяк вдруг увидел у себя в руках большую кружку, до краев наполненную темно-красной жидкостью.

— Да куда мне столько! Небось, опять что-нибудь по-

венькое для нас припасли? Не забывают они про нас. Интересно, что там.

— Кто это «они»? — сурово спросил Марлаграм.

— Ну... сами знаете...

— Ничего я не знаю. И ты тоже ничего не знаешь. А теперь выпей и оживи. А то куда ни плюнь — одни мертвяки: тыкаются повсюду, высматривают, нет ли где свободной могилы.

— Ну что ж, я выпью.

— Давно пора. А как хлебнешь драконовой крови, скажешь, какое сегодня число.

Толстяк отхлебнул большой глоток темно-красной жидкости. Глаза у него полезли на лоб, но он сразу же так и расплылся в блаженной улыбке.

— А ведь вы правы, ей-богу. И Куинн тоже, и тот малый — художник, что был тут нынче утром. Сегодня и впрямь тридцать первое июня.

— Вот так-то лучше, — одобчительно сказал Марлаграм.

— Я вам еще не рассказывал, как все это вышло?... — начал толстяк.

— Нет, не рассказывал — хи-хи-хи! — и не расскажешь. Кто это еще там?

Филип Спенсер-Смит, входя с Мелисентой в бар, все еще хныкал:

— Лапочка, вы, конечно, прелесть, и, может быть, вы с Сэмом, как говорится, созданы друг для друга, но что факт, то факт: из-за вас я рассорился с телебоссами по крайней мере года на два...

— А, магистр Марлаграм, вы здесь, как я рада! — вскричала Мелисента. — Я хочу скорее вернуться во всамделишную жизнь.

— Через минуту отбываем, хи-хи-хи!

— Здесь подают драконову кровь, — сказал толстяк

Филипу, — так вот, хлебните глоток, очень рекомендую. Тогда вам все будет трын-трава, даже если телевидение на порог вас больше не пустит. Эй, шеф, еще две пинты драконовой, пожалуйста. — Он с восхищением поглядел на Мелисенту. — Вот каких девочек видишь, когда выпьешь драконовой крови! А если пить только легкое пиво, то вокруг — одни мымыры, сами зеленые, бледнящие, волосы будто ваксой намазаны. Спасибо. Может, выпьете за компанию?

— Некогда, — сказал Марлаграм. — Через пятнадцать секунд отбываю.

— М-да, — сказал Филип неуверенно. — Попробовать, что ли? Ваше здоровье!

— Всех благ! — сказал толстяк. Они выпили.

— Пожалуй, похоже на «Кровавую Мери»*, только позабористей, — сказал Филип. И вдруг вытаращил глаза от изумления. Ни принцессы Мелисенты, ни Марлаграма, ни проема в стене — как не бывало.

— Э-э... что это... э-э... позвольте... как это.... — Озираясь, он промычал еще что-то столь же нечленораздельное, потом вопросительно взглянул на толстяка.

— А погодка-то разгулялась, — радостно сообщил толстяк.

— Нет, правда?

— А вы чего ждали? Сами понимаете — тридцать первого июня иначе не бывает.

Филип допил драконову кровь.

— А ты Герберта Пейли из фирмы «Уоллеби, Диммок, Пейли и Тукс» часом не знаешь? — услышал он свой голос. — Вот уж подонок, так подонок, еще почище Тукса, это я тебе как друг говорю. Ну что, старик, может, еще по одной?

---

* Смесь водки с томатным соком. — *Прим. перев.*

Король Мелиот после обеда

Король Мелиот, отпустив всех слуг, кроме виночерпия, сидел с капитаном Планкетом и Диммоком в своем малом покое, что при банкетной зале. Они плотно пообедали и теперь совершали столь обильное возлияние, что виночерпий едва поспевал наполнять чаши. То и дело они разражались хохотом, захлебываясь и брызгая слюной, и лица их становились все краснее. Каждый разыгрывал из себя свойского малого, как это часто бывает с мужчинами средних лет, которые выпили лишнего и гонят прочь мысль о том, что утро все-таки наступит.

— А мы вот знаем один анекдот, животики надорвешь, — говорил король. — Про то, как в Камелоте встретился три странствующих торговца. Один — англичанин, другой — шотландец, а третий — ирландец. — Король так и покатился со смеху. — Мы что-то запомнили, чем там дело кончилось, ну ничего, при случае вспомним и доскажем. Виночерпий!

— Кстати, — сказал Планкет. — Я как раз кое-что вспомнил, ваше величество.

— И мы тоже, — сказал король, указывая на Диммока и хмурия брови. — Вот уже второй такой тип попадаетеся нам сегодня — одет черт знает как. А тот, первый, сидит в темнице. Хотел жениться на нашей дочери. Неслыханная наглость!

— Я как раз вспомнил, — сказал Планкет, — что у нас с Диммоком есть один план.

— А кто это Диммок? — спросил король.

— Это я, ваше величество.

— Ты непристойно одет, Диммок. И не заставляй нас

повторять это дважды. Так что, ты говоришь, у тебя есть, сэр Шкипер?

— План, ваше величество... проект... предложение... идея! У нас будет куча денег.

— Куча денег? Где же она?

— В нашей идее, государь.

— Мы в этом не уверены, — сказал король. — Мы в ней ничего такого не видим. Вот разве этот Диммок объяснит нам толковее. Кстати, где он?

— Я здесь, ваше величество. Я — Диммок.

— Так это ты? — Король покачал головой. — Ну что может из этого выйти? Нет уж, мы отвергли сотни идей, получше вашей. Она слишком чахлая, крепости в ней нет. Виночерпий! Налей. Налей, говорят тебе! Вот в этом винце крепость есть, а в вашем плане — нет. В чем вся и разнища.

Он поднял чашу и ословело поглядел на нее.

— Играйте, — шепнул Диммок Планкету. — Я пас.

— Ваше величество, — начал Планкет торжественно, — позвольте мне выпить за ваше здоровье и счастье, а также за дальнейшее процветание вашего королевства Перадор.

И он выпил с видом столь же торжественным.

— Отлично сказано, сэр Шкипер, и мы премного тебе благодарны. Однако справедливость требует признать, что наше королевство сейчас отнюдь не процветает. Советники говорят, что казна почти пуста.

— Но, ваше величество, мы с Диммоком будем счастливы отвалить вам кучу денег, я не одну...

— Ты-то — возможно, сэр Шкипер, но Диммок? Если и у него есть такое желание, пусть придет и скажет сам.

— Но ведь это же я — Диммок!

Король неодобрительно покосился на него.

— Ты одет черт знает как. Уже второго такого сегодня встречаю. И не смей соваться, когда тебя не спрашивают.

Так о чем, бишь, мы, сэр Шкипер? Ах, да... у вас должен быть план.

— Он у нас есть, ваше величество.

— Так бы сразу и сказал! Какой толк ходить вокруг да около? Виночерпий!

— Диммок, объясните нашу идею. Ваше величество, Диммок изложит вам план.

— Давно пора, — сказал король, косясь на Диммока.

— Так вот, ваше величество, — сказал Диммок. — Там, где я живу, все хотят поехать куда-нибудь.

— Что-то не верится. — сказал король. — Этак там у вас скоро не останется ни души.

— Я хотел сказать — поехать на время, в отпуск.

— Просто, чтобы переменить обстановку, — сказал Планкет, — да отдохнуть от своего великолепного образа жизни...

— Люди копят деньги, чтобы побывать в других странах...

— И мы считаем, что самые богатые должны ехать сюда, в Перадор...

— Организованный туризм! — горячо воскликнул Диммок. — Они приедут полюбоваться замками. Поглядеть рыцарей. Поглядеть драконов.

— Конечно, тут не обойтись без одного из ваших волшебников, — сказал Планкет. — Нужно будет обеспечить транспорт для переброски туристов.

— Тогда деньги так и посыплются, — сказал Диммок.

— Куда — в нашу королевскую казну? Ах нет? Ну, ясное дело. — Король покачал головой, и взгляд его стал еще суровее.

— Ваше величество могли бы войти в правление и приобрести солидный пакет директорских акций.

— Правление? Акции? Не понимаю, о чем вы толкуе-

те, — сказал король Мелиот с неудовольствием. — Где же эта ваша куча денег?

— Важно, чтобы деньги потекли в страну, — сказал Планкет.

— А там вы сделаете то же, что наши правители. Как только у людей появятся деньги, вы высосете их с помощью налогов.

— Налоги? Вздор! Там выжмешь золотой, здесь — медяк.... Знаем мы эти налоги. Тьфу!

— Но по нашему плану, — сказал Диммок, — вы получаете половину прибылей... или даже три четверти.

— Введите налог на замки, — сказал Планкет. — Военный налог, налог на содержание правительственного аппарата. Пусть платят за то, что у них есть крыша над головой. Обложите налогом одежду и постели. Пути и дороги...

— И воздух, которым они дышат, тоже? — Король сардонически захохотал.

— Это оригинально, — сказал Диммок. — Богатая идея. Стоит попробовать.

Король Мелиот, охваченный внезапной яростью, с трудом встал на ноги.

— Стоит попробовать! Богатая идея! Эй, вы, алчные, подлые пройдохи! Вот мы сейчас прикажем высечь вас — да как вы только осмелились явиться к нам с таким предложением? Виночерпий, стражу! Живо! Знайте, мошенники: людей здесь вешали, рубили на куски, четвертовали за преступления куда менее опасные, чем то, на которое вы толкаете нас. Никогда мы не обошлись бы так гнусно и жестоко даже с язычниками-людоедами, даже с одноглазыми пигмеями! Ни один государь в христианском мире не стал бы слушать такие мерзкие речи — да что там! Другой на моем месте просто вышиб бы из вас мозги.

Вошли два солдата, Джек и Фред.

— Взять этих злодеев! — закричал король. — А если окажут сопротивление — рубите их.

— Как, ваше величество, зарубить нашего капитана?

— Он вам больше не капитан. Он злодей и бродяга, как и тот, второй. Уведите их.

— Слушаюсь, ваше величество, — сказал Джек, но вид у него был неуверенный. — Тёже в темницу?

Король Мелиот колебался.

— Ну, вот что... дайте нам подумать.

В этот миг вошли Мальгрим и Нинет — разумеется, не случайно, ведь у Мальгрима все шло по плану. Он очень гордился — и не без основания — тем, что так точно укладывается в график.

— Ваше величество, — сказал он вкрадчиво. — Позвольте мне дать вам совет.

— А ты кто такой, черт тебя побери? Ах да, ты волшебник. Все суешь свой нос куда не следует. Смотри не перестарайся... — Тут он заметил Нинет, которая улыбалась ему. — Нинет, где наша дочь?

— Я вам все объясню, государь, как только мы останемся наедине, — сказала она сладким как мед голоском. — Но вот магистр Мальгрим...

— Ваше величество, умоляю, дозволейте мне использовать этих преступников на благо нашего искусства и науки.

— Хочешь их во что-нибудь превратить, а? — сказал король. — Недурная мысль. Но это вовсе не значит, что я оставляю тебя при дворе, понял? А теперь ступайте. Вплотечерпий, проводи их. Тебя заменит леди Нинет.

— Я буду счастлива, государь. — Нинет нежно улыбнулась.

Король проводил их взглядом, потом в изнеможении опустился на свое высокое кресло.

— Налейте-на мне вина, Нинет. И себе тоже, моя

крошка. — Отхлебнув добрый глоток из чаши, которую она ему подала, он вдруг загремел: — Ни минуты покоя! Король Артур вызывает нас в Камелот, потом отменяет свое повеление и присылает этого сукина кота, сэра Шкипера. Наша дочь тронулась в уме, а теперь и вовсе исчезла. Влюбилась в какую-то мифическую личность. Невесть откуда поналезли всякие типы — одеты черт знает как. Волшебники то появятся, то исчезнут, даже позволения не спросят. Не могу я с ними со всеми сладить. Должно быть, старею.

— Помилуйте, государь, вы в расцвете лет.

— Верно, для своих лет я молодец.

— Вы просто устали, и потом, здесь так жарко, — сказала Нинет, подходя ближе. — Вы позволите, государь? — И она обтерла королю лоб своим платком, а потом провела по нему своей нежной ручкой.

— Ладно, ладно, — сказал король, притворяясь, будто ему безразличны эти знаки внимания. — Но где же все-таки наша дочь?

— Это долгая история... — начала Нинет.

— Ну, тогда не нужно, — сказал король. — Расскажешь как-нибудь в другой раз.

— Она очень своевольная, государь. Она отправилась в другой мир искать этого человека. Скоро она возвратится, и с ней дядя магистра Мальгрима — тоже волшебник, ужасный старик, его зовут Марлаграм.

— Как? Старый Марлаграм — это тот, что все верещит «хи-хи-хи»? Так он еще жив? Мы знали его при Мерлине, давненько дело было. Он, конечно, гораздо старше нас.

— Думается мне, он старше всех на свете, — сказала Нинет.

— А нам он, наверно, дал бы лет тридцать. Ну, сорок от силы.

— Разумеется, государь. Как говорила моя тетушка колдунья, кто молод душой — молод и телом.

— Вот как? Нужно будет это запомнить. Жаль, что нам это не пришло в голову раньше. На редкость умная женщина была твоя тетушка, а какая свежесть мысли! Я всегда это говорил, даже когда ее судили. Налей-ка мне еще, девочка. Будь вместо виночерпия.

— Вот было бы хорошо, государь, — сказала Нинет, поднося ему чашу, — если бы кто-нибудь, ну, скажем, магистр Мальгрим, избавил вас от скучных повседневных забот. Я знаю, какой вы добросовестный, но нельзя же все делать самолично. Это уж слишком.

— Да, в самом деле слишком! — воскликнул сердитый голос, заставивший их вздрогнуть. Это была Мелисента. Следом за ней вошел Марлаграм.

Растерянность короля сменилась гневом.

— Не смей разговаривать с нами таким тоном! Где ты была? А это кто такой?

Марлаграм ничуть не смутился.

— Хи-хи-хи! Неужто вы не помните меня, король Мелиот?

— Теперь вспомнил. «Хи-хи-хи»! Ну, вот что, Марлаграм, убирайся-ка ты отсюда подобру-поздорову, — сказал король. — Хватит с меня твоего племянника, который все время лезет куда не надо.

— Он малый неглупый, — хихикнул старик. — Только ужасный пакостник. Ловкий интриган, но уж больно самонадеян, сами увидите.

— Мой Сэм все еще в темнице? — спросила Мелисента.

— Какой там еще твой! — сердито оборвал ее король. — Но он действительно в темнице и там останется.

— Ах, отец, молю вас, сжальтесь.

— И вот что, юная леди, хватит с нас твоих выходов и

капризов. Завтра после турнира мы объявим, что ты выходишь замуж.

— Никогда! Только за Сэма!

— Мы пока сами не знаем, кто твой жених, это еще надо решить. Но замуж ты выйдешь, даже если придется держать тебя взаперти на хлебе и воде.

— Не выйду, не выйду, не выйду!

— Выйдешь! — вскричал король. — Такова наша королевская воля. Леди Нинет и магистр Марлаграм, будьте свидетелями.

Мелисента повернулась к старому волшебнику.

— Помните ту брошь, которую просил Мальгрим?

— А как же! Хи-хи-хи! Ведь мы оба за ней охотимся.

— Если вы мне сейчас поможете, она ваша, — нетерпеливо сказала Мелисента.

— Идет! — сказал Марлаграм с нескрываемой радостью. — И заметьте, я ее у вас не просил, хи-хи-хи!

— Нам угодно, чтоб ты перестал хихикать, — сказал король. — И что это за идиотский бред насчет какой-то брошки? Как бы там ни было, можете нам поверить...

— Остановись, король Мелиот!

Старый волшебник, весь внезапно преобразившись, величественно поднял руку. Вместо мягкого вечернего света вокруг разлилось зеленое сияние, словно замок очутился под водой. Издалека донесся раскат грома. Женщины испуганно взвизгнули.

— Ну, вот что, Марлаграм, пожалуйста, без этих мерлинских штучек, — неуверенно сказал король. — Они уже давным-давно вышли из моды, мой милый. Так что ты полегче!

Марлаграм заговорил, и зеленый свет перешел в злобный багрянец.

— Мелиот, король Перадора! Прозрение, дарованное мне властью Соломоновой печати, отныне нисходит на

меня. Две грозные опасности надвигаются на твой замок. Одна из них — никому неведомый Красный рыцарь: на завтрашнем турнире он бросит вызов всем и победит всех, кроме одного. А другая — свирепый, всепожирающий дракон, он и сейчас уже рычит и изрыгает пламя в лесу, под холмом. Только тому, кто победит Красного рыцаря, суждено одолеть дракона. Ему же суждено жениться на принцессе.

— Ну, ясно, ясно, — сказал король. — В такой ситуации это самое разумное. Но, любезный магистр Марлаграм, уверен ли ты насчет Красного рыцаря и дракона? Нет ли здесь какой-нибудь ошибки?

— Ошибки? — воскликнул Марлаграм, и его лицо озарилось в темноте зловещим сиянием, а борода затрепетала, словно язык зеленого пламени. — Как! Ты посмел усомниться в истинности прозрения... в Соломоновой печати?

Грянул страшный удар грома, ослепительно сверкнула молния.

— Нет, нет, нет! — закричал король, вконец перепугавшись. — Ты прав! Это вполне разумно. Мы даем тебе слово...

Он огляделся. В комнате снова стоял мягкий вечерний свет, но волшебника как не бывало.

— Хи-хи-хи! Все идет как по маслу! — Торжествующий голос донесся неведомо откуда. — А ведь это всего-навсего одна из штучек старика Мерлина! Давным-давно вышла из моды, так ведь? Хи-хи-хи!

Хихиканье замерло вдали.

— Кажется, исчез, — сказал король с явным облегчением. — Нинет, налей-ка мне вина. Последнюю на дорожку. Нет, мы всегда говорили: с волшебниками старой школы — если только они в форме — никто не сравнится. Экцентрично, дорого, довольно сумбурно — это все так, но зато точно знаешь, что тебя ждет.

— И что же нас ждет? — спросила Нинет, поднося ему чашу.

— Кровожадный Красный рыцарь и ненасытный свирепый дракон, — ответил король беспечно. — Ты скажешь, что это многовато, и будешь недалеко от истины. А теперь мы, пожалуйста, засядем за черновик нашего завтрашнего воззвания.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Встреча в темнице

В подземелье было теперь так темно, что два солдата, Джек и Фред, неся Сэму ужин, захватили с собой факелы.

Джек поставил миску около Сэма.

— На этот раз мы принесли тебе похлебку для подкрепления сил.

— И еще хлеба, — сказал Фред.

— С этим хлебом ты хлебнешь горя, — сострил Джек. — Каково, Фред?

— Ой, Джек, ты меня уморишь!

— Где сэр Шкипер, ваш капитан? — спросил Сэм.

— Этому сукину сэру солоно пришлось, — ответил Джек. — Сперва мы его арестовали, взяли под стражу, а потом он вместе со вторым молодчиком попал в лапы к волшебнику.

— Так что он, может, уже превратил их в пару такс, — сказал Фред.

— Собачья жизнь, приятель! — подхватил Джек со смехом. — Слышь, Фред, шуточки-то у меня сами собой так и сыплются.

— Ты голова, Джек!

— А ты как думал, Фред! Ну, где же кандалы и цепи?

— Кандалы? — заволновался Сэм. — Это еще зачем?

— Так положено, браток, понял? — сказал Фред. — Это мы вроде бы укрываем тебя на ночь одеяльцем.

— Да ты их и не почувствуешь, приятель, — сказал Джек, заковывая его в цепи. — Ну, как похлебка?

— Жуть! — сказал Сэм. — Из чего ее у вас варят — из наконечника для стрел, что ли?

— Больно уж ты привередлив, браток, в этом твоя беда, — сказал Фред, помогая товарищу. — Мы для тебя стараемся, из кожи вон лезем — и вот благодарность.

— Да, брат, живем-то ведь только раз, — сказал Джек, проверяя, надежно ли закован узник. — А глядишь, немножко доброты — и человек чувствует себя по-другому. Мы с Фредом золотые парни, запомни это, приятель! Ну вот! Я ж тебе говорил — ты и не почувствуешь.

— Да тут добрых четыреста фунтов железа! — завопил Сэм.

— И вовсе не четыреста, приятель. Ты преувеличиваешь. Я так думаю, тут всего фунтов триста.

— Самое большее — двести пятьдесят, — сказал Фред. — А тебе не доводилось бывать в Карлеонской темнице? Поглядел бы, какие там кандалы! Помнишь, Джек, как мы с тобой служили в конвое? Мы еще тогда сцепились с двумя оружейниками.

— А потом вместе пошли в кабачок мед пить! — подхватил Джек. — И по дороге я вышиб мозги двум стражникам. Тебе доводилось когда-нибудь надрызгаться медом, приятель? Крепкое зелье! Ну, теперь, кажется, все в порядке. И, чтоб ты не подумал, будто мы на тебя сердимся, приятель, оставляю тебе этот факел. Я воткну его вот сюда, в гнездо. Спокойной ночи.

— Приятных снов, — сказал Фред.

Они стали подниматься по лестнице.

— А вы не дадите мне одеяла или еще чего-нибудь укрыться? — крикнул Сэм им вдогонку.

— Как? В такую теплую ночь? Ну, это ты, браток, хватил.

Сэм проглотил еще ложку похлебки. Ужас да и только! Сплошной перец. Во рту у него горело, и кусок не лез в горло. Через несколько минут он услышал, как дверь наверху снова отворилась и по лестнице бегом спустился старый Марлаграм.

— Вот я и вернулся, мой мальчик. Хи-хи-хи! А вот настоящий ужин.

— Как мне благодарить вас, магистр Марлаграм!

— Лучшее вино из подвалов короля Мелиота и его любимый паштет. Хи-хи-хи!

— Если он об этом пронюхает, нам несдобровать, — сказал Сэм. — Знаете, что было, когда я отведал его за завтраком? — И он принялся уплетать паштет, сделав перед тем добрый глоток вина. — Вы, конечно, вернулись вместе с принцессой Мелисентой?

— Да, да, она здесь. Мы с ней уже обо всем столковались. Она получает то, чего хочет. И я тоже получаю то, чего хочу. Все так хорошо устроилось — лучше не надо.

— Для вас — может быть. Но мне это никак не по вкусу.

— Ах, не по вкусу, мой мальчик?

— Простите... это я про паштет... Но что же будет со мной?

— А чего бы ты хотел? — И, не дав Сэму ответить, Марлаграм продолжал: — Ну, ладно, послушай меня. Не забывай, что вот уже больше пятидесяти лет основное мое занятие — исполнение желаний. Большинство людей не получает того, чего хочет, а все потому, что сами не знают, чего хотят. Как исполнять желания, если их нет? Ну, а ты, дружок, знаешь, чего хочешь?

— Да, — ответил Сэм, отрываясь от огромной чаши.

— Вот счастливчик! Хи-хи-хи! Хочешь стать королем Перадора?

— Боже сохрани! — ужаснулся Сэм. — Само собой, первым делом я хочу выбраться из этой проклятой темницы. Потом хочу жениться на Мелисенте, послать ко всем чертям Уоллеби, Диммока, Пейли и Тукса и писать акварельные пейзажи, в том мире или в этом — все равно, а на досуге удить рыбу.

— И ты не жаждешь власти?

— Нет. Хочу только писать акварели и ловить форель.

— И богатства не жаждешь?

— А куда мне его девать?

— Да ты просто рожден, чтобы сидеть в темнице. Хи-хи-хи! Но почему ты хочешь жениться на принцессе Мелисенте? Разве мало у вас там девушек, хорошеньких, умненьких, честных, интересных, прелестных, самых что ни на есть расчудесных! Хи-хи-хи! Зачем же было забираться в такую даль, в самый Перадор?

— Минутку, — промычал Сэм с полным ртом. — Прежде чем отвечать, надо выпить. — Он взял чашу обеими руками. — Ф-ффу! Этак я в два счета захмелею. Я хочу жениться на Мелисенте, потому что, мне кажется, я нашел в ней два поразительных достоинства, каких прежде не встречал ни в ком: она совсем особенная и удивительно милая. Улыбающаяся принцесса — вот о чем мечтает всякий мужчина. Но один бог знает, что Мелисента нашла во мне.

— Да, бог это знает, — сказала Мелисента, спускаясь по лестнице. — И я тоже, Сэм, милый, но ни он, ни я никогда тебе не скажем.

— Она слышала каждое твое слово, мой мальчик. Хи-хи-хи!

— Ах, бедняжка ты мой!.. Какие страшные цепи... и эта темница...

— Хи-хи-хи!

Мелисента в бешенстве повернулась к Марлаграму.

— Извольте сейчас же прекратить это дурацкое кудахтанье, освободите бедного Сэма от цепей и выведите его отсюда. Надеюсь, вы это можете? Иначе я сейчас же побегу вверх за напильником.

— Бесполезно, — сказал Сэм. — Чтобы распилить цепи, понадобится пропасть времени.

— Ну? — Она бросила на волшебника вызывающий взгляд.

— Вообще-то могу, — сказал он. — Хотя цепи — штука довольно хитрая, а я давно не практиковался. Ну, ладно, тихо! — Он задумался. — Это должно подействовать. Эне бене рес, квинтер минтер жес! Готово.

И в самом деле, цепи с лязгом упали на пол. Сэм был свободен, он обнял и поцеловал Мелисенту, потом пожал руку Марлаграму.

— Замечательно, магистр Марлаграм! — сказала Мелисента. — Нужно будет запомнить: эне бене рес, квинтер минтер жес!

— Я знаю это с детства, — сказал Сэм, но никогда не подозревал, что так можно освободиться от цепей.

— Понравился тебе ужин, милый?

— Да, любимая. Но что же дальше?

— Вот уж тут магистр Марлаграм доказал, что он очень, очень умный! — горячо воскликнула Мелисента.

— Учтите к тому же, что мой племянник — малый не промах, он поспел сюда раньше меня, и у него было преимущество в целый ход.

— Понимаешь, милый, — продолжала Мелисента. — Мой отец заявил, что я во что бы то ни стало должна выйти замуж. Он ведь такой непреклонный. А магистр Марлаграм предсказал, что на завтрашний турнир прибудет грозный Красный рыцарь и бросит вызов всем-всем.

— А еще здесь объявится лютый дракон,— сообщил Марлаграм, облизываясь от удовольствия. — Он, наверно, уже где-нибудь здесь, хи-хи-хи!

Мелисента поглядела на Сэма.

— Так вот, отец согласен, чтобы тот, кто победит их обоих, стал моим мужем. И, конечно, это будешь ты, милый.

— Храни тебя бог, радость моя.

— Ведь правда, магистр Марлаграм устроил все очень ловко и умно?

— Вы еще и половины не знаете,— сказал старый волшебник.— Теперь уж я в выигрыше против племянника, и будьте спокойны, я этим воспользовался, хи-хи-хи! Заставил его работать на меня, а он ничего и не подозревает.

— Клянусь богом, шикарно! Вы великий волшебник! — Сэм рассмеялся, сам не зная почему. Он чувствовал приятную легкость в голове.— Значит, завтра я появлюсь с таким видом, будто победил грозного Красного рыцаря и свирепого дракона. Блеск! — Он снова засмеялся. — Что ж, если вы поднатаскаете меня — объясните, что говорить и как держаться,— я сумею прикинуться не хуже всякого другого.

— Постой, милый...

— Прости, я, кажется, разошелся не в меру. Легко на сердце!

И он поднял чашу.

— Понимаешь, милый, прикидываться тебе не придется.

Сэм подошел к ней поближе, расплескивая вино.

— Как? Ты хочешь сказать, что Красный рыцарь и дракон существуют на самом деле?

— Ну конечно, милый.

— Тебе только нужно их победить, вот и все,— сказал Марлаграм.— Бац, хлоп, бах, трах-тарарах, хи-хи-хи!

Сэм поглядел на него, потом на Мелисенту.

— Но... послушайте... есть же у вас сердце...

— В том-то и дело, дорогой. У меня есть сердце. Ты очень мило сказал, что каждый мужчина мечтает об улыбающейся принцессе, мне так приятно было это слышать, и я не сомневаюсь, что это правда, но тот, кто женится на принцессе, непременно должен доказать, что он герой.

— А если он не герой?

— К чему говорить об этом? Ты-то ведь герой. Иначе тебя здесь не было бы, милый.

Сэм сказал неуверенно:

— Может быть, оно и верно... в известной степени... Но не забывай, мне здесь у вас все так непривычно. У меня нет никакого опыта борьбы с Красными рыцарями и драконами.

— Тем больше мужества от тебя потребуется, мой милый.

— Возможно,— сказал Сэм с тоской.— Но... э-э... нельзя ли раздобыть... ну, скажем, плащ-невидимку... или заколдованное копьё, или какой-нибудь волшебный меч из тех, что разят без промаха,— словом, как-нибудь помочь герою?

— Это ты хорошо придумал, Сэм, милый. Как вы полагаете, магистр Марлаграм?

— Боюсь, что ничего не выйдет, хи-хи-хи! Мы поздно спохватились. А в наши дни все это стоит больших денег.

— Ну, ладно,— сказал Сэм, стараясь скрыть свое разочарование.— А как насчет какого-нибудь массового колдовства, чтоб никто толком не знал, что происходит?

— Но ведь тогда никто не будет знать, что ты герой,— сказал Марлаграм.

— А если ты не герой, Сэм, милый, то не сможешь на мне жениться.

— Да, не смогу,— сказал Сэм мрачно.— Но ведь я не смогу на тебе жениться и в том случае, если меня проткнет копьем Красный рыцарь или сожрет дракон, правда?

— Что-то я не вижу в тебе боевого духа, дружок,— с упреком промолвил Марлаграм.

— Да нет же, он совсем не то хотел сказать! — воскликнула Мелисента.— А все эта ужасная темница! Ты больше не останешься здесь ни минуты, милый. Мы поместим тебя у помощника главного оружейника.

— Он и сам там будет — хи-хи-хи! — но только простоит всю ночь в углу. Я внушил ему, что он булава.

— Ты сегодня хорошо выспишься, милый.

— Я бы спал куда лучше, если б и мне внушили, что я булава.— И следом за Марлаграмом и Мелисентой он стал подниматься по лестнице.— Когда начало турнира?

— В шесть,— сказала Мелисента, обернувшись.

Сэм пришел в ужас.

— В шесть утра поединок с Красным рыцарем! Да в такую рань я не могу сразиться даже с яичницей.

Он вышел из темницы, одолеваемый мрачными предчувствиями, которые отравили ему всю радость освобождения.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Сэм и Красный рыцарь

Сэм сидел один в шатре, раскинутом у самого турнирного поля. Шатер был великолепен, богато разукрашен и пестрел геральдическими щитами, но Сэму было не до всей этой роскоши. Он сидел на скамье, надев на себя только поножи. Остальные части латного убора, шлем, щит и меч валялись на земле у его ног. В шатре было два входа, завешанных пологам, свободно ниспадавшими до земли. Вместе со сверкающими солнечными стрелами в шатер с

турнирного поля врывался разноголосый шум — звуки труб, голоса герольдов, бряцание оружия, крики, смех и рев зрителей, и Сэм так и видел перед собой кровавадную, падкую до сенсаций толпу. Вдруг рев стал громче, Сэм поднял голову: четверо слуг, войдя с залитого солнцем поля, пронесли через шатер огромного и сильно помятого рыцаря — безгласного и, видимо, уже бездыханного. Они несли его на пункт первой помощи, расположенный под королевской ложей. Это была уже четвертая жертва Красного рыцаря. Снова затрубили трубы но, прежде чем герольды, которые вполне могли бы провозглашать тосты на обедах в Сити, успели открыть рот, Сэм поспешно задернул полог. Вернувшись к своей скамье, он увидел, что у противоположного входа стоит Лэмисон с люткой.

— Ее высочество принцесса Мелисента, — сказал Лэмисон, — желает молвить тебе... слово.

— Что ж, — мрачно сказал Сэм, подходя к нему вплотную. — Я тоже желаю молвить ей слово, и, возможно, это будет последнее слово в моей жизни.

Лэмисон приподнял полог, пропуская Сэма, но сам остался в шатре.

— Ступай, болван, — ехидно прошипел он вслед Сэму. — «Черный рыцарь взял мое сердце в полон» — на-ка вот, выкуси! Сдается мне, что сегодня Красный рыцарь вярвет из тебя печенку и возьмет ее в полон.

Покуда он тешился этой мыслью, появились Мальгрим и Нинет. Они несли узел с оружием и доспехами, с виду похожими на те, что Сэм оставил на полу.

— Вот спасибо, Лэмисон, — сказала Нинет. — Это-то нам и нужно.

Лэмисон, который был не в духе, иронически поклонился ей и вышел.

— Ну-с, дорогая Нинет, — сказал Мальгрим, очень довольный собой, — сейчас мы заменим превосходные латы,

щит и шлем, которые принцесса раздобыла для Сэма, — и он указал на грудку доспехов на земле, — вот этим стандартным хламом, в свое время опробованным камелотской Королевской комиссией по проверке лат и оружия.

— Чудесно, милый, — сказала Нинет, и они принялись перекладывать весь этот скобяной товар.

— Это только одна из моих безобидных шуток, дорогая Нинет. Давайте свалим это оборудование вон там, в углу, и чем-нибудь накроем — слишком оно тяжелое, чтоб с ним таскаться.

— Вот я помогаю вам и все восхищаюсь, — пылко сказала Нинет. — Вы так брызжете блестящими, оригинальными идеями... все время плетутся восхитительные козни, а именно этого всегда жаждала моя душа. Еще что-нибудь нужно, милый?

— Да, — сказал Мальгрим. — Оставайтесь здесь и уговорите его выпить кружку «оригинального турнирного» — оно, дескать, придаст ему мужества.

Нинет была в восторге.

— А вы пришлете ему какое-нибудь ужасное пойло?

— Да, у него появится слабость в коленях и головокружение, — сказал Мальгрим уходя. — Ха-ха!

Нинет скромно присела на скамью, где ее и застал Сэм, вернувшийся в шатер еще мрачнее прежнего.

— Ах, Сэм, отчего вы так печальны?

— Лэмисон сказал, что Мелисента хочет поговорить со мной, — ответил Сэм. — Но меня даже не пустили в королевскую ложу — говорят, я одет черт-те как. Видно, Лэмисон меня морочил.

— Я никогда ему не доверяла, Сэм. Кстати, не помочь ли вам надеть доспехи?

— Признаться, я хотел бы, чтоб кто-нибудь мне помог, но только не вы.

— Сэм, дорогой, вы мне не доверяете?

— Конечно, нет, дорогая. Не такой уж я все-таки осел.

— Ах, как вы несправедливы. У меня теперь пропала всякая охота рассказывать вам об особом турнирном пиве.

— О турнирном пиве? — В голосе Сэма зазвучала слабая надежда.

— Да, его варят специально для участников турнира. Впрочем, мне незачем вам его предлагать...

— Безусловно...

— А может быть, все-таки попросить буфетчицу подать...

— Буфетчицу? Нет здесь никакой буфетчицы.

— Есть, уверяю вас, — сказала Нинет, выходя из шатра. — Я сейчас ее пришлю.

Оставшись один, Сэм принялся осматривать свои доспехи и оружие. Он легонько пнул шлем ногой и, к своему удивлению, оставил на нем вмятину. Тогда он решил испробовать меч, но тут через шатер пронесли еще одного окровавленного и бесчувственного рыцаря. Оправившись от нового потрясения, Сэм согнул меч — вместо того чтобы распрямиться, меч так и остался согнутым. В отчаянии он оперся на копьё и тотчас же услышал громкий треск. Подпрыгнув, он вскочил на панцирь и чуть было не расколол его надвое. Тогда он вернулся на свою скамью, прихрамывая и проклиная всю эту идиотскую затею.

Так он и сидел, стиснув ладонями виски, когда вошла буфетчица из «Вороного коня», неся оловянную кружку.

— Одна кружка турнирного пива, — сказала она своим обычным безжизненным голосом.

— Спасибо, — сказал Сэм, беря кружку. — А, это вы?

— Что правда, то правда. И погодка опять разгулялась.

— Уж лучше бы пошел дождь. Ну ладно, надеюсь, пиво мне поможет. — И он единым духом осушил кружку. — Забористое пиво. Бутылочное или бочковое?

— Ах, не спрашивайте меня, мистер Пенти. Мне дал его этот чернобородый фокусник и велел отнести вам.

— Мальгрим?

Сэм в ужасе уставился на нее.

— Он самый. Да что с вами? Вам плохо?

— Пока не знаю, — сказал Сэм со страхом. — Кстати, вы не видели капитана Планкета, старого шкипера, помните, того самого, что всегда брал двойные порции шотландского виски?

— Нет. А разве он здесь?

— Во всяком случае, был здесь.

— Я видела мистера Сандерсона, — таинственно сказала буфетчица. — Он ставит на Красного рыцаря десять против одного. Говорят, от этого Красного рыцаря нет спасения.

В шатер заглянул солдат Джек.

— Приготовься, приятель. Сейчас твой выход.

Когда ухмыляющееся лицо Джека исчезло, Сэм застонал.

— Пожалуйста, помогите мне надеть доспехи, — попросил он буфетчицу.

Она удивленно уставилась на него.

— Неужели вы хотите драться с этим рыцарем?

— Приходится.

— Боже мой! Я понятия не имею, что куда надевается, но постараюсь, как смогу. Боюсь только, мне никак не справиться. — Помогая ему застегивать пряжки и крючки, она продолжала: — Не больно-то они толстые и тяжелые, эти ваши доспехи, правда? И очень даже тонкие, я так скажу. Могли бы приготовить вам что-нибудь получше, ежели хотите знать мое мнение. Вы ведь здесь все-таки редкий гость, не из завсегдатаев. А я-то думала, эти доспехи весят целые тонны.

— Так и было, когда я их сюда принес,

— Может, их кто подменил? Как вы себя чувствуете?

— Ужасно.

— Бледный вы какой. На вашем месте я бы не стала там задерживаться.

— Да я и не собираюсь. Скажите, не найдется у вас таблетки-другой аспирина?

— Вот беда, ни одной не осталось.— Она сочувственно поглядела на него и вдруг закудаhtала: — Ах ты, ах ты, вам бы лечь надо и не ходить никуда.

— Ничего, я скоро лягу.

Джек снова заглянул в шатер.

— Ты как предпочитаешь сражаться, приятель, конный или пеший?

— Пеший,— мрачно сказал Сэм.

— Правильно. Падать не так страшно будет. Ну, друг, осталась одна минута, а там — марш! И не вешай носа!

Сэм попробовал пройтись в своих доспехах и несколько раз взмахнул согнутым мечом.

— Видала я такое на картинках,— сказала буфетчица.— А только не по душе мне это. То ли дело ковбой или индейцы... или, скажем, гангстеры в ночных клубах. Правда, тут есть на что поглядеть, и если вам нравится...

— Какое там нравится,— сказал Сэм, пытаюсь выпрямить меч.

Снаружи донесся громовой призыв:

— Сэр Сэм!

— Иду,— откликнулся Сэм жалким голосом.

— Зато потом вас посвятят в рыцари, верно? Ну, желаю удачи, милоч, да не забудьте: Англия пребудет вовеки — не пропадет, значит.

— Спасибо,— сказал Сэм. Он хотел было гордо выпятить грудь, но наколоса на какую-то пряжку и, застонав, вышел из шатра. Его встретили возгласами одобрения, улюлюканьем, смехом. Буфетчица, глядевшая в щелку,

вдруг услышала позади себя быстрые шаги. Это была принцесса Мелисента, вне себя от волнения, она со всех ног вбежала в шатер.

— Скажи, уже начали? Я думала, ни капельки не буду волноваться, а теперь взглянуть и то страшно. Ты будешь мне все рассказывать. Что там происходит?

Буфетчица снова поглядела в щелку.

— Они все кружат друг около дружки, милочка. Ого, да этот Красный рыцарь — здоровенный дядька. Раза в два покрупнее бедняги Сэма. Связался черт с младенцем! Ого, началось! Господи!

Мелисента, услышав бряцанье мечей и доспехов, быстро проговорила:

— Магистр Марлаграм сказал мне, что они не будут биться на смерть. Он обещал придумать какое-нибудь колдовство.

— Тогда ему не мешало бы поторопиться, — сказала буфетчица, глядя в щелку.

— Кто побеждает?

— А то вы не знаете, милочка! Наш приятель, почитай, уже на том свете. Судья должен бы их разнять. Красный рыцарь все наседает, наседает. Ого, вот так удар!

— Ах, я этого не вынесу! Я должна найти Марлаграма! Теперь даже буфетчица пришла в волнение.

— Они все ближе, все ближе к шатру! Ай, Сэм поскользнулся! Нет, он не упал! Красный рыцарь опять наседает. Они все ближе...

Мелисента бросилась к другому выходу с криком:

— Магистр Марлаграм, где вы? Магистр Марлаграм! Не переставая кричать, она выбежала из шатра.

Бряцанье становилось все громче, и буфетчица отпрянула. Первым появился Сэм, он пятился шаг за шагом, отчаянно отражая сокрушительные удары Красного рыцаря, который наступал на него, огромный и страшный, в огнен-

но-красных доспехах, с огненно-рыжей бородой и волосами, выбившимися из-под шлема. Но, как только Красный рыцарь очутился в шатре и увидел буфетчицу, он сразу остановился.

— Две кружки турнирного, — сказал он.

— Сю минуту, сэр, две кружки турнирного, — повторила буфетчица и побежала в другой конец шатра.

В шатер заглянули было солдаты Джек и Фред, но Красный рыцарь ринулся на них, размахивая мечом.

— Вон отсюда! — заревел он. — Вон, мошенники, распростины дети, или я из ваших кишок колбас наделаю!

Он плотно задернул полог, сел на скамью и, отстегнув верхние пряжки, снял, к удивлению Сэма, не только шлем, но вместе с ним и голову. Из воротника рубашки, словно восходящее солнце, выглянуло лицо капитана Планкета, старого шкипера.

— Садись, старик, — сказал Планкет. — Только нужно все время бряцать оружием, а то они могут поинтересоваться, что тут происходит. Знай колоти мечом по доспехам. Вот так!

И он принялся бить по латам.

Сэм еще не оправился от удивления.

— Но послушай, шкипер, как это... ты... и вдруг Красный рыцарь?

— Колдовство, старик. Вчера вечером меня превратил в рыцаря этот малыш Мальгрим. Чистая работка. С минутой назад я и впрямь чувствовал себя Красным рыцарем — готов был вышибить дух из кого угодно. А потом что-то произошло: не то прибавилось колдовства, не то убавилось... Хочешь верь, хочешь нет, а голова, которую я только что снял, была моей собственной, покуда мы не вошли в шатер. А потом я понял, что могу снять ее, и снова стал старым шкипером — как нельзя более кстати.

— Да, но как же, ведь я должен тебя убить!

Сэм все еще не мог опомниться.

— Ну, это мы устроим. Я так думаю, эта голова для того и предназначена. Предоставь все мне, старичок. Только не забывай бряцать мечом.

— А меня тут, как назло, опоили каким-то зельем, до того голова кружится...

— То-то я смотрю, ты так экверно выглядишь, старик. А тебя никогда не пытались опоить на Золотом Берегу? Со мной раз было дело. Три недели не мог на ноги подняться, а две недели мне все казалось, будто у меня из пяток сосет кровь здоровенный паук. Они там, конечно, все колдуны. Не хуже здешних. А, вот и ты, детка.

— Погодка-то снова разгулялась, — сказала буфетчица, подходя с двумя кружками.

— Спасибо, детка.

— Мне не надо, — сказал Сэм.

— Поставь вторую кружку вон там, детка, — сказал Планкет. — А если хочешь, выпей сама.

— Нет уж, увольте, — сказала она чопорно. — В рот не беру спиртного, кроме джина с перцем — иной раз, от живота.

— Лучшее средство от живота — «Вальпараисо Маньяна», — сообщил ей Планкет. — Три порции — целую лошадь переваришь. Ставлю десять против одного, после этого и сам станешь здоровее лошади. Ну что ж, хватанем?

— На здоровье, — сказала буфетчица, глядя как старый шкипер допивает кружку. Она не сводила с него глаз. — Да, на вас не напасешься.

Планкет не обратил на ее слова никакого внимания.

— А теперь, детка, придется тебе нам помочь. Сэм-то на ногах не стоит. Сэм, старик, постарайся, продержись еще минуту-другую. А ты помоги мне снять доспехи. Вот умница. — Оба они взялись за дело, но тут Планкет сказал: — А бой-то ведь надо продолжать. Придется опять

завести эту волынку с Красным рыцарем.— И он взревел голосом Красного рыцаря:— Сдавайся, шпмей несчастный! Сдавайся!

Сэм крикнул, собрав все силы:

— Ни за что! Ни за что!

— Громче, старик, этак они тебя не услышат.— И он снова взревел голосом Красного рыцаря:— Сдавайся, тебе говорят!

Сэм слабо откликнулся:

— Нет, ни за что! — И тут же застонал: — А, дьявол, у меня голова раскалывается!

— А теперь вот что, детка,— сказал Планкет,— возьми-ка этот меч и лупи им по доспехам, а я покуда малость передохну и что-нибудь придумаю.— Сбросив латы и взяв в каждую руку по кружке, он подошел к выходу из шатра и рявкнул голосом Красного рыцаря: — Не смей сюда соваться, не то башку оторву!

Сэм, немного придя в себя, спросил:

— А что с Диммоком, шкипер?

— Понятия не имею, старик. Мальгрим сперва превратил меня в Красного рыцаря, а уж потом взялся за Диммока.— Он взглянул на буфетчицу, которая усердно колотила мечом по панцирю.— Не устала, детка?

— Самую малость. Зато развлечение.— Она вдруг стала озираясь по сторонам, заслышав знакомое «хи-хи-хи».— Это тот фокусник, что постарше. Здорово действует на нервы, правда?

— Ну, Сэм, старик, возьми себя в руки — хоть на полминуты.

Сэм, пошатываясь, с трудом встал со скамьи.

— Постараюсь. Что нужно делать?

— Сейчас ты покажешь им эту голову. А ты, Вайолет, как только они на нее полюбуются, хватай ее и беги со всех ног.

— Меня зовут Куини.

— Ну да, Куини, верно. Так вот, Куини, детка, ты убежишь с этой головой.

— Да куда же?

— А куда хочешь. Хотя бы в дамскую уборную.

— Меня туда с ней не пустят.

— Не спорь, Куини, детка. Времени нет. А теперь, Сэм, старик, вот тебе меч и голова. Когда я отдерну полог, подними ее повыше и потрясай мечом. Итак, сцена смерти Красного рыцаря. Приготовились! — Он взял у Куини свой меч, грохнул им по панцирю и закричал голосом Красного рыцаря:

— Пощади! Пощади меня, сэр Сэм! О-о-о-о!

И швырнул меч на землю.

— А теперь валяйте, друзья!

Он подтолкнул Куини к выходу, отдернул полог и закричал:

— Он сразил меня! Сразил!

— Сэм победил! — завизжала Куини. — Сэм победил!

Сэм, высоко подняв голову Красного рыцаря, размахивал мечом. Ликующая толпа хлынула в шатер. Планкет подхватил покачнувшегося Сэма, а голову перебросил Куини, которая пустилась бежать с ней, словно на баскетбольной площадке.

— Сэр Сэм невредим, — возвестил Планкет. — Пустяковая царапина. Но отойдите же, не теснитесь, ему нечем дышать.

Прибежала Мелисента.

— Ах, Сэм, милый! — вскричала она, обнимая его. — Это было изумительно... Ты не ранен, скажи?

— Нет, дорогая, — ответил он, еле ворочая языком. — Просто кружится голова, вот и все.

— Ты крепкий парень! — сказал король Мелиот. — А теперь можешь передохнуть часок-другой. Дракон в ле-

су, под стенами замка, но он спит. Лучше его пока не будить.

Сэм судорожно глотнул воздух и, теряя сознание, рухнул на колени.

— Ах да, тебя ведь надо посвятить в рыцари, — сказал король, не отлучавшийся сообразительностью. Он коснулся своим мечом плеча Сэма, и Сэм, потеряв равновесие, растянулся плашмя.

— Встань, сэр Сэм. — Но Сэм остался неподвижен. — Встань, сэр Сэм, тебе говорят!

— Ах, отец, бросьте свой глупости! — воскликнула Мелисента, опускаясь на колени около Сэма. — А вы, мужчины, помогите поднять его.

Четверо мужчин по приказу Мелисенты вынесли Сэма из шатра. Король Мелиот, капитан Планкет и разные перадорские сановники, боясь пропустить что-нибудь интересное, последовали за ними, но толпа осталась у шатра.

— Ну, друзья! — крикнул мистер Сандерсон. — Фаворит проиграл, и я выплачиваю вдесятеро за сэра Сэма. Кому же привалило счастье?

— Мне, мистер Сандерсон, — сказала буфетчица, подавая свой билетик.

— Правильно, Куини, твое счастье, — и он протянул ей мешок денег. — А теперь, друзья, вот вам прекрасный случай вернуть проигрыш. Одиннадцать против двух на дракона. Ставлю одиннадцать против двух, что сэр Сэм будет побежден! Прекрасный случай поддержать героя, не упускайте же его на этот раз! Одиннадцать против двух на дракона!

И дело пошло бойко.

Драконография

Сэм, отдохавший в маленьком шатре за королевской ложей, только что играючи съел два завтрака, как вдруг вошла Мелисента вместе со своим отцом. Она несла истрепанный плащ и не менее истрепанную рукописную книгу.

— Как ты себя чувствуешь, сэр Сэм? — спросил король.

— Лучше, ваше величество. Но хвастаться пока нечем.

— Дракон еще спит, но скоро проснется. Так что, мой мальчик, если ты намерен с ним сражаться, будь наготове.

— Но, отец, — запротестовала Мелисента. — Нужно сперва все ему объяснить. Вы же обещали...

— Да, мы обещали. Так вот как обстоят дела, милейший. Ты теперь, сэр Сэм, победитель Красного рыцаря, и, разумеется, в темницу тебя больше не посадят. Ты свободен. Если захочешь, дадим тебе письмо к королю Артуру. У тебя будут все возможности, — если пожелаешь отправиться на поиски приключений или вызволить из беды какую-нибудь девицу, поставим тебя первым на очередь.

— Никакой девицы он вызволять не будет, — объявила Мелисента. — Знаем мы этих девиц.

— Благодарю вас, государь, — сказал Сэм. — Но я уж лучше останусь здесь, в Перадоре. Вы, кажется, хотели что-то сказать о драконе?

— Сейчас все скажем, — промолвил король. — Выбирай сам. Решай. Не хочешь драться с драконом — не надо. Можешь идти на все четыре стороны. Но тогда не видать тебе нашей дочери. Не победишь дракона — не женишься на Мелисенте.

— Придется тебе выбирать, Сэм, — с волнением сказала Мелисента.

— Понимаю,— сказал Сэм задумчиво.— А какой он... э-э... этот самый дракон? Может, он не очень большой?

— Как бы не так! — воскликнул король Мелиот с жаром, который показался Саму излишним.— Дракон — первый сорт! Мы видели его только издали, но как будто зверюга великолепный. И, уж конечно, злой как черт. Словом, дракон что надо. Даже в глубоком сне изрыгал клубы дыма. Лучшего дракона и желать нечего.

— Да я и не желаю,— сказал несчастный Сэм.— Видишь ли, Мелисента, любовь моя, я не умею сражаться с драконами. Я сроду и не видел-то ни одного.

— Да, Сэм.— Она печально взглянула на него.— Тебе понадобится все твое мужество. И, может быть, я не стою этого.

— Но ведь ты этого вовсе не думаешь, правда?

— Честно говоря, нет, мой милый. На девушке, которая может так подумать, не стоило бы жениться.

— Ну, ладно. Я попробую.

— О, Сэм!

— Молодчина,— сказал король Мелиот.— Между прочим, зрителей на поединок не пустят. Никакой публики.

— И то слава богу.

— Такое теперь правило. В последний раз, когда пустили публику, человек пятьдесят были изувечены. Когда крупный дракон, вроде этого, по-настоящему рассвирепеет...

— Отец, прошу вас, не надо! — взмолилась Мелисента.

— В книгах я читал,— сказал Сэм с тоской,— что у драконоборцев обыкновенно бывает какое-нибудь волшебное снаряжение, плащ-невидимка например.

— Вот он, пожалуйста.— И Мелисента показала ему пестрый, но изношенный до дыр плащ, который принесла с собой. Она расстелила его так, чтобы все дыры были видны.— Гляди, как его побила моль. Конечно, в тех местах,

где дыры, ты будешь виден. Но по крайней мере это может сбить дракона с толку.

— Что ж, это лучше, чем ничего,— сказал Сэм с надеждой.— Пусть я буду невидим хоть отчасти.

Мелисента переглянулась с отцом.

— Сэм, милый, к сожалению, тут есть одно осложнение. Отец, скажите ему.

— По правде говоря, мой мальчик, мы не совсем уверены в этом плаще,— бодро сказал король.— Он уже столько лет валяется в кладовке. Дело ясное, это плащ драконоборца. Но такие плащи бывают двух родов, и какой вот этот, мы не помним. Есть плащ, который делает человека невидимым для дракона. Но есть и другой плащ, особой расцветки, чтобы распалить в драконе ярость.

— И вы не помните, какой это плащ?

Сэм был возмущен.

— Увы, нет, милый,— сказала Мелисента.— Ужасно досадно, правда? Но ведь тут одни дыры, и, может, дракон не так уж рассвирепеет...

— Плащ не пойдет,— твердо сказал Сэм.— Обойдусь без плаща. Нет ли у вас чего-нибудь еще?

Она показала ему старинную рукописную книгу, которую тоже принесла с собой.

— Вот. Здесь собраны древние наставления, как нужно вести себя с драконами разных видов. Довольно мудреные правила, к сожалению.

— Ну, уж это придется вам двоим разбирать,— предупредил король.— У вас глаза помоложе.

Мелисента села рядом с Сэмом, а книгу положила посередине.

— Так вот, мы знаем, что этот дракон свирепый...

— И огромный,— мрачно добавил Сэм.— Ищи там, где говорится про крупные разновидности.

Мелисента перевернула несколько страниц.

— Здесь сказано, что если дракон мечехвостый, то, когда он бросится на тебя, нужно припасть к земле и отползти влево. Запомнишь, милый?

— Вряд ли. И потом, откуда нам знать, что это мечехвостый? А если нет, тогда что?

Мелисента стала читать дальше.

— Здесь написано, что, если дракон копьехвостый с желтым крестом на брюхе, припадать к земле не нужно, а, наоборот, рекомендуется высоко подпрыгнуть вправо.

— Возможно,— сказал Сэм со злостью.— Но не могу же я спросить у дракона, есть у него на брюхе желтый крест или нет! Что, если я прыгну вправо, когда надо ползти влево? Спектакль будет окончен!

— А если дракон рогохвостый, ты просто должен все время бегать от него. Так здесь написано.

— Да, да. Но как, черт дери, я узнаю, рогохвостый это дракон, или копьехвостый с желтым крестом, или мечехвостый? Я думал, что есть драконы и все — единого образа. А тут целая уйма разновидностей.

— Мы видели его только издалека,— сказал король Мелиот,— и нам сдается, что он мечехвостый. Но лучше все-таки на это не полагаться.

— А на что же мне полагаться?

— Уж это ты решаешь своим умом, мой мальчик. Ах да, мы чуть не забыли: у нашего главного оружейника есть для тебя специальный меч — разумеется, двуручный. Простой меч такого громадного дракона не возьмет. А теперь прими мои наилучшие пожелания, сэр Сэм. И помни: если убедишься, что дракон мечехвостый,— ползи влево, как только он на тебя бросится.

— Благодарю вас, государь. Но лучше уж я обращусь к способу, рекомендованному для рогохвостых драконов, и буду все время бегать. Впрочем, оставьте мне книгу.

— Ах, Сэм, мне вдруг стало так страшно,— сказала Мелисента.

— И мне тоже. Послушай: «Если у чудища широкый рыбий хвост с красными отметинами, при первом его скачке лучше всего высоко подпрыгнуть». Ага, тут еще примечание: «Однако некоторые из означенных рыбохвостых драконов порой коварно прыгают вверх и своими чудовищными передними лапами...» Какой ужас!

Король Мелиот, уже вышедший из шатра, нетерпеливо покашливал. Мелисента торопливо поцеловала Сэма.

— Я старалась найти магистра Марлаграма, милый, но он куда-то исчез.

— Постарайся еще, любовь моя. Ищи, пока не найдешь,— горячо попросил ее Сэм.— Больше всего на свете нам сейчас нужен волшебник.

Когда она ушла, Сэм закрыл глаза, тщетно пытаясь успокоиться. Что же это за дракон — мечехвостый, копье-хвостый, рогохвостый или рыбохвостый? Или какой-нибудь еще из десятка разных прочих чудищ, которых он найдет на страницах этой проклятой книги? Он открыл глаза и увидел главного оружейника — тот протягивал ему огромный меч, больше его самого.

— Любо-дорого глядеть,— сказал главный оружейник.— Тяжеловат, зато какой острый! Волос можно рассечь на лету.

— Да, но мне незачем рассекать волос,— сказал Сэм.— Меня интересует другое: можно ли им рассечь дракона?

— Как бы вам сказать,— ответил главный оружейник.— И да, и нет. Если дракон мечехвостый или копье-хвостый, тогда можно. Но если вам попадется рогохвостый или рыбохвостый...

— Ну ладно, хватит,— сказал Сэм с тоской.

— И опять же,— продолжал оружейник,— взять хоть

клинохвостого или свирепого исполинского винтохвостого дракона...

Но Сэм заткнул уши.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Операция „Дракон“

Представьте себе чудесную лесную поляну в разгар лета — и вот она перед вами. Посреди поляны на мшистом камне непринужденно расселся капитан Планкет. Он курил сигару и присматривал за драконом. Огромная голова чудища виднелась между сикоморой и дубом. Дракон все еще спал; глаза его были закрыты, но из ноздрей то и дело вырывались клубы дыма.

Неподалеку от дракона на поляну выходила узкая тропа. На этой тропе, грязные и усталые, появились Энн Датон-Свифт и секретарша Пегги. Завидев их, Планкет вскочил с камня и расплылся в улыбке.

— Доброе утро, — сказала Энн Датон-Свифт.

— Доброе утро, уважаемые дамы.

— Воображаю, на кого мы похожи. Ах, это было ужасно! Проплутали вчера весь день до поздней ночи, хоть и видели вдали замок...

— Я же говорила, нужно было свернуть налево, — сказала Пегги.

— Мы переночевали в сарае, а потом заблудились в этом лесу. — Энн с любопытством поглядела на Планкетта, чей костюм представлял собой смесь современного и средневекового стилей. — Скажите, вы из наших или из ихних?

— Смотря по тому, кто вы сами, — сказал Планкет.

— Энн Датон-Свифт из рекламного агентства «Уоллербн, Диммок, Пейли и Тукс».

— А я — Пегги, секретарша мистера Диммока.

— Ну, в таком случае я из ваших. Позвольте представиться — капитан Планкет, старый шкипер.

— А ведь я вас знаю! — обрадованно воскликнула Энн. — Вы тот замечательный человек, который сделал кино про лазающую рыбу.

Не менее обрадованный Планкет непременно пожелал пожать ей руку.

— Я знал, что встречу хоть кого-нибудь, кто видел это кино. И вот пожалуйста, и к тому же такая девушка. Да это просто чудо!

— И в самом деле чудо, что мы встретились именно здесь. Я давно хотела сказать вам, как мне понравилось ваше кино. А что, та рыба и вправду залезла на дерево?

— Вроде бы да, а вроде бы и нет. Я вам потом расскажу...

Пегги с некоторым нетерпением слушала этот обмен любезностями и теперь сердито вмешалась в разговор:

— Мистер Диммок здесь?

— Был здесь, — сказал Планкет. — Вчера вечером мы с ним пропустили вместе не один стаканчик, а потом с нами приключилась неприятность и он куда-то исчез. Видно, тут не без колдовства.

— Потрясающе! — воскликнула Энн. — А здесь и вправду есть колдуны?

— Сколько угодно, — сказал Планкет. — Не далее как сегодня утром я был здоровенным Красным рыцарем, ростом добрых семь футов, весь оброс рыжей бородой и впрямь чувствовал себя рыцарем. Рубил на турнире всех подряд. А насчет Диммока я постараюсь разузнать, как только будет покончено с этим драконом.

— Так, значит, здесь есть дракон? — подозрительно спросила Пегги. — Где же он?

— Тут, на поляне. Мы с ним как раз мирно покуривали, когда вы подошли. Смотрите, вон он.

И Планкет указал на дракона пальцем.

— Ах, боже мой! — Энн испугалась. — А я-то думала, их не бывает.

— Здесь бывают. Здесь ведь все по-другому. Но вы не бойтесь. Дракон еще спит и, надо думать, не проснется до тех пор, пока Сэм не будет готов сразиться с ним.

— Сэм Пенти?

— Да. Между прочим, он теперь сэр Сэм.

— Ах, значит, и тут не обошлось без Сэма! — сказала Пегги с досадой. — Я так и знала. Одно слово — художник. У нас с ним больше хлопот, чем со всеми остальными, вместе взятыми. Ведь он должен бы сейчас не покладая рук работать на Уоллеби, Диммока, Пейли и Тукса, а не сражаться с драконами. У него отпуск только в сентябре.

— Капитан Планкет, — сказала Энн кокетливо. — Умоляю, скажите нам, что здесь положено осмотреть туристам? Вероятно, замок?

— Конечно. Я укажу вам дорогу. — Он показал им на другую тропу. — Идите все прямо до первого поворота налево и как раз упретесь в замок. Я бы вас проводил, да нужно присмотреть за драконом, покуда Сэма нет.

— Ах, как я вам благодарна, — сказала Энн, улыбаясь ему. А когда они отошли немного, она сказала Пегги нарочито громко: — Ужасно милый, правда?

— Не нахожу! — отрезала Пегги.

Планкет снова уселся на свой камень, зажег погасшую сигару и снова задымил вместе с драконом. Через несколько минут появился Сэм, уже изрядно уставший, со старинной книгой под мышкой, волоча за собой длиннющий меч.

— Добрый день, скипер! Я еле ноги таскаю. А где дракон?

— Вон он, старик. Видишь? Еще дрыхнет. Наверно, плотно позавтракал кем-нибудь. А тебе, я вижу, худо?

— Да. Какой... э-э... какой он, этот дракон?

— Не стану скрывать от тебя, старина, здоровенный зверюга и злющий. Оборудован по всем правилам, разве только кухонный плиты не хватает. Гляди-ка.

Сэм взглянул на дракона.

— Пожалуй, у него и плита есть,— сказал он мрачно.

Он сел и открыл древнюю книгу.

— Нашел время читать, старик!

— Это книга наставлений для драконоборцев, король где-то раскопал ее для меня,— сказал Сэм, листая страницы.— Ей-богу, мне кажется, старикан впадает в детство.

— Единственный король, которого я знал близко,— это Ум-Дунга-Слоо с Берега Слоновой Кости. Всучил ему двести пятьдесят будильников и пять граммофонов. Из них играл только один.

— Поговорим лучше о драконе,— сказал Сэм с беспокойством.— Как по-твоему, какой он — мечехвостый, копьехвостый с желтым крестом на брюхе, рогехвостый или же рыбехвостый с красными отметинами?

— Понятия не имею, старина. Ты, конечно, как знаешь, но я не собираюсь подходить близко и осматривать его хвост.

— И я не собираюсь,— сказал Сэм, снова уткнувшись в книгу. Планкет поглядел на дракона. Густые клубы дыма все чаще вырывались из его ноздрей.

— Он, кажется, разводит пары.

— Боже! — Сэм в отчаянии поднял голову от книги.

Планкет крепко пожал ему руку.

— Ну, желаю успеха, старик. Рад бы помочь тебе, да сам знаешь, это против правил. Я буду тут, поблизости, вон на той тропе. Счастливо, старик.

Убедившись, что дракон на него не смотрит, Сэм попробовал раз-другой взмахнуть двуручным мечом и понял, что это нелегкое дело. Теперь дракон изрыгал дым без передышки и пыхтел, как рассерженный паровоз. Сэм по-

дошел ближе, чтобы поглядеть на него, но сразу понятился.

— Эй! — Это был Планкет, он вернулся на поляну. — Что, уже началось? — спросил он громким шепотом.

— Нет еще. Но он пыхтит, как паровоз.

— Тебе придется бросить ему вызов, старик. Такое правило.

— Молчал бы уж насчет правил.

— Сэм, старик, ты не волнуйся. Ну, теперь уж, пожалуй, дело за тобой.

— Воображаю, как прозвучит этот вызов — смех один.

Сэм кое-как совладал с собой, крепко сжал рукоять меча и подошел к дракону почти вплотную.

— Послушай, — начал он громко, но с дрожью в голосе. — Я вызываю тебя... э-э... на поединок. Но ведь драться на смерть не обязательно, как по-твоему?

Дракон открыл желтоватый глаз величиной с глубокую тарелку. Сэм понятился.

— Ну, что скажешь? Несколько дружеских раундов, и будет, а? Такая разминка пойдет тебе на пользу. Ты слишком много куришь. Но помни — я бросаю тебе вызов, чтобы потом не вышло недоразумения.

— Сэм, — сказал дракон. — Бросьте,

— Бросить?

Сэм был поражен.

— Ну да, ведь это я.

— То есть как это — ты?

— Это я, Диммок.

— Диммок? Что же вы делаете в брюхе у дракона?

— Я не в брюхе у дракона, — сказал Диммок с раздражением. — Я и есть дракон.

— Откуда же вы тогда знаете, что вы Диммок?

— Знаю, и все тут. Откуда вы знаете, что вы — Сэм Пенти? И не думайте, что быть драконом — такое уж удовольствие: это все равно как если у тебя изжога от макуш-

ки до самых пяток.— Он закашлялся.— А к тому же — жара, дым...

— Как же это получилось?

— Волшебник Мальгрим заколдовал меня. Сперва он превратил шкипера в Красного рыцаря, а потом меня — в дракона.

— Но погодите,— сказал Сэм.— Ведь я должен вас убить, чтобы жениться на Мелисенте.

— Не валяйте дурака, Сэм,— поспешно сказал Димок.— Мы с вами всегда были друзьями. Ни к одному из наших художников я не относился лучше, чем к вам. Если вы считаете, что заслужили прибавки, я охотно поставлю этот вопрос перед правлением фирмы...

— Погодите,— сказал Сэм.— Прежде всего, я не намерен возвращаться на службу. А вы в таком виде все равно не можете поставить вопрос перед правлением, верно ведь? Спрашивается, что же мне теперь делать? Я поклялся бросить вызов дракону...

— Но при чем здесь я? Ступайте найдите настоящего дракона.

— Нет, вы и есть тот дракон, которого я должен одолеть. О других речи не было.

— Ладно, Сэм. Но ведь если вы устроите так, что меня расколдуют — или как это здесь называется — и я снова стану самим собой, а дракон исчезнет, какая, собственно, разница? Так что ступайте разыщите этого волшебника или второго, старика. Если нужно, я готов предложить одному из них место в правлении. По всей форме. Кажется, Пегги здесь? Я как будто слышал ее голос.— Он разинул чудовищную пасть и позвал: — Пегги! Пегги!

Кто-то промчался во весь дух по лесу. Конечно же, это была Пегги с блокнотом в руке. При виде дракона она несколько не удивилась, предоставив удивляться бедняге Сэму.

— Слушаю вас, мистер Диммок.

— Я продиктую вам письмо мистеру Пейли. «Дорогой Герберт! Место, откуда я пишу тебе, называется Перадор. Со мной случилась здесь маленькая неприятность...» — Он замолчал, видя, что Сэм не двигается, а Планкет, выйдя из леса, направляется к ним. — Ну, чего глаза вылупил, Сэм?

— Если бы вы увидели дракона, диктующего письмо секретарше, вы бы тоже вылупили глаза, — ответил Сэм.

— Ступайте-ка разыщите этих волшебников. Это не только в моих интересах, но и в ваших. Шкипер, помогите ему.

— Так, значит, это Диммок! — воскликнул Планкет. — Скажи, старик, ты и вправду чувствуешь себя драконом?

— Чувствовал до сих пор. И это было здорово противно, но теперь все прошло. Так вот, шкипер, вы с Сэмом должны устроить, чтоб меня расколдовали.

— Попробуем, старик. Но только нельзя, чтобы ты торчал здесь на поляне и диктовал письма. Все ждут, что Сэм тебя изничтожит. Придется тебе спрятаться в лесу, покуда ты еще дракон.

— Ладно. Только вы поскорее.

— Кстати, — сказал Сэм. — Поскольку это может иметь научное значение... Вы случайно не знаете, какой вы дракон? Ну, скажем, мечехвостый или копьехвостый...

— Я свирепый исполинский винтохвостый дракон, — сказал Диммок не без гордости...

— Надо будет поглядеть про них в книге, — сказал Сэм. — Ну так вот, мы, конечно, сделаем все возможное, но, ей-богу, нельзя вам лежать здесь все утро и диктовать письма. Пошли, шкипер.

— Ступайте, ступайте. Так на чем мы остановились, Пегги?

— «...со мной случилась здесь маленькая неприятность...» — повторила Пегги.

— Поставьте тут точку. Дальше: «Но, если мне повезет, все может обернуться к лучшему. Здесь есть волшебники, и не исключено, что один из них пожелает войти в правление. В этом случае надо будет, как мы не раз говорили, выставить вон старика Уоллеби, а заодно, видимо, избавиться и от Тукса...» Ну, чего вам еще?

Он бросил яростный взгляд на Сэма и Планкета, которые снова появились на поляне.

— Не гляди на нас так, старик, — сказал Планкет. — Ты забыл, что у тебя глаза как прожекторы.

— Мне нужно кончить письмо. Чего вам, ребята?

— Да вот не знаю, как быть с этим мечом, Диммок, — виновато сказал Сэм. — Ведь, если я вас убил, меч должен быть обогрен драконовой кровью. И ставлю десять против одного, что это особая кровь, старый Мелиот узнает ее с первого взгляда.

— Факт, — сказал Планкет. — Так что ты должен нам помочь, старик. Легкий надрез или два...

Может быть, Диммок просто хотел возразить, но это был поистине драконов рык, его наверняка слышали наверху, в замке, и, вероятно, воображали, что чудище уже в агонии.

— Не отвиливай, старик, это нечестно, — сказал Планкет с укоризной. — И не рычи так больше. Ужасно воняет серой.

— Ну, тогда сделайте где-нибудь маленькую царапину, — сказал Диммок.

— Ничего не выйдет, — сказал Сэм. — Судите сами. Ведь это все равно что пытаться поцарапать броню танка. Нужен глубокий надрез.

— Ну-ка, дайте сюда этот меч, — сказал Диммок, потеряв терпение. Своей огромной лапой он поднес меч к

пасти, отхватил лезвие почти по самую рукоятку и швырнул обломок к ногам Сэма.— Если уж это их не убедит, значит, их не убедишь ничем!

— Признаться, старик,— сказал Планкет,— я рад, что ты — Диммок. Теперь мы знаем всю эту механику, и если есть здесь человек, который слышать не хочет про драконов, так это капитан Планкет.

— Да уйдите вы наконец! На чем мы остановились, Пегги? Ах да, на Туксе. «Для нового дела, которое я задумал, Тукс никак не подходит, у него нет ни предприимчивости, ни настоящего размаха. Можно было бы взять на испытательный срок одного из волшебников и поручить ему финансовые операции и налоговые дела фирмы».

— Железный малый,— сказал Планкет Сэму, когда они ушли с поляны.— Только тут он, кажется, малость пережал. Надо бы полегче. Кстати, старина, расскажи-ка мне об этой Энн Датон-Свифт.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Слишком много неожиданностей

— Признаться,— сказала Энн Датон-Свифт Планкету,— я, как говорится, в колдовских делах ни бум-бум. Объясните, пожалуйста, дорогой шкипер, что тут было?

— Сию секунду, детка. Мальгрим примчался сюда, увидел, что Диммока и меня сцапали по приказу короля Мелиота, и выпросил у него разрешение взять нас в работу...

— То есть заколдовать вас?

— Вот именно. Меня превратил в Красного рыцаря, а Диммока — в дракона. И надо отдать ему справедливость — чистая была работка. Но старый Марлаграм — с виду-то он совсем развалина, а на самом деле малый не

промах — он тут же явился, хихикая, как полоумный, и побил Мальгримова туза.

— Только без этих карточных словечек, дорогой шкипер. Ненавижу бридж.

— И я тоже, — сказал Планкет. — Ничего не признаю, кроме покера. А говорил я вам... или... Ладно, как-нибудь в другой раз. Так вот, старый Марлаграм предсказал, что Перадору будут грозить две опасности — лютый Красный рыцарь и дракон, ну, король и согласился, что тот, кто их победит, женится на его дочери. А это значило, что дело в шляпе, Сэм может не беспокоиться.

— Так вот почему здесь так торжественно празднуют этот, как бишь его? Никогда не слыхала раньше этого слова... ах да, сговор. А Сэм очень мил в своем наряде, правда?

— Да, король немного помешан на костюмах, но сегодня и он не скажет, что Сэм одет черт знает как. Все по-перадорски!

Сэм, стоявший перед королем в ожидании Мелисенты, был в коротком плаще, камзоле и штанах в обтяжку. Правая штанина у него была зеленая, как незрелое яблоко, а левая — белая в зеленую полоску, камзол был нежно-розовый, а плащ — темно-зеленый.

— Будь у него ляжки потолще, — сказал Планкет, — ни дать ни взять актриса на мужских ролях в пантомиме. Должен вам сказать... Нет, лучше потом, дело терпит.

— Интересно, в чем будет Мелисента, — задумчиво сказала мисс Датон-Свифт.

— Что бы там ни было, а она заставляет себя ждать. Старый Мелиот теряет терпение. Поглядите на него. Еще минута — и он взорвется, а уж тогда кто-нибудь непременно угодит за решетку.

— Я не вижу ни одного волшебника, — сказала Энн, оглядывая переполненную банкетную залу.

— Наверно, заняты где-нибудь еще. Но глядите... что это там?

Главный герольд, неправильно истолковав нетерпеливый взгляд короля, начал:

— Слушайте! Слушайте! Слушайте! Его королевское величество Мелиот, король Перадора, повелитель Бергамора, Маррамора и Парлота...

— Нет! Нет! Нет! — взревел король. — Погодите начинать! Где наша дочь? Где эта несносная девчонка? Эй, кто-нибудь, ведите ее сюда. И если она еще не закончила свой туалет — все равно ведите! Мы больше не можем ждать.

Сэм уже давно не находил себе места, а тут он заметил, что среди фрейлин, которые, подобрав юбки, со всех ног побежали разыскивать Мелисенту, Нинет не было. Не было видно и Мальгрима.

А вдруг они замыслили что-нибудь недоброе? Марлаграм, конечно, знает, в чем дело, но и его тоже нет.

— Несите факелы, — приказал король. Было уже поздно, и за окнами почти стемнело.

Фрейлины прибежали назад, размахивая руками и визжа:

— Ваше величество, ваше величество, принцессы Мелисенты нигде нет! Она исчезла!

— Исчезла? Вздор! Обыщите замок. Обшарьте все. — Король Мелиот повернулся к своим советникам. — До чего ж похожа на мать! Сначала так и рвалась выйти замуж за этого типа, а теперь, когда мы дали свое согласие, исчезла перед самым сговором. Ну, вылитая мать!

— Государь, — внушительно начал главный советник, — я всегда считал, что женщины...

— И мы тоже, и мы тоже! — прервал его король. — Но найдите ее, найдите, обшарьте весь замок. А где волшебник? Если не можете найти нашу дочь, найдите хоть кого-нибудь из волшебников.

Сэм подошел к Планкету и Энн Датон-Свифт.

— Вы не видели старого Марлаграма? Нет? Ну, тогда все мы погорели, можете мне поверить. Десять против одного, что Мальгрим и Нинет снова что-то затеяли. Марлаграм! — крикнул он. — Где вы? Что с Мелисентой? Как мне ее найти?

— Ступай в темницу, в самый дальний угол.

Голос, тихий, но отчетливый, донесся словно издалека.

— Это вы, Марлаграм?

— Хи-хи-хи!

— Старик, ну ясно же, это он, — сказал Планкет. — Давай иди в темницу.

— Только смотри, Сэм, не испортить свой чудесный костюм, — сказала Энн.

— Да пропади он пропадом! Мне нужен факел. Ну, до скорого.

С факелом в руке Сэм протолкался через толпу, бурлившую вокруг него, бегом спустился по длинной лестнице и, задыхаясь, влетел в темницу. Торопясь пробраться в дальний угол, он забыл, какой здесь скользкий пол, шлепнулся на спину и, болтая ногами в воздухе, заскользил куда-то вниз. С ревом налетел ветер. Вокруг были огни, шум, толпы людей. Он с трудом поднялся на ноги в своем родимом мире — лучшем из миров, с позволения сказать. Встать ему помогли две девушки.

— Вот, Эдна, та самая расцветка, о которой я тебе говорила, — сказала одна из них. — Зеленая. Правда, миленькая?

— Где я? — спросил Сэм. — Что здесь происходит?

— Бросьте, кого вы хотите одурачить? Да еще в этом костюме!

— Он, наверно, из павильона консервированного горошка, — сказала Эдна. — Такой павильон в виде средневекового замка, помнишь?

— Послушайте, никого я не хочу одурачить. Наверно, когда я упал, у меня отшибло память. Где я и что тут такое? Похоже на «Олимпию» *.

— Непременно наберу себе такой материи,— сказала Эдна.— Так вот, если вы действительно все позабыли, это выставка консервированных и свежемороженых продуктов тысяча девятьсот шестьдесят первого года.

— Большое спасибо,— сказал Сэм.— А теперь мне нужно разыскать одну мою знакомую. Раз я здесь, значит, и она должна быть где-то поблизости. Привет!

К его облегчению, костюм его не привлекал особого внимания, если не считать улыбок нескольких девушек и кривых усмешек мужчин. Он задержался у палатки, где пухлая женщина демонстрировала моментальное приготовление сбитой яичницы по методу миссис Милкин. Как только она, перевернув сковороду, выложила дымящуюся яичницу на тарелку, шестеро зрителей, собравшихся у палатки, начали расходиться. Пухлая женщина неприязненно поглядела им вслед.

— Не знаю, как вам здесь понравилось,— сказала она Сэму, принимая его за одного из своих,— а только, по мне, они хуже дохлых кошек. Все говорили: «Вот погодите, приедем в Лондон». Ну, вот мы и в Лондоне, верно? Нет уж, лучше Манчестер и Бирмингем. Заелись они здесь, вот что. Не хотите ли закусить, дружок?

— С удовольствием,— сказал Сэм.— Я голоден.

— Тогда сделайте одолжение, съешьте вот это. Каждую минуту может подойти наш коммерческий директор, так пусть думает, будто кто-то пробовал яичницу.

Сэм взял вилку, а женщина тем временем круто посолила и поперчила свою стряпню. Когда она протянула ему

---

* Выставочный зал в Лондоне. — *Прим. перев.*

тарелку, на лице у него, должно быть, отразилось сомнение.

— Берите, яичница не так уж плоха. Правда, жидковата и малость припахивает, но у нас бывало и похуже. Если хотите запить, у меня под прилавком есть бутылка пива, только пейте быстро.

— А кто эта миссис Милкин?

— У нее фабрика яичного порошка в Нью-Джерси, дружок. Да еще вторая такая же строится в Портленде, штат Орегон. Сейчас достану пиво.

— Я ищу свою девушку, — сказал Сэм, расправившись с яичницей и быстро проглотив пиво. — Ее зовут Мелисента. Она блондинка, не крашенная, а настоящая и потрясающе красивая...

— Вот здорово!

— Она должна быть в средневековом костюме, как и я. Вы ее не видели?

— Сегодня за весь вечер я не видела ни одного симпатичного человека, дружок. — И она обратилась к женщине, которая в палатке напротив рекламировала консервированный омлет: — Что это с ними сегодня? Куда они все тащатся? Ах да, на конкурс тортов из полуфабрикатов. — Она повернулась к Сэму. — Вы бы лучше поискали ее на конкурсе тортов, дружок. Она, верно, где-нибудь там.

За павильонами у помоста с занавесом и двумя громкоговорителями по бокам толпился народ. Стоя поодаль, у самых павильонов, Сэм мог лишь смутно разглядеть четырех девушек на помосте, должно быть участниц конкурса; против них сидели в непринужденных позах еще человек пять-шесть, вероятно жури. Телевизионные камеры поворачивались во все стороны; из громкоговорителей сыпались милые шуточки, вроде сообщения о том, что наступил судный день; то и дело раздавались дурацкие аплодисменты, без которых не обходится ни одно подобное зрелище. Голос распорядителя показался Сэму знакомым. Нет, это просто

невероятно! Но сомневаться не приходилось — это был... Мальгрим.

— А теперь леди Нинет объявит решение жюри,— говорил он.— Леди Нинет, прошу вас.

И, конечно, снова аплодисменты.

Нинет словно всю жизнь только этим и занималась. Она держалась и говорила именно так, как требуется.

— Дорогие друзья, наше авторитетное жюри поручило мне огласить свое решение. Мы все до глубины души восхищены новым небывалым подъемом нашего кондитерского искусства и рады сообщить вам, что первая премия единогласно присуждена Мелисенте Перадор!

Снова аплодисменты.

— Благодарю вас, леди Нинет! — сказал Мальгрим.— Итак, по единогласному решению жюри, Мелисента Перадор объявляется Королевой Ореховых Тортов тысяча девятьсот шестьдесят первого года!

Приветственные крики, аплодисменты, свистки и рев фанфар, который изобразили три гвардейских трубача. Остолбеневший Сэм увидел, как Мелисенту, которая двигалась словно во сне, подтолкнули к микрофону.

— Поздравляем вас, Мелисента. Вы — Королева Ореховых Тортов тысяча девятьсот шестьдесят первого года. А теперь скажите, чего бы вы хотели.

— Вы знаете, что я хочу,— сказала Мелисента.— Я хочу к Сэму.

— Я здесь! — крикнул Сэм и рванулся вперед. Но тут по воле злой судьбы дорогу ему преградил павильон замороженных рыбных филе Фергюсона.

— Эй, куда тебя несет? — крикнул выскочивший из-за прилавка здоровенный грубый субъект, вероятно рыбак с траулера. — Погляди лучше, какие филе.

— Пустите! — Сэм оттолкнул его. И тут они сцепились. Палатка качалась, куски замороженного филе градом сы-

пались Сэму на голову. Сэм уже подумывал о том, что неплохо бы врезать этому наглецу хороший хук левой, как вдруг сзади его схватили за руки, кто-то огрел его по голове, и он потерял сознание.

— А теперь, когда вам стало лучше,— говорил полицейский инспектор,— попробуем начать сначала. Только, пожалуйста, без глупостей насчет всяких принцесс и драконов. Ваша фамилия?

— Альгрим,— сказал Сэм. На столе перед ним стояла чашка чаю. Видимо, в этот час в полицейском участке разносили чай — перед каждым полисменом тоже стояла чашка.— М. Альгрим.

Он отхлебнул от чашки.

— Пожалуйста, полностью. Что означает М.?

— Морис.

— Так. Морис Альгрим. Адрес?

— Северо-Запад, 9, Мелиот-террас, 10,— ответил Сэм без запинки.

— Где работаете?

— Я наладчик электронных вычислительных машин. Это очень ответственная работа. Машины иногда делают грубые ошибки, даже если хорошо налажены, а если не налажены, то они вытворяют бог знает что.

— Так же как и вы, мистер Альгрим,— сурово сказал инспектор. У него было длинное худое лицо, а глаза сидели так близко к носу, что он походил на огромное насекомое или на существо с другой планеты.— А еще такой солидный человек. Что вы делали в этом костюме на выставке и зачем затеяли скандал?

— Это долгая история,— сказал Сэм, лихорадочно придумывая, что бы такое сказать,— боюсь, вам будет неинтересно.

— Ничего, когда надоест, я сам скажу.

Инспектор поглядел на своих подчиненных, ожидая,

что они оценят его остроумие, и два молодых констебля хихикнули в свои чашки.

— Я одет так потому, что заменял своего двоюродного брата: он работает на выставке в павильоне консервированного горошка. Их в этом году одели в маскарадные костюмы. А на конкурс тортов я пошел, потому что в нем участвовала одна моя знакомая. Я увидел ее издали, и мне показалось, что ей дурно. Тогда я попробовал протиснуться поближе и крикнул, что я здесь. Вы ведь и сами на моем месте поступили бы так же, правда?

— Нет,— сказал инспектор.— Ну-с, а как началась драка?

— Я пробирался мимо павильона замороженного филе Фергюсона, а этот тип нагло схватил меня и спрашивает, куда меня несет, ну, мы с ним и сцепились. Но, заметьте, меня схватили за руки — меня, а не его! — и бацнули чем-то сзади, наверно мороженой треской, до сих пор голова гудит. Словом, насколько мне известно, только я один и пострадал.

— Да, насколько вам известно,— с расстановкой сказал инспектор. Судя по его тону, после этого побоища скончалось не менее полудюжины человек, в том числе женщины и дети.— Но ведь могут быть вещи, которые вам не известны, не так ли, мистер Альгрим? Однако на этот раз вы правы. Поскольку возмещения убытков с вас не требуют и служащие Фергюсона вообще нас не вызывали, а этот малый ничего толком объяснить не может, я вас отпускаю. Но смотрите, больше не впутывайтесь ни в какие истории, особенно когда на вас эти панталоны. До свидания, мистер Альгрим.

Когда Сэм вышел, его претивник, похожий на рыбака с траулера, стоял на мостовой возле огромного лимузина. Внутри сидели еще двое мужчин, тоже похожие на рыба-

ков, и три толстые женщины. Все они громко орали и визгливо хохотали, предвкушая ночную пирушку.

— Рад, что тебя выпустили, дружище, — сказал противник Сэма, протягивая ему руку. — Надеюсь, ты не сердись? Ну и хорошо, это в старом добром английском духе. Вот окажись у тебя нож, я бы сейчас глядел на тебя по-иному.

— А я бы глядел на тебя по-иному, если б врезал тебе хук левой, — сказал Сэм. — Но меня схватили за руки.

— Хука я ждал и был наготове. А их я не просил вмешиваться, ясно? Ну да ладно, все обошлось.

— А как филе?

— Да это все муляжи. Дай я еще разок пожму твою руку, дружище. Тебе случайно не в Гримсби?

— Нет, спасибо. Ей-богу, в первый раз вижу человека, которому в Гримсби.

— Ну, так мы поехали. Счастливо, дружище.

Сэм видел, как он сел в машину к своим развеселым друзьям. Он подождал, пока лимузин скрылся из виду, а потом побрел, сам не зная куда. Было далеко за полночь, и во всем Лондоне окна были закрыты ставнями так плотно, что казалось, они не откроются уже никогда. Накрапывало, в любую минуту мог хлынуть проливной дождь. Сэм чувствовал себя очень несчастным.

Вскоре ему стало совсем скверно. Перед ним тянулась Кромвел-роуд, бесконечная, словно жизнь, в конце которой тебя ждет либо пенсия и тоскливые поездки в Борнемут*, либо смерть. У Сэма разламывалась от боли голова, и вдруг у него мелькнула ужасная мысль, что вовсе он не явился сюда из Перадора, чтобы найти Мелисенту, что никакой Мелисенты вообще нет и Перадора нет тоже, что все это ему только приснилось, померещилось с перепоя после

---

*Морской курорт на юге Англии. — *Прим. перев.*

слишком бурной ночи в «Вороном коне» или в Артистическом клубе в Челси. Должно быть, он просто-напросто слишком долго фантазировал над этим эскизом для «Чулка прекрасной дамы» — вот и все. Король Мелиот и оба волшебника, турнир на залитом солнцем поле и дракон на тенистой лесной поляне, даже сама Мелисента — все быстро побледнело в его памяти. Реальна была лишь эта тьма, этот дождь, эта бесконечная, унылая Кромвел-роуд. Он готов был заплакать.

Показалось такси. Соображая, наскребет ли он мелочи, Сэм хотел сунуть руку в карман штанов. Но рука лишь скользнула по мокрой штанине. Ах да, камзол и штаны в обтяжку! Что ж это все-таки значит? Ведь он уже не в первый раз обнаруживает на себе маскарадный костюм. Прежде чем он успел решить эту загадку, такси остановилось.

— Да ведь вы заняты, — разочарованно протянул Сэм.

— Пассажирка возражать не будет, — сказал шофер. — Хи-хи-хи!

— Марлаграм?

— Ах, милый, ну садись же скорей! — воскликнула Мелисента. — Боже, да ты весь промок.

— Но как.. что... где... почему?..

— Куда прикажете, сэр? — спросил Марлаграм, чересчур усердно играя свою роль таксиста.

— Два раза вокруг парка, а потом напрямик в Перадор, — радостно сказал Сэм.

— Вокруг какого парка?

— Все равно.

Около Риджент-парка их остановил полисмен.

— Предъявите водительское удостоверение, — сказал он Марлаграму.

— Пожалуйста, хи-хи-хи! Но почему только одно? Вот

вам пятьсот штук, приятель! А вы, влюбленные голубки, готовы отправиться в Перадор?

— И тут,— рассказывал потом подлисен сержанту, заглядывая в свой блокнот,— шофер швырнул мне целую кучу бумажек и исчез вместе с двумя пассажирами, а около меня осталась пустая машина, так что не было никакой возможности установить, кто же вел и кто в ней ехал. Я говорю сущую правду, сержант, это так же верно, как то, что я сейчас стою перед вами. Ах да, чуть не забыл. Мне кажется, он сказал, что все они отправляются в Перадор.

— А теперь я скажу тебе, куда ты отправишься, малый, если будешь таким ротозеем... — начал сержант.

Но какое нам до них дело? Давайте-ка лучше и мы отправимся в Перадор.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Сделка с волшебниками

В домике, где жили Марлаграм и Мальгрим, наступил час завтрака. Марлаграм вошел в маленькую столовую, сел и, как бы обращаясь к невидимому официанту, сказал:

— Тарелку овсянки, да поживей!

Тарелка — и довольно большая — мигом появилась на столе, и Марлаграм принялся есть, противно чавкая и роняя кашу себе на бороду. Его племянник Мальгрим пришел чуть попозже и, сядя за стол, с презрением взглянул на неопрятного старика.

Это нисколько не смутило Марлаграма.

— Съешь и ты тарелку овсянки, племянник,— сказал он.

— Ну нет, клянусь великим Вельзевудом! — Мальгрима передернуло. — Стану я есть эту пакость! — Он устремил пристальный, сосредоточенный взгляд в пустоту над

столом. — Утку с зеленым горошком, — резко приказал он. — И бутылку бордо. — Он подождал несколько минут, но безрезультатно. — Ты что, не слышал меня? Я хочу утку с зеленым горошком и бутылку бордо.

— Хи-хи-хи! — Марлаграм поднял ложку. — Тарелку овсянки, да поживей!

Перед Мальгримом тотчас появилась овсянка. Он вскочил и сказал сердито:

— Ну, дядюшка, это уж слишком! Мы ведь уговорились раз и навсегда: какие бы профессиональные приемы мы ни пускали в ход друг против друга, домашних дел это не должно касаться. Вы нарушили договор.

— А кто первый начал нарушать договоры? Ты, племянничек.

— Вы бы хоть кашу вытерли с бороды.

— Ну нет, не увиливай. Вчера вечером, когда король Мелиот назначил помолвку, ты проиграл, а я выиграл. Ты думал, племянник, у тебя преимущество в целый ход, хи-хи-хи! Примчался сюда, превратил одного из этих олухов в Красного рыцаря, другого — в дракона, а сам все время работал на меня и даже не подозревал об этом. Ведь верно?

— Да, признаться, тут вы все ловко устроили, — буркнул Мальгрим. — Видно, я недооценил вас. Но...

— Постой, племянник, я еще не кончил. И потом, ты — против всех правил — расстроил сговор, хитростью заманив бедняжку Мелисенту в другой мир. И только я подумал, что наконец-то можно немного передохнуть — приходится опять лететь сломя голову и выбиваться из сил. Я даже прикинулся погонялой в повозке без лошади — уверен, тебе такое и не снилось. Ты играл нечестно и сам это знаешь. Чем же ты лучше какой-нибудь из подручных феи Морганы, этих мерзопакостных ведьм, они тоже играют без правил! Мне стыдно за тебя, племянничек. Так что

или ты съешь овсянку — кстати, она тебе совсем не повредит,— или останешься без завтрака.

— Ну и прекрасно, я не голоден.

— И вот еще что, племянник. Как ты думаешь, куда запропастилась эта твоя Нинет, а? Хи-хи-хи! Ты, кажется, искал ее сегодня все утро?

— Так это вы, дядя... — сердито начал Мальгрим.

— Видел большое стадо гусей возле замка? — прервал его Марлаграм.— Хи-хи-хи! Ищи ее там.

Мальгрим снова вскочил со стула.

— Ах вы, бессовестный старый...

— Сядь, племянник. Там этих гусей сотни две или три — до ночи с ними провозишься. Я расколдую ее, как только мы покончим с делом. И конечно если ты мне поможешь расколдовать Диммока.

— Ха-ха! Так вы про него не забыли? Положение не из легких, а?

— Все было бы в порядке, племянник, не вмешайся ты снова вчера вечером. Из-за того, что Мелисенты вчера вечером не оказалось на месте, король Мелиот теперь гневается: нет, говорит, доказательств, что Сэм действительно убил дракона. А все из-за тебя. Словом, придется нам теперь заняться Диммоком, иначе дело не пойдет. Сюда как раз идут Сэм и капитан Планкет.

— Неужели? А вы откуда знаете?

— Как откуда? В конце концов, волшебник я или нет? Да и вообще тебе до меня далеко. Но зато, если у тебя будет сын или племянник, им будет далеко до тебя. Наша профессия — не для дураков, запомни это. Вот почему в ней наблюдается регресс вместо прогресса. А стало быть, чем старше волшебник, тем выше он среди своих братьев. Иначе и быть не может.

— Но вы понимаете, что это значит? — серьезно сказал

Мальгрим.— Да ведь этак при неуклонном регрессе через несколько сот лет...

— Волшебники измельчают и превратятся в жалких дилетантов! — подхватил Марлаграм.— Да, к тому времени люди и верить перестанут в наше бывшее могущество. Но тут уж ничего не поделаешь. Регресс есть регресс. Входите, входите! — воскликнул он. Вошли Сэм и Планкет.— Садитесь, пожалуйста. Чего бы вы хотели выпить?

— Две двойные мальвазии,— сказал Планкет.

Марлаграм уставился в пустоту над столом.

— Две большие чаши мальвазии, живо!

Вино тотчас появилось.

— Вот это сервис,— сказал Планкет с восхищением. — А не могли бы вы раздобыть мне сигару, старик?

— Только не здесь,— сказал Марлаграм.— И не сейчас. Для этого должно пройти еще много сот лет.

— Жаль. Ну что ж, ваше здоровье! — И, выпив чашу почти до дна, он продолжал: — Ну, Сэм, старина, выкладывай.

— Так вот,— сказал Сэм.— Все очень просто. Нужно расколдовать Диммока и сделать так, чтоб король поверил, что я победил дракона. В конце концов, я ведь не знал, что дракон — Диммок, когда вызывал его на бой. Стало быть, не такой уж я обманщик.

— Ясное дело,— сказал Планкет.— Кому могло прийти в голову, что эта помесь паровоза с крокодилом — наш приятель Диммок? Ей-ей, Сэм держался молодцом, а раз так, значит, он молодец и есть. Но кто же в это поверит, если дракон болтается по соседству и диктует письма своей секретарше!

— Не тратьте слов понапрасну,— сказал Марлаграм.— Я хочу создать фирму, и мы уже столковались. Стало быть, мне не меньше, чем вам, нужен Диммок, а не дракон. Но все это совсем не так просто...

Он замолчал в нерешительности.

— Джентльмены,— сказал Мальгрим с самой изысканной улыбкой.— Я объясню, почему мой дядя мнется и не решается договорить. Он не может без моей помощи вернуть Диммоку его прежний облик.

— Будь у меня побольше времени — вернул бы.

— Может быть. А может, и нет. Но время не терпит, дорогой дядюшка.

— Это правда,— сказал Сэм.— Дракону давно пора исчезнуть.

— А я помогу вам только в том случае, если вы примете мои условия,— продолжал Мальгрим невозмутимо.— Я хочу войти в правление новой компании. И, кроме того, дядя, вы должны вызволить Нинет из гусиного стада.

— Ах, так вот она где! Ну и поделом ей! — сказал Сэм.— Ох, уж эта Нинет! Да и вы тоже хороши! «Королева Ореховых Тортов тысяча девятьсот шестьдесят первого года!» Что за дурацкая выдумка!

— Да нет, просто шутка,— сказал Мальгрим.— Для разнообразия, чтобы как-то развлечься среди суровой действительности. Но вы слышали мои условия, джентльмены?

Сэм умоляюще поглядел на старого волшебника.

— Магистр Марлаграм, прошу вас...

Но, прежде чем он успел договорить, появилась Мелисента, словно по мановению волшебной палочки.

— Магистр Марлаграм,— сказала она,— вы нам помогали, и мы очень благодарны вам за это, но зачем же теперь все портить!

— Одну минутку,— сказал Марлаграм с тревогой.— Вы как сюда проникли?

— И я как раз хотел спросить то же самое,— сказал Мальгрим.

— Вы не могли войти сюда сами.

— И никто не может без нашего позволения. В конце концов, мы ведь волшебники.

— Так кто же вам помог?

Мелисента улыбнулась.

— Ну, если вас это интересует, в замок только что пришла моя троюродная сестра, а она — ученица феи Морганы.

— Что-о? — Марлаграм с Мальгримом разом подскочили и быстро заговорили, перебивая друг друга:

— Племянник, мы не потеряем здесь молодую колдунью...

— На последней конференции в Авалоне эта территория была отдана нам безраздельно...

— Но ты ведь знаешь женщин, племянник. Слушай, нам надо объясниться. Диммок, дракон, дела компании и все прочее...

— Правильно, дядя. И тогда станет ясно, кто имеет право колдовать на этой территории.

— Извините нас, мы ненадолго. Ну-ка, племянник, раз, два, три...

И они исчезли.

Мелисента засмеялась и села на стул.

— Я так и думала, что мне живо удастся их спровадить. Нет у меня никакой троюродной сестры, которая училась бы у феи Морганы. И вошла я сюда без всяких помех, — наверно, невидимый демон, который следит за домом, чем-нибудь расстроен сегодня. Ну, разве я не умница, Сэм, милый?

— Да, Мелисента, дорогая, — сказал Сэм, который никак не мог прийти в себя от удивления.

— Понимаешь, старик, надо держать ухо востро, всякая женщина становится колдуньей, когда захочет, — сказал Планкет. — Ну ладно, давайте-ка испытаем этого невидимого демона. — Он пристально уставился в пустоту при-

мерно в трех футах над столом и повелительным тоном сказал: — Хочу еще большую чашу мальвазии.

Целая бутылка вина вылилась ему прямо на голову. Откуда-то сверху раздался демонический хохот. Мелисента тоже прыснула, а Планкет плевался и шипел от злости. Потом Мелисента серьезно поглядела на Сэма.

— Дорогой, как только эта история с драконом будет улажена и отец успокоится, нам придется решать, где будет свадьба, и потом, конечно, какой наряд мне надеть.

— Насчет наряда уж ты сама решай, — сказал ей Сэм.

— Не беспокойся, милый, я так и сделаю.

— А что до свадьбы, — продолжал Сэм, — так я думаю, пусть она будет вроде бы смешанной. Я хочу сказать, два мира так смешались, что на свадьбе должны быть гости из обоих.

— Вот это правильно, старина, — сказал Планкет, который уже успел вытереться. — Кстати, это пойдет на пользу новой компании.

— Какой компании? — спросила Мелисента.

— Это скучные деловые разговоры, дорогая. Дела представь нам.

На миг в комнате стало темно, все вокруг закачалось, и появились оба волшебника; они тяжело дышали, но улыбались.

— Чистая работка. Хи-хи-хи! Диммок сейчас будет здесь. Мы оставили на поляне драконову голову, чтобы король Мелиот мог на нее полюбоваться. Он туда пойдет, Сэм. Это мы тоже устроили. Хи-хи-хи!

— А теперь я могу открыть вам, — сказала Мелисента, — что никакой колдуньи в замке нет. — Я просто подшутила над вами. Но в чем дело? Отчего вы глядите на меня так, будто у меня нос блестит?

Марлаграм рассмеялся.

— Вы ошиблись всего на один день, принцесса. Молодая колдунья прибывает завтра.

— Она увидела Сэма в волшебном зеркале,— сказал Малыгрим многозначительно.

— Как? — Мелисента пришла в ужас. Она крепко схватила Сэма за руку.— В таком случае его она здесь не увидит. Но зато увидит меня, и если она вообразила, что может явиться сюда и...

Тут вошел Диммок, запыхавшийся, красный и взволнованный.

— Прошу прощения... принцесса Мелисента... джентльмены... Но знаете ли, когда вдруг перестаешь быть драконом и пулей вылетаешь из леса, это, скажу я вам...

— Пойдем, Сэм, милый,— сказала Мелисента.— Тебе нужно поговорить с папой, а потом мы решим насчет свадьбы.

И она увела его.

— Ну-с, джентльмены,— сказал Диммок, садясь.— Прежде чем перейти к делам, я бы не прочь выпить.

— Непременно,— сказал Марлаграм.— Ну-ка...

— Обождите,— запротестовал Планкет,— лучше обойдемся без услуг невидимого демона. Он нечисто работает. Нет ли другого способа?

— Отчего же нет? — сказал Малыгрим. Он хлопнул в ладоши.

— Да, сэр? — сказала буфетчица, входя.— Что вам подать?

— Вот так-то лучше,— сказал Планкет.— Два двойных шотландских, Куини. А погодка-то опять разгулялась, правда?

— При всем своем уважении к волшебникам,— сказал Планкет, когда буфетчица вышла,— я считаю, что и в колдовстве нужно знать меру. Я говорю — уберите своего невидимого домашнего демона. Я предлагаю — никакого кол-

довства в неурочное время. Куини нас вполне устраивает.

— Но ведь это тоже колдовство,— сказал Мальгрим небрежно.— Она уверена, что сидит в «Вороном коне», ждет, пока придет время открывать бар, и фантазирует. А может, она и впрямь фантазерка.

— Может, все мы фантазируем,— сказал Планкет.— Поневоле призадумаешься, верно?

— Пустяки,— сказал Марлаграм.— Поставьте бокалы на стол и ступайте,— обратился он к буфетчице, которая принесла виски.

Как только она вышла, Диммок спросил:

— Ну, кто будет председательствовать?

— Я,— сказал Марлаграм,— хи-хи-хи! Ведь я старше вас всех.

— Превосходно,— сказал Мальгрим.— Так вот, господин председатель, мои предложения. Господа Марлаграм и Мальгрим входят в правление новой компании, в которую преобразуется фирма «Уоллеби, Диммок, Пейли и Тукс». Уоллеби и Тукс выводятся из правления, и учредительские акции передаются Марлаграму и Мальгриму. Новая фирма будет именоваться «Марлаграм, Мальгрим, Диммок и Пейли»...

— Ну нет, господин председатель,— сказал Диммок с некоторым раздражением.— Я готов признать ваше старшинство, но меня слишком хорошо знают в рекламном мире, чтобы — при всех исключительных способностях мистера Мальгрима — мое имя стояло после его имени. Предлагаю, чтобы новое агентство именовалось «Марлаграм, Диммок, Мальгрим и Пейли».

— Согласен,— сказал Марлаграм.— Так что, я думаю, нечего и голосовать. Хи-хи-хи! И давайте назначим капитана Планкета главным управляющим нашего филиала — туристского агентства, которое будет именоваться «Марлаграм, Мальгрим и Диммок», идет?

— Идет,— сказал Диммок.— Но как вы пронюхали об этой идее?

— Ведь мы же все-таки волшебники,— сказал Мальгрим.

— Да,— сказал Планкет,— и с вами, ребята, мудрено будет запутать счета.

— И вот еще что, господа,— старый Марлаграм ожил,— все, что дадут Англия и Перадор, мы делим поровну. Но из прибылей с Шотландии и Оркнейских островов я претендую на семьдесят пять процентов. У меня там большие связи.

Мальгрим тоже оживился.

— А я не соглашусь меньше чем на шестьдесят пять процентов прибылей, которые даст Уэльс и еще Лайонесс.

— Но ведь такого места нет,— возразил Диммок.

— Нет, в этом мире есть.

— Нам будет нелегко его рекламировать в нашем мире.

— Напротив,— сказал Мальгрим.— Побывать в краю, которого больше нет,— что может быть заманчивее.

— Правильно,— сказал Планкет.— Трехдневное путешествие в Лайонесс, полный пансион и осмотр всех достопримечательностей. Блеск!

— К порядку, к порядку, джентльмены! — воскликнул Марлаграм.— Так на чем мы остановились? Какой следующий вопрос на повестке дня?

— Господин председатель,— сказал Диммок.— Скажу вам прямо, я не могу плодотворно работать без сигары.

— Не выйдет, старик,— сказал Планкет.— Я уже пробовал. Еще много сот лет...

— Никогда не поверю, чтобы два первоклассных волшебника не смогли раздобыть нам парочку сигар.

И Диммок взглянул на волшебников.

— Что ж, попробуем,— милостиво согласился Марлаграм.— Ты готов, племянник? Тихо, друзья.

Волшебники закрыли глаза и что-то забормotalи. Через несколько секунд на стол упали две небольшие черные сигары.

— Бразильские,— сказал Планкет, осматривая сигару.— Что ж, видел я сигары получше, видел и похуже. Дай-ка огоньку, старик.

Скоро в комнате было полным-полно дыма, и дело пошло на лад.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Свадебный пир

Свадьба Сама и Мелисенты была, пожалуй, самой трудной задачей, какую спокон веку доводилось решать волшебникам: все оказалось таким трудным, что Марлаграму с Мальгримом, хоть они и действовали заодно, пришлось просить помощи у феи Морганы. Нужно было по крайней мере на три часа соединить оба мира от кабинета Диммока до банкетной залы в замке короля Мелиота. Волшебники составили невиданно длинный стол, который протянулся из одного мира в другой. Современный его конец был сервирован довольно строго и небогато, гости, официанты и официантки — все только в черном и белом, а угощение скудное; зато перадорский конец стола буквально ломился от кабаньих голов, жареных павлинов и лебедей, окороков, целых замков из миндаля в меду, кувшинов и чаш, причем платье гостей и даже слуг поражало своей пышностью и великолепием. Румяные перадорские слуги разливали по чашам целые галлоны вина и пива, весело смеялись всякой шутке, а на современном конце меланхоличный официант и усталая, насупленная официантка с нескрываемым отвращением наливали что-то бесцветное в маленькие рюмочки. Капитан Планкет, старый шкипер, предвидя столь существенную разницу, исхлопотал для

себя и для Энн Датон-Свифт приглашение сидеть на перадорском конце стола. Невеста в белом парчовом наряде была прекрасна, как принцесса из волшебной сказки, что, кстати, нисколько не противоречило истине. У Сэма был удивленный вид, словно он все еще не мог понять, что же все-таки происходит. Король Мелиот был пьян, но мило-стиво и ласково улыбался незнакомым людям, одетым черт знает как.

Диммок, сжимая в руке толстую пачку исписанных на машинке листков, вот уже двадцать минут силился провозгласить тост за Перадор. Нелегко соединить трагический надрыв с бессвязным бормотанием, но Диммок, провозглашая тост, преуспел и в том и в другом, отчасти потому, что страницы были перепутаны, отчасти же из-за пневматических дреелей, которые все время прерывали его своим грохотом.

— И... э-э-э-э... заканчивая это краткое приветственное слово... поскольку я, конечно, никак не предполагал, что мне... э-э... выпадет счастье поднять этот тост... в заключение я... э-э... хочу заверить всех наших перадорских друзей... — Тут Диммок снова зашелестел своими страничками, — ...что если когда-нибудь они захотят побывать у нас... мы, со своей стороны, будем счастливы... э-э... показать им все, что у нас есть... и объяснить как можно понятнее сущность всех этих... э-э... поразительных достижений, которые свидетельствуют... э-э... о прогрессе и торжестве великой современной цивилизации. Позвольте же мне...

Но тут пневматические дрели, видимо собравшись с силами, загрохотали снова. Диммок в бешенстве отшвырнул свои листки и опустился на стул. Дрели тотчас смолкли. Тогда он схватил листки и встал, но дрели опять загрохотали. Он сел, не в силах больше бороться, и дрели смолкли.

— От имени Перадора ответный тост произнесет магистр Марлаграм, — объявил король Мелиот.

Старый волшебник выскочил откуда-то снизу, словно чертик из шкатулки.

— Ваше величество, леди и джентльмены, хи-хи-хи! Выслушав получасовую речь нашего друга мистера Диммока, я буду очень краток. Если он или другие наши друзья в его мире устанут от своего прогресса — хи-хи-хи! — и достижений цивилизации, если они захотят покоя и тишины, хорошей еды и вина, чистого воздуха, спокойной беседы, крепкого сна, захотят отдохнуть от радиации, которая пожирает мозг в их костях, мы со своей стороны сделаем все, что в наших слабых силах, чтобы они у нас не скучали. Бла-го-да-рю за вни-ма-ни-е, хи-хи-хи!

Марлаграм сел, все еще хихикая, и все зааплодировали, только Мальгрим поглядел на него неодобрительно.

— У вас на бороде желток и крошки пирога, — сказал он сурово. — И речь ваша никуда не годится — содержание убогое, да и стиль хромает. Увы, я разочарован. Ни одного каламбура!

— Тише, дорогой, — сказала Нинет. — Видите — король встал!

— Тост за здоровье невесты и жениха провозгласит капитан Планкет, если только он еще не упился вконец, — объявил король Мелиот.

Старый шкипер с помощью Энн Датон-Свифт неуверенно поднялся, устоял на нетронутую кабанью голову, потом, выпучив глаза, оглядел собравшихся и громко откашлялся.

— Ваше величество, принцесса Мелисента, сэр Сэм, друзья, — начал он. — Я буду краток, так как кое-кто здесь, мне кажется, явно хватил лишку.

— Нет, что вы! — воскликнула буфетчица. — Что вы, ик-ик... ах, простите!

Эта заминка, каковой он не преминул воспользоваться,

дала Планкету возможность слегка подкрепиться. Затем он устремил мутный взгляд в сторону невесты и жениха.

— Принцесса и Сэм говорят, что будут жить в обоих мирах. Что правда, то правда. Ловко придумано. Я сказал — ловко придумано, — повторил он, повывисив голос, словно кто-то ему возражал, и сверкнул глазами, ни на кого не глядя. — Я тоже буду жить и тут и там. Я сказал: я тоже. Помню, сколько было болтовни о том, что есть, мол, только один мир. Нет. Нет, нет и нет! — Он погрозил кулаком Диммоку, Герберту Пейли, миссис Диммок, миссис Пейли, Филипу Спенсеру-Смиту и его знакомой по имени Пенелопа Дилл, которая прыснула со смеху. — Ничего смешного! Дело серьезное. Я говорю — есть два мира. И принцесса с Сэмом говорят то же. Есть, конечно, разница в один день. На этом конце стола — среда, а на том — вторник. Ну и что из этого? Кого это волнует? Подумаешь — пусть даже будет две субботы на неделе и ни одного понедельника. Однажды в Коста-Рике я чуть не две недели кряду думал, что на дворе четверг, — отрастил бороду и почти что выучился играть на мандолине. Ладно, расскажу вам об этом как-нибудь в другой раз. — Он взял со стола кувшин и опорожнил его с громким бульканьем. — Ну вот, кажется, и все. Тост? Правильно!.. — Он нахмурился, с трудом ворочая языком. — А теперь пускай счастливая парочка пожелает счастья и всяческих благ всем нам. Итак — за наше здоровье!

Гости встали и выпили за новобрачных. Все аплодировали и кричали «ура», только Пенелопа Дилл все хихикала.

— К сожалению, я не привыкла говорить речи, — спокойно сказала Мелисента. — Поэтому, выражая вам обоим свою признательность и за любезный тост и за то, как он был встречен, я попрошу ответить моего супруга.

— Благодарю, благодарю вас всех, — сказал Сэм, взглянув сначала на один, а потом на другой конец стола. —

Я лучше всех сознаю, что не достоин руки и сердца прекрасной принцессы. Я не так уж умен. И не так уж храбр. Просто мне повезло. О себе могу сказать только одно: когда великий день настал, я сразу понял, хоть мне никто об этом и не говорил, что наконец-то наступило тридцать первое — славное тридцать первое июня.

Король Мелиот подождал, пока стихнет шум.

— А теперь,— сказал он с сомнением в голосе,— мистер Лэмисон споет нам под аккомпанемент лютни песню «Черный рыцарь взял мое сердце в полон».

Ну что ж, простимся, читатель.

СОДЕРЖАНИЕ

Еремей Парнов. Опыт антипредисловия	5
Айзек Азимов. Остряк. Перевод с английского Н. Евдоки- мовой	21
Станислав Лем. Автоинтервью. Перевод с польского Р. Тро- фимова	40
Эрвин Дертян. Блеск и нищета кибернэросов. Перевод с венгерского Т. Воронкиной	46
Роберт А. Лафферти. Неделя ужасов. Перевод с английского Р. Померанцевой	71
Роберт Артур. Упрямый дядюшка Отис. Перевод с англий- ского Н. Евдокимовой	80
Карел Михал. Домовой мостильщика Гоуски. Перевод с чеш- ского И. Чернявской	92
Роберт Шекли. Где не ступала нога человека. Перевод с английского Н. Евдокимовой	107
Ален Норс. Эликсир Коффина. Перевод с английского Э. Кабалевской	126
Стефан Вайнфельд. Пьяница. Перевод с польского Э. Вадов- ской	148
Фредерик Браун. Планетат — безумная планета. Перевод с английского Н. Евдокимовой	159
Фредерик Уоллес. Из двух зол. Перевод с английского Н. Евдокимовой	180
Илия Поповски. Репортаж из далекого будущего. Перевод с сербохорватского Г. Марковича	223
Боб Оттум младший. Много шума из ничего. Перевод с ан- глийского В. Сечина	226
Альберто Моравиа. Челестина. Перевод с итальянского Г. Богемского	230
Рассел Мэлони. Несокрушимая логика. Перевод с англий- ского Г. Волчека	238
	403

Примо Леви. «Мимете». Перевод с итальянского Л. Вершина	248
Джон Б. Пристли. 31 июня. Перевод с английского Ф. Протасова и В. Хинкиса	256

Тридцать первое июня

Редактор *Е. Ванслова*. Художник *В. Янкилевский*.
Художественный редактор *Ю. Максимов*.
Технический редактор *Т. Чечик*.

Сдано в производство 15/I 1968 г. Подписано к печати 22/IV 1968 г.
Бумага № 2. 70×108¹/₃₂—6,31 бум. л. Печ. л. усл. 17,68. Уч.-изд. л. 17,48.
Изд. № 12/4724. Цена 91 коп. Зак. 722.

Издательство «Мир». Москва, 1-й Рижский пер., 2.

Ярославский полиграфкомбинат Главполиграфпрома Комитета по печати
при Совете Министров СССР. Ярославль, ул. Свободы, 97.

